

# Illusion

Igor Grygorian

# Игорь Григорьян

## Иллюзия

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=19405381](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19405381)

### Аннотация

... – Это совсем не просто. Контролировать свои мысли – самая тяжелая работа из всех, известных мне, – дракон на мгновение замолчал, – наверное, поэтому, люди и избегают ее, как огня.

– Почему это так тяжело?

– Потому что контролируя свои мысли, ты контролируешь самую что ни на есть настоящую и действительную реальность. Поэтому это так тяжело.

– Но выкопать яму в заледевшей земле, наверное, не легче?

– Вся остальная работа, кроме контроля и управления своими мыслями, не идет в счет. Копание ямы, например, хоть с первого взгляда и может показаться тяжелым физическим процессом, но по своей сути не изменяет ничего во Вселенной. Выкопав яму, ты изменяешь лишь кажущееся тебе реальным Пространство. Ты заменяешь одну невесомую и ничего не значащую иллюзию существования Пространства без ямы на другую иллюзию, но уже с ямой. А в настоящей Вселенной так ничего и не поменялось. И количество земли осталось прежним. Поэтому выкопав яму, ты можешь разве что утомить свое тело. Утомить одну выдумку тем, что якобы изменяешь другую. Ведь и тело, ограниченное

кожей – такая же иллюзия, как и все остальное Пространство, ограниченное Сознанием. Вот так и выходит, что если уж что-то и изменять, то только мысли. Со всем остальным они справятся сами, без участия твоего физического тела. И с ямой в том числе. Всегда найдется тот, кто предпочтет копать, а не думать.

– Поэтому и говорят, что мысли материальны?

– Почему так говорят, я не знаю, – Артак усмехнулся, – но именно мысли и материальны. Остальная материя – миф.

– Но ведь если задуматься... – я встал, почему-то схватился за голову и прошел пару шагов вперед, – но ведь если задуматься, исходя из того что ты сказал, то нет ничего, кроме меня самого? – я остановился и уставился в пустоту, не зная где находится мой собеседник.

– Нет, конечно нет. И более того – никогда и не было, – голос, казалось, был доволен моим выводом, – и никогда уже и не будет, – после небольшой паузы добавил он, – а если точнее, то и никогда нет. Ведь правильно говорить можно только в настоящем времени. Это твой Мир. Твой и каждого кто в нем.

– И ударив бездомного пса...

– Ты наносишь удар в самое свое сердце, – голос говорил как никогда серьезно.

– И помогая незнакомцу на дороге...

– Ты протягиваешь эту руку себе самому, через все существующее в человеческом понимании Пространство и Время, – он повторил слова, видимо, показавшиеся ему важными, – ведь никого, кроме тебя нет и никогда не было. И никогда не будет, – Артак опять усмехнулся и замолчал...

Я зашел в зоопарк не потому что люблю животных в клетках. Просто он был мне по пути и, вместо того чтобы сесть в такси и отправиться домой, немного поколебавшись, а стоит ли, я купил входной билет и направился к воротам.

Большая белая акула подплыла к входу и внимательно посмотрела на меня. Ее глаза были черные и блестящие, будто вскрытые лаком. Больше всего они напоминали черные пуговицы на моей куртке – такие же твердые и неживые. Или черные глаза – бусинки на детском плюшевом медведе. С той лишь разницей что медведь в детстве был игрушечный, а акула сейчас что ни на есть настоящая. Факт. Она распахнула пасть и неожиданно произнесла:

– Добро пожаловать в зоопарк. И, хотя, лично я, например, с большим удовольствием вас бы съела, но не голодна. Завтракала.

Черные бусинки при этом отсвечивали глянцевым лаком.

– Благодарю вас, – вежливо ответил я, и повернувшись боком протиснулся в калитку.

– Знаете, а билет можно было и не покупать, – акула двигалась рядом, то заплывая вперед, то возвращаясь в мою акваторию, – ведь контроллеров на входе нет. Их здесь никогда и не было, а турникет поставили специально для сомневающихся в своем праве заглянуть сюда. Знаете, есть такие люди, которым обязательно надо купить билет чтобы куда-ни-

будь зайти, – она посмотрела на меня оценивающе, будто хотела понять не отношусь ли я к таким, – они думают что без билета их не пустят.

Глаза, не мигая, смотрели прямо на меня.

– Вы можете вернуть его в кассу, – добавила она, кивая на кусок раскрашенного картона в моей руке.

Билет был ярким с гармонично подобранными красками и мне не хотелось с ним расставаться. И да, в чем-то она была права – он как бы давал мне официальное разрешение пройти внутрь, хотя никто у меня это разрешение не спрашивал. Есть у меня билет или нет – интересовало только меня.

В это же время сам Билет скривился в моей руке, что должно было означать ужас при мысли о том что его вернут в кассу и плотно обхватив мой палец колючим картоном, бурным смешением красок на своей поверхности изобразил свое негодование по этому поводу.

– Мы, Билеты, рождаемся на свет когда нас покупают и умираем сразу же, как только нас выкидывают или возвращают. Я не хочу умирать в младенчестве, – судя по всему Билет был настроен весьма решительно, – не возвращайте меня!

Акула молча наблюдала за мной в ожидании ответа.

– Благодарю вас за совет, однако если до вашего появления я сомневался, стоит ли вообще заходить сюда, знаете ли, не люблю животных в клетках, то сейчас точно предпочту оставить его на память, – я поспешно засунул тут же успо-

коившийся билет в карман. Он сразу отпустил мой палец и, как мне показалось, даже удовлетворенно крикнул из своего убежища.

– Важно только то, что помнится и без напоминаний, – акула посмотрела на меня многозначительно, как бы сомневаясь, а стоит ли вообще продолжать разговор, и добавила:

– Только оно и существует.

Втроем мы проследовали на территорию зоопарка и калитка тут же захлопнулась за нами, словно отсекая возможные пути к отступлению. Спустя какое-то мгновение сама калитка вместе с прикрепленными к ней воротами и забором, растворились в воздухе, и я с ужасом, смешанным с изрядной долей любопытства, обнаружил что вокруг нас остался только один зоопарк. Исчезло все что им не было – дорога, на которой стояли такси, в любой момент готовые отвезти меня домой, здание касс, где я покупал входной билет, и даже массивные скульптуры животных при входе, около которых я так любил фотографироваться маленьким. Все это растаяло, растворилось в окружающем нас Пространстве. Вокруг нас осталось лишь несколько тропинок, ярко освещенных солнцем, звенящий воздух и мое исполинское любопытство, разбавленное каким-то детским восхищением. Детским – потому что только в детстве чувство восхищения может быть вызвано исключительно волшебством.

– До обеда еще достаточно времени чтобы посмотреть экспозицию, – акула изо всех сил пыталась быть вежливой

и обходительной.

– А что у вас на обед? – поинтересовался я, будто невзначай.

– Вы, – просто и без обиняков ответила она, и глаза ее при этом подернулись красным лаком, – но до обеда вы все же могли бы посмотреть других животных. Если, конечно, это именно то, зачем вы здесь. И кстати, в нашем зоопарке ни одно животное не находится в клетке, – на всякий случай добавила акула.

– Может лучше сходить в ресторан? Или в любое другое заведение общественного питания? Поймите меня правильно, я не то чтобы против присутствовать на вашем обеде в качестве одной из закусок, даже сочту это за честь, но, – на этих словах я распахнул куртку и продемонстрировал акуле свое, достаточно щуплое тело, – боюсь, разочарую ваши вкусовые рецепторы, да и в пересчете на живой вес меня не так уж и много.

– Что вы, что вы! Никаких закусок! Только основные блюда! – акула всплеснула плавниками, – И никакого живого веса! На обед будет подан лишь давно мертвый вес, я бы даже сказала – мертвый груз! Вам будет комфортно. Еще благодарить будете! – она смотрела на меня в ожидании решения.

– Ну раз так, позвольте сопровождать вас в пути. Нечасто встретишь столь любезную акулу. Я бы даже сказал – никогда.

– А вы не задумывались, что «никогда», это тоже самое

что «всегда», только наоборот? И что «не делать никогда» равно «делать всегда»? «Не» и «ни» – сокращаются, ибо отрицают друг друга, – она смотрела на меня и ждала ответа.

– Вы совершенно правы. Всегда приятно поговорить со знающей акулой.

С этими словами, одной рукой я достал зонтик и открыл его над головой, будто защищаясь от воображаемого дождя или солнца, а другую руку, согнув в локте, предложил своей собеседнице. Зонт был большой, синий в крупный красный горох, с деревянной ручкой натурального цвета в виде головы с туловищем дракона. Тело дракона, уходящее к спицам зонта, вскрытое лаком, бликовало в солнечном свете, создавая иллюзию движения. Его воображаемая чешуя, выполненная искусным мастером, переливалась красным и зеленым цветами и, казалось, он просто остолбенел по какому то волшебству, будто в момент взлета, кто-то, очень знающий и важный, махнув волшебной палочкой, остановил мгновение. А может быть не только мгновение, но и время целиком.

Время состоит из мгновений, как пустыня из песка. И мы не в состоянии даже измерить эти мгновения, не говоря уже о том, чтобы остановить и рассмотреть повнимательней. Будто этот кто-то, этот знающий и важный субъект, специально заморозил временной миг, достав и приблизив к нашим глазам всего лишь одну песчинку с бескрайней пустыни Вре-



мени, давая всем нам возможность насладиться моментом взлета.

– Какой интересный зонтик, – акула внимательно посмотрела на ручку зонта, потом на мою, сложенную в ломаную линию руку, и проигнорировав предложение соединить наши верхние конечности, перебирая плавниками, продолжила, – он будет мне к лицу, как вы находите?

– Вам очень пойдет красный горох на синем фоне, – я вежливо согласился и посмотрел в небо, словно ожидая увидеть там нечто необыкновенное.

Первые, крупные капли дождя совпали по времени с окончанием моей фразы. Спустя секунду дождь уже лил в полную силу, отскакивая от упругого светло-серого тела хищницы со звуком, напоминающим стук капель по жестяному карнизу.

Места под зонтом хватило как раз для нас двоих – столь различных биологически, но с одним, общим желанием укрыться от воды. Хотя лично мне было не совсем понятно как вода могла навредить или помешать, пусть не совсем обыкновенной, но все-таки рыбе. Может потому что дождь был пресный, а акулы, насколько мне известно предпочитают морскую воду?

– Не все, – произнесла моя спутница и улыбнулась.

– Что не все? – я переспросил, не понимая, о чем идет речь.

– Не все акулы предпочитают пресную воду, – она продол-

жала улыбаться, – например, бычьи акулы могут подниматься по рекам вверх от океанов и морей более чем на двести километров, – акула выразительно посмотрела на меня, – более того, они способны жить даже в озерах, если необходимо.

– И в зоопарках, – я попытался вежливо пошутить, сменив тему. Наверняка, задумавшись, и сам того не замечая, я произнес вслух свои последние мысли. Иначе, откуда акуле знать о чем я думал?

Дождь усиливался с каждым мгновением, и даже тогда, когда, казалось, усиливаться уже некуда, он находил в себе резервы. Первым не выдержал зонт. Вода стекала с него сплошным, бурлящим потоком, стараясь отодрать с болоньевой ткани краску. Сначала поплыл красный горох. Синий фон на куполе зонта держался немного дольше, но и он, не совладав с мощным потоком, рваными цветными пятнами стекал на меня, на акулу и на тропинку, которая вела вглубь зоопарка.

Меньше чем через минуту, вода, вымыв всю краску с еще недавно цветного купола зонта, уже чистая и прозрачная, сплошной стеной отгораживала меня и акулу от остального мира. Как будто ничего и никого кроме нас и не существовало. Только я, она и Билет. Но сам Билет в зоопарк в моем кармане вел себя тихо, так что я почти забыл о его существовании.

– А как вас зовут? – спросил я акулу, не исключая возможности что и она вот-вот может раствориться в бурлящем

водяном потоке.

– Агафья Тихоновна. Или баба Глаша, – склонив голову, добавила акула немного подумав, – у меня ведь уже внуки.

– Очень приятно познакомиться.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, и я, сложив зонт, теперь уже бесцветный и полностью прозрачный, вручил его Агафье Тихоновне.

Вода потихоньку уходила в землю и окружающий нас Мир проявлялся полным спектром густых и насыщенных красок. Солнце, находясь в зените, как бы качнувшись, перевалило через полдень. Время близилось к обеду.

Агафья Тихоновна элегантно протянула плавник, приняла зонт и внимательно на него посмотрела.

– Странно как-то, – ее глаза подернуло поволокой, от чего они стали не то чтобы более живые, но менее мертвые точно, – а краски где? Красные круги на синем фоне?

– Дождь смыл, – ответил я, и немного помолчав, добавил, – и краска ушла в землю.

– Нет! Ну как же так! Вы видели и молчали! Надо было бить в набат! Нет! Нет! Краска не могла уйти глубоко! – Агафья Тихоновна плавала в воздухе у самой земли, словно надеясь найти остатки красных кругов и глубокого синего фона, – ведь дождь прошел быстро и цвета должны быть еще на поверхности!

Продолжая что-то бормотать она ковыряла землю деревянной ручкой зонта, заглядывая под каждый ком. Не знаю, нравилось ли это дракону, удобно расположившемуся на ручке, но оказавшись в непосредственной близости от земли, его желтые глаза с вертикальным зрачком хищно осматривали каждую травинку. Деревянный рот быстро втягивал красный и синий цвета, если они оказывались рядом, а зонт, как по волшебству, терял прозрачность и возвращал себе свой прежний окрас.

– Иначе зачем мне зонт, – Агафья собрала остатки краски и поплыла по воздуху, держа зонт одним из плавников, а дракон при этом удовлетворенно прикрыл глаза, – красный горох на синем фоне – именно то что нужно к обеду. Вы с такой раскраской очень кстати!

Солнце, как ни в чем не бывало, освещало тропинку, показавшееся за поворотом небольшое озеро, и мирно плывущую огромную белую акулу. Гибким телом она рассекала воздух, словно воду, в нескольких дециметрах от земли, земля же, наполняясь солнечным светом и незамедлительно реагируя на него, дышала паром настолько интенсивно, что кое-где уже проглядывали сухие места. Клетки для животных по бокам тропинки, мимо которых мы шли, сияли чистотой и пустотой. Они создавали впечатление явно незаселенных помещений. Похоже, животные, как и говорила Агафья Тихоновна, здесь содержались где-то в другом месте.

На обед что ли все ушли, уже немного нервничая подумал я, но продолжал идти за хищницей, словно не происходило ничего необычного и все было в порядке вещей.

В конце тропинки возвышалось большое здание со стеклянной крышей – куполом. Птичник – подумал я прежде чем прочитал надпись над дверью.

– Столовая, – Агафья Тихоновна, будто читала мои мысли, поправила меня и немного замешкалась перед входом, запертом на большой висячий замок, – сейчас попробуем открыть.

Голова дракона идеально вошла в отверстие для ключа, и замок, щелкнув чем-то внутри, распался на две части, упав на бетонный порог. Агафья смахнула его хвостом со ступенек и обернулась, пристально взглянув мне в глаза.

– Ключ подошел. Значит это действительно вы.

Она держала зонт за кончик, противоположный ручке и, указывая им на лежащий на земле, рядом со ступеньками, замок, почти коснулась его деревянной пастью дракона. Дракон, в свою очередь, тут же ожил, и шумно набрав воздух, выдохнул столбом пламени. Замок, хоть и металлический, вспыхнул как порох. Спустя одно или два мгновения от него осталась лишь горстка пепла, а третье мгновение растворило ее в мокрой земле.

– Замки всенепременно надо уничтожать. Как только замок открыт, он должен быть уничтожен. Иначе он запрет ва-

ши мысли с другой стороны и вы потеряете память, – Агафья Тихоновна была в отличном настроении, и с тех пор как зонт подошел к замку, не переставала напевать себе под нос что-то веселое. Вполне может быть что это была какая-то детская песенка.

С ярким сине–красным зонтом она, и правда, смотрелась ослепительно.

Помещение, куда мы вошли более всего напоминало арену цирка, но без зрительного зала. Оно было круглым и белым. Высокие стены и стеклянный купольный потолок, через который проходило достаточно солнечного света, создавали впечатление башни. Окон не было, но света было достаточно и так.

– Проходите сюда, присаживайтесь. Надеюсь, вы не будете против, если мы отобедаем вдвоем, так сказать, без лишних глаз, – зонт занял свое место в сушилке при входе, и Агафья проплыла в обеденный зал.

– А мне не на кухню? Или вы предпочитаете сырое мясо? Кхе-кхе, – немного нервничая я попытался пошутить, но слова вышли какими-то скомканными и мне пришлось прочистить горло.

– Никогда не шутите с едой, – Агафья Тихоновна обернулась и жестом плавника пригласила меня следовать за ней, – еда может обидеться и пропасть. А пропавшая еда – уже совсем не то. Или уйти. И тогда придется ждать другого случая.

И действительно, отметил про себя я, акула говорила со мной только серьезно. Без всяких шуточек. Значит я мог обидеться, пропасть, уйти и стать совсем не тем. Что ж, приятно, когда у тебя есть выбор.

– Я вегетарианка, если вас это интересует, – она остановилась около небольшого обеденного стола, расположенного в центре, из сервировки на котором были только белоснежные салфетки, и добавила, отодвигая стул:

– А когда вы спрашивали про обеденное меню, я ответила образно. К тому же тогда я еще не была уверена что это именно вы. А то мало ли кто сюда забредет. Всякое бывало. Наличие у вас в кармане Билета еще ни о чем не говорит. А вот то, что на вашей стороне дракон – говорит о многом. Однако, об этом позже.

Я медленно обошел круглую комнату, продвигаясь от двери по периметру, вдоль стены, особо не торопясь, приблизился к обеденному столу, и хотя ответ акулы меня удовлетворил и успокоил, чувство тревоги еще окончательно не рассеялось. Металлический привкус во рту, наверняка, был следствием страха, смешанного с любопытством. Но вполне может быть что я отчаянно смелый человек с железодефицитной анемией.

Уверенность пришла, как говорится, откуда не ждали. Обойдя помещение и вернувшись к двери, куда мы некоторое время назад вошли, я заметил что дракон, украшавший

собой ручку зонта, стоящего в сушке у входа, подмигнув мне желтым глазом, отделился от железной спицы, на которую был насажен, и, сделав круг под потолком-куполом, немного увеличившись в размерах, слетел вниз и удобно расположился на моей шее вместо кашне, не принося ни малейшего дискомфорта. Огнедышащая пасть была готова извергать пламя, а желтый глаз внимательно следил за Агафьей Тихоновной. Зрачки пульсировали в ритме бьющегося деревянного сердца (деревянного ли?), и моя шея, укутанная мягкой и теплой древесной чешуей была под надежной защитой. Эти метаморфозы не удивили мою спутницу, скорее, она ожидала нечто подобное. Или даже знала что именно так и случится.

– К сожалению, повара у нас тоже нет. Как нет контролеров на входе. Если человек знает дорогу или его путь проходит мимо нас – он всегда может зайти сюда совершенно бесплатно, но готовить еду придется самому, – Агафья Тихоновна продолжала, – правда кухни у нас тоже нет. Готовить можно везде. И даже нужно. Для этого нет необходимости в специальных приспособлениях, таких как плита или духовой шкаф. Хотя, мы иногда используем миксер и блендер, но лишь для того чтобы смешать несовместимое и измельчить кажущиеся нам неделимыми продукты. А сам процесс приготовления и поглощения пищи безотходный и достаточно приятный, если, конечно, вы обладатель хорошего вкуса. Вот вы обладатель хорошего вкуса?



– Я... Я не знаю...

– И правильно. Это, скорее вопрос к тому кто может оценить этот самый вкус. Вопрос к эксперту.

Агафья Тихоновна присела на край массивного дубового стула, и пошевелила жабрами:

– Трудно, знаете ли, дышать на воздухе, – она немного придвинулась к столу и, вынюхивая что-то на скатерти, неожиданно процитировала Пушкина:

– Уж стол накрыт, давно пора;

Хозяйка ждет нетерпеливо.

Все еще продолжая осматриваться, и прикидывая в уме, не спросить ли о том как ей удастся дышать воздухом, легкие ей что ли вшили вместо жабр, я вплотную подошел к столу. Не торопясь присесть, и более того, не будучи до конца уверен в том, что мое место за столом, а не на столе, я продолжал стоять, крутя головой по сторонам и совершенно игнорируя кем-то заботливо отодвинутый стул, близнец того, на котором уже сидела моя любезная хозяйка.

Агафья Тихоновна не сводила с меня черные глаза – пуговицы и, прождав достаточное по ее разумению количество времени, уже настойчиво прикрикнула:

– Да садитесь же!

Дракон, услышав вскрик акулы, оскалился и обнажил зубы, о наличии которых я и не подозревал все то время пока он был ручкой зонта. Самые настоящие – острые и опасные

драконыи зубы были скрыты за деревянными губами рептилии.

Зубы были ровные, белые и блестящие. Таким набором зубов мог гордиться любой стоматолог.

Все таки замечательная вещь – добротный импортный зонт.

Теперь я точно знаю, что лучшие зонты делают в Японии. Мой был полностью автоматический, яркий и самодостаточный. Он вполне мог служить предметом декора. На фоне такого зонта остальные предметы одежды и интерьера терялись и при желании можно было обойтись без них.

Япония – родина драконов и зонтов.

– Благодарю вас, – я удобно устроился на деревянный стул и протянул руку к салфеткам, – вы позволите? – дождавшись разрешения хозяйки, я взял белый кусочек ткани, и аккуратно заправив его за воротничок рубашки, застыл в ожидании.

– Да, да, конечно, – чопорно произнесла акула и вдруг завопила что есть мочи, – трапеза началась!

В тот же миг стеклянный купол наполнился светом, ярким, но не слепящим, и сверху, вертикально вниз, в стол ударила радуга. Именно ударила, а не прикоснулась. Стол задрожал, но выдержал. Уже через несколько мгновений, наверное так, как при землетрясении рушатся дома, радуга рассыпалась по столу мелкими цветными фрагментами. Они

извивались, словно пародируя клубок разноцветных змей, с той лишь разницей, что клубок цветного света, расположенный на столе перед нами был веселый и совсем не страшный. Еще одна огромная вертикальная солнечная радуга, заполнившая собой все пространство круглой комнаты, ударила в стол, и быстро уменьшившись до его размеров, на какое то время успокоилась, остыла. Движения света замедлялись, как будто он двигался по инерции от первого толчка, колебания затухали, и когда уже я был готов к тому что радуга растает в Пространстве, она внезапно опять начала расти ввысь. Более всего это напоминало аттракцион «Американские горки»; свет то устремлялся вверх, отражаясь от стен помещения и возвращаясь к нам, то перекручивая самого себя и сбросив голову и смешав цвета бросался вниз, то змеей извивался на одном с нами уровне, как бы накапливая необходимую Энергию для того чтобы снова взметнуться к потолку.

– Вы видите? Видите? – Агафья подскочила на стуле и начала бить радугу плавниками сверху вниз, пока та не перестала кривляться и перекручиваться. Она лежала на столе, немного помятая, но яркая и цветная.

– С этими радугами вечная проблема. С тех пор как Время отпустило Свет на волю, никто не может с ними совладать.

– Время отпустило Свет на волю? – невольно повторил я, широко открыв глаза.

– Ну да, – акула кивнула, – Время отпустило, а само исчезло, исчезло, исчезло, – она повторяла одно и тоже слово

словно заевшая пластинка, – но вполне может быть что все совсем наоборот.

Дракон на моей шее кивнул головой в знак согласия с Агафьей Тихоновной. Он наблюдал за буйством красок положив голову мне на плечо и с его пасти капала слюна.

– Снимайте кашне, пусть поест тоже.

Агафья Тихоновна, конечно же, имела в виду дракона. Я потянул к нему руки чтобы снять его и накормить, а акула тем временем резким движением плавника, чем-то напоминающим удар в карате, оторвала кусок радуги сантиметров в 20-30 длиной и кинула к стенке, в полумрак, который тут же исчез, озаряя стену живыми и переливающимися красками.

Желтый вертикальный зрачок вопросительно уставился мне в глаза и я чуть заметно, но одобрительно кивнул. Небольшое дуновение в области шеи подсказало мне что разрешение воспринято правильно, и дракон-кашне, с открытой пастью, полетел вслед за радугой, на ходу расправляя крылья.

– Вам сколько лет? – как ни в чем не бывало, Агафья Тихоновна продолжала играть роль любезной хозяйки, но к радуге не притронулась.

– Сорок один, – ответил я, и зачем-то добавил, – было.

– Однако... И что, сорок он один год не ел? – она кивнула в угол, где дракон, как и положено рептилии, запихивал передними лапами остатки радуги себе в пасть.

– Ну я же не знал что он голоден, и вообще, я не представ-

лял что зонты тоже едят.

– Едят, едят, – Агафья на секунду замолчала, как бы подбирая слова и продолжила:

– Едят и еще как. И не только зонты. И рубашки, и куртки, телефоны и кондиционеры, компьютеры и картины, подушки и пледы, телевизоры и упаковки от них. Все едят. Правда едят кто что. Кто – ваше время, и надо отметить, что это самые опасные предметы, хотя именно они и всегда в проигрыше, ибо, в конце концов, Время пожирает всех и вся. И их самих в том числе. Кто-то ест ваше внимание, вашу увлеченность, вашу уверенность. Эти немного дружелюбнее, но тоже не лыком шиты. А кто-то питается вашими мыслями, сжирает намерения и мечты, – Агафья Тихоновна глубоко вздохнула но продолжала перечислять, – кто-то может насытиться только вдохновением и любовью, а кто-то – простыми красками – вот они-то, впоследствии, и становятся вашими друзьями, так как помогают увидеть Мир без подсветки, а самое главное – без подЦветки, то есть таким какой он есть. Не мне вам объяснять, – Агафья приблизилась ко мне и продолжила уже шепотом, тыкаясь влажным и острым носом мне в ухо, – что цветов в природе нет, это просто способ вашего мозга воспринимать Мир. Так что поедающий краски в сущности питается НИЧЕМ, кроме вашего восприятия. Ну или воображения, если хотите.

– И он друг?

– Да. И к тому же единственный. Из пожирающих.

– А есть и другие?

– Есть, – акула продолжала шептать мне на ухо, – конечно есть. Если не есть, то долго не протянешь.

Агафья Тихоновна, не переставая говорить, придвинулась ко мне еще ближе, практически вплотную, и стала разглаживать своими плавниками складки коричневой ткани, из которой была сделана моя рубашка. Коричневый цвет, словно живой, собирался в более темные пятна, оставляя ткань блеклой, и потихоньку вся краска сконцентрировалась в одном месте, где то в районе моей груди. Бронзово-шоколадное пятно неторопливо перемещалось по рубашке и, словно вскипая, пузырилось и всхлипывало.

Ловко орудуя передними плавниками и тремя рядами белоснежных зубов, Агафья Тихоновна проглотила концентрированный цвет, аккуратно, чтобы не повредить ткань, откусывая его кусочек за кусочком. Возможно, и даже наверняка, это был ее способ показать мне свое дружелюбие. Ведь, по ее трактовке, она ела Ничто. Ничто, кроме моего восприятия. Агафья Тихоновна, кусочек за кусочком, откусывала от способа моего мозга воспринимать Мир. А значит, приближала меня к какому-то новому, другому восприятию.

Дракон, также закончив пиршество, тихо вернулся к столу и устроился у меня в ногах, ласково поглядывая снизу вверх. Он был сыт, и казалось, его зрачки приобрели мирную округлую, черепашую форму. Глаза при этом потеряли хищный абрис и взглядом он напоминал скорее кошку, чем

рептилию. Наверняка, тот кто отведал радугу, более не в состоянии быть злым или страшным.

– Можно и мне кусочек? – возможность попробовать на вкус радугу восхищала и забавляла одновременно.

– Можно, – белая акула улыбалась во все три ряда алебастровых треугольных зубов, – и даже нужно. Только хватайте быстрее, не раздумывая ни секунды, а то не успеете, ибо одна только мысль может угнаться за светом. Ах, если бы Время держало свет в узде! Насколько было бы проще питаться.

Я клал кусочки радуги в рот, закидывая по два куса за раз, но краски проваливались мимо меня, мимо моего тела, не насыщая и не питая. Они растекались по полу кругами, и дракон, благодарно оскалившись, доедал упавшее. Его тело светилось изнутри и стало напоминать поезд метро, полный людей в разноцветных светящихся одеждах. А может быть электричку. Хотя вполне может быть что и скорый поезд дальнего следования.

Солнечный свет потихоньку, сам в себе, растворял радугу лежащую на столе. От нее практически ничего не осталось, лишь рваные разноцветные фрагменты, когда Агафья Тихоновна, справившись с коричневой окраской моей рубашки, с грохотом откинулась на массивную дубовую спинку стула и произнесла:

– Спасибо, сыта... Коричневый, знаете ли, быстро насыщает, – она немного отодвинулась от стола, и поглаживая бе-

лый, как снег, живот, произнесла, – но время подавать первое блюдо.

Одновременно с ее словами на столе, прямо из остатков радуги, из цветного и яркого Пространства материализовалась большая тарелка с аппетитным, хорошо прожаренным свиным стейком на косточке. Гарнира не было. Одно только исходящее соком мясо. Толстый румяный кусок жирной жареной свинины.

– Самое время для нее, – Агафья удовлетворенно прищурила глаза и вдруг, что было акульих сил, закричала, обращаясь к дракону, который сыто, и как мне казалось, немного лениво лежал у меня в ногах:

– Свинья в опасности! Свинья в опасности! Празднуем! Празднуем! Дождались! – акула вскочила из-за стола и стала расхаживать взад–перед по комнате, опираясь только на хвост. Им же она отталкивалась от пола и ее движение в Пространстве скорее представляло собой серию маленьких, слившихся в непрерывную ходьбу прыжков. Агафья рассуждала вслух:

– Как говорит нам старая восточная мудрость – «Встретил отца и мать – убей их». Что уж говорить о свинье! Свинья всенепременно должна быть убита! У каждого есть своя свинья которую не только нужно, но и должно зарезать, – Агафья Тихоновна подмигнула мне черным лакированным глазом и важно, подняв передний плавник вверх (в этот момент



на ее остром носу появились очки с бифокальными линзами и она стала напоминать мою первую школьную учительницу), произнесла:

– Конечно, эту пословицу не нужно воспринимать буквально. Вы как думаете?

– Конечно, как вам будет угодно. Но все же я не совсем понимаю. Если не сказать – совсем не понимаю.

– Не совсем понимаете или совсем не понимаете? – она внимательно посмотрела на меня, при этом смешно сморщив свой кожаный нос, – это совершенно разные вещи и нам никак нельзя их перепутать местами. А может быть, вы просто отказываетесь понимать со всеми? Хотите понимать один?

– Почти не понимаю, – я окончательно запутался.

– Ах, все очень просто. И, конечно же, вы понимаете. Это место только для тех, кто понимает. Вас бы здесь не было, если бы вы не понимали. Да и ключ бы не подошел. Вход непонимающим сюда закрыт. Вообще закрыт. Навсегда. На веки. На все времена, – она перестала морщить нос и коротко подытожила:

– Здесь только те, кто понимают.

Агафья Тихоновна взмахнула плавником и в одно мгновение стены превратились в бесконечные стеллажи с книгами.

– Вот ваши родители. Мы не говорим про тело. Мы говорим о духовных родителях. Тело – как соединение хромосом, а осязаемая вашим Разумом частичка Сознания – как

воплощение полученной в течение жизни информации. Не только вашей жизни, – Агафья Тихоновна опять села за стол и сняла очки, которые тут же растворились в пространстве, – кстати, книги, представленные в нашей библиотеке – это все те книги, которые вы уже прочитали. Узнаете? Каждую из этих книг вы держали в руках, а с многими из них даже прятались под одеялом с фонариком, когда отец, мать или бабушка запрещали читать ночью, – акула придвинулась к столу и оперлась на него своими плавниками, – у вас есть бабушка?

– Да, есть. Конечно, есть, – я был сбит с толку и даже не пытался это скрывать.

– Вот и хорошо. Бабушки вносят очень большой вклад в воспитание детей, вы со мной согласны?

– Думаю, да. Бабушку тоже надо убить?

– Всенепременно и обязательно! Убить! Безжалостно и безразлично! Обязательно убить! Но что-то мы отвлеклись, – Агафья Тихоновна покрутила головой вокруг, и будто вспомнив о чем мы говорили, продолжила:

– Эти книги и есть ваши духовные родители. Это они формировали ваше Сознание на протяжении всей вашей жизни. Вам придется попрощаться с ними, поблагодарить их за все и уничтожить, уничтожить, конечно, внутри себя, и только в том случае, если у вас есть желание попробовать следующее блюдо, – акула говорила все более непонятно, но где-то в глубине самого себя я чувствовал, что понимаю смысл

сказанного. Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой, – убить свой опыт и все полученные знания и навыки. Ведь только после этого можно начать писать собственную книгу. Свою собственную историю. Она-то и будет Началом.

– Собственную?

– Да, да, да, да, – она продолжала кивать, – собственную. Именно собственную. Свою. Личную. Возможно, немного субъективную, но свою персональную, родную, закадычную и задушевную. Настоящую книгу. Ах, этот Свет, такой проказник, – вдруг ни к тому ни к сему сказала она, – он заставляет нас верить в иллюзии, – да вы ешьте, ешьте, – акула плавником придвинула ко мне тарелку со стейком, – кстати, а я упоминала что повара у нас нет? – Агафья Тихоновна исподтишка наблюдала за мной и, казалось, не ждала ответа на свой вопрос.

Воспользовавшись ножом, я положил кусок мяса в рот и начал жевать. Мясо было пресным, сухим и совершенно не соответствовало своему внешнему виду. Складывалось впечатление что я ем бумагу, искусно выкрашенную талантливым художником-натюрмортистом. Однако, надо признать, что в этот момент вкус меня волновал в самую последнюю очередь.

– Убей свинью! Убей свинью! Убей свинью! – кричала Агафья Тихоновна подбадривая и подгоняя меня, а дракон лежа на полу всем своим видом выражал свое с ней согласие.

В тот момент больше всего на свете мне захотелось при-

нять правила пока непонятной мне игры и подхватить:

– Убей свинью! Убей свинью!...

В то время пока я ел, в комнате начало происходить нечто необычайное и не поддающееся объяснению. Книги на стеллажах, появившиеся по мановению акульего плавника, оказались не настоящими, они, словно нарисованные, растворялись сами по себе, и краски стекали по стенам разноцветными ручейками. Дракон с все большей жадностью поглядывал на них, его зрачки вытягивались в линию, приобретая хищность, но он продолжал лежать на полу без движения. Драконий желудок был полон, а рептилиям, как известно, требуется провести определенное время в покое чтобы переварить пищу и снова стать голодными и подвижными. Да и можно было ли ему столько есть после сорока одного года вынужденной голодовки – тоже вопрос.

Агафья Тихоновна вскочила из-за стола и одним прыжком одолев расстояние до стены, быстро плавала вдоль нарисованных книжных полок, держа в плавниках различные пустые емкости, и ловко собирала в них стекающие краски. Для каждого цвета был свой сосуд.

– Не только свой сосуд, – обернувшись, она будто ответила на мои мысли, ибо вслух я ничего не произнес, – но и свое Время и свое предназначение. Да вы ешьте, ешьте.

– Аппетитно выглядит, но совершенно невозможно прожевать! – я старался отрезать куски как можно больше чтобы

быстрее покончить с кушаньем, а размер куска мяса, сначала радовавший меня, теперь лишь огорчал, и даже немного пугал.

Агафья Тихоновна швырнула, как мне сначала показалось, в меня, но на самом деле – на стол, книгу Сенеки, как ни странно, не нарисованную, а вполне реальную, которую она вырвала с одной, еще не растворившейся полки и крикнула:

– Закусите вот этим. Или запейте. Быстрее, быстрее, пока краски не застыли, – она продолжала метаться, собирая цвета и объясняла на ходу, – если краски застынут, их потом не отскрести никаким растворителем. Ничто на свете не может отодрать застывшую краску. Ничто и Никогда.

Взяв в руки книгу со стола, я раскрыл ее на первой попавшейся странице.

«Всякое искусство есть подражание Природе».

Слова сначала выделились жирным шрифтом, потом отделились от страницы и, повисев немного в воздухе, с шумом сливающейся воды рухнули в стакан, который появился в лапах в один миг вскочившего с пола дракона. Жидкость была асфальтово-серого, неаппетитного, почти черного цвета, точь в точь как шрифт из книги, но я, уже окончательно растерянный и ошалелый, стараясь не думать об этом, залпом выпил предложенное.

Вкус был замечательный. Насыщенный и глубокий. Именно то, что нужно. Последний кусок мяса, смоченный в мо-

ем горле волшебной жидкостью, с легкостью проскользнул в желудок, глотка сомкнулась, не выпуская жидкость наружу, и фраза Сенеки осталась во мне навсегда. Она стала моей собственностью.

Всякое искусство есть подражание Природе.

Смысл изречения перетекал внутри моего тела и Сознания, питая первое и раскрывая второе, пока полностью не растворился и не исчез.

Всякое искусство и есть Природа.

Желтый драконий глаз с вертикальным зрачком отражал стул, меня на нем, и немного запыхавшуюся белую акулу, по имени Агафья Тихоновна, с бутылочками, полными разноцветной краски.

2

– Вы насытились? – Агафья Тихоновна сидела напротив меня и подсчитывала количество бутылочек, – восемь с оранжевой, три с синей, пять с зеленой, две с голубой и целых 12 с красной!

– Благодарю вас, я вполне сыт, – я солгал сознательно, ведь свиной стейк, достаточно объемный и увесистый, не вызвал у меня чувства насыщения, но говорить об этом после того, как ты умял кусок мяса, размером с большой кукурузный початок, не хотелось.

Более того, наполнив до предела желудок, стейк, не оставляя свободного места ни для чего более, вызывал острое желание продолжить трапезу, но уже чем-то более питательным. Понимаю, что сложно представить что-то более питательное чем жареная свиная вырезка, но факт остается фактом. Мне просто хотелось есть. И если цель нашей встречи была совместная трапеза, то обед не удался. Я был голоден. Очень голоден.

Однако, Агафья Тихоновна была довольна результатом. С любовью перебирая разноцветные бутылочки с краской, она, проигнорировав мои рассуждения (а я был уверен что ей было доподлинно известно не только что я говорю, но и то что думаю), достала откуда-то из-за спины солнечный луч, и подсвечивая им особо темные краски, рассматривала глубокую, почти черную синеву и насыщенный багрянец красного, будто примеряя их под какое-то, одной ей известное и понятное назначение.

– Знаете почему красной краски больше всего? – Агафья Тихоновна немного замешкалась, будто размышляя, говорить или нет, и кивнула головой, видимо приняв положительное решение, – потому что красный краситель самый распространенный на земле, и наш маленький эксперимент подтвердил это на все сто процентов. Но это совсем не делает его менее значимым. Даже скорее наоборот! Красный цвет более всех остальных близок к тому, без чего мы не можем жить, он первый сосед тепла. Наверное, поэтому его количе-

ство зашкаливает – нам всегда было и будет необходимо достаточно тепла чтобы выжить. Целый двенадцать бутылочек «почти тепла», которое, несомненно, в свое время нам очень пригодится.

Агафья Тихоновна еще раз с любовью пересчитала разноцветные посудины и кивая на них, сказала, как отрезала:

– Да, вы прочитали много. Тем хуже для вас и тем сложнее вам будет, – несмотря на не совсем обнадеживающие слова, выражение акульей морды оставалось дружелюбным и приветливым, – без убийства не обойтись!

– Главное – что будет. А легко или сложно – неважно. Пока мы можем ставить глаголы в будущее время – не все потеряно, не так ли?

– Вы прямо зрите в корень, – Агафья Тихоновна подплыла ко мне вплотную, оставив бутылки с краской на столе, и тыкаясь влажным носом мне в щеку, жарко прошептала на ухо, – именно так, да, все именно так. Мы ставим Время в разные позиции, а никак не наоборот. Только Время это скрывает. Ему это невыгодно. В свое время Свет поспорил с Временем и выиграл пари. И Время было вынуждено отпустить Свет на волю. С тех пор Свет и блуждает по миру с невероятными для нас скоростями, а может и вообще без них, – Агафья Тихоновна хитро посмотрела на меня, – не замирая и не пропадая ни на минуту. Знаете почему? – акула прошептала еще тише, – потому что Свет и Время, с тех самых пор прекратили всякое общение и взаимодействие. Там



где есть одно – нет места другому. Или это другое просто меняет свои качества и становится не полностью собой. Или правильнее будет сказать – полностью не собой.

– Но ведь здесь есть свет? – я смотрел на стеклянный потолок, насквозь пронизанный осколками солнца.

– Есть, конечно есть. Без него никуда. Никуда и никогда.

– А время? – я помнил слова Агафьи Тихоновны и повторил их, – там где есть одно – нет места другому.

– Вы сами выбираете что существует именно для вас, – она отвечала неохотно, как бы сомневаясь в моем праве знать, но все же отвечала, – а выбирая, помните один из непреложных законов Мироздания – Свет самим своим существованием отрицает наличие Времени. И в свою очередь, Время никогда не будет присутствовать там, где есть Свет! – Агафья Тихоновна подмигнула мне и поинтересовалась, – вот лично вы, например, предпочтете обойтись без Света? Или без Времени?

– Я... Я не знаю.

– Отличный ответ! И совсем не стыдный, – акула опять повеселела, – многие люди почему-то считают что не знать что-то постыдно, унижительно и даже позорно. Такие люди никогда не смогут зайти в наш зоопарк! Даже если купят тысячу билетов! – Агафья Тихоновна мелко и часто закивала, а входной Билет в кармане крякнул, наверное от удовольствия что его вспомнили, и попытался схватить меня за палец, напоминая о своем существовании.

– А в чем заключалось пари между Временем и Светом? – то что рассказывала Агафья Тихоновна было настолько интересно, что я даже забыл о чувстве голода, которое пронизывало меня насквозь.

– Свет заявил что сможет обойтись без Времени. Время же, в свою очередь, рассмеялось и обвинило Свет в популизме. Для того, чтобы Свет доказал свою независимость, необходимо я – Время, – рассуждало оно, – а значит, без меня никуда. Подумав как следует, Время объявило во всеуслышание что если Свет обойдется без него в течение какого то отрезка времени (вот где подвох) то оно, Время, навсегда перестанет контролировать Свет и отпустит его в свободное плавание, ну если можно так выразиться. Время рассчитывало на то, что Свет начнет что-то доказывать и торговаться. А он просто взял и... – тут Агафья Тихоновна, будто испугавшись чего-то, сделала страшные глаза и замолчала, но судя по всему, даже этого ей показалось мало. Она зажала пасть плавником, как бы останавливая слова, уже готовые вырваться на волю и резко отскочив от меня, вернулась на свой стул.

– Нет, нет, и не просите, я и так много наболтала. С возрастом я становлюсь несдержанная, а все – Время! – Агафья Тихоновна чуть было не заплакала, как мне показалось от бессилия, но совладала с собой и продолжила, – итак, у нас нет только желтого и фиолетового цветов, а без них вкус может быть изменен. Да и добиться качественного перехода из

цвета в свет нам не удастся, – акула прикрыла глаза и продолжила рассуждать, – ну почему вы не читали книг с желтой обложкой? И фиолетового совсем нет. Прямо ни капли, – казалось, она опять была готова разрыдаться.

– Я не выбирал книги по цвету, прошу меня великодушно извинить. Скорее по содержанию.

– Ах, какая разница. Желтый цвет или желтое содержание? Содержание тоже годится. Лишь бы цвет был подходящий.

– Может быть фильмы подойдут? Телевидение сейчас цветное, и в каждом просмотренном мной фильме много разных цветов, – улыбаясь, я утвердительно покачивал головой, как бы призывая акулу прислушаться к моему совету, – почему только книги? В фильмах тоже много информации.

– Нет, нет, – акула, как мне показалось, с испугом откинулась на спинку стула, – что вы, какие фильмы? Фильмы категорически не подходят.

– Но почему?

– Потому что читая книгу, и имея перед глазами всего несколько черных закорючек-букв, вы сами, в своем воображении, создаете целый и самодостаточный Мир, понимаете? Рабочий и действующий Мир. Вы выступаете в роли творца. Тогда как смотря фильм, вы просматриваете уже готовые картинки чужих фантазий, – Агафья Тихоновна понизила голос до шепота, – а в данном случае, – она кивнула на бутылочки с красками, – засчитываются только те знания,

которые созданы лично вами.

– Но фильмы...

– Фильмы, даже документальные, показывают вам готовую картинку и вы лишь инстинктивно реагируете на нее. Бойтесь или радуетесь, любите или грустите. А книги – совсем другое. Книги заставляют творить и создавать эту картинку самостоятельно. Согласитесь, это не одно и то же.

– Разве это так важно?

– Воображение – это дорога к вселенской библиотеке, в которой есть ответ на любой вопрос. А фильмы – это уже готовые ответы людей, задумчиво бредущих из читального зала этой библиотеки, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – и это их личные ответы. Они им обязательно будут засчитаны. Вот вы, например, сняли хотя бы один фильм?

– Нет.

– Значит фильмы не подойдут. Только книги, только то, что позволяет вам творить. Только то, где именно вы – автор картинки.

– Но я же не писатель.

– Быть читателем – достаточно, – Агафья Тихоновна снова перешла на шепот, – и очень почетно. Писатель – кто? Только автор текста, можно сказать – художник, рисующий буквами, – она улыбнулась, – а то, какой фильм пройдет в голове у читателя – писателю зачастую и недоступно и непонятно. Писатель пишет книгу, дает материал, а читатель строит по этой книге Вселенные. И поверьте, – акула посмотрела мне

прямо в глаза, – сколько читателей – столько и разных Вселенных. Ни одного повтора. Даже самого маленького совпадения.

– А если бы я был писателем, написавшим книгу, эта книга пошла бы мне в зачет?

– Быть писателем и быть Богом, в человеческом понимании этого слова – это одно и то же, – Агафья Тихоновна мечтательно вздохнула, – писатель отпускает своих героев, наделяя их свободой воли, и достаточно часто книжные героини уже сами продолжают писать свои судьбы. Но оживают они все-таки только в руках читателя. Именно читатель, открывая книгу и отправляясь в путь, длиною в эту самую книгу, используя свое воображение, вдыхает в них жизнь. Книга – просто готовый к использованию Мир, вне Времени и вне Пространства, не более. И каждый раз, открывая книгу, читатель его оживляет.

– Мир, полностью готовый к рождению, – добавил я мечтательно, – Мир, который может родиться только в руках читателя.

– Да, да, все именно так, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой.

– Но где же мы тогда получим недостающие цвета?

Я надеюсь что мы все-таки сумеем их взять, но в каком-нибудь другом месте. Перед тем как вы отправитесь туда, куда должны и сделаете то что обязаны, я должна вас полностью подготовить. Там, куда вы отправитесь, этого не до-

стать, если только вы не договоритесь с Временем и оно не поймает для вас пару лучей. А я даже не могу представить что должно произойти чтобы Время начало ловить Свет, который само отпустило, пусть даже и лично для вас... Хотя, с ним все-таки можно договориться имея полный комплект красок. Ну или абсолютно пустую, незанятую ничем голову. Но как мы видим, пустая голова – это не ваш случай. В вашей – вон сколько всего, – Агафья Тихоновна махнула головой в сторону бутылочек с краской, – целый колумбарий.

Я слушал Агафью Тихоновну, твердо решив ничему не удивляться и соглашаться со всем что мне будет предложено. Похоже, ни акула, ни дракон не имели ничего против меня, и все что происходило можно было воспринимать как веселый красочный сон или увлекательное, и кстати, совсем не опасное, путешествие.

Если это сон, то мне ничего и не могло угрожать, а если, все-таки, путешествие, то оставалось только пожелать себе счастливого пути и постараться не потерять таких мощных и знающих союзников, какими были мои новые знакомые. Ну а в том что они знали гораздо больше меня, сомнений не возникало. Ни капельки.

Я чувствовал себя готовым ко всему.

– Но пора и второе блюдо подавать, как вы на это смотрите? – Агафья Тихоновна кивнула на входную дверь, – вы

ГОТОВЫ?

– Да, готов, – я кивнул и на всякий случай добавил:

– Мне же ничего не угрожает.

– Нет, конечно же нет. Никакой угрозы никогда не существовало, – акула быстро и утвердительно кивала головой, как бы противореча своим же словам, – никакой и никогда, что, конечно же, обозначает совсем обратное. Эти частички «не» или «ни», эти абсолютные отрицания только путают и перемешивают истинный смысл сказанного. Только препятствуют, мешают и становятся поперек дороги, – она подмигивала мне сразу двумя глазами.

В тот же момент дверь распахнулась и в помещение ворвался огромный петух со шпорами на лапах и ярким, густым оперением. Я не разбираюсь в породах птиц, но в том, что именно этот петух относился к боевым, сомневаться не приходилось. Кончиками перьев на крыле, точно так же, как человек держал бы что-либо руками, он держал шпагу, а другое крыло, изящно отставленное вверх и назад, завершало образ одного из королевских мушкетеров из романов Александра Дюма.

С воинственным клекотом, обращенным куда-то поверх наших голов, петух, в мгновение ока, преодолел расстояние от двери до центра комнаты, оказавшись прямо у стола, за которым мы сидели, и подобно заведенному волчку, носился вокруг последнего, однако, совершенно не замечая нас. Все его внимание было приковано к чему-то длинному и желто-

му, извивающемуся на куполе здания. К чему-то не замеченному нами ранее. К чему-то несомненно опасному и угрожающему.

– Змея, – промелькнуло в голове. Такая же несоразмерно огромная, как и петух, рептилия яркого лимонного цвета спускалась вертикально вниз, держась хвостом за одну из балок, поддерживающих купол. Характер ее движений не оставлял сомнений в том что она готова принять бой. Нам оставалось только надеяться на то, что мы с Агафьей Тихоновной не попадемся под горячую руку, так как размер змеи вполне позволял проглотить нас двоих одновременно. Спустившись до уровня стола, змея развернулась в мою сторону и, как мне показалось, очень внимательно посмотрела прямо на меня. Ее золотистые глаза, с четко очерченным глубоким черным зрачком, и с красными, еле заметными вкраплениями посредине, были на расстоянии вытянутой руки, а раздвоенный язык, быстро мелькавший передо моим лицом, вводил меня в оцепенение получше всякого метронома. Какое-то время змея просто рассматривала мой лоб, а точнее – точку, находящуюся где-то посередине лба, между глазами. Не исключено, что она готовилась к нападению и выбирала место, куда атаковать. Ужас пригвоздил меня к стулу и сковал лучше всяких кандалов. Лучше – значит надежнее. Я не мог пошевелить не то что рукой, но даже пальцем, а лицевые, парализованные взглядом змеи мышцы точно удерживали направление этого самого взгляда – глаза в глаза. В мо-



ем теле живыми и подвижными остались только мысли. Даже слишком живыми и подвижными. Они продолжали жить своей собственной жизнью – словно разноцветные конфетти из только что выстрелившей в голове хлопушки. Поймать и рассмотреть какую-то отдельную мысль не представлялось возможным. Взрыв. Хаос. Буря. Ураган. Впрочем, одну мне все-таки удалось схватить за хвост. Я подумал что вполне возможно, змея оценивала, гожусь ли я сам в качестве второго блюда, которое только что предлагала подать мне на обед Агафья Тихоновна. Дракон при этом шевелился и вздрагивал во сне.

Напряжение спало в один момент, как только змея отвела от меня взгляд и повернулась к Агафье Тихоновне, Спало, как будто его и не было. Руки обрели свободу движения а я сам обрел твердую уверенность в том, что все рептилии действительно обладают способностями к гипнозу. И зачем им тогда яд?

Агафья Тихоновна, не выказывая никаких эмоций по поводу наших гостей, продолжала говорить.

– Когда вы насытитесь и голод пройдет, помните – назад пути нет.

– Назад? – я с трудом сдерживался чтобы не дать деру.

– Да, назад. В голод. Наш обед особенный и раз вкусив и распробовав каждое блюдо вы сможете быть точно уверены что наелись досыта до конца ваших дней.

– А мне уж было показалось что я и есть второе блюдо, –

продолжая наблюдать висящую над столом змею и бегающего вокруг петуха, все попытки которого достать шпагой огромную желтую рептилию пока что были тщетны, я совершенно интуитивно, словно ища защиты, протянул руку к дракону, который мирно спал у меня в ногах, но тот лишь пробурчал что-то во сне, не открывая глаз.

– Ваш дракон еще очень слаб, чтобы помочь сейчас, но он будет готов вовремя, не переживайте. В этом мире, как и в любом другом, содержащем Время, все происходит именно вовремя, не раньше и не позже назначенного срока, – Агафья Тихоновна не обращала ни малейшего внимания на творящийся вокруг нас Армагеддон, и ее спокойствие, каким то непостижимым образом начало передаваться мне, – ведь по другому просто не может быть. В любом Мире, где есть Время – все происходит исключительно вовремя. Не раньше и не позже срока. Это непреложный Закон. Иначе Время было бы попросту не нужно. Или его бы не было вообще.

– Пойдите, но...

– Свинина была достаточно мерзкой на вкус, не правда ли? – акула, не смущаясь перебила меня, после чего заговорщицки подмигнула и продолжала:

– Да и как может быть вкусным бумажный стейк? – она захихикала, – даже если его щедро сдобрили вкусными и ароматными цветными красками. Краски, конечно, вкусны, с этим не поспоришь, но есть их вместе с бумагой все-таки не нужно, – акула кивнула на петуха со змеей, – эти двое тоже

из бумаги. Причем из промокательной бумаги. Любой дождь с легкостью их смоеет или растворит. Грозно они только выглядят. Вот вы как думаете, почему вам страшно? – Агафья Тихоновна отвечала сама, не дожидаясь моего ответа:

– Этим правом – вызывать страх – вы наделили их самостоятельно. Вы и никто кроме вас. Страх существует внутри того кто боится, но как только вы позволите ему выйти наружу, он трансформируется в доблесть и отвагу. Хотя, конечно, бывали и совершенно противоположные случаи. А сохранять его внутри – не самый лучший вариант, – Агафья Тихоновна вдруг обернулась к петуху и громко крикнула:

– А ну ка цыц! Цыц, кому говорю! Бегаешь себе – ну и бегай, понимаю, без тебя совсем не то, нельзя без тебя, и ты, конечно, в полном праве отбегать свое, но делай это тише. Не ты здесь главный, – она обернулась к змее и обратившись к ней, уже немного мягче и тише, продолжила:

– И не ты.

Акула подождала некоторое время, убедившись что ее слова достигли промокательных ушей, и добавила уже совсем мягко:

– Нам очень приятно наблюдать за вами и мы совсем не собираемся куда-нибудь, например, уйти, – тут она выразительно посмотрела на меня, и выпучив глаза, энергично закивала головой, давая понять что именно это мы и собираемся сделать. Агафья Тихоновна вскочила со стула, одновременно сгребая одним из плавников все бутылочки с лежащи-

ми на столе красками, а другим схватила меня за руку и туго оттолкнувшись хвостом от пола прыгнула метров на пять в сторону стены на лету шепча мне в ухо:

– За дракона не переживайте, ему ничего не угрожает, он давным давно вне этого ужаса. Как и вне всякого другого. Он здесь неуязвим, что бы не произошло. Впрочем, он нигде не уязвим, – она наморщилась и добавила, – опять эти отрицания! Не уязвим нигде, подождите, что это может значить? – акула прикинула что-то в уме и вдруг закричала, – если ваш дракон не уязвим только Нигде, значит в любом другом месте он очень даже уязвим! – она оставила меня около стены, всунув мне в руки бутылочки с красками, и в мгновение ока вернулась за драконом. Я не успел даже глазом моргнуть, как Агафья Тихоновна, держа дракона под плавником, оказалась рядом со мной. Она повесила его мне на шею и произнесла:

– Со словами надо поаккуратнее, – акула тяжело дышала, – бывает скажешь не подумав, и потом приходится исправлять, – Агафья Тихоновна подмигнула мне глянцевым глазом.

Стоя на безопасном расстоянии мы наблюдали за битвой двух, абсолютно не приспособленных к совместному ведению боевых действий животных. То есть, если бы они были нормальных размеров, змея смогла бы проглотить петуха и войне конец. Но они были одинаково огромны. К тому же петух был со шпагой, и иногда под ним появлялся конь, ко-

торого он пришпоривал, кидаясь в атаку. Я предпочел списать это на галлюцинации, так как перестал что-либо сообщать вообще.

Довольно долго они сражались не принося в общем ощутимого вреда друг другу. Кудахтанье петуха было слышно, наверное, за километр. Он колот шпагой змею, та, в свою очередь, извиваясь и уворачиваясь, шипела как сотня разъяренных питонов разом и пыталась укусить его в шею. Время от времени попытки атаковать были достаточно успешными, раны животных исходили бумажной, промокательной кровью, но быстро затягивались и видимого урона врагу все таки не приносили.

– Кровь, вы видите? Кровь! Кровь! – Агафья Тихоновна, повторяла это слово с бросающимся в глаза наслаждением, раскатисто растягивая букву Р, словно само произношение Р доставляло ей удовольствие, – красная, опять красная краска! А всему виной звезды, которые, взрываясь и распространяясь в космосе, доставили нам железо. Ведь именно оно, реагируя на кислород, покрывается ржавчиной и дает нам этот удивительный цвет! Удивительный, – она с легким недоумением посмотрела на меня, не понимая, видимо, почему я не разделяю ее восторга, – да, да, очень удивительный. Ведь красный цвет не отпускает наше внимание, принудительно возбуждая нервную систему! Ах, как все просто на Земле! Ведь, в аккурат, на планете больше всего железа и воздуха, и уже как следствие, красной краски.

Агафья Тихоновна была в прекрасном расположении духа.

Дракон, который так и не проснулся, или не захотел проснуться, в то время как акула спасала его из эпицентра боевых действий, лежал у меня на шее и даже не замечал разворачивавшейся в центре зала баталии, скорее всего он, вообще не видел насмерть бьющихся животных. То ли это было счастливой особенностью драконьего зрения – не замечать открытые проявления злобы, то ли японские зонты-драконы были абсолютно неуязвимы и вечны, но факт остается фактом – драконье дыхание было безмятежным и невозмутимым, а желтый вертикальный зрачок надежно скрыт под драконьим веком. Иногда он флегматично посапывал во сне. У меня даже мелькнула мысль, что само сражение существует только внутри моей головы, и я, будучи практически уверенным, что акула знает все мои мысли, обернулся к Агафье Тихоновне с выражением невысказанного, но четко и ясно сформулированного, правда мысленно, вопроса на лице. Акула, оценив мой взгляд, молча кивнула в сторону дерущихся, потом просто кивнула, подтвердив тем самым реальность происходящего, и продолжила с неподдельным интересом наблюдать за битвой, не выказывая более никаких эмоций, и уж тем более, ни тени беспокойства.

Итак, схватка была реальна. Петух со шпагой атаковал змею, она в свою очередь, резкими выпадами бросалась впе-

ред, ловко уворачиваясь от стального клинка. Укусы змеи лишь раззадоривали петуха и он нападал еще азартнее. Странно, но с каждым ранением петух становился еще выше и внушительнее. Наверное, также и сильнее. Впрочем я уже перестал удивляться чему бы то ни было. Змея не отставала, и после каждого нанесенного шпагой укола тут же расширялась или удлинялась, в зависимости от того, какой из размеров надо было увеличить, для того чтобы сохранить пропорцию тела. Казалось, змея уже без труда смогла бы за один раз проглотить стол и два стоящих рядом стула. И даже вместе с сидящими на них людьми. Ну или животными. Это уж как пойдет.

Агафья Тихоновна лениво поглядывала на дерущихся животных, опершись на стену на безопасном расстоянии и внешне обратившись к ним, выкрикнула:

– Не надоело вам?

Две головы, как по команде повернулись к моей спутнице и застыли то ли от неожиданности, то ли от непомерной акульей наглости.

– Достаточно! – прокричала она что было сил и вдруг взметнулась к потолку. Сильный хвост мощным ударом разбил стеклянный купол. Звон тут же наполнил помещение, как жидкость наполняет сосуд. Он перемещался внутри здания, эхом отскакивая от стен. Мелкие осколки стекла, падая, вылавливали лучи яркого света, и каждый осколок, словно призма, расщеплял солнечный поток, проецируя и рва-

но разбрасывая полный набор цветов в самых различных, непредсказуемых направлениях. Спустя мгновение, кусочки купола разноцветным дождем рухнули на пол и разлетелись на еще более маленькие фрагменты, превратившись практически в стеклянную пыль.

Агафья Тихоновна быстро спустилась ко мне, выхватила стоявший около стены зонт (дракон, видимо исподтишка наблюдавший за всем, проснулся и внимательно наблюдал за движениями акулы), и раскрыла его над головой.

Дождь хлынул как-то сразу и наверняка. Фигуры раздувшихся до невероятных размеров животных, казавшиеся нам крепкими и сильными, тут же обмякли, начали терять форму и оседать на пол, растекаясь цветными и яркими пятнами. Исполинское зверье на проверку оказалось полым, не несущим никакого наполнения, внутри. Не несущим никакой сути. Только видимость силы, мощи и могущества. Видимость и была их наполнением. Видимость и то, что дорисовал мой мозг, автоматически наделив их качествами, им не принадлежавшими. И уже эти несуществующие качества вызывали мой страх. Все правильно, как и говорила акула, страх – продукт моего собственного мозга, не более того.

– Вот и хорошо, вот и чудесно! Вот и замечательно! – Агафья Тихоновна уже суетилась около змеи, погружающейся в лимонно-желтую, состоящую из собственного растаявшего тела лужу, собирая краску в непонятно откуда взявшиеся пустые бутылочки. Акула была в прекрасном настроении и



трудилась быстро и споро. Желтый красочный цвет наполнял бутылки, он искрился и переливался, отливал чистым золотом в блистающем солнечном свете, который, без препятствия в виде стеклянного купола, был просто ослепителен. Итак, вопрос с желтым цветом был решен окончательно. Желтого должно хватить!

Через 10 минут все было кончено и место сражения лишь отдаленно напоминало о случившемся. Только стеклянная пыль как-бы подсказывала, намекала, напоминала о битве, поигрывая солнечными зайчиками.

Стоит ли говорить что преобладающим цветом в оперении петуха был фиолетовый, также с любовью собранный Агафьей Тихоновной в 9 чистых бутылочек. Желтого же насобиралось аж одиннадцать.

Дракон с моей шеи лениво, но внимательно наблюдал за происходящим, однако не подавал никаких признаков заинтересованности или любопытства.

После того как мы вновь устроились за столом, а дракон сполз вниз и удобно устроившись в моих ногах, захрапел, Агафья Тихоновна, расставив разноцветный трофей на столе, подвела итоги:

– Красной – 12, желтой – 11, фиолетовой – 9, оранжевой – 8, зеленой – 5, синей – 3 и две с голубой! – вслух считала она, – ну что ж, это очень достойный набор. Я бы даже

сказала что с таким набором вы точно нигде не пропадете! С таким ассортиментом не только можно, но и должно отправляться в путь. Ровно полсотни бутылочек отличнейшей замечательной краски!

Акула весело посмотрела на меня и ни с того ни с сего начала говорить что-то совсем непонятное:

– Все к лучшему, все к лучшему. Все что ни делается – все к лучшему! Для нас, а точнее – для вас, это значит только одно – лучшее неизбежно и никому не удастся от него скрыться. Никому, Никогда и Нигде. Нет такого места где можно скрыться от лучшего. Совсем нет. Каждый обречен на счастье. Все дороги ведут именно туда. Какая-то из дорог длиннее, какая-то короче, но направление одно, – Агафья Тихоновна заговорщицки подмигнула мне, – и в конце концов все будет так как вы хотите, стоит только набраться побольше терпения. Может и не на одну жизнь, – она на мгновение задумалась, – а знаете что такое терпение? – и не дожидаясь моего ответа, добавила:

– Терпение – это способность получить желаемое без энергетических затрат. То есть абсолютно бесплатно.

Акула подмигнула мне лакированным глазом-бусинкой и, видимо, услышав мои мысли, замолчала.

– Никто, Никогда и Нигде, – я повторил слова Агафьи Тихоновны, – не скроется от счастья. Никто, конечно, не скроется, он – Никто, но кто-то сможет скрыться? Значит ли это

что скрыться может именно кто-то? Кто-то конкретный?

– Да! – акула радостно кивала головой, охотно подтверждая мои догадки, – от счастья может скрыться только кто-то. Кто-то конкретный. Кто-то важный, весомый и значительный. Кто-то телесный, плотский и материальный. Но если ты Никто, то ты автоматически обречен на счастье! Приговорен к нему!

– Пожизненно?

– Нет, – Агафья Тихоновна отрицательно замахала головой, – нет, не пожизненно. Пожизненно – это крайне мало. Пожизненно – это одиночно, разово и рвано. Я бы употребила слово «вечно», и хоть это будет не совсем верно, но по крайней мере, это хотя бы много больше любого пожизненного срока.

Агафья Тихоновна выдержала небольшую паузу, наблюдая за моей реакцией на свои слова и, в конце концов, решив что я понял не до конца, объяснила подробнее:

– Это ясно видно из слова «никогда». Никогда – это значит без привязки к Времени. Не когда-то конкретно, а никогда. Безвременно. Бессрочно. Навсегда. Навеки.

Она замолчала.

– И нигде, – как эхо добавил я, – без привязки к Пространству. Без координат. Без адреса. Всюду.

– Да. Никто, Никогда и Нигде. Что может означать – вечно, всегда и везде. Постоянно счастлив может быть только Он. Присутствующий в вас. Именно он, и только он, счаст-

лив постоянно. Без конца, без передышки, без отдыха. Только он один. И именно он находится в каждом. Никто. Ноль. Чистый вакуум, – акула в блаженстве закрыла глаза и умолкла, оставив меня наедине со своими мыслями и догадками.

– Кто же этот Никто?

– Его можно только почувствовать, но не показать, – акула смотрела на меня улыбаясь, – только почувствовать, а почувствовав – принять. И тогда этот Никто, возможно станет всем, и даже много больше.

– Никто – это без привязки к телу?

Агафья Тихоновна кивнула и поправила:

– Без привязки к телам.

– Их много?

– Тел? – она продолжала улыбаться, – тел много. Очень много. Больше чем вы видите и даже больше чем чувствуете.

Так я и сидел, а в моих ногах, мирно посапывая во сне, лежал самый что ни на есть настоящий дракон. Однако, даже во сне, его желтый глаз, прикрытый полупрозрачной пленкой глазного века, внимательно наблюдал за происходящим. А может быть он просто видел сны. Яркие и волшебные, как краски на столе.

Сейчас мне кажется что большое количество красной краски, добытой нами с таким трудом, его радовало точно также как и Агафью Тихоновну. Впрочем, это было совсем не удивительно, ведь купол зонта, частью которого являлся

и сам дракон, изначально был выкрашен в крупный красный горох.

### 3

Агафья Тихоновна продолжала что-то говорить о счастье и благополучии, об умении предвидеть, а значит, как она считала, и управлять, о явных и скрытых закономерностях в судьбе человека, одним словом, рассуждала на вечные и всегда интересные темы. Звук и тембр ее голоса настолько умиротворял и расслаблял, что в какой-то момент я почувствовал что засыпаю. Сон подкрадывался незаметно, на цыпочках, он обволакивал плотным облаком внутреннего зрения, отключая глаза. Голос Агафьи Тихоновны доносился издалека, иногда пробивая брешь в моей дремоте, но смысл сказанного растворялся в воздухе, уже не достигая своей цели и моих ушей. То ли во сне, то ли наяву, дракон, зевая выполз из под стола и по-собачьи сел рядом, преданно заглядывая мне в глаза. Радужная пища и крепкий долгий сон сделали свое дело. Внешне дракон заметно прибавил в размерах.

Он приблизился почти вплотную к моему лицу и замер, как это делают практически все рептилии в ожидании жертвы. Возможно, он просто смотрел. Возможно, рассматривал. Возможно, запоминал черты моего лица. А может быть это были просто драконьи правила приличия и таким образом он хотел со мной познакомиться. Дракон был абсолютно

неподвижен и его желтые глаза с вертикальным зрачком так же неподвижно, не мигая, смотрели прямо на меня. Я что-то хотел произнести, и даже попытался это сделать в своих мыслях, но не смог. Мои голосовые связки не слушались команды. Вполне может быть что мне просто было нечего сказать, но я чувствовал что могу развеять гипнотичность драконьего взгляда только лишь и всего одним словом. Или даже несказанной мыслью.

– Тсссссс, – отчетливо прошипел дракон, приложив здоровенный коготь одной из лап к своей пасти, явно предупреждая о том что ничего не нужно говорить, – тсссссс...

Я кивнул, словно замороженный, и открыл глаза в тот самый момент, когда Агафья Тихоновна, видимо, покончив с глобальными вопросами счастья и процветания человечества, перешла к его изъянам.

Наваждение пропало. Драконий хвост, выглядывая из-под стола, обвивался вокруг моих ног, а его хозяин спал как ни в чем не бывало.

– Во время вашей трапезы вы воочию познакомились с тремя самыми главными пороками человечества, так сказать, с основой основ, с фундаментом, – акула сидела, как и раньше, напротив меня, и ее острый серый нос опять украшали уже знакомые мне учительские очки.

– Свинья, с которой вы расправились первой, олицетворяет собой невежество, а попросту глупость, ибо свинья ест всё

без разбору. Так и неведение или непонимание не видит разницы между благим и дурным, удачным и неудачным, мудрым или глупым. Конечно, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – свинина – блюдо для подготовленных. Только зрелый, знающий человек может прочувствовать нелепый вкус невежества. Только знающий человек может понять и принять ограниченность своего тела, пропустить ее через себя, переварить, и наконец, покончить с собственным несовершенством, взглянув на мир восхитительно другими глазами. Только знающий человек может осознать неизбежность самовыстроения своего будущего, и как следствие, принятие полной и безоговорочной ответственности за свою судьбу. Тогда и только тогда этот знающий человек получает возможность обрести свободу. Как духовную, так и физическую. Тогда и только тогда человек становится хозяином, если хотите – владыкой собственной жизни. Только тогда он начинает ведать, что творит. И от этого становится немного свободнее. Рабу, например, совершенно не обязательно вникать в суть дела – за него отвечает хозяин. Это в полной мере относится и к божьим рабам. Ведь любому думающему человеку должно быть прежде всего непонятно почему в религиозных сообществах за свои проступки отвечают рабы самолично, а не хозяин, который, собственно, и повелевает их мыслями и делами? Это первое и очень важное логическое несоответствие, присущее любой существующей религии. Ответ есть, он примитивен и прост, но об этом позже.

Итак, покончив с невежеством, человек начинает обретать свободу. А если сказать точнее, то получает возможность обрести свободу, ведь покончить с невежеством – еще далеко не все. Это только начало.

Агафья Тихоновна говорила не спеша, подбирая каждое слово, смакуя и пробуя его на вкус перед тем как сказать. Если вкус был правильным – слово произносилось и обретало свое материальное воплощение в виде вибрации. Никому не известно, сколько слов не прошли это испытание и навеки оказались похоронены в акульей пасти. Но и сказанного было вполне достаточно для того чтобы крепко задуматься. Негромкий говор, к которому надо было прислушиваться, вкрадчивые интонации, и простые, часто употребляемые слова, словно кричали об одном – информация, которую мне хотят преподнести разжеванной и разложенной на блюдечке, крайне важна. И мне стоит приложить максимум усилий чтобы понять и принять смысл сказанного. Ведь тихо говорят только тогда, когда хотят быть услышанными, не так ли? Вот и Агафья Тихоновна неторопливо, шаг за шагом изрекала азбучные, давно известные каждому думающему человеку истины. Однако, знать, даже четко, но где-то глубоко в подсознании – это одно, а слышать авторитетно сформулированные грамотные постулаты – совсем другое.

Акула, тем временем, продолжала:

– Петух – символизирует привязанность или страсть. Он стремится завладеть объектом или слиться с ним, ибо он вла-



делец гарема. Но сливаясь с чем бы то ни было, мы, а точнее – вы, безболезненно, и самое главное, безбоязненно, теряете собственную сущность, примеряя на себя качества и характеристики другого объекта. Иногда эти качества затмевают нас самих, точно таким же образом, как одежда закрывает наше тело, – она вздохнула, – так легко себя потерять в множестве слияний, так легко. Я бы даже сказала, – Агафья Тихоновна подняла плавник, подчеркивая важность сказанного, – совершенно невозможно не потерять.

– Кроме того, петух способен выискать в траве самое мелкое зернышко, он точно так же как и привязанность или страсть, зорко концентрируется лишь на предмете своего влечения или вожделения. Он не замечает ничего, кроме объекта своих грез. Он слеп. Точнее – ослеплен. Ослеплен собственными желаниями и собственным же влечением. Привязанность, после невежества – второй краеугольный камень человечества.

Агафья Тихоновна говорила и украдкой разглядывала меня. Надо сказать что я делал тоже самое. Ее облик потерял хищность, лицо или морда, даже не знаю как будет правильно, стало округлее, мягче, а зубастая пасть совсем утратила свою свирепость. Даже акулы глаза лишились глянца и наполнились чем-то человеческим, нелакированным, живым и глубоким. Если ранее глубины в них было не более чем на слой лака, покрывавший черную бусинку, то сейчас в ее глаза можно было погрузиться с головой. Агафья Тихоновна,

видимо заметив или подслушав мои мысли, быстро договорила:

– Со змеей все просто. Змея воплощает собой гнев или злость. Она либо уползает прочь, когда к ней приближается человек, либо нападает на него. Так и гнев стремится устранить объект из поля нашего восприятия или опыта одним из двух, доступных ему путей – либо избегая, либо уничтожая его. Змея – третье и последнее олицетворение одного из основополагающих качеств кругового человеческого порока – гнева или злости, чувства мести или отвращения. Кстати, это все одно и то же. Плоды одного дерева. Даже одной ветки одного дерева.

Агафья Тихоновна замолчала и прикрыла глаза, словно восстанавливая силы.

Невежество, привязанность и злость. Было над чем задуматься.

Некоторое время мы просто продолжали сидеть рядом, впитывая вибрацию каждого произнесенного вслух слова и додумывая недосказанное. Окружающий нас воздух был наполнен этими вибрациями. Странно, но стены не принимали, не гасили их, и доходя до преграды, звуковые и мысленные волны отражались от нее и возвращались к нам, наполняя помещение гулом и аханьем, сродни вокзальному. Разница была лишь в том, что этот гул был наполнен глубоким смыслом. Хотя, я уверен, что если внимательно прислушать-

ся к гулу на вокзале, он тоже будет полон. До краев. Сколько же всего важного и интересного проходит мимо наших ушей и глаз. Мимо нашего восприятия. Мимо нас самих.

– Информация, – акула развела плавниками, словно указывая на вибрирующий воздух, – она никогда и никуда не девается. Единоразы сказанное или выраженное каким-либо другим способом тут же обретает достаточно сил существовать автономно, – Агафья Тихоновна опять внимательно посмотрела на меня, и видимо, решившись, добавила:

– И вечно.

Мы продолжали сидеть молча, отдыхая и думая каждый о своем. Когда по мнению моей спутницы, прошло достаточно времени чтобы набраться сил, Агафья Тихоновна первой нарушила наш паритет в молчании:

– Ну продолжим, – она шумно выдохнула воздух, – нам предстоит еще много дел! С невежеством можно и должно бороться самостоятельно, каждый человек имеет на это право, и что самое главное, возможность. Я бы даже добавила, – акула опять приподняла плавник, выделяя значимость сказанного, – если на свете и есть что-то обязательное, то это развитие. Каждая книга, каждое, даже кажущееся нам самым незначительным знание, каждый приобретенный опыт, растворяет невежество лучше любого растворителя. Оно боится знаний как тьма боится света. Ведь правда же, легко можно зажечь огонь в темноте, но нельзя сделать наоборот,

и воткнуть темноту в свет? Вот как Свет растворяет тьму, так и Знание растворяет неведение. Можно ли из этого сделать вывод что невежество нас окружает, как ночью темнота? Не знаю, – она неопределенно махнула плавником, – каждый выбирает свое окружение сам. Кто-то выбирает невежество, и после этого выбора можно ничего более не делать, а кто-то – Знание, и вот тут-то придется потрудиться!

Агафья Тихоновна кивнула на бутылочки с краской, стоящие на столе, и в точности напоминая хозяйку из сюжетов рекламных роликов про лучший стиральный порошок или чистящее средство, произнесла, – это образцовое средство. Свет. Ничто в мире не может противостоять Свету. Ничто и Никто.

Она сделала паузу, улавливая мое понимание сказанного почище любой антенны и, оставшись довольной результатом (а это было написано у нее на морде), продолжила:

– Привязанность и гнев, часто, если не всегда, идут рука об руку. Только на первый взгляд кажется что это субстанции разного рода. Но люди давно подметили их связь, которая выражена множеством поговорок, самая яркая из которых – «кого люблю, того и бью». Привязываясь, человек берет на себя ответственность за чужую судьбу, абсолютно не отдавая себе отчета, что он не в состоянии контролировать другую жизнь. Не в состоянии и не вправе. И когда, совершенно естественно, у него ничего не выходит, то есть оказавшись несостоятельным в этом вопросе, человек начинает

злиться. И хоть объективно его злоба должна быть направлена на себя, на деле происходит иначе. Агрессия вырывается наружу, и субъективно, человек, продолжая не понимать что проблема в нем самом, пытается взвалить вину на кого-то. Кого-то, кто случайно оказался рядом. Человек злится. Не понимает что происходит. Теряет нить. И таким простым способом он хочет вновь ее нащупать, почувствовать эту нить в руке. И ему кажется что для этого нужно загнать другого человека в рамки своей жизни и ограничить его своим забором, накрыть своей крышкой. Лишить собственного мнения и зрения. Что это? – акула немного помолчала и подытожила:

– Обман. Ошибка. Иллюзия. Галлюцинация. Вымысел. Фантазия. Химера. Ложь. Ложь самому себе, прежде всего.

Агафья Тихоновна опять замолчала на мгновение и понюхала воздух, словно ища знакомый запах. Я повел носом и ничего не почувствовав, спросил:

– Вы что-то ищете?

– Да, ищу, – она вдохнула полную грудь, – и это что-то – ваше внимание. Но я слышу его запах, так что можно продолжать.

– Вы слышите запах внимания?

– Конечно, – акула кивнула, – и внимания и всего остального.

– Разве внимание пахнет?

– Абсолютно все пахнет, – Агафья Тихоновна серьезно по-

смотрела на меня, – и внимание, и увлеченность, и любопытство, и усталость. Если что-то существует, то оно просто обязано пахнуть.

Я молча и утвердительно кивнул и в тысячный раз за сегодня дал себе слово ничему не удивляться.

Акула, тем временем, продолжала:

– Конечно же, для того чтобы кого-то учить, нужно прежде всего иметь на это право. А так как этого права нет ни у кого, да и быть не может, то его надо придумать и дать ему жизнь. Ну например, сказать – я старше или я опытнее. Или – я умнее. Или – ты должен поступать так, потому что так принято. Или, вот самое лучшее – я знаю что ты хочешь. Или еще – я знаю как тебе будет лучше. Другой человек может согласиться и принять, страдая и вынашивая в себе свой личный нереализованный потенциал или начнет бунтовать и отстаивать свое право на свободу. Все это выливается в злость, гнев и неизбежные в данном случае ссоры или даже войны, которые могут закончиться один черт знает чем. И человеческая привязанность (а люди называют это ни много ни мало – любовью!) заканчивается всегда одним и тем же – она перегорает как лампочка. И, конечно же, тухнет, – Агафья Тихоновна задумалась на мгновение, – иногда вспыхивая в предсмертной агонии и даже бывает что унося с собой в смерть и самого человека. Акула запнулась, словно не хотела что-то произносить и быстро подытожила:

– Вывод прост и категоричен – привязанность смерти по-

добна. Или вы кончаете с привязанностями или они кончат вас.

Агафья Тихоновна опять потянула носом воздух, как бы проверяя, понимаю ли я. Спустя мгновение, она продолжала говорить:

– Все что может сделать человек ограничено и безгранично одновременно. Ограничено его сферой влияния, то бишь исключительно собственной судьбой, и безгранично в этом измерении. Изменяя свою жизнь человек очень эффективно изменяет и свое окружение. Я бы даже сказала – не окружение, а отражение. Ибо всегда, – Агафья Тихоновна многозначительно приподняла плавник, – и никаких но или если, – она постучала плавником по столу, – всегда внешнее является отражением внутреннего. Просто четким и безукоризненно выполненным отражением. Как в зеркале. Точной копией. Мир с радостью и надеждой воспроизводит человеческие мысли и чувства, надежды и опасения, и каждому кажется себя самого. В этом и есть суть великого замысла Природы – научить. А когда урок усваивается лучше всего? – Агафья Тихоновна, не дожидаясь ответа, кивнула головой, – правильно! Когда есть наглядный пример. Особенно когда этот пример – мы сами. Тогда обучение проходит быстрее и эффективнее. И как водится в обычной школе, а правила здесь, – она оглянулась вокруг, – точно такие же как в самой обыкновенной школе, только когда материал усвоен полностью, соискатель может перейти в следующий класс, на сле-

дующий уровень.

Агафья Тихоновна глубоко вздохнула, словно сердобольный классный руководитель отстающего класса и припечатала:

– Но Время категорически против. Оно разделяет причину и следствие, и человеческий мозг не в состоянии уловить связь между своими мыслями и их материальным воплощением, так как между ними стоит Время. Много времени. И нерушимая, прямая связь между причиной и следствием стирается, не воспринимается однозначно. Но она есть. А если быть точной, то только она и есть, – Агафья Тихоновна встала и подошла к воображаемому зеркалу, которое тут же материализовалось из пустоты, – понимаете, смотрясь в зеркало и, например, улыбаясь, человек тотчас видит свое отражение, ибо Свет со своей невероятной скоростью, – она посмотрела на меня и я почувствовал в ее словах иронию, – так вот, Свет со своей невероятной скоростью показывает нам зеркальное отражение практически мгновенно. Тоже самое происходит и на энергетическом уровне – улыбаясь, мы всегда получаем улыбку в ответ. Всегда. Но, бывает что много позже. Бывает что между отданной и полученной эмоцией проходят годы. Годы, в вашем, человеческом исчислении. Материальный мир, в котором вы живете, в отличии от энергетического, инертен и неповоротлив. Он достаточно медленно, но очень точно, не привирая ни на йоту, возвращает нам наши идеи и размышления, даже когда вы сами и думать



забыли о них. Возможно, ему нужна эта пауза чтобы ничего не упустить и хорошенько подсчитать все улыбки и разочарования. Да, да, – Агафья Тихоновна улыбалась, смотрясь в зеркало, – иногда и думать забудешь, а тут – на тебе! Получи и распишись. В департаменте Материальной Реализации Мыслей и Идей, – акула многозначительно кивнула, словно подтверждая наличие такого учереждения, – не теряется ни одна, даже беглая мысль, ни хорошая, ни плохая, не теряется ни один поступок, ни один эмоциональный всплеск, ни одно одобрение или порицание. Материальная Вселенная медленно, со скрипом поворачивается к нам той своей стороной, на частоте которой мы излучаем...

– Излучаем?

– Ну или думаем, это одно и тоже. Сторон этих у Вселенной бесконечное множество. Всем хватит. Каждый получит сполна. И тут уже не помогут ни взятки, ни связи. Исходящий человеческий канал всегда настроен на ту же частоту что и входящий вселенский. Вы спросите, что первично? Не знаю, – Агафья Тихоновна села за стол, – пока Свет и Время были воедино – все было просто. Но сейчас, когда Свет вырвался из плена и каждым своим лучиком показывает нам сверх возможности свободы от временного рабства, я уже не знаю что и думать. Вот он знает, – она кивнула на дракона, который зевнул, но опять не показал ни капли заинтересованности, хоть и всячески демонстрировал свое благодушие, – но он предпочитает молчать. Возможно, это лучшее

решение. Ибо каждому свое Время. Он свое выдержал и теперь неуязвим ни для секунд, ни для столетий. Даже самые страшные орудия Времени – миг и вечность – не властны над ним. Ну до этих понятий мы еще доберемся, опять-таки, в свое время, – Агафья Тихоновна ерзала на стуле и смотрела на меня немного настороженно:

– Однако обеденное время закончено. Солнце скоро уйдет за горизонт, и мне кажется, мы с большей пользой можем провести остаток дня на улице. А разговор от нас никуда не денется. Придет и его час.

Дракон, словно услышав ее предложение, выполз из-под стола. Краски, съеденные накануне, впитались и полностью растворились в драконьем теле, придав ему силу и красоту. Он выставил вперед лапы и расправив крылья прогнул свою жесткую, привыкшую к негнущейся ручке японского зонта спину. Словно разминая ее, дракон потянулся вверх с мягкой грацией кошки перед прыжком. Жилы, натянутые как тетива лука, упруго поддерживали форму крыла. Даже когти, казалось, стали еще больше и прочнее. Дракон бесшумно оттолкнулся от пола, сделал небольшой круг по залу, купаясь в красноватом, закатном солнце, и приземлился на то же место, оглушительно выдохнув воздух. Рев такой силы прокатился по помещению, что даже мелкие стеклянные осколки, лежащие на полу, забренчали словно мухи, попавшие под стакан. Дракон оглянулся вокруг, словно демонстрируя свою

мощь всем желающим и еще раз прочистил горло.

– Хорошо что он дышит пока что без огня, – вслух произнес я, но должен был признать, что дракон вызывал лишь восхищение. И пожалуй еще немного восторга.

– Вот это союзник, вот это союзник, – повторяла Агафья Тихоновна, оставив без внимания мою реплику, она была полностью поглощена наблюдением за драконом. Акула в полном восторге кружилась по залу, опираясь только на хвост, – идемте же, скорее идемте. Вы спасли дракона от скорой гибели, накормив куском радуги, теперь ему необходим только Свет. В самом крайнем случае давайте ему краски. Но лучше просто Свет. Поверьте, этого вполне достаточно чтобы поддерживать драконью жизнедеятельность, и что немаловажно – драконью сущность!

Агафья Тихоновна схватила синий зонт в красный горох, который так и стоял при входе в обеденный зал, и выскочила на улицу. Дракон, чего я совсем не ожидал, в одно мгновение подхватил меня на крыло, совершив головокружительный кульбит и взмыл вертикально вверх, к разбитому стеклянному куполу, но только для того, чтобы вылететь из здания и через миг мягко приземлиться у озера. В его лапах было 50 бутылочек отличнейшей краски, с таким трудом добытой мной в течение всей жизни, и с любовью собранной в эти посудины Агафьей Тихоновной. А я даже не заметил когда он успел их схватить.

Водная гладь впитывала, или наоборот, отбивала, свет уходящего солнца и сама вода от этого казалось кровавой, закатной. Словно пропитанной кровью тысяч воинов, пытавшихся пройти сквозь него. А может быть кровь была только в моей голове.

Дракон аккуратно сложил посудины с краской на берег и приблизился к зыбкой блестящей поверхности. Он опустил голову впритык к воде и звучно и долго втягивал в себя дымку с поверхности озера. Вечерний, вязкий воздух стягивался к его пасти вместе с оранжево-красным отблеском вечерней зари, и пропадал где-то в недрах его уже немаленького, но все еще увеличивающегося тела. Вода постепенно обнажалась и становилась черной, матовой, незнакомой. Спустя какое-то время багровые тона полностью исчезли, и только Солнце, как огромный фонарь, висело над нашими головами, но свет его более не озарял этот участок земли. Дракон поднял голову и еще раз вдохнул, на этот раз коротко и мощно. Солнце, покачнулось на небосводе, и словно бильярдный шар, направленный умелой рукой в лунку, скрылось в огромной, улыбающейся пасти нашего ненасытного союзника.

– Когда Время прекращает движение, привычный нам, видимый человеческому глазу Свет уходит отсюда. Или просто прячется, – Агафья Тихоновна смотрела на дракона, чешуя которого просвечивалась изнутри и хоть немного, но освещала пологий берег, – а вот достаточно ли у нас сил противостоять тьме в стоячем времени, покажет как ни странно,

само Время. Пока мы в этих телах, мы обязаны с ним считаться.

С этими словами она раскрыла зонт, который тут же вспыхнул глубинной синевой вечернего неба и десятком огненно-красных маленьких солнц-горошин.

– Здесь нам пригодится индивидуальное освещение, – акула явно знала что делала.

Я, словно замороженный в сотый раз за день, с отвисшей челюстью, смотрел на купол зонта. Он увеличивался пока не заслонил собой весь небосвод и вместо одной яркой, но далекой звезды, которая уже была в чреве нашего немногословного спутника, над головами у нас засияло множество пламенных, красных светил.

Свет, словно выпрыгнул из-за угла и засиял инфракрасным спектром, неся с собой тепло. Одновременно с теплом пришло полное непонимание природы происходящего.

– Где мы? – это единственное что я смог выдавить из себя.

– Везде, – Агафья Тихоновна тихонько наклонилась ко мне и объяснила, – Природа этого мира такова, что Солнце, как и любое физическое тело, одновременно находится в каждой точке Пространства, поэтому мы и видим добрую сотню солнц на небосводе. Но оно одно. Просто везде и сразу. Как и мы. Времени, таковому, к которому мы привыкли, здесь не существует, – акула шептала мне на ухо, – ведь подумайте, по сути, что такое Время? Это такое измерение в

Пространстве, благодаря которому все происходит не сразу. Просто набор фотокарточек, каждая из которых показывает свое мгновение. Вот поэтому так много солнц, ведь здесь – все фотокарточки сразу и прямо сейчас, наложенные друг на друга. А мы с вами просто немного изменили настройки и получили возможность видеть несколько фотокарточек сразу. Мы – наблюдатели.

Агафья Тихоновна медленно встала, подплыла к темному озеру, продолжая говорить:

– По сути – Время и есть альбом с фотокарточками, который существует сразу и целиком. Но ваши органы восприятия, включая мозг, не в состоянии показать вам все сущее одновременно. И вам приходится листать снимок за снимком. Этот процесс и называется человеческой жизнью.

– А можно сразу заглянуть в конец альбома?

– Да, если предположить что у него есть конец.

– Я имел в виду, в конец моего личного альбома, ведь когда-то же меня не станет.

– Не станет, – как эхо повторила Агафья Тихоновна, – конечно, не станет, – а кого это – вас?

– Меня, человека.

– Человека? – она рассмеялась, – вы – человек? Человек, это ваш биологический вид и точка. Ваш – притяжательное местоимение. Ваш – это значит, вид, который принадлежит вам. Или к которому принадлежите вы. Это суть одно и то же. Но это не вы.

– Эээээээ, – я не знал что сказать, – но кто тогда я?

– А вот это нам и предстоит выяснить, – Агафья Тихоновна подмигнула мне черным пуговичным глазом, – кто вы такой.

Акулий глаз вновь обрел человеческую глубину и я увидел в нем свое отражение. Желтый вертикальный зрачок смотрел на меня из зеркала, созданного самой Природой. Я часто заморгал, прогоняя наваждение, а акула весело засмеялась. Она знала что я увидел. Точно знала. Но ничего не сказала. И видимо, не собиралась говорить.

– Кто я? – повторив вопрос я еще раз взглянул в глаза моей спутнице, – кто же я?

Озеро отражало тепло доброй сотни новых солнц, его поверхность потеряла матовость и прямо в воде, то здесь, то там просматривались очертания двух тел – акулы и человека. Два совершенно разных биологических вида мирно шли, беседуя на ходу.

– Значит, нам туда? – зачарованный, как я думал, видением, я кивнул в сторону темной, но прозрачной воды.

– Или туда, – акула повернулась к зданию столовой, показав на нее глазами.

– Но мы там уже были.

– Ничто и никогда не помешает вам туда вернуться. Прошлое и будущее существуют постоянно. Как и настоящее. Любой фотоснимок доступен в любое время. Он сам по себе

является целым миром, вечным и неизменным.

– Значит ничего нельзя изменить?

– Зачем что-то менять? Разве в этом есть хоть какая-то необходимость? – Агафья Тихоновна удивленно посмотрела мне в глаза, – снимков-то бесконечное множество, понимаете, бесконечное... Не сто, не тысяча, не миллион и не миллиард. И даже не миллиард триллионов. Бесконечное количество – это огромное число без самого числа. Это как количество мгновений в одной секунде. Или в одном столетии. И там, и там – неисчислимая бездна различных между собой моментов. Как в секунде, так и в столетии, – повторила она хитро и улыбнулась, – можно даже сказать что и в секунде и в столетии одинаковое количество мгновений. Так что они мало чем отличаются.

– Секунда и столетие?

– Ага. И тысячелетие тоже.

– Но так не может быть!

– Может. Бесконечность делает это возможным.

– Но ведь можно что-то исправить или изменить, вернувшись всего лишь на один миг назад, – я не хотел понять очевидного и настаивал на своем, – и будущее ведь изменится!

– Вы думаете, у вас есть свобода выбора? – Агафья Тихоновна задумчиво разглядывала ничем не примечательный камешек, с одной стороны смоченный прохладной водой, а с другой – прогретый солнечным теплом, – думаете, вы в состоянии что-то изменить?



– Конечно. Если есть возможность вернуться во времени, можно изменить многое.

– В отдельно взятой, вашей жизни, наверное, да, – она усмехнулась, – но для Времени ничего не изменится. Снимков-то бесконечность. И всё что было, есть или будет, или даже просто может быть – уже где-то и когда-то существует. Вы просто прыгнете в другое, уже существующее мгновение и проживете его. Но то, что вы хотели изменить и, допустим, изменили, от этого не перестанет существовать. Оно лишь перестанет существовать в вашем восприятии. Даже не в вашей жизни, а только в вашем восприятии и в вашей же памяти, которая ни много ни мало – лишь зеркало вашего восприятия. Даже не зеркало жизни, а всего лишь вашего восприятия этой самой Жизни.

– Получается что я вполне могу прожить все возможные варианты?

– Если бы у вас было бесконечное количество Времени, то да. Но вы вряд ли смогли бы даже вспомнить об этом. Человеческий мозг устроен очень хитро, – она вздохнула, – он воспринимает только линейное движение времени от причины к следствию, и эта, казалось бы простота, как раз всё и путает. Ведь на самом деле, следствие точно так же определяет причину, как и причина -следствие. Другими словами, прошлое зависит также от будущего, как и наоборот.

– Не совсем понятно.

– Такова человеческая природа.

– Значит я все-таки человек? – я ухмыльнулся, вспомнив как акула рассмеялась, не согласившись с этим утверждением.

Агафья Тихоновна перевернула лежащий на берегу камень таким образом, что его светлый, теплый и сухой, нагретый солнцами край, оказался в прохладной воде, а темная, мокрая часть очутилась на свету. И пока она не высохла и не посветлела, весь камень был одинакового темно-серого, цвета мокрого асфальта.

– На этот вопрос можете ответить только вы сами. И Никто другой.

– Никто?

– Да. Никто, который постоянно с вами.

Казалось бы, ничего не изменилось. Часть камня, подставленная под солнечный свет высохла и отливала серебром, тогда как сама вода на камне четко прорисовала границу между темно-серым – мокрым и светло-серым – сухим.

Но мы-то знали что сейчас все было с точностью до наоборот.

4

– Люди испытывают эмоции? Или эмоции испытывают людей? – Агафья Тихоновна смотрела на воду, послушно и безропотно отражавшую добрую сотню, а может и больше,

новых, недавно рожденных зонтичных солнц, – но кто такие люди? Кто? – она вернулась на травянистый берег, и вода тут же почернела, скрыв свое содержимое от наших глаз, – ветер дует – трава гнется. Вы выбираете быть травой, испытывающей порывы ветра. Или выбираете быть ветром, гнущим траву. Каждому своё.

– А что правильно? – единожды глянув, я не мог отвести взгляд от травы на берегу, в новом, не виденном мною ранее инфракрасном излучении, казавшейся фиолетово-черной.

– Правильно? – акула рассмеялась, – правильно именно то что вы выбираете. Любой ваш выбор верен.

– Любой?

– Любой! Главное чтоб он был ваш!

– Значит не надо никого слушать?

– Если это не соответствует вашему восприятию действительности, то не надо. Прислушивайтесь, но не слепо следуйте. Ведь есть категория людей, которые не посоветуют плохого.

– И кто это?

– Например, ваши родители, – Агафья Тихоновна попыталась скрыть усмешку, – друзья тоже. Если вы уверены, что это друзья.

– Их можно слушать?

– К ним нужно прислушиваться. Впрочем, и это совсем не обязательно. Ваш путь всегда останется вашим и никто, кроме вас его не осилит.

– А можно вообще не выбирать? Если я еще не решил кем хочу быть – травой или ветром?

– Можно. Это не меняет сути. Ветер не перестанет дуть, а трава не прекратит гнуться.

– А я?

– А вы быть.

Агафья Тихоновна, казалось, и не собиралась покидать этот дивный, около-озёрный мир, и я, наслаждаясь впредь неиспытанными чувствами, откинулся на траву, подставив свое лицо каждому из сотен, а может и больше, солнц. Ветра не было. А трава была. И я был.

– Нет, нет, ветер есть. Но он компенсирует сам себя. И мы его не ощущаем, – Агафья Тихоновна продолжала читать мои мысли, – в этом Мире, как и в любом другом, все совершенно.

– Что значит совершенно?

– Совершенно – это именно так, как должно быть. И никак иначе, – акула искоса посмотрела на дракона, – и совершенство, как ни странно, можно выразить всего лишь одним словом – равновесие.

– И вы считаете Мир совершенным?

– Конечно!

– Но почему?

– Потому что ничего другого попросту нет. А есть лишь идеи, как могло бы быть, но не стало. Вывод напраши-

вается сам, – Агафья Тихоновна усмехнулась и добавила, – если есть только одно это, – она развела плавники в сторону, – то оно совершеннее всего остального, ибо только оно и есть. Кстати, здесь у нас есть сколько угодно времени чтобы разобраться со всем. Когда я говорю – сколько угодно, то имею в виду несколько, – акула опять попыталась скрыть усмешку, – ибо самого Времени попросту нет. Ну а потом мы должны будем вернуться домой. Просто обязаны будем вернуться, – она замолчала на мгновение, – или не будем должны. Я не знаю. Однако выбор все-таки придется сделать. Правда, стоит учесть что отказаться выбирать – тоже выбор. Ведь по сути это ничего не меняет – ветер продолжает дуть, а трава – гнуться.

– А я быть?

– А вы – быть, – Агафья Тихоновна уже не скрывала свою довольную улыбку, – а вы – быть, – повторила она задумчиво и добавила:

– Если, конечно, вы не отделяете себя от ветра...

Большая белая акула, светло-серая, глянцевая, с тугой и упругой, словно вымокшей и высохшей на ярком солнце, натянутой на мощный скелет кожей, вздернутой прозрачным лаком, акула прогуливалась вдоль пологого озерного берега. Ярко освещенная с разных сторон множеством зонтичных солнц, и поэтому не имеющая тени, Агафья Тихоновна решила вернуться к теме, незаконченной на нашей, теперь ка-

завшейся мне далекой, Земле с одним-единственным, но таким домашним и родным, нашим привычным Солнцем.

Агафья Тихоновна рассуждала о Любви.

– Убедительный, я бы даже сказала, хрестоматийный пример одновременного проявления привязанности и злости в человеческой жизни – любовь и ревность. Только тут Любовь – совсем не та любовь, которая именно Любовь, а то, что люди называют любовью, путая иногда со страстью, иногда с простой привязанностью, а иногда и с банальной боязнью одиночества. Если бы вы знали сколько людей испытывают жгучее несчастье каждый миг только из-за одного, ставшего пресловутым, стакана воды, который, как они думают, некому будет подать в старости. И неважно, что в старости может совсем не захотеться пить, – Агафья Тихоновна засмеялась собственной шутке, – но люди, думая об одиночестве, и боясь его до умопомрачения, в конце концов, именно его и получают.

– То, чего мы боимся или опасаемся, проявляется в реальной жизни?

– Да. Страх выполняет роль дополнительной антенны и Вселенная, которая очень скрупулёзно возвращает каждую мысль, действует вдвойне быстрее, если эта мысль еще и страшит. Ведь ничего и нигде не пропадает и ни в коем случае не теряется. Ни одна мысль. Ни одно чувство. Все только и ждет своего часа чтобы проявиться, – Агафья Тихоновна повернулась ко мне и медленно, по слогам, произнесла:

– Именно поэтому лучше просто сидеть на траве, как это делаем мы с вами, освободив Сознание от страхов и волнений, и любоваться озерной гладью. И никогда ничего не бояться. Никогда. И ничего.

Агафья Тихоновна замолчала и какое-то мгновение просто наблюдала за своим отражением в воде. Оно было четким, как в зеркале. Акула провела плавником по гладкой, не нарушенной никаким, даже самым слабым дуновением ветра поверхности, и зачерпнув плавниками немного черной, как смола воды, поднесла ее к драконьей морде, предложив ему напиться.

– Человечество забыло что такое истинная Любовь. Истинная Любовь стоит особняком среди всех возможных чувств. Истинная Любовь не может испытываться человеком, как остальные чувства. Истинная Любовь не гнет и не гнется. Истинная любовь, как живой организм, сама испытывает людей, испытывает их чувства и эмоции. Она сама решает кому открыть свою сущность. И открывает ее только тем, кто действительно готов. Кто смог. Кто может. Кто сможет и дальше. Истинная любовь самодостаточна. Нет ничего что могло бы сравниться с настоящей Любовью, ведь что бы мы ни взяли – материальное ли, духовное ли, оно всегда окажется лишь составной частью Любви. Любовь абсолютна. Любовь бескорытна. Она не требует ничего взамен, ибо сама питает себя. Истинная Любовь – это океан мироздания, в котором, вполне возможно, зародилась и сама Жизнь. Все

ее ветви и разновидности. Все бесконечные и бесчисленные вариации жизненных форм сотканы в океане истинной Любви, они являются порождением этого океана, его частью, его детищем. В этом океане зародилось и то, что человечество называет эволюцией – а это уже даже не живой организм, а процесс. Глагол.

Дракон подтянулся к плавникам акулы и испил предложенную ему воду. В его глазах мелькнуло что-то, напоминающее благодарность. А может быть это и была Любовь.

– Процесс – это действие, – Агафья Тихоновна продолжала говорить, – а действие, то есть глагол, гораздо долговечнее любого организма, или имени существительного, ибо действие включает в себя жизни множества поколений. Люди рождаются и умирают, а дело, действие, живет и продолжается многие и долгие годы, иногда даже столетия, а бывает и дольше. Так что глагол вправе перечеркнуть все существующие «кто» и «что». Так, например, человеческие поступки всегда перечеркивают слова, – акула усмехнулась, – подумайте, ведь в нашей жизни по сути существуют одни глаголы. Действия. И сама эволюция является скорее глаголом, чем существительным, ведь она – это процесс изменения видов. И цель у этого процесса одна – улучшить уже существующие формы жизни, предоставив эти формам какие-то новые качества и возможности, другими словами – помочь им выжить и выстоять. Заметьте, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – бескорыстно помочь кому-то, не требуя ничего вза-



мен, или что-то улучшить, опять-таки, без вознаграждения и без корысти, можно только тогда, когда ты испытываешь к этому кому-то именно Любовь, не так ли? Пусть даже в усеченном, урезанном, человеческом представлении. Но именно Любовь, Любовь с большой буквы «Л», а не просто привязанность, симпатию или вожделение!

– Вы так думаете?

– Я так знаю.

– Но почему нельзя бескорыстно помочь понравившемуся человеку?

– Потому что в отсутствии Любви вы будете помогать не бескорыстно. Корысть, как притаившийся в темных кустах хищник, атакует незамедлительно. И без вашего на то желания или разрешения. Этот хищник может быть чем угодно. И подпиткой собственного эго, когда человек говорит сам себе – какой же я молодец, что делаю добрые дела, и ожиданием какой-либо награды за сделанное, даже если и не от того кому помог, то от высших сил, да чем угодно. А бескорыстие – это совсем другое. Бескорыстие – это Любовь.

– Но почему?

– Потому что только находясь в Любви, человек перестает в чем-либо нуждаться, ибо Любовь способна дать ему абсолютно все.

– Но почему так? – я повторил свой вопрос.

– Потому что Любовь сама по себе является тем, из чего сделано все остальное. И если вы в любви, то у вас уже есть

все то что в принципе может существовать. Чего тогда желать? Чего хотеть? К чему стремиться? – Агафья Тихоновна мечтательно посмотрела на озерную гладь и добавила:

– Тогда остается только сидеть на берегу и смотреть вдаль, ибо все остальное у тебя уже есть.

– Как мы с вами?

– Да, да. Как мы с вами.

– Значит у нас уже все есть? Значит мы познали и Любовь?

– Конечно, – акула посмотрела на меня испытывающе, – в противном случае ключ не подошел бы к замку.

– Ключ?

– Да. Ключ. Ваш зонт с драконом. Да и вообще не было бы никакого дракона, – она рассмеялась, – ничего бы не было. А замки? Замки существуют только в головах людей. И исключительно для людей.

Я невольно задумался. Был ли в моей жизни, хотя бы один бескорыстный поступок? Совершил ли я что-то просто так для кого-то, абсолютно мне безразличного?

– Получается что накормив бездомного и безразличного мне пса на улице, я был полон Любви?

– Думаю что именно так, – Агафья Тихоновна кивнула головой, но может быть и совсем нет.

– Почему же нет?

– Возможно, вы были не полны Любви. Для этого пса вы

и были сама Любовь. Вы побыли немного Буддой, глотнули свободы, и сами даже не заметили этого, – она засмеялась громко, заливисто, – как часто мы проходим мимо столь очевидных вещей!

Агафья Тихоновна продолжала смеяться, наблюдая за моей растерянной физиономией.

– Так что в вашем случае голодный пес ни при чем. Это вы стояли на улице. Вы были голодны. И вы помогли себе сами.

Дракон, лежащий около воды, приподнял голову и мощным рыком выразил свое согласие с Агафьей Тихоновной. Та, поблагодарив его кивком головы, продолжала:

– Истинная Любовь всегда направлена вглубь себя, и благодаря этому она дает понимание одного очень важного качества. Лишь полюбив себя по-настоящему, полюбив свое земное, телесное воплощение, человек в состоянии полюбить и кого-то другого. Обходного пути, другой дороги попросту нет, а почему? – акула смотрела на меня и ждала ответ.

– Потому что нет никакого кого-то еще. Есть только ты, – почти прошептал я.

– Именно! Именно так! Есть только ты и больше ничего и никого кроме тебя! – Агафья Тихоновна говорила эмоционально и, казалось, была очень довольна моим пониманием сути вопроса, – на определенном этапе развития Любовь поглощает человеческую, перекрестную сущность, и сам че-

ловек, стоящий на этом перекрестке уходит вверх, к божественному, становится живым воплощением Любви, ее материальным и физическим оттиском. Это и есть момент освобождения от телесных перевоплощений. Когда ты есть Любовь, а Любовь есть ты, становится совсем неважно сохранится ли твое физическое тело – эта крупинка материи в бесконечном море Любви. Твоя внутренняя река впадает в бесконечное море и ты сам становишься им же, вечным, безвременным и безбрежным морем.

– Но если река захочет стать морем, она ведь должна рискнуть своей жизнью, а если выразиться точнее – то и пожертвовать ей?

– В смерти меняется только тело, – акула улыбнулась, но сумела сохранить серьезность, – и когда твое путешествие в человеческом теле подходит к концу – ты обрастаешь новой, пусть уже и не человеческой, но какой-то другой плотью. Как река становится океаном, так и ты превращаешься в субстанцию иного порядка. Как правило, – она ухмыльнулась, – если этого не произошло раньше, то в этот самый момент и приходит понимание, что даже будучи человеком, где-то глубоко внутри тебя всегда плескался этот безбрежный и бесконечный океан, который совершенно добровольно сам ограничивал себя контурами человеческого тела, – Агафья Тихоновна подмигнула мне, – и более того, позволял тебе считать это тело чем-то безусловно и бесспорно важным.

– Позволял мне? Но если он, этот океан – это и есть я?

– Счастлив тот, кто сумел увидеть безграничность, использовать ее, будучи заключенным в тюрьму. Даже не счастлив, – акула на мгновение задумалась, – не счастлив, но свободен, – она замолчала еще на мгновение, – впрочем это практически одно и то же.

– Счастливый и свободный?

– Да. Счастливый, или собранный воедино, ведь само слово как бы подсказывает нам – «со-часть» – то есть сложенный из частей в нечто одно, но цельное и нерушимое, всегда будет свободным.

– А свободный всегда счастливым?

– Свободный, а другими словами, не разделенный никакими границами, уж наверняка будет цельным, а следовательно, и счастливым, – Агафья Тихоновна шумно выдохнула воздух, – ведь границы есть только у частей, не так ли? У целого границ нет.

Я молча кивнул, соглашаясь со столь очевидной вещью, а моя спутница продолжала:

– Тогда и приходит понимание, что твое тело было лишь транспортом, который ты использовал чтобы добраться до следующей остановки. И нечего его жалеть. Смерть тела – не конец жизни, а ее часть, ее изменение. В конце концов, каждый соберет себя из этих частей, как витраж в окне, и тогда все станет просто и понятно, а твое пространство наполнится ярким и цветным, осмысленным и понятным Светом, пропущенным через этот витраж. И конечно же, одним

стеклышком в витраже может быть и смерть, почему нет? В человеческом понимании этого слова, – Агафья Тихоновна подмигнула мне лакированным глазом, – ведь смерть – лишь простое изменение сущности, дверь для одной капельки в бесконечном и неиссякаемом океане Любви. Тысячи, миллионы рек впадают в мировой океан. В океан того, что человечество, находясь на перекрестке, ошибочно считает ненастоящим, принимая за настоящее лишь видимую глазу материю.

– Подождите, я что, умер? – внезапная догадка ошпарила, как кипятком, мое сознание.

– Умер? Да вы только начинаете жить, – акула рассмеялась, – только начинаете, – повторила она, – только начинаете. И смерти-то нет. Ее придумали люди.

– Зачем людям придумывать то, из-за чего потом надо страдать?

– Наверное, потому что они любят страдать, – Агафья Тихоновна пожала плечами, – вот я, например, еще не встречала человека, ум которого не был бы захламлен религиозными сказками о пользе страданий. Чаще всего, если не сказать всегда, люди сами выбирают боль.

– Выбирают?

– Конечно.

– Но все же? – мне казалось, что акула что-то скрывает и я был настойчив, хотел прояснить ситуацию, – как человек я уже умер?

– Нет, нет, – Агафья Тихоновна покачала головой, – вы живы. Между прыжком, называемым смертью и самим полетом лежит сомнение. Вы именно там.

– Что такое сомнение?

– Для думающего человека – сомнение – это сама Жизнь.

– Следовательно, полет – это...

– Не забегайте вперед. Вы поймете когда взлетите.

– Любовь побеждает смерть? – тогда я решил зайти с другой стороны.

– Любовь ничего не побеждает, – акула говорила все непонятнее и непонятнее, – Любовь все порождает. И смерть в том числе. Это составная часть развития материального мира. Смена поколений и организмов ведут к изменению видов, а значит для того чтобы жить дальше, просто необходимо умереть!

– Но в человеческой, столь короткой жизни, мы не в состоянии заметить сам процесс эволюции. Зато мы чувствуем любовь и ощущаем движение времени, – я неторопливо выкладывал все накопившиеся у меня аргументы, – и это движение лишь в одну сторону. Билет в один конец. Что реально именно для человека? То что он чувствует, не так ли? Значит, для меня, как для представителя человеческого рода, реально существует Любовь, и реально существует Время. И все это реальное существование длится до тех пор пока я не умру.

– Если рассуждать, забившись в самый дальний угол ва-

шего Сознания, то да. Но в самый дальний и в самый темный угол.

– А если рассуждать, выйдя на свет?

– Тогда картина меняется, – Агафья Тихоновна взглядом показала на все вокруг, – не правда ли, немного необычное место?

– Более чем, – я кивнул и засмеялся, – и если остаться здесь, я никогда не умру? Ведь время тут не движется, и значит, мне всегда будет 41? Прекрасный возраст, вы не находите?

Акула кивнула головой.

– Вы никогда и не умрете. И для этого совсем обязательно оставаться вечно на берегу этого озера.

– Но пройдет время и...

– Время не пройдет. В сознании людей Время вечно. А человек пройдет. И только ему выбирать в каком направлении. Человек в состоянии справиться со временем самостоятельно. Для этого совсем не обязательно находиться в каком-то особенном мире, с отсутствием времени как такового.

– И можно жить вечно?

– Жить вечно? – Агафья Тихоновна усмехнулась, – жить вечно – это отнюдь не подарок. Жить вечно – это, скорее, проклятие.

– Пусть так. Но гипотетически это возможно?

– Конечно. Любая, даже самая невероятная мысль, которая может появиться у вас в голове – так же реальна как и



мы с вами.

– Только мысль?

– И мысль и ее воплощение. Это одно и то же.

– И человек может властвовать над Временем?

– Человек его создал. И раз так, то уж наверняка может им управлять.

– Как так, создал?

– Создал в своем Сознании. Создал, придумав таким образом легкую и понятную самому себе модель Вселенной. Человеческий мозг воспринимает Мир изменяющимся во времени, а значит и само Время существует только в головах людей. Им так легче.

– Легче жить?

– Скорее легче описать то что они называют жизнью. А жить многие из них еще и не начинали, – Агафья Тихоновна засмеялась. Она была в прекрасном расположении духа.

Я набрал в ладони влажный песок и соорудил на берегу нечто напоминающее пирамиду.

– Если человек создал Время, то оно стало реально существовать в человеческой жизни, не так ли?

– Как эта пирамида, – согласилась Агафья Тихоновна.

– И...?

Сильный удар акульего хвоста разрушил песчаную пирамиду в одно мгновение.

– Действительно реальным является только песок. А фигуры, вылепленные из него реальны для вашего Сознания, не

более. В Природе нет геометрических форм. Нет ни шаров, ни пирамид, ни линий. Есть только то что есть.

– И это значит что временем, как и всем что создано искусственно, можно управлять?

– Управлять или игнорировать.

– Но в Сознании людей оно реально?

– Да. Человек наделил его самодостаточностью, дав власть над собой же. После чего он начал с ним бороться, и человеческая жизнь наполнилась чередой побед и поражений. Таким образом, человек принял правила созданной им же игры, и заполнил все свое существование искусственным смыслом.

– А Время?

– А Время стало автономной структурой.

– То есть человек всю жизнь борется сам с собой?

– Конечно. Более того, все человеческие передеряги проходят только в головах людей. Именно там, и нигде больше. Во всей Вселенной для этого нет другого места.

– Получается что весь Мир сконцентрирован в голове, в человеческих мыслях?

– Получается, – акула энергично кивнула головой, – это еще одно доказательство иллюзорности бытия. Бытия, придуманного человеком.

– Но Время оказывает реальное воздействие на нашу жизнь.

Агафья Тихоновна быстро слепила песчаную пирамиду,

очень похожую на ту, которую разрушила ранее.

– Да. Точно так же как эта пирамида отбрасывает реальную тень.

– Мне кажется, я понимаю.

– Можно ли сказать что пирамида специально закрывает от вас свет?

– Нет.

– Правильно. Она лишь выполняет те функции, которые вы на нее возложили. И чем больше пирамида, тем большую тень она отбрасывает. Так и со временем. Чем глубже ваша вера в его могущество – тем серьезнее его влияние на вас.

– Но из чего оно сделано? – я кивнул на пирамиду, имея в виду время, а не влажный песок.

– Из ваших мыслей, из чего же еще. Только в вашем сознании время самостоятельно. Только там время так любит проверять людей. Только там, как бы назло вам самим, время раскладывает свои, вроде как соседние мгновения подалеже друг от друга. И вы начинаете путаться в фотоальбоме, перескакивая со страницы на страницу, надеясь что следующий снимок будет лучше предыдущего. Но куда бы вы не перескочили – единственное что вы берете с собой – самого себя. Со своей верой, со своими мысленными устоями и заблуждениями. Вы неумоимо скачете от снимка к снимку, живя мечтами о светлом будущем и переживая недавние потери, совершенно теряя настоящее – единственное реальное для вас мгновение. И хорошо было бы для вас, если бы

у Времени, как у фотоальбома было четкое направление из начала в конец. Тогда шаг за шагом, просмотрев весь альбом, человек обязательно нашел бы искомое, ибо страниц у альбома может быть бесконечное множество и уж какая-то бы точно подошла. Но вы сами отобрали у него единственно понятное вам качество – линейность и Время тут же разложило свои снимки по кругу, перетасовав, как колоду карт. Куда идти? На что смотреть?

– И оно реально как эта пирамида?

– Да. Реально, как огромная пирамида, которую не под силу разрушить одному человеку. Ее создавали миллионы лет и миллионы поколений. Вся ваша цивилизация построена на концепции Времени. Значит оно реально, и более того – реально, как ничто другое, – Агафья Тихоновна внимательно посмотрела на меня, как бы прикидывая, а стоит ли говорить, – но один нюанс все таки есть. Человек не в состоянии создать нечто непонятное ему самому. И Время, как и эта пирамида, объемно. В самом начале, когда оно было придумано, Время выполняло одну лишь функцию – шло или бежало, это уж как вам будет угодно, из одного конца воображаемой линии в другой. Линии, заметьте! Но за миллионы, даже миллиарды лет, став незаменимым помощником эволюции, Время приобрело бесконечность и безмерность, из одномерной линии превратилось в трехмерную, под стать Пространству, фигуру, и именно поэтому сейчас возможен любой вариант развития событий.

– Время эволюционировало?

– Время разрослось. Заматерело. Что совсем немудрено, имея такую энергетическую подпитку, как вера немислимого числа поколений людей. На таком черноземе легко расти, я бы даже сказала, невозможно не вырасти, совершенно невозможно.

Я сидел на берегу, и слушая, задумчиво поглаживал траву то в одном направлении, то в другом. Агафья Тихоновна некоторое время молча наблюдала за мной, а потом придвинулась вплотную и, глядя мне прямо в глаза, произнесла:

– Представьте себя посреди огромного поля. Вокруг вас, куда ни глянь, трава до горизонта. И каждая травинка похожа на соседку, но отличие все же есть. Беглым взглядом и не уловить, но оно есть. Так и Время со своими фотографиями. Куда ни глянь – везде снимки, и они практически идентичны. Нет ни тропинки, ни тем более дороги, по которой надо идти. И этих снимков бесконечное множество и где тот ваш, заветный, который вы так ищете и жадете, неизвестно. Но он есть. Как есть и любой другой. Ведь каждый снимок статичен, как эти стебельки, и каждое мгновение во Времени существует вечно. Оно не испаряется и никуда не пропадает, вы просто переворачиваете страницу. И от того что вы перевели взгляд от, скажем, этой травинки, – Агафья Тихоновна дотронулась до одного из живых побегов, – на другую, первая не перестала существовать. Она просто осталась вне по-

ля вашего зрения. Так и временной снимок остается в альбоме и Ничто не может вам помешать вернуться к нему. Как Ничто не может помешать вам опять взглянуть на эту травинку. Все, абсолютно все, что мы можем придумать, уже есть. Я намеренно употребляю слово «есть», а не «было» или «будет». Для Времени нет ни прошлого, ни будущего. Только настоящее, и оно бессрочно. А вот реализуется ли оно в вашей, столь бедной на измерения жизни, зависит от того в какую сторону вы пойдете. Ведь доступна любая дорога. И от того что вы пойдете вправо, снимки слева, или впереди и сзади, не перестанут существовать. Ведь все существует одновременно. И все только и ждет чтобы проявиться в вашей, человеческой, жизни.

– Доступна любая дорога?

– Да, любая. Но для того чтобы куда-нибудь попасть, надо хоть приблизительно знать направление. Если захотите, можно найти и течение, ведь тогда вам не придется грести. Его-то, это направление или течение, и прячут невежество, привязанность и гнев. Только освободившись от них можно услышать свой голос, который точно где это течение и куда надо плыть.

– Услышать свой голос? – я старался не пропустить ни слова и автоматически повторял некоторые слова.

– Да, именно так. Услышать свой голос. Еще никто не заблудился, следуя за своим внутренним голосом.

Агафья Тихоновна подождала когда утихнет эхо от ее слов

и немного поразмыслив, добавила:

– Впрочем, куда плыть или идти или даже лететь – тоже неважно. Пространство так же иллюзорно как и Время. Точнее всего его можно представить как вывернутую наизнанку точку. Куда бы вы ни направились – вы всегда в нужном месте и в нужный час. Это и есть сама большая тайна Времени и Пространства, – акула рассмеялась, – теперь она известна и вам.

Агафья Тихоновна опять провела плавником по зеркалу озера и водная поверхность подернулась рябью.

– Там, в глубине, вода остается недвижимой, какое бы волнение не было сверху. Верхние слои воды, перемешиваясь, компенсируют движение, и чем глубже вы погружаетесь, тем покойнее вода, – акула повернулась ко мне и провела мокрым плавником по моему лицу, – а как вы думаете, капли воды на вашем лице спокойны?

– Думаю, да.

– Несмотря на то, что они двигаются по вашей коже вниз, к земле?

– Да. Несмотря на движение относительно меня, они в полном покое. Вода не сопротивляется силе тяжести, и поэтому относительно самой себя находится в покое, – я чувствовал как небольшие капельки, собравшись на подбородке в один водяной шарик, оторвались от моей кожи. Упав на землю, они исчезли, растворившись в песчаном грунте.

Агафья Тихоновна молча кивнула.

– Вы совершенно правы. Капля воды не сопротивляется силе, которую она не может изменить. Она принимает ее всей своей сущностью, и именно это дает простой капельке решающее преимущество.

– Преимущество перед чем?

– Преимущество перед тем, что сопротивляется, бунтует и упрямится. Перед тем, что или кто пытается переделать мир под себя. Совершенно не учитывая при этом законы самого Мира.

– Но что может сопротивляться Природе?

– Не что, а скорее кто, – Агафья Тихоновна снова зачерпнула воду плавниками и умылась. Ее кожа, покрывшаяся водой стала блестящей и глянцевой, даже немного зеркальной. Повернувшись к ней, я увидел хоть и размытое, но все же свое отражение.

– Любая капля воды в состоянии показать нам пример, – акула наклонилась к земле и подула на траву, отчего та, затрепетав на ветру, сначала приподнялась вверх, а потом пригнулась к земле, – и любая травинка тоже.

Мы сидели на темно-фиолетовой, в этом освещении, почти черной траве, и каждый думал о своем. Один только дракон, казалось, не был обременен никакими мыслями. Вода пришлась ему по вкусу, и он лежал, окунув голову в озеро. Время от времени дракон делал большой, шумный глоток, после чего тишина опять накрывала нас плотной шап-



кой размышлений.

Агафья Тихоновна, повернувшись к дракону, плавниками смыла с его морды и тела дорожную пыль. Вода, послушно впитав всю грязь, крупными мутными каплями скатывалась по коже дракона вниз, к земле, где смешиваясь с озерной водой, капли избавлялись от пыли, которая тут же оседала на дно. Капельки влаги, вернув себе кристальную прозрачность, снова становились неотъемлемой частью озера.

Вода упруго колыхалась крупными, невысокими волнами. Вода была едина.

– Человечество вбило себе в голову, если возможно представить себе человечество с одной головой, что только то, что растянуто во Времени – истинно. Годы дружбы, привязанности, и даже годы Любви. Как будто штамп «проверено Временем» есть что ни на есть окончательный и заслуживающий доверия. Нет. Конечно же, нет, – Агафья Тихоновна замотала головой из стороны в сторону, что могло означать только категоричную форму несогласия и продолжила:

– Каждый фотоснимок строго индивидуален и автономен. Он лишь обманчиво связан с другим. Мы путешествуем из снимка в снимок незаметно для себя, пропуская сам момент перехода. Наш мозг предпочитает не замечать этот квантовый скачок, проигрывая в Сознании непрерывную киноленту. Но всегда, слышите, всегда, снимок, погруженный в настоящую Любовь, выпадает из тела Времени. Мало того, лю-

бой снимок, погруженный в истинную Любовь, тут же приобретает нужное нам изображение. Он перестает подчиняться выдуманному закону. Он перестает жить в иллюзии.

– И он становится реальным?

– Он становится желанным.

– Но если все что мы видим и чувствуем зародилось в Любви, то любое мгновение, любая точка нашего временного путешествия, не что иное, как воплощение наших желаний?

– И мыслей.

– Значит, то что я думаю, непременно сбудется?

– То, что вы думаете, уже сбылось. И любая ваша мысль, какой бы нелепой она не была – это энергетическое проявление уже существующей материи. Они связаны неразрывно.

– Как что?

– Как дыхание и жизнь.

– И если научиться управлять мыслями...? – я намеренно не закончил фразу.

– Вы научитесь управлять материей, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – именно этот процесс так мучительно пытаются спрятать Время.

– Ну а ему-то что?

– Время, как и любой живой организм, или организм, ставший живым, – акула многозначительно выпучила глаза, – не заинтересовано в своей преждевременной кончине.

– Время может погибнуть?

– Время и так мертво. Оно бесконечно. Оно неизменно. Оно неподвижно. А то что не изменяется – мертвое. Жизнь – это прежде всего череда изменений.

– Тогда чего оно боится?

– Оно боится умереть в головах людей, ибо только там оно живое и трепетное, только там оно имеет силу. Но развиваясь, человечество неизбежно придет к заключению, что Время – лишь выдуманная им самим иллюзия, которая на определенном этапе очень помогла познанию окружающего Мира и вывела человечество на новый виток. И в этом витке, уже за ненадобностью, Время можно отбросить. Поймите, человечество – как ребенок, играющий в кубики. К пяти годам он должен их сложить в шкаф и выйти на следующий уровень. Из кубиков, конечно, и дальше можно складывать различные слова. Но слово остается словом, и сложив слово «машина», мы не можем тут же сесть на нее и уехать. Нет, нет, – акула покачала головой, – время кубиков для человечества прошло.

– Но если все неизменное – мертво, а Пространство и Время – лишь иллюзии, на изменчивость которых можно не обращать внимание, ибо они, эти изменения, сами иллюзорны, то в каких параметрах тогда изменяется сама Жизнь? Ведь сама Жизнь не может быть мертвой, по своему определению?

– Не может, – Агафья Тихоновна весело кивнула головой, – не может. Но почему вы так уверены что живете?

Она встала с песка и по воздуху подплыла к черной, матовой воде. Немного помолчав, она протянула мне плавник:

– Только идущий осилит дорогу. Пора в путь.

Дракон, лежащий у моих ног, встрепенулся и привстал. Изнутри он продолжал переливаться солнечным светом, и это ему совсем не мешало, скорее подпитывало. Казалось, он чувствовал себя великолепно.

– Кстати, надо дать ему имя, – Агафья Тихоновна смотрела на огромную рептилию, и под ее взглядом, а может и независимо от него, дракон начал уменьшаться, пока не стал размером с небольшую, в метр или полтора, ящерицу. Его внутренний свет сконцентрировался, сжался, и ослепительно просвечивал кожу. С непривычки он резал глаза и мы с Агафьей Тихоновной щурились, но продолжали смотреть.

– Что с ним? – я вышел к воде, на черный берег, придвинулся к акуле и говорил полголоса.

– Ничего особенного. Готовится в путешествие, – Агафья Тихоновна стояла спиной к озеру, вполоборота ко мне, и показывая на дракона плавником, вдруг тихо произнесла:

– В каком-то смысле, он и есть сама Любовь. В чистом виде. Яркий, мощный и непобедимый. И его надо назвать. Дать имя. Тогда он станет еще и настоящим.

– А сейчас он не настоящий?

– Он столь же реален, как и все мы. Но если в дороге вы, совершенно вдруг повстречаете тысячу драконов, то легко отыщете своего, – акула улыбнулась, – а не повстречаете –

невелика беда. Имя важно, но суть важнее.

На какое-то мгновение задумавшись, я повернулся к дракону и почти прокричал в пустое пространство:

– Я назову тебя Артак!

Дракон услышал, привстал, оттолкнулся от черной, в инфракрасном свете, планеты, и на секунду затмив своим телом весь небосвод, приземлился мне на плечи, обернувшись вокруг шеи. Он был теплым, этот дракон, мягким и шелковистым.

– Он – твой путь на свою страницу, – Агафья Тихоновна развела плавниками в сторону, охватывая все вокруг, – Когда решишь вернуться – он поможет. Все фотокарточки, связанные с домом и вырванные из твоего альбома Времени внутри него и стоит только пожелать...

– Нет, нет. Еще рано, – я решительно встал и взял акулу за плавник, – ведь зачем-то мы здесь. Надо выяснить зачем, а там уже будет видно. Правильно, Артак?

Где-то в области сердца, драконья голова, свешенная с моего плеча, издала нечто наподобие рыка, что могло означать только решительное и полное, безоговорочное согласие. Я не мог посмотреть ему в глаза, но шеей чувствовал тепло всей Вселенной, вырванной у Времени и заключенной в его мягком и жгучем теле.

Мы молча продолжали стоять на берегу темного пруда, словно в ожидании чего-то важного и настоящего, я держал

акулу за плавник, а на моих плечах, словно невесомая шаль, лежала вся человеческая Любовь, весь страх, все действия и бездействия, все мысли и намерения, вся наша Планета с ее единственным, таким ярким и горячим Солнцем. Вся наша Вселенная. Все уже открытое и неизвестное, все изданное и неопубликованное, все прочитанное и продуманное, все идеи и озарения, все поступки и проступки человечества. Все страницы, все фотокарточки из альманаха Времени, длиной в почти 14 миллиардов лет, сейчас имели лишь одну опору – мой скелет, мои мышцы и моя решимость действовать. Мог ли я их подвести?

Небольшой, непонятно откуда взявшийся рюкзак, вместивший все бутылочки с красками, лежавшими на берегу, подлетел ко мне, обхватив за плечи, и застегнулся на большую медную защелку на моей груди. Краски внутри него вели себя тихо и не отвечивали.

Агафья Тихоновна, наблюдая мое удивление, объяснила: – Это ваш багаж, – она сделала ударение на слове «ваш», – и вам его нести. Иногда он будет помогать, иногда тяготить, но избавиться от него можно лишь заменив на настоящий луч настоящего Света. Сейчас в рюкзаке эрзац-свет, свет-заменитель. Можно даже сказать – это проекция живого Света, его составные части. Они необходимы до тех пор, пока вы не обнаружите источник Истины, место, где все сделанное и подуманное обретает смысл. Место, где Мысль дружит

со Светом. Место где любой вопрос уже отвечен, похоронен и забыт. Место, где Пространство и Время склонятся перед вами в почтительном реверансе, после чего исчезнут навсегда.

– И где это?

– Где? Я не знаю. Но думаю где-то внутри вас, – Агафья Тихоновна замолчала на мгновение, – ведь иногда чтобы дойти до искомой точки внутри необходимо пройти длинную дорогу снаружи.

– Я понимаю.

– Еще бы вы понимаете, – Агафья Тихоновна хмыкнула, – иначе бы вас здесь не было, – она продолжала держать меня под руку и смотреть вперед, в озерную даль, подернутую туманом, затем повернулась и посмотрела прямо в мои глаза. Я выдержал ее взгляд молча, как бы ожидая продолжения. Но ничего не последовало, акула отвернулась и сохраняя молчание кивнула в сторону озера.

– Вы уверены что эта дорога верна? – в воду лезть совсем не хотелось.

– Любая дорога верна. Много дорог ведут на вершину горы, но вид с нее один, – акула подплыла вплотную к озеру и ударила хвостом по водной глади. Вода вздулась и рассыпалась мелкими, матовыми, пропускающими свет, черными брызгами, – но вы не бойтесь, вам ничего не угрожает. Времени здесь нет, а одна вода, без Времени, никак не сможет вам навредить. Она бессильна. Не бойтесь, – уже мягче по-

вторила Агафья Тихоновна, – человеческий страх иллюзорен, и пока вы не начинаете его испытывать – его нет. Только вы сами способны пустить его в свое сердце. Или закрыть перед ним дверь. Вы и только вы есть его единственный и полноправный хозяин.

– И что же делать?

– Всего лишь сделать выбор. Стать ветром, гнушим траву. Или травой, гнущейся от ветра.

Я молча кивнул головой и постоял еще мгновение прислушиваясь к внутреннему противоборству, после чего дернул головой, что могло означать лишь принятие решения и сделал первый шаг в воду:

– В путь, – мои слова гулко разнеслись над озерной гладью и вода подернулась мелкой рябью.

Внезапно, одновременно с моим первым шагом, в землю ударила радуга. Внезапно, без всякого дождя и солнца. Без всего того что мы привыкли считать необходимым для образования этого удивительного феномена Природы и человеческого зрения – радуги. Ударила вертикально вниз, как будто кто-то невидимый сверху направил на нас светящийся полным спектром мощный фонарик.

Мы с Агафьей Тихоновной, словно повинувшись неслышной команде, подняли головы и застыли наслаждаясь этим неожиданным светом, питались им, глотали его, словно голодный дракон, только что покинувший свой зонт, и напол-



нялись силой, так необходимой нам для путешествия. Радуга была мощной и плотной, наполненной живой субстанцией – вибрацией еще полностью неизвестного человеку, но уже названного им электромагнитным, поля. Отдельные ее цвета переливались, появлялись и исчезали, вновь исчезали и вновь появлялись, словно невидимый композитор исполнял цветовую симфонию, пользуясь Светом, как музыкальными нотами. Радуга практически не рассеивалась, была вертикальным лучом, впитывалась в наше Сознание, рождала светлые мысли, а в голове звучала музыка. Даже не звучала. Рождалась. Такая реальная и живая. Музыка Света.

Спустя какое-то время радуга начала терять густоту, насыщенность, и достигнув края своего существования, растворилась в Пространстве, но оставшись навеки в наших головах, она продолжала питать воображение, формируя тем самым все наши последующие мысли. Мысли, а значит и действия.

– Вот теперь точно в путь, – я повторил свои же слова, сказанные минуту назад, сжал акулий плавник, который не выпускал все это время и мысленно поблагодарив неизвестного мне создателя радуги, сделал второй шаг в воду.

Вода обняла меня за щиколотки, пробежав холодком по коже. Сотни красных, а точнее инфракрасных солнц осве-

щали матовую поверхность озера, но этот Свет не освещал, а грел. Лучи не могли проникнуть сквозь толщу воды и она переливалась всеми оттенками темного. Черный и фиолетовый преобладали.

Первый шаг, нарушивший покой воды, и одновременно с моими словами покрывший рябью все озеро, разорвал водную гладь в разных местах. Разорвал в прямом смысле этого слова. Разорвал глубокой пропастью, отвесной скалой, бездной. Вода рвано расступалась то здесь, то там, и над ее поверхностью появлялись молчаливые фигуры. Фигуры мужчины с рюкзаком на спине и драконом на шее. Мужчины, держащего за плавник большую белую акулу, которая говорила ему что-то, склонившись прямо к его голове.

– Здесь все существует одновременно, помните, – Агафья Тихоновна наклонилась к моему уху и объясняла шепотом, еле слышно, едва касаясь меня губами, – а значит мы уже были и там и там, – она указывала на темные тени по очереди, – или будем, или есть, здесь это совершенно неважно.

– Они реальны?

– Так же как мы с вами.

– А мы реальны?

– Это решать только вам, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – реальность – вопрос относительный и вы сами наделены властью назначать реальных и выдуманных персонажей.

Второй шаг скрыл наши ноги, третий разрезал тело по по-

яс, а четвертый полностью погрузил наши тела в мир, не пропускавший в себя ни единого луча никаких из известных человечеству электромагнитных полей, а попросту говоря – не пропускавший Свет. Только Артак на моей шее продолжал светиться, но как-то тускло – внутренним, матовым, скрытым от других глаз свечением. Еще бы, внутри него была целая Вселенная, целый пожар энергий, включая такое родное и любимое, наше земное, привычное Солнце. Но сейчас Пространство вокруг нас все было новым и непонятным.

Мы медленно продвигались вперед. Шаг. Еще шаг. Свет, исходящий из Артака пробивал толщу воды на расстояние вытянутой руки, но не более того. Агафья Тихоновна, как и подобает рыбе, отпустив мою руку, приняла горизонтальное положение и стала похожа на тысячи других акул. Она немного заплывала вперед, на разведку, и возвращаясь, кивала головой на глубину, оповещая меня о безопасности и приглашая двигаться дальше.

Акулы, в живой природе, не полагаются преимущественно на зрение, они с успехом могут охотиться и выживать и в мутной воде, улавливая вибрации в диапазоне, недоступном человеку, и Агафья Тихоновна использовала свои уникальные для человека рыбы возможности чтобы помочь нам продвигаться в вязкой и теплой, как кисель, жидкости. Мы шли вперед уже достаточно долго. Дно, такое пологое у берега, здесь, на глубине, иногда резко уходило вниз, образуя впадины, обрывы и сопутствующие им водовороты.

– Это озеро поглощает весь видимый свет, – Агафья Тихоновна в очередной раз подплыла ко мне, – впрочем оно поглощает также и невидимый нам спектр – инфракрасный и ультрафиолетовый, радиоволны и гамма излучение. Поглощая, впитывает их энергию и от этого нагревается, – Агафья Тихоновна, между делом, решила объяснить мне высокую температуру жидкости, обволакивающей наши тела.

– Конечно, в мире с сотней солнц, вода не может быть холодной, – я был полностью согласен с акулой, и судя по всему, мое согласие распространялось не только на вопросы, касающиеся температуры озера.

Как ни странно, но вода не препятствовала произношению слов и разговаривать можно было совершенно свободно. Звук акульего голоса доходил до меня без искажений, и отсутствие дыхания никак не сказывалось на моей способности говорить.

– Дышать будете потом, – Агафья Тихоновна рассмеялась, – мы сейчас в отдельном измерении мира, – чувственном, здесь другие правила. Судя по цвету окружающей нас субстанции, а точнее по его отсутствию (ведь черный цвет – это отсутствие Света, не более), мы как раз и проходим человеческие неведение и невежество, игнорирование, тупость, гнев, страсть, злость, привязанности и зависимости, отворачивания, чувства мести. Ощущаете, насколько вода густая и вязкая? Она пытается вас остановить чтобы поглотить и растворить.

– Растворить? – я остановился на мгновение и попытался взглянуть акуле прямо в глаза.

– Да, да, конечно, растворить, – Агафья Тихоновна подплыла вплотную ко мне, – именно растворить и оставить здесь навечно. В поглощающих, вязких и плотно укутывающих чувствах. Просто сейчас, в этом озере, все эти разрушающие, я не побоюсь этого слова – уничтожающие чувства приобрели свойства материи. И эта материя обволакивает вас пытаясь оставить здесь навсегда. Так что чего тут не надо делать точно – это останавливаться.

Она посмотрела на меня в упор и повторила уже настойчивее:

– Не останавливаться ни на мгновение.

Я пошевелил ногой и понял что имела в виду Агафья Тихоновна. Дно, незаметно, но уже начало втягивать меня, и мои ноги погрузились в илистую почву почти по щиколотки.

– Что же делать? – я почти кричал, злясь на себя за остановку, – что делать?

– Идти. Не останавливаться ни на секунду. Ни на мгновение. Просто продолжать идти, – акула махнула хвостом, погнав тугую волну и отрезвляющий поток моей же злости ударил меня в лицо, – вы же видите – я двигаюсь постоянно. И это совсем не просто так, потому что мне хочется двигаться. Это по совсем другим причинам, впрочем я только что их озвучила.

– А он? – мой взгляд опустился на Артака, который, не

замечая ничего вокруг, пребывал в полном блаженстве, ему тоже надо двигаться?

– Артак в полной безопасности, где бы он не находился. Артак везде дома и везде счастлив, – Агафья Тихоновна торопливо, немного суетясь плыла рядом со мной и вдруг горячо зашептала на ухо, – еще неизвестно что внутри чего. Мы в озере или озеро в нас.

– Как называется это место?

– Никак.

– Никак?

– Не надо называть то что пройдено. Это озеро уже в прошлом. Пусть оно само схоронит своих мертвецов, не давайте им имя. Никогда не называйте то, чего хотите избежать, – Агафья Тихоновна помолчала и добавила, – дав имя этому месту, впрочем, как и любому другому, вы вновь пустите его в свою жизнь.

– Я понимаю, – немного ускорив шаг я вскоре почувствовал небольшую усталость, вода была болотная, трясинная, тягучая и густая, – а отдыхать? Мы не остановимся на привал?

– Нет.

– А если оно бесконечно, это озеро?

– Не бойтесь и не торопитесь. Просто не спеша идите рядом. Знаете, – акула усмехнулась, – человек может идти без конца, если не будет торопиться и напрягаться. Но здесь конец все же будет. И что-то мне подсказывает что уже скоро.

Мы продвигались вперед. Медленно, неторопливо, но смело и уверенно. Дно иногда вздыбливалось и на поверхность поднимались большие круги какого-то газа, как в лавовой лампе, включенной в розетку.

– Что это?

– Ваши чувства и ощущения, – акула была спокойна, – такие как просвет в гневе, или знания из открытой книги, или побеждённая привязанность. Им здесь не место. Они поднимаются вверх.

– И это мои чувства? – я опять чуть было не остановился в изумлении. До меня только сейчас дошло то, о чем мне говорила акула уже битый час.

– Конечно, ваши. А чьи же еще? Это же ваше озеро.

Насколько мог охватить глаз – то здесь то там в ил погружались молчаливые фигуры мужчины с рюкзаком на спине и драконом на шее, держащего за плавник акулу, которая что-то ему говорила.

– В чувственных измерениях свои черные дыры... – только и произнесла Агафья Тихоновна, подплыв сзади к моему уху.

Я оглянулся на нее и увидел что она смотрит в ту же сторону что и я.

Моя нога попала в расщелину и я погрузился в ил почти по пояс. Злость, смешанная с отчаянием, охватила меня как-

то сразу, мощно и целиком. Я хватался руками за мягкие, глинистые выступы дна, однако это не приносило видимого результата, даже наоборот, меня затаскивало глубже и сильнее. Крик о помощи вязнул в тягучей жидкости но, казалось, звучал и был слышен только рядом со мной. Я звал Агафью Тихоновну, которая плыла, разведывая дорогу, где-то впереди, в надежде ухватиться за ее хвост и вырваться из цепких объятий ила, но ее все не было. Отчаяние охватило меня сразу и целиком, как будто меня погрузили в него с головой. Какие-то непонятные, темные желания всплывали в моем сознании. Я пытался освободиться от затягивающего меня ила и песка и барахтался в нем, зарываясь еще глубже. Мне совсем не хотелось опуститься на самое дно пусть даже и своего озера, но озера темных чувств и убеждений. Я уже видел как это сделали сотни скульптурных композиций «мужчина, держащий за плавник акулу с драконом на шее».

– Артак! – я закричал что было сил, внезапно и вовремя сообразив, что даже если вода поглощает все звуковые волны, дракон, находящийся у меня на шее, мог меня услышать и, наверняка, каким-то образом помочь, – Артак! Артак! – я кричал и кричал, не контролируя себя.

Ярость и злость окутали меня плотной простыней черного ила, и уже почти отчаявшись выбраться, я заметил два желтых вертикальных зрачка, смотрящих прямо на меня.

– Тсссссс, – Артак, а это был именно он, приложил когтистую лапу к своей пасти и попытался изобразить на морде



нечто вроде улыбки, – тсссссс...

Я перестал кричать, сразу успокоившись. Я услышан, помощь пришла. Артак справится с любой проблемой. Так говорила Агафья Тихоновна, а я ей полностью доверял.

Чувство веры, надежды и умиротворения, откуда-то из глубин ила, поднялось большим воздушным пузырем, который проходя сквозь меня, мгновенным образом освободил мои конечности, позволив всплыть. Я находился внутри воздушного шара спокойствия и безмятежности, потихоньку поднимаясь к поверхности.

– Тсссссс, – Артак закрыл глаза и опять свернувшись вокруг моей шеи счастливо засопел.

– Тсссссс, – повторила Агафья Тихоновна, хвостом разрушив границу между моим воздушным пузырем и темной жидкостью. Она тут же всплыла в образовавшееся отверстие и плавниками, словно строитель, заделала дырку.

Мы барахтались в невесомости спокойного бесстрашия и умиротворения, со всех сторон окруженные злобой и человеческими страстями, поднимаясь все выше и выше.

– Только вы сами были в состоянии себе помочь, – Агафья Тихоновна победно приподняла плавники, – и вы справились! Вы, черт побери, справились! Но подниматься еще рано, надо зафиксировать победу! – она подплыла к латке на воздушном пузыре и ударом плавника разбила стенку.

Я находился в радостно-приподнятом состоянии и, казалось, ничто и никто не может нарушить моего спокойствия.

Темная и матовая, болотистая жидкость клокотала около весьма значительной брешы в моем пузыре невесомости, но никак не могла затечь внутрь. Агафья Тихоновна, с удовлетворением отметила это событие, и схватив меня за рюкзак с красками, потянула на самое дно, именно в ту расщелину, где я оступился.

Артак умиротворенно спал и уверенность и благодушный настрой уже не покидали меня. Они стали моими спутниками, такими же реальными, как дракон и Агафья Тихоновна.

Мы погружались все глубже и глубже, пока не достигли настоящего дна. Воздушных пузырей здесь было меньше, чем на поверхности, и сами пузыри были мельче, плотнее и сжатее. Однако меня это совсем не волновало.

Агафья Тихоновна что-то расчищала на дне озера, быстро работая плавниками. Спустя какое-то время я увидел большую белую пробку, похожую на обыкновенную сливную пробку в ванной.

– Ваш выход! – акула указала на пробку и отплыла в сторонку, освобождая мне место.

Я схватил за кольцо и резко дернул. Пробка не поддавалась, но я был настойчив и упершись ногами в скалистое, уже без ила, дно, тянул из всех сил. В какой-то момент мне показалось что пробка немного сдвинулась и начала поддаваться. Я потянул еще сильнее и мой труд был вознагражден – длинно всхлипнув, сливная пробка оказалась у меня в руках.

Жидкость, с громким чавканьем уходила в темное отверстие, образовав большую черную воронку. Акула подхватила меня на спину и, быстро двигаясь в черной жиже, отплыла на безопасное расстояние. Мутная черная вода уносилась через скалистое дно неизвестно куда, а нас охватывали все укрепляющиеся ощущения радости и счастья. Сотни инфракрасных солнц опять сияли над нашими головами, и если отвлечься от того что это был купол моего зонта, пейзаж был очень впечатляющий.

– А что это? – я показывал на скалы, покрывающие дно.

– Карма. Отвердевшая и поэтому неотвратимая, – Агафья Тихоновна задумчиво смотрела на камни, – ваши мысли и чувства, накладываясь друг на друга, под большим давлением толщи воды, формируют скальную породу, прессуют ее, и слой за слоем вырисовывают ваш личный рисунок. Необходимо приложить много сил чтобы изменить эту картину.

– Много сил? Что надо делать?

– В человеческом понимании работы – со скалой ничего не сделаешь. Отбойный молоток тут не помощник. Дно может выровняться и подобные озера высохнут сами, растворившись в ваших деяниях. Испарившись от тепла ваших мыслей. Странно, но даже спокойное и невозмутимое созерцание чувственных озер очищает и фильтрует воду. И наоборот. Испытания, которые оказались вам не под силу, невыполненные обещания, долги, переживания и тревоги, все это накладывается друг на друга, отвердевая и формируя донья

ваших озер. Но никуда не денешься и это обязательная часть пути.

– А что под дном? Куда ушла вода?

– Этого нам не дано знать, – отрезала акула, отвернувшись и давая понять что не хочет продолжать разговор на эту тему.

– Артак! – я наклонил голову, и поймав взгляд из только что приоткрывшегося глаза дракона, спросил, – что внизу? Куда ушла вода?

Артак, расправив крылья, подлетел к открытому отверстию, и заглянул внутрь, как бы приглашая меня сделать тоже самое. Труба, в которую без труда смог бы пролезть человек, уходила куда-то глубоко и конца ее не было видно.

– Так то же там? – я вопросительно переводил взгляд с акулы на дракона.

Агафья Тихоновна нехотя подплыла к нам и тихо, с опаской оглядываясь по сторонам, сказала:

– Время. То самое Время, которое человек наделил всеми известными вам полномочиями, исходя из ваших мыслей и поступков, формирует основание скал на дне чувственных озер.

– И нам туда?

– Нет, нет. Достаточно иллюзий. Нам только вперед и никак не вниз. Поймать Время, осветить его мнимую реальность и вывести на чистую воду, можно лишь обладая настоящим, живым Светом. Точнее его скоростью, – акула запнулась, потом подумала и повторила:

– Да, именно его скоростью, какой бы она ни оказалась. Так что нам вперед, – Агафья Тихоновна быстро переглянулась с драконом и взяв меня за руку, отвела подальше от дыры.

Артак вдохнул полные легкие воздуха, и выдыхая, огнем запаял зияющую чернотой дыру.

– Так надо, – акула вздохнула, – Время, попавшее в чувственное измерение, разрушит его.

– Разрушит ненависть и боль, гнев и привязанность? Злость, чувство мести? Разрушит отвращение? Все что было в этом озере?

– Да. И их тоже. И без них, как и без всего остального, Мир станет неполным.

Огонь из пасти дракона растопил донный камень. Скала плавилась и горячая лава текла вглубь трубы, застывая на ее стенках. Спустя минуту или две все было в прошлом. На месте отверстия слои еще расплавленной лавы, остывая, образовали причудливую застывшую фигуру.

– Значит мои темные чувства и переживания, мое темное чувственное озеро, поглотило само Время?

– Конечно.

Я молча смотрел на Агафью Тихоновну, ожидая продолжения.

– Времени необходима Энергия, чтобы существовать, и оно берет ее из человеческих чувств, мыслей и слов.

– Только человеческих?

– Более ни один биологический вид на Земле не подпитывает эту иллюзию, поскольку не знает о существовании Времени, как такового. Та что только человек в состоянии прокормить Время.

– Я понимаю. Время перемалывает все что попадается на его пути. Оно питается им. И хорошим и плохим. Ничто не вечно в человеческой жизни.

– Да, – только и произнесла Агафья Тихоновна, – в человеческой жизни – да.

Мы сидели втроем на каменном выступе, наконец-то позволив себе передышку. Агафья Тихоновна, опершись на хвост и положив плавники на одну из скал, отдыхала с полужакрытыми глазами, Артак, спрыгнув с моей шеи, подставил брюхо солнечным, инфракрасным, а от этого еще более теплым потокам света, а я просто наблюдал за происходящим.

Есть не хотелось, пить не хотелось, дыхание отсутствовало. Ничего не изменилось в зонтичном мире сотни красных светил.

Сбросив со спины рюкзак с красками и достав несколько разноцветных бутылочек, я расставил их в известной последовательности, запомнившейся мне еще со школы, по фразе «каждый охотник желает знать где сидит фазан», начав с красного и закончив фиолетовым.

Краски отличались по температуре и консистенции. Крас-

ная была более теплой, оранжевая немного холоднее, потом желтая и все остальные цвета. Синий и фиолетовый завершали температурную палитру и были много холоднее моего тела. Они же были и наиболее густыми и тягучими.

Я открыл бутылочку с красным цветом, помнив о том что это наиболее распространенный краситель и засунул палец внутрь. Он погрузился в теплую и водянистую субстанцию, полностью скрывшись из вида. Достав палец, я рассмотрел его, понюхал и, не найдя ничего особенного или интересного, вытер краску об близлежащий камень.

Оглянувшись на моих спутников, я заметил что Агафья Тихоновна исподтишка наблюдает за мной, и Артак, продолжая нежиться в инфракрасном излучении, тоже время от времени с интересом посматривает в мою сторону.

Краска, оказавшись на камне, быстро затвердела и покрыла гранит твердым слоем красного. Подождав немного, я взял бутылку с оранжевой краской и проделал те же манипуляции. Оранжевый, не растворяя красный, покрыл его своим цветом, образуя нечто наподобие цветной ступеньки. Желтая ступенька, далее зеленая, голубая, синяя, и вот я уже держу в руках бутылочку фиолетовой краски, готовый нанести последний слой нарисованной радуги, и представляя себя пещерным человеком, впервые занимающимся наскальной живописью.

Мазок фиолетового сверху изменил мой рисунок до

неузнаваемости. Краски, уже твердые и, казалось бы, полностью застывшие, вдруг начали пузыриться, смешиваться, бурлить. Еще мгновение и вспышка ослепительного Света полностью затмила сотню зонтичных солнц, заставив нас закрыть глаза. Волна тепла и какой-то Энергии прошла сквозь мое тело, однако нисколько не повредив и не нарушив его.

Немного погодя, как только смог, я приоткрыл один глаз, и еще не понимая, что натворил, осмотрелся. Артак и Агафья Тихоновна были рядом и тоже в изумлении оглядывались по сторонам. Вокруг, куда ни глянь, простирался гладкий и теплый грунт. То здесь то там пробивалась трава, которую освещали все те же сотни инфракрасных солнц. Дно моего озера, скалистое еще мгновение назад, с уступами и впадинами, с горными хребтами, огромными валунами и разбросанными то здесь то там камнями, превратилось в ровную и мягкую, словно недавно вспаханную землю. Взяв горсть земли, я поднес ее к лицу, помял в руках, и убедился что это был настоящий чернозем – благодарная и жирная почва. Внизу, прямо около моих ног рос подорожник, умело подставляя крупные листья падающему на него свету.

Я в изумлении, не в силах вымолвить ни слова, уставился на своих спутников, которые, казалось, были поражены не менее моего. Артак, посмотрев мне в глаза, подмахнул крылом, и мы с Агафьей Тихоновной оказались к него на спине. С силой оттолкнувшись от земли, он взмыл ввысь, выбрав своим ориентиром одно из солнц. Его тело многократно уве-



личившись в размерах продолжало светиться изнутри, как еще одна, живая и яркая звезда. Поднявшись высоко над полем мы осмотрелись еще раз. Вокруг, сколько хватало глаз, было ровно и тепло. Свет заливал луга и поля, предоставляя растениям необходимую для роста Энергию.

Артак, сделав еще парочку кругов, аккуратно приземлился у того самого листа подорожника, который я заметил первым, нисколько не повредив его.

– Вот это взрыв! – Агафья Тихоновна соскользнула со спины дракона и снизу протянула мне плавники, приглашая спуститься, – да, велика сила чистого Света!

– Это сделал Свет? – я еще раз оглянулся. Меня переполняла необъяснимая, а от этого еще более ценная радость, она выплескивалась наружу мощными волнами, озаряя Пространство не хуже сотни купольных солнц.

– Да. Это сделал Свет. Самая мощная Энергия в нашей Вселенной.

– Так быстро?

– Там где есть Свет, Время теряет свою силу. Свет, с его скоростью, – она хмыкнула, как делала всегда, когда речь заходила о скорости Света, и продолжила:

– Свет с его скоростью в состоянии даже обогнать мысль, ну а Время... Свет останавливает Время полностью и навсегда.

– Разрушить озеро оказалось так просто, – я был очень удивлен.

– Просто? – Агафья Тихоновна засмеялась, – просто? – смеясь, она повторяла одно и то же слово, – сначала вспомните, сколько времени и сил мы потратили собирая краски. И заодно подумайте из чего они состоят, – акула продолжала смеяться, – ну что, вспомнили?

Я нерешительно поднял глаза на акулу, пытаюсь понять что она имела в виду, и понимание, внезапно опустилось на меня, словно окатив водяным ливнем:

– Из книг. Они состоят из книг! – я радовался как ребенок, которому подарили радиоуправляемый вертолет, – из книг, прочитанных мной!

– Из ваших книг и ваших чувств. И вы до сих пор считаете что это просто? – Агафья Тихоновна улыбалась всей пастью, – и сколько времени у вас заняла эта простая и быстрая вещь?

Я перестал прыгать и не мигая смотрел на акулу.

– 41 год, – автоматически подпрыгнув еще раз я неподвижно застыл и промолвил:

– Всю жизнь. Всю мою жизнь.

– То-то же! – акула удовлетворенно кивнула, – то-то же, – она легла на теплую землю и закрыла глаза, – неужели вы думаете что за всю жизнь вы не накопили достаточно Энергии чтобы развалить дно какого-то жалкого озера?

Я смотрел на акулу и чувствовал что она что-то не договаривает. Но эта мысль прошла так же внезапно, как и по-

явилась, и спустя несколько минут я попросил Агафью Тихоновну:

– Расскажите мне о Времени. Все что вам известно.

Артак, услышав мои слова, мысленно присоединился к нам. После полета над полем, в которое превратилось черное озеро, он снова уменьшился и лежал рядом, напоминая достаточно крупную, но все же ящерицу, а не дракона.

Агафья Тихоновна посмотрела на меня без тени удивления, словно ждала этот вопрос, и сказала:

– О Времени вам лучше меня может рассказать его создатель. Тот, кто вдохнул в него жизнь. Тот, кто дал ему власть над собой. Вы понимаете кого я имею в виду? – акула не ждала ответа, – конечно же, это человек. Человек, – повторила она, – да и вы сами знаете больше любой акулы, – Агафья Тихоновна улыбнулась.

– И все же...

– Время – живое, пластичное и гибкое, для каждого свое, – акула усмехнулась, – Время настолько многообразно что для каждого отдельного человека формирует свой отдельный слой. И каждый человек является хозяином своего слоя Времени. И уж никак не наоборот.

– И где прячется мое время? Лично мое? Я могу его положить в рюкзак вместе с красками и расходовать по своему желанию?

– Конечно. Если у тебя есть такое желание, то можешь, – акула повернулась к Артаку и обратившись к нему сказала, –

покажи ему.

Артак лапами расчистил от верхнего слоя земли небольшую площадку, после чего начал увеличиваться. Он рос и рос, пока его тело не затмило добрую половину небосвода. Приблизив свои желтые, с вертикальным зрачком глаза к земле, дракон внимательно смотрел на грунт, будто что то выискивая. Из его глаз, с каждым мгновением набирая силу и плотность, вырывались лучи желтого, как наше Солнце света. Они плавил почву, почва клокотала под его взглядом, бурлила, и нехотя, но все же расступалась. Тело дракона опять заблестало внутренним Светом, который пробивался сквозь толстую шкуру, оно, его тело, становилось ярче, красочнее, интенсивнее и насыщеннее.

– Солнце внутри Артака дает ему достаточно Энергии для всего, – Агафья Тихоновна гордо и с восхищением смотрела на дракона, – а в этом, чувственном измерении, для нас Время отсутствует, поэтому чтобы его найти, мы должны воспользоваться инструментами более привычных нам миров.

Постепенно, под напором концентрированных солнечных лучей, льющихся из глаз дракона, земля расступилась, образовав длинное и узкое отверстие. Агафья Тихоновна, где-то достав веревку с небольшим ведерцем на конце тут же опустила его в трубу, быстро разматывая моток. Судя по всему, она собиралась зачерпнуть немного Времени и поднять его на поверхность.

– А почему мы не сделали этого раньше, используя дыру с

пробкой, в которую утекло озеро? – я хотел понять причины наших действий, – ведь это было бы намного удобнее.

– И что мы там могли зачерпнуть, кроме ненависти и страха? Подводные чувственные озера – далеко не редкость, – размотав клубок до конца, Агафья Тихоновна дергала за веревку вверх-вниз, пытаясь определить наполнилась ли посудина, – а сейчас там уже все перемешалось и мы получим полноценную субстанцию, не перегруженную никаким негативом.

Артас молча наблюдал за нашими действиями, внимательно прислушиваясь к словам. И скорее всего, к мыслям.

– Но основная причина все же не в этом, – акула уже поднимала ведро вверх, стараясь не расплескать содержимое, – основная причина в вашем желании. Только сейчас вы выразили желание познакомиться с Временем поближе, и набрав его ранее, мы совершили бы преждевременный и необдуманный поступок. Никогда не следует торопиться, – Агафья Тихоновна опять стала похожа на учительницу, – тем более в таком важном и нестабильном деле, как поимка Времени.

Она подняла на поверхность ведро, которое внутри оказалось разделенным на две части. В обеих частях была дымящаяся субстанция сероватого цвета, и Агафья Тихоновна, ловко орудуя плавниками, быстро перелила каждую часть в отдельную бутылочку, плотно закупорив бутылочки крышками.

Достав, как обычно, из-за спины бумажные этикетки, она подписала их, и наклеила на посудины.

– Чтоб не перепутать, – объяснила акула и подмигнула дракону.

– «Мгновения», – прочитал я на одной из бутылочек. На второй этикетке красовалась надпись «Вечности».

– Мгновения и вечности? Это что?

– Два самых серьезных оружия Времени, – акула подчеркнула, – минуты и даже секунды – ничто по сравнению с нестабильными мгновениями и их противоположностью – густой и неподвижной вечностью. Любая секунда на самом деле состоит из бесконечного числа мгновений. Именно бесконечного. Цифрой не выразить. Если вы скажете – единица с миллиардом нулей, то я с легкостью добавлю еще сотню, другую мгновений. Конечного числа просто нет.

– А вечности?

– И вечности тоже, – немного помолчав, добавила Агафья Тихоновна, – вечности включают в себя часы, минуты, столетия и миллениумы, но разобравшись, понимаешь что вечности состоят из тех же мгновений. Впрочем, даже некоторые мгновения иногда вмещают в себя пару-тройку вечностей.

– Получается что это одно и тоже?

– Получается что так, и именно поэтому мы подписали бутылочки, чтоб не перепутать в нужный момент.

Хитрая акула явно чего-то не договаривала. А может и не знала сама.

– Думаю, теперь мы действительно заслужили отдых, – Агафья Тихоновна, откуда-то из-за спины достала палатку (уже собранную), уже горящий костер и красивую подстилку для Артака. Она установила все на земле и жестом пригласила нас располагаться.

Я залез внутрь, устроился покомфортнее и, высунув голову из палатки, убедился что все устроились удобно. Артак лежал на ковровой подстилке и положив голову на передние лапы с интересом посматривал на костер. Акула следила за огнем, подбрасывая невесть откуда бравшиеся дрова.

– А где вы нашли палатку? Откуда огонь? Дрова? Тут же ничего не было!

– Я уже устала повторять, что этом мире нет Времени. Кроме, конечно, той его части, что крепко-накрепко закупорена у нас в бутылочках, – Агафья Тихоновна объясняла мне, как объясняют невнимательному ученику, – а что это значит для нас? – она смотрела в мою сторону и ждала ответа.

– То что мы не стареем?

– Это само собой. Но есть еще один нюанс. В мире где нет Времени все существует одновременно. Сразу. И везде. Поэтому я просто беру то что мне нужно в любом месте Пространства.

– Ого! Если я правильно понял, то в любой точке есть сразу всё всё всё?

– Да. Именно так. Никак иначе просто не может быть.

– Почему мы не видим этого?

– Человеческий мозг показывает вам только то что считает нужным. То что вы видите, не является объективной реальностью, это лишь ваша собственная реальность, смоделированная вашим мозгом. И он, моделируя ее, исходил исключительно из своего опыта, знаний и желаний. Из того, что по его разумению может быть, а что – нет.

– Кто – он?

– Мозг. – Агафья Тихоновна подбросила в костер полено, выхватив его прямо из воздуха, – ваш мозг.

– И я так могу? – манипуляции с дровами для костра завораживали.

– Конечно. Но для этого вам надо скинуть с себя обусловленность. Ваш мозг точно знает что воздух не горит, а мой – нет, мой не знает, – акула повела плавником слева направо, и воображаемая линия тут же загорелась, весело и сухо потрескивая.

– Ничего себе, – я в изумлении уставился на горящий зигзаг, не зная что сказать.

– Ваш мозг также точно знает что, например, металлическая наковальня тоже не горит, – Агафья Тихоновна достала из-за спины тяжелую чугунную наковальню и каким-то образом подпалила ее, – и уж тем более, наковальня не висит в воздухе просто так, – она подвесила кузницу рядом с горячей линией и засмеялась.

– Как? Подождите, но как? – я был поражен, но находился



от происходящего в восторге, – как вам удается?

– А теперь они горят вместе, – Агафья Тихоновна придвинула наковальню к линии, – а сейчас тухнут и исчезают, – она повела плавником и все исчезло, – ваш мозг точно знает что этого не может быть, поэтому просто не показывает вам всего что видит. Из всего многообразия, из бесконечного числа вариантов, он выбирает только то, что по его пониманию, может оказаться реальностью. Остальное он вычеркивает, как выдумки и фантазии.

– А ваш мозг?

– Какой с меня спрос? – Агафья Тихоновна улыбалась, явно довольная произведённым на меня эффектом, – я всего лишь сказочный персонаж. Фантазия.

– И я могу всему этому научиться? Но как?

– А вот для этого вам надо попасть в сказку, – акула посерьезнела, – то есть, в объективную реальность.

– Объективная реальность и есть сказка?

– Она просто есть. Она существует. Это единственное во Вселенной что можно описать одним-единственным глаголом. Для всего остального следует употреблять имена существительные.

– Каким глаголом?

– Быть.

– Быть?

– Быть! – Агафья Тихоновна погладила меня плавником по голове и добавила, – именно быть. Вот так просто.

Некоторое время мы просто молчали, слушая треск огня и наблюдая за причудливыми узорами пламени. Спустя некоторое время я спросил:

– Расскажите мне еще о Времени. Все что вы знаете.

Акула некоторое время молчала, подкладывая в костер поленища, и наконец, повернулась ко мне:

– Для серьезного разговора вам необходимо определить фундамент, на который мы будем опираться, – она подбирала нужные слова, пробуя их на вкус, – ведь человечество погрязло в суете. И в этой суете оно проходит мимо действительно важных вещей. А действительно важное никогда не бывает суетливым или суматошным. Действительно важное никогда не будет от вас требовать быстрых, необдуманных действий, – она немного подумала, – да что там говорить, быстрых, но обдуманных действий оно не потребует тоже. Действительно важное всегда рядом с вами, если хотите, внутри вас. И, следовательно, вы ничего не можете упустить или прошляпить, даже если будете просто сидеть, никуда не торопясь, натянув эту самую шляпу на голову и закрыв глаза, находясь в молчании и одиночестве. Вам надо найти именно нечто такое. Фундаментальное и основательное. Базовое, можно сказать. Найти, определить, выразить словами и использовать как основу. Ошибиться нельзя, – Агафья Тихоновна развела плавники в сторону и подытожила:

– Суетливые, взбалмошные вещи не могут быть фундаментом, иначе ваша постройка завалится как карточный до-

мик.

– Что будет если мы допустим ошибку?

– Ошибка на стройке всегда приводит к разрушению конструкции, какой бы прочной она не казалась с виду. Одна единственная ошибка в фундаменте неизбежно приведет к двум ошибкам на первом этаже, к четырем на втором, восьми на третьем, шестнадцати на четвертом и так далее. На 10 этаже единственный фундаментальный просчет обернется тысячью ошибок, а на 20-ом их число возрастет до более чем миллиона! – Агафья Тихоновна считала в уме, быстро нашептывая себе под нос все увеличивавшиеся цифры, – смотря какой этажности дом вы хотите построить. Пара этажей смогут вытерпеть ваше невежество, но небоскреб построить не удастся. Если основа дома заложена с нарушением технологии, рано или поздно дом завалится. И в данном случае лучше раньше чем позже.

– Почему?

– Потому что если он завалится сразу после начала строительства, в него еще не успеют заселиться люди, – Агафья Тихоновна улыбнулась и постучала себя плавником по лбу, – а если люди уже заселились, – она еще раз выразительно постучала себя по голове, – то жди беды.

– Какой?

– Люди в своем большинстве всегда стремятся подмять, подтасовать факты под свою личную, собственную теорию, под рассуждения, которые они исповедают. Факты сначала

спорят, но, в конце концов, плотно укладываются в нагромождении ложных заключений, и даже, – акула повернула голову набекрень, – если глянуть искоса, начинают их подтверждать. Но ложь от этого не становится правдой, и рано или поздно здание, построенное на непрочном фундаменте, рухнет.

– Время все расставит на свои места.

– Нет, что вы! Время радуется каждой ошибке, ибо само по себе является искусственным нагромождением ложных выводов и исследований, построенных на одной-единственной ошибке в фундаменте – принятии Времени как такового. И с каждым торжеством правды и постройкой нового, прочного и верного фундамента, оно само рискует исчезнуть в клубах пыли. Исчезнуть навсегда, как это бывает при сносе дома.

– Но есть же какие-то незыблемые научные аксиомы, на которые опираются величайшие умы человечества, продвигающие науку вперед?

– Конечно, есть, только так ли они незыблемы, эти аксиомы? В средние века Землю считали центром Вселенной и это было ох как незыблемо и нерушимо. Только в 1543 году математик и астроном Николай Коперник в своей книге «О вращении небесных тел» впервые описал то, что сейчас известно любому школьнику. И спустя 60 лет, уже после изобретения телескопа, Галилео Галилей подтвердил учение Коперника, доказав что Земля вращается вокруг Солнца, а ни-

как не наоборот, – Агафья Тихоновна повернулась к дракону и, почему-то обращаясь к нему, продолжила, – однако много раньше, еще за 300 лет до нашей эры, греческий философ Платон утверждал что помещать Землю в центр Вселенной неверно, а астроном Аристарх из Самоса считал что не звезды вращаются вокруг Земли, а она сама вращается вокруг своей оси, – акула потрепала дракона за ухом и продолжила, – к тому же Аристарх был убежден что Земля описывает путь вокруг Солнца.

Артук негромким рычанием и движением головы выражал полное согласие с Агафьей Тихоновной. Казалось что если бы он мог заговорить, то добавил бы много интересного к фактам из средневековья.

– Однако современники Платона и Аристарха не разделяли их точку зрения. Человечество еще не знало о силе тяготения и не могло себе представить, чтобы люди вместе с Землей, иногда вверх тормашками, неслись на невероятной скорости в космическом пространстве, – Агафья Тихоновна вновь повернулась ко мне, и напоминая с чего начался наш разговор, произнесла:

– Вот вам только один пример незыблемых научных аксиом! Не бывает ничего настолько нерушимого и настолько верного, чтоб доверять этому безоговорочно, каким бы непоколебимым и несокрушимым не казалось на первый взгляд это что бы то ни было. И только величайшие умы человечества находят в себе смелость признать это, – акула

утвердительно кивнула, – и вам предстоит. Никуда от этого не деться.

Я был в растерянности. Мне предстояло выбрать нечто базовое, фундаментальное в собственной жизни. Выбрать основу на которой можно будет выстроить небоскреб. На меньшее я не согласен. Цена ошибки была очень высока и я задумался, крепко обхватив голову руками.

– И что это?

– Подумайте сами. Что вы можете использовать как фундамент? Есть в вашей жизни что-то незыблемое, нерушимое? – Агафья Тихоновна произнесла последние слова с явной иронией.

– Я не знаю. Возможно, воздух? Вода?

– Возможно. Но все же, это должно быть какое-то чувство, а не материальная субстанция, – Агафья Тихоновна развела плавники, показывая вокруг, – мы сейчас в чувственном измерении, где чувства являются основой основ. Вслед за чувствами идут мысли, слова, рассуждения, а только потом действия и, наконец, результат, который впоследствии и проявляется в материальной Вселенной. Ошибкой будет считать, что наши действия, или даже мысли приводят к результату. Нет, – Агафья Тихоновна покачала головой, – нет, и еще раз нет. К результату приводят наши чувства. Научитесь чувствовать то что вы хотите и можете больше не работать ни дня.

– Чувствовать? – я закрыл глаза и представил мир, где все

чувства тут же обретали материю.

– Да, просто чувствовать. Вселенная, медленно, со скрипом, развернется в вашу сторону именно тем своим боком, который вы научились ощущать. Остановить этот процесс невозможно, его можно только принять как данность. Принять, осознавая себя творцом. И наделяя себя полномочиями того, кого люди называют Богом.

Агафья Тихоновна говорила не торопясь, иногда останавливалась и задумчиво смотрела в одну точку. На огонь. Точнее на какую-то точку внутри огня.

– Жизнь прекрасна в любом ее проявлении, но всегда, вы слышите, всегда, она является лишь отражением вашего внутреннего, чувственного мира. Четким и безукоризненно выполненным отражением. И это отражение буднично и бессрочно, без передышки и без усталости, в любое время будет демонстрировать вам то, во что вы верите. То, что ощущаете. То, о чем думаете. То, что строите. Исключений нет.

– А у него? – я кивнул в сторону Артака.

– У него?

– Да, что его ждет?

– Путешествия и старость. Созерцание. Он посеял свои чувства и взрастил желаемое. Это большой труд. Сложнее чем вырастить дерево или построить дом.

– Сложнее чем дом?

– Дома тоже состоят из наших мыслей и чувств... – Агафья Тихоновна усмехнулась как бы про себя.

– Артак был человеком?

– Атомы из которых состоит любой из нас много раз меняли своего хозяина. Возможно в вашем теле есть горсть или две атомов и молекул, из которых состоял, например, любимый вами, Сенека. Или тот же Сократ. Или Платон. А ваш зонт, ставший драконом, возможно, вмещает в себя пару атомов Адольфа Гитлера или Людовика XIV, нам не дано знать точно. С момента так называемого Большого Взрыва, – акула почему-то весело рассмеялась, – в Природе не появилось и не исчезло ни одного атома. И, в конце концов, все мы состоим из взорвавшихся звезд, – Агафья Тихоновна кивнула на наши тела, – если говорить о теле, конечно.

Она потрепала Артака за шею и произнесла:

– Возможно, Артак уже был великим полководцем или выдающимся физиком. Возможно, он открывал новые земли на нашей планете или, того больше, новые планеты и галактики во Вселенной. А то что мы видим перед собой сейчас – его осознанный, ну или не очень, выбор. Как я уже говорила, он посеял свои чувства и взрастил желаемое.

– Он пожелал стать зонтом? Или драконом? Так получается?

– Возможно и так, а возможно и совсем по-другому, – акула усмехнулась, – отдельный человек, впрочем как и все человечество, почему-то считает что чувствами нельзя управлять. Лишь единицы пытаются это делать, и надо сказать, небезуспешно. Поэтому, мы не знаем, сам он выбрал стать



драконом или Департамент Чувственных Реализаций сделал это за него, исходя из его же чувств мироощущения и зрелости. Но мы знаем точно – ни одно чувство не проходит незамеченным или неучтенным. Каждая мелочь, каждое мгновение в ощущениях и переживаниях, каждая человеческая эмоция реализуется в полном объеме. И эта теперешняя его оболочка – оболочка дракона – только явно и ясно выражает суть того чем или кем он был. Кстати, вы знаете что драконы – священные животные? Да, драконы – существа высшего порядка. Однако их святость проявляется не в поклонении им какого-то количества людей, и даже не в способности творить чудеса, на которые эти люди так падки. Их святость – уровнем гораздо выше. Их святость – внутренняя, построенная на правильно выбранном фундаменте. Вполне возможно, они поэтому и вымерли, а если быть точной – то просто перестали являться людям.

– Так драконы существуют на самом деле?

– Конечно, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – конечно, существуют. Только они и существуют в действительности. А вы пока еще нет. Не существуете. И неизвестно, будете ли существовать.

– Хм. Но почему тогда они перестали показываться нам, людям? Ведь они могли бы помочь человечеству перейти на новый уровень.

– Почему они перестали показываться людям? – акула повторила мой вопрос, – да все очень просто. Несоответствие

их внутреннего Мира и Мира людей настолько велико, что оно их ранит. Сильно ранит. И даже иногда убивает.

– Даже так!

– Да, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – поэтому с самых давних пор драконы являются только тем людям, чей внутренний Мир не может им навредить.

– И я – один из них?

Акула рассмеялась и быстро переглянулась с Артаком.

– Да. Вы – один из таких людей. А когда вы сможете определить свой личный, нерушимый фундамент и выстроите на нем крепкое здание – вы можете стать и одним из них, – она кивнула на лежащего дракона.

– Я могу стать драконом?

– Вы можете стать высшим существом, – просто ответила акула, – а уж кем конкретно – мне неизвестно.

– Высшим существом, то есть драконом? – я продолжал настаивать на ответе.

– Вам решать, – Агафья Тихоновна говорила загадками, – только вам и Никому более. Никому кроме вас.

– Вот это да! Никто тоже решает? Вот это да! И для того чтобы продвинуться вперед, я должен определить фундамент? Какое чувство для меня является основным?

– Даже не основным, потому что так не бывает. Не основным, а желанным. То чувство, испытывая которое вы понимаете что вы дома. То чувство, которое наполняет вас спокойствием и умиротворением. Ведь дом – это не там где вы

живете. Дом – это там, откуда не хочется бежать.

– Мне не хочется бежать из этой палатки. Получается – это мой дом?

– Сейчас – да.

– А потом?

– А потом – другой. И этот другой уже формируется из того что и как вы чувствуете сейчас. Мир не останавливается ни на одно мгновение. Двери нового дома уже открыты и ждут вас.

Агафья Тихоновна пошерудила в огне массивной чугунной кочергой, которую взяла уже понятно откуда, и продолжила:

– Человеческий мозг слаб. Мир вокруг нас гораздо разнообразнее чем нам пытаются показать. Всё и везде существует одновременно. И Пространство с Временем – лишь миф, созданный человечеством в начале своего развития и осознания себя разумными. Однако, надо признать, что концепция и Пространства и Времени позволяет много объяснить простыми и понятными словами. Всё происходит не везде – потому что есть расстояние, то бишь Пространство, и все происходит не сразу, потому что есть Время. Просто и со вкусом. Но это не совсем так. Всё что есть во Вселенной – есть одновременно и есть в любой точке Пространства.

– Но если всё есть в любой точке, то и любая точка находится везде! А это значит... Подождите... Это значит что все существующее Пространство сконцентрировано в одной

точке? Так что ли? – я немного оторопел от неожиданного открытия и смотрел на Агафью Тихоновну в ожидании.

– В одной точке, – повторила акула задумчиво, – в одной точке... А если принять во внимание, что сама эта точка не имеет ни длины, ни высоты и ни ширины, то...

– То само Пространство – не более чем миф...

– Хм, – акула прищурилась, – вы очень хороший ученик. Я бы даже сказала – замечательный ученик! Но давайте не будем забегать вперед. Покончим сначала со временем, – она помолчала, вспоминая о чем конкретно шел разговор, – так вот, люди не в состоянии узреть всё и сразу. Поэтому мозг нам показывает картинку за картинкой. Как в фильме. И это длится до тех самых пор, пока тело не развалится и его атомы не будет использовать другой соискатель.

– Соискатель?

– Да. Соискатель. Ученик. Абитуриент. Тот, кто пришел сюда учиться.

– Как он может использовать его атомы?

– Как строительный материал, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – повторюсь, со времени так называемого Большого Взрыва во Вселенной не появилось и не исчезло ни одного атома. Мы все состоим из друг друга. Ныне живущие из ранее живших. И так далее.

– Мне кажется я понимаю.

– Еще бы. Вы понимаете. Но это Понимание – ничто, по сравнению с тем что вам еще предстоит понять, – акула

вздохнула глубоко, но не тяжело, и добавила, – или просто принять, если ваше Понимание вдруг взбунтуется и откажется воспринимать правду...

– Понимание может так поступить со мной?

– Все возможно, – произнесла большая белая акула и замолчала.

– Расскажите мне о Времени. Все что вы знаете, – снова попросил я, глядя в упор на Агафью Тихоновну.

Немного поразмышляв она начала свой рассказ:

– ВРЕМЯ. Наверное, люди очень ценят эту не до конца понятную мне субстанцию, раз так сожалеют о нехватке времени или о попусту затраченном времени. В этом надо разобраться основательно, – она придвинулась ближе к костру и продолжила:

– Люди считают, что время однородно, линейно и движется только в одну сторону – из прошлого в будущее через настоящее. Будущего нет – но оно наступает каждое мгновение, становясь настоящим и в то же мгновение превращается в прошлое. То есть между «нет уже» и «нет еще» лежит единственно присутствующая и вечно отсутствующая временная зона, называемая «теперь».

Современные люди считают время сырьем, которое человек получает бесплатно, и из которого должен извлечь как можно больше прибыли, выражаемой в деньгах, и во всем, что на них можно купить. Тот, кто зря тратит время – дурак

или даже преступник: он ворует сам у себя. В понимании современного человечества и время и деньги тесно связаны, и имеют своего рода метафизическую ценность: наличие денег и отсутствие времени показывают востребованность индивидуума и придает жизни смысл, и, наоборот, отсутствие средств и наличие времени характеризуют человека отрицательно, как ненашедшего себя в жизни. Формула «время – деньги» очень широко распространена в современном обществе.

Агафья Тихоновна шумно вздохнула, как бы осуждая современное общество, и продолжила:

– В различных религиях понятие времени рассматривается, как нечто божественное, бесконечное, высшего порядка, неизменное и непостижимое человеческим разумом. Хотя, в христианстве, например, время заканчивается Страшным судом. После него наступает ВЕЧНОСТЬ. Она ни была, ни будет, она только есть. В вечном нет ни проходящего, ни будущего. В вечности нет изменчивости и нет промежутков времени, так как промежутки времени состоят из прошедших и будущих изменений предметов. Вечность – Мир, где всё раз и навсегда. Однажды и навечно.

Агафья Тихоновна сделала небольшую паузу и посмотрела на меня, словно хотела убедиться что я понимаю всё о чем она говорит. Видимо, она ждала моей реакции и я просто кивнул головой. Акула продолжила:

– В буддизме время не имеет ни начала, ни конца. Всегда

были и будут перемены, которые могут быть обозначены как ход Времени. Миры, цивилизации и одушевленные формы жизни непрерывно возникают и рушатся. Та форма, которую они принимают, зависит от их действий и, соответственно, от сознаний тех, кто им предшествовал. Круг цивилизаций и Миров.

Одно из индейских племен представляло время как поле, через которое идет человек. Это представление было интереснее, так как оно, по крайней мере, было двухмерным! Человек мог выбирать куда идти – прямо или свернуть. Но и это в полной мере не отражало действительность. Время – сложная для понимания структура, и чтобы лучше его понять, ну или еще больше запутаться, давайте проведем эксперимент.

С этими словами Агафья Тихоновна достала из-за спины парту с уже стоящим на ней и включенным компьютером и, попросив меня сесть за стол, объяснила условия:

– Вы сидите за компьютером и щелкаете мышкой по пустому месту на экране. На каждый Ваш щелчок экран отзывается вспышкой света на месте, по которому вы щелкнули, это понятно?

Я молча кивнул головой стараясь не пропустить ни слова.

– Теперь немного изменим условия – установим задержку так, чтобы вспышка света происходила позже щелчка, скажем, на 0.1 секунды, – акула ловко орудовала плавниками, нажимая кнопки на клавиатуре, – сделано! Ваш мозг привыкает к этой задержке – он понимает, что сенсорные ощу-

щения от действия приходят несколько позже чем должны. Мозг начинает подстраиваться, и вам кажется, что нажатие кнопки и вспышка происходит одновременно. Пробуйте! – Агафья Тихоновна пододвинула ко мне клавиатуру.

Все происходило точь в точь как она описала. Агафья Тихоновна, убедившись, что мой мозг уже подстроился под новые условия, снова придвинула клавиатуру к себе.

– Теперь уберем задержку. Что мы наблюдаем? Какое-то время вам будет казаться что вспышка происходит ДО ТО-ГО, как Вы нажали на кнопку. Понимаете? До того как ваш мозг снова установит свои правила и подгонит объективную реальность под свое восприятие – вам кажется что вспышка света появляется на экране компьютера в аккурат за 0.1 секунду до того как вы туда нажали! Человеческий разум не позволяет понять непостижимое. А то, что мозг не может объяснить и осознать – интерпретируется по своему, и реальность заменяется «индивидуальным видением». Она ускользает от нас. Человек не в состоянии противостоят этому, как не в состоянии противостоят себе самому, и каждый отдельный экземпляр человека или животного получает свою отдельную шкалу со своим отдельно стоящим и существующим Временем. Так можем ли мы считать Время реальным?

Агафья Тихоновна смотрела на меня таким взглядом, словно думала что я могу ответить на поставленный вопрос. Но я молчал, как ученик, который уже знает правильный ответ, но все еще сомневается и ждет какую-то подсказку что-



бы убедиться в своей правоте. Акула, немного погодя, продолжала:

– Если кому-то приходилось попадать в стрессовую ситуацию, например, в аварию, то этот кто-то мог испытать странное ощущение, что все происходит как бы в замедленном действии. Но в отличие от наркотического дурмана, этот кто-то смог бы живо припомнить малейшую деталь. Это пример искажения Времени памятью. Во время крайне напряженных ситуаций в мозгу включается аварийный центр и множество воспоминаний о происходящем событии очень плотно укладывается в голове. Вот почему кажется что все происходит так долго. В каждый момент времени мозг обрабатывает и синхронизирует огромное количество информации, и, если он не успевает, то сознательно растягивает Время. Так реально ли оно?

Агафья Тихоновна замолчала, теперь уже надолго, и старательно зашерудила кочергой, разгребая уже прогоревшую золу и освобождая место для картошки, которая уже лежала рядом и ждала когда ее испекут. Она положила клубни в самый жар и присыпала углями сверху.

– Прошлое разум заменяет памятью, настоящее – вниманием, будущее – ожиданием, принимая таким образом игру «во Время» – самое большое из известных мне на сегодняшний день заблуждений человечества, – акула потрясла кочергой в воздухе, – человек не в состоянии измерить момент Времени в настоящем, но продолжает упорно настаивать на

его существовании. По факту, люди могут измерить только прошлое – и то, даже не измерить, а присвоить сравнительную характеристику придуманной человечеством шкалы – год, месяц, день, час... Тогда о какой реальности мы можем говорить? – и Агафья Тихоновна уверенно и коротко подытожила, – Время – это миф. Времени не существует. Точнее, существует все одновременно – и то, что называют прошлым, и то, что называют настоящим, и то, что называют будущим. Все возможные варианты прошлого, настоящего и будущего существуют стационарно, в едином Пространстве, и пока мы не сделали выбор – возможно абсолютно все. Окружающий мир всегда дает людям то, что они выбирают. Вселенная и человек – единая материя, и она никогда не будет спорить сама с собой. Для того чтобы конфликтовать необходима свободная Энергия, незадействованная ни в одном из существующих процессов, а такой попросту нет, – Агафья развела плавниками в стороны, – ну нет такой Энергии! В Природе все идет по пути, наименее затратному энергетически, и вся существующая Энергия востребована до капли. Она и есть Бог в людском понимании. И ее ровно столько, сколько необходимо – ни больше, ни меньше.

Я задумчиво молчал пока акула проверяла картофель на готовность, а дракон с интересом наблюдал за нами, внимательно прислушиваясь к сказанному. Агафья Тихоновна, видимо окончательно решила покончить с вопросом Времени, и поэтому добавила:

– Время не состоит из мгновений, это в мгновении и есть Время, или то, что люди называют Временем. Вселенная на самом деле – как огромное количество фотоснимков, тщательнейшим образом структурированных. Они не взаимодействуют между собой, они сами в себе являются целыми мирами. Таким образом реальность подобна снимку внутри снимка. Мозг собирает эти картинки и проигрывает их. Точно так же картинки, прокручиваемые с частотой 24 кадра в секунду дают изображение на экране телевизора. А сами картинки неподвижны. То, что люди зовут Временем – иллюзия. Вселенная статична, в ней ничего не меняется. Текущий момент, такой яркий и живой – вечен.

Она достала картошку из углей. Глубокий черный цвет пропекшейся кожуры сливался с землей и было не совсем понятно где заканчивается земля и начинается картофель.

– А что же мы зачерпнули в бутылочки, если Время – иллюзия? – я хотел разобраться до конца.

– Время и зачерпнули, – Агафья Тихоновна смотрела на меня и говорила медленно, отчеканивая каждое слово, – ведь как только человек начинает верить в существование Времени и, более того, чувствует его ход – оно становится реальным. Любое ваше чувство материализуется, – она повернулась к дракону, и обратившись к нему, сказала, – иначе откуда было ему взяться? Ему, то есть Времени?

– Реальным для человека, который его чувствует или объективно реальным? Реальным полностью? Абсолютно реаль-

ным? – по-моему, я уже знал что ответит акула.

– Вселенная просто создает еще одну свою проекцию, и уж в ней-то Время становится реальным. Во Вселенной столько различных воплощений, что каждое, даже самое нереальное, субъективное видение, любого живущего человека, тут же реализуется в какой-то ее части. Так что мы зачерпнули именно ваше Время. Именно ваши мгновения и ваши вечности. Такие же реальные как этот картофель, – Агафья Тихоновна кивнула на черные, в золе, исходящие паром картофелины.

Картофель был горячим, рассыпчатым и вкусным, словно испеченный в костре нашего детства.

## 6

– Еще в 500-м году до нашей эры философ Парменид заявил, что движение невозможно, так как любое расстояние можно разделить на бесконечное количество отрезков. А бесконечно шагать невозможно. Поскольку ничто не движется – ничто не меняется, следовательно, Время – иллюзия, – Агафья Тихоновна ловко очищала обжигающий картофель, подносила его прямо к носу, вдыхала аромат, и лишь потом ела.

– Вы употребляете в пищу картофель? Я думал что ваша пища – краски!

– Духовная пища – цвета, – Агафья Тихоновна подмигну-

ла мне черным глазом, – но и от картошки, запеченной в костре не откажусь. Особенно в костре моего детства.

Картошка и правда была потрясающе вкусна.

– Получается Парменид был прав?

– Получается что прав, и хоть Парменид пришел к этому выводу основываясь лишь на своих предположениях, оперируя такими математическими понятиями как ноль и бесконечность, он не ошибся, – Агафья Тихоновна доела, стряхнула остатки картофельной кожуры с груди и произнесла, – но в своих утверждениях Парменид затронул еще один важный момент, – она приподняла плавник, – иллюзорность Пространства.

– Пространства тоже нет?

– Нет. Ничего нет, – Агафья Тихоновна счастливо рассмеялась, – Пространство и Время тесно переплетены вместе, они образуют единую сущность, это еще Эйнштейн доказал, и одна иллюзия уж конечно не может существовать без другой. Даже если предположить что Пространство все таки реально, а Время, как мы уже знаем – нет, то получается совсем несуразица, – Агафья Тихоновна развела плавники в сторону, изображая полное недоумение, – получается, что реальность переплетается с иллюзией, и более того, создает с этой иллюзией единую сущность – Пространство-Время, – акула вдруг придвинулась к моему уху вплотную, – понимаете?

– Да, понимаю...

– А если быть до конца точной, то единство Пространства-Времени доказал и не Эйнштейн вовсе, а жена его, сербка по происхождению, Милева Марвич, сильнейший физик своего времени! Ее недостаток как ученого заключался лишь в одном – она была женщина и не могла публиковать свои работы, ибо в то время считалось что женщина не может быть ученым. Что либо напечатать и придать гласности она могла только под мужским именем, – Агафья Тихоновна усмехнулась.

– Например, под именем мужа? – я быстро словил намек.

– Да. Под именем мужа. Вот вы, например, знаете за что Эйнштейн получил Нобелевскую премию?

– Ну это знает каждый школьник, – я улыбнулся, – за свою теорию относительности.

– А вот и нет! В формулировке нобелевского комитета, который прекрасно был осведомлен о том кто истинный автор теории относительности, ясно и недвусмысленно сказано – Эйнштейн становится лауреатом самой известной премии Мира только лишь за изучение фотоэлектрического эффекта. Кстати, фотоэлектрический эффект до него был изучен Планком, так что ничего революционного в данной теме он тоже не привнес.

– То есть? – я чуть не поперхнулся картофелем.

– То есть теория относительности была написана и рассчитана при живейшем участии Милевы Марвич и не являлась плодом трудов одного лишь Эйнштейна. В то Время об

этом знали абсолютно все. Но нобелевский комитет, учитывая огромное давление масонской ложи, которая лоббировала интересы Эйнштейна, саму премию ему все же выдал. Однако члены этого комитета наотрез отказались подписать формулировку «за создание теории относительности», отлично зная кто автор в действительности.

– И это доказано?

– Какие доказательства вам еще нужны? – Агафья Тихоновна почти смеялась, видя мое неподдельное изумление, – лучшим доказательством является то, что сам Эйнштейн, после развода со своей женой не смог написать ни одной, хоть мало-мальски стоящей работы, – акула сидела смотря куда-то вдаль, и говорила задумчиво, неторопливо. Хотя вполне возможно что Агафья Тихоновна смотрела внутрь себя, и листала свои же воспоминания, – ну а теперь спать! – она привстала и махнула плавником в сторону палатки. Другой плавник, как мне показалось, смахнул набежавшую на ее черный глянцевый глаз слезу.

Ночь накрыла нас как-то целиком и сразу. Сотни небесных светил одновременно погасли, будто кто-то могущественный и невидимый нажал на кнопку «выкл». А может это сама Агафья Тихоновна просто вышла из палатки и сложила мой японский автоматический зонт в крупный красный горох на глубоком синем фоне? Сложила целую Вселенную, такую настоящую и реальную. Всамделишную, подлин-

ную, а для нас троих – единственную. Вселенную. Всю Вселенную целиком. Взяла и просто сложила и поставила в угол. В сушку. Все может быть.

Как бы там ни было – факт остается фактом – солнца погасли одновременно и сразу, будто электрическую лампочку накаливания с вольфрамовой нитью внутри выдернули из розетки.

7

Вовремя.

Не раньше и не позже.

Именно тогда когда надо.

Именно тогда когда должно было.

Сейчас.

В этот самый момент.

Утро пришло без опоздания, и как талантливый художник, то здесь то там, светлыми мазками разбросало свою палитру красок.

Как только сон начал покидать меня, и я открыв глаза, высунул голову из палатки, небосвод уже светился серым – сначала темным, насыщенным тоном, потом светлее, размазанной палитрой. Спустя какие-то мгновение серый начал переходить в нежно-голубой, он становился более насыщенным, синел, словно электризовался, и в конце концов, приобрел глубокий, но в тоже время, яркий оттенок индиго.



Сотни солнц еще не вспыхнули, но инфракрасный свет, который я ощущал как обыкновенное тепло, уже наполнял этот дивный и красочный мир. Складывалось впечатление что я проснулся внутри огромного драгоценного камня, который с течением времени менял свою структуру и свойства. Сначала это был серый топаз, потом аквамарин или бирюза, а с насыщением цвета, с ростом его интенсивности, небосвод, как бы нехотя, но все же превращался, в густо-голубой, прочный и монолитный сапфир.

Самое чудесное время суток – утро. Утро – время тихой радости. Эти часы – не для спешки, не для суеты. Утро – время неторопливых, глубоких, золотых мыслей.

Я лежал в палатке на спине, высунув одну лишь голову, и в ожидании рассвета, глотал утреннюю прохладу, молча наблюдая за сменой окраски небосвода. Рассвет даже одного солнца непередаваемо красив, но здесь, в этом Мире, была добрая сотня светил, готовых засиять в любое мгновение.

Надо мной, над Агафьей Тихоновной и над Артаком.

Мы все были внутри этого чудесного драгоценного камня с живой, дышащей и казавшейся нам совсем не твердой, кристаллической решеткой.

Агафья Тихоновна открыла глаза и потянулась. Вся, от кончика хвоста, до пасти. Сначала замерев в согнутом, напряженном положении, потом выпрямившись, пустив живи-

тельный кислород к затекшим участкам тела, она подплыла к костру, подпалив его своим взглядом, достала чайник, как обычно, из-за спины, и примостила его на огонь.

– Доброе утро, Агафья Тихоновна, – я поздоровался и улыбнулся как можно доброжелательнее и искреннее, тем более что это полностью соответствовало моим чувствам и внутреннему состоянию, – а почему нельзя сразу достать кипяток?

– Доброе утро. Можно и кипяток, – она улыбалась, – но тогда нет необходимости в костре, а что может быть приятнее, чем смотреть на огонь в приятной компании, в ожидании пока вскипит вода? – улыбка продолжала освещать ее лицо, – наверное, только одно – уже потягивать ароматный обжигающий чай, опять-таки, наблюдая за пламенем костра.

Агафья Тихоновна выпрямилась во весь рост и подняв вверх плавники, потянулась еще раз. Словно сотни корундов вспыхнули одновременно на густом синем небосклоне. Это был наш рассвет, рассвет нашего общего Мира. Солнца не появлялись постепенно из-за горизонта, они зажглись на тех же самых местах, где были вчера.

– Рассвет, – почему-то шепотом произнесла акула.

– Рассвет, – эхом повторил я.

Больше она ничего не сказала.

Мы лежали рядом и смотрели вверх, на небо, иногда поглядывая на костер, в ожидании пока вскипит чайник.

– Почему так? – я кивнул на солнца, – они сразу там же где были вчера?

– Мы все-таки в Мире японского зонтика, и должны уважать законы данного мироустройства, – Агафья Тихоновна показала на небо, – сколько горошин, столько и солнц, и их положение на небосводе неизменно. Такова физика данного Мира.

– Значит этот Мир не настоящий?

Агафья Тихоновна разлила уже вскипевший чай по чашкам, вручив одну Артаку, который тоже проснулся и, словно послушное домашнее животное, смиренно ждал свой завтрак, а другую всучила мне в руки и лишь после этого спросила:

– Что значит ненастоящий? Этот чай, который вы пьете – настоящий?

Я отхлебнул горячий и сладкий, насыщенный вкусом напиток и немного поразмышляв, ответил:

– Чай настоящий.

– Почему? Что убедило вас в этом?

– Ну я чувствую вкус. Я чувствую температуру.

– Вот видите! Вы чувствуете! Это основное. Значит ли это что чувства являются основным критерием оценки реальности происходящего?

– Возможно, – я немного подумал, – да, скорее являются.

– И что вы чувствуете в этом Мире?

– Я чувствую тепло на своей коже. От костра и от солнц.

– Что же вам еще надо? – акула засмеялась, – что вам еще надо чтобы определить реальный ли этот Мир, критериев реальности которого масса, а нереальности – лишь один? И этот один критерий – а именно отказ вашего мозга верить в то что он видит – готов перечеркнуть все ваши чувства и ощущения?

– Но получается что мы просто создали свой маленький мирок под синим куполом зонта? А крупный красный горох выполняет роль солнц?

– Вы же чувствуете тепло? Значит оно есть и значит солнца светят, – Агафья Тихоновна посмотрела вверх, туда, где краснели и наливались цветом наши светила, – что же вам нужно еще? Вы, люди, создаете свой маленький, но от этого не менее настоящий Мир каждое мгновение и без купола знакомого вам зонта. Кто вам сказал что вы и ваши друзья, ваши города и улицы, страны и континенты, ваше единственное Солнце, вокруг которого вращается Земля, ваши галактики и ваша Вселенная, не является лишь чьим-то маленьким мирком, прикрытым тряпочкой законов физики этого же, отдельно взятого мирка, которые вам уже удалось открыть и даже тех, еще не открытых законов, к которым вы только приближаетесь в своих изысканиях?

Агафья Тихоновна гладила Артака по голове, а он отхлебывал горячий чай, шурясь под солнцами своего Мира.

– Разница лишь в том, – акула продолжала, – что в этом Мире свои физические, и наверняка, химические законы,

которые нам еще предстоит определить. Но он так же реален как и любой другой Мир.

– Получается, что каждый зонт, каждый футбольный мяч, каждое яблоко, и даже, каждая молекула или атом, являются целой Вселенной?

– Конечно! Как и вся ваша, в вашем понимании реальная, Вселенная может быть лишь одним атомом в каком-нибудь другом мире. Протоны и нейтроны, электроны, кварки, бозоны и фермионы – неделимые элементарные частицы в вашем Мире, являются целыми Вселенными в какой-нибудь другой, для вас, метафизической Вселенной.

– А расстояния?

– Расстояния, а значит и размеры, иллюзорны! И нет предела движения ни в макро, ни в микромир. Всегда, слышите, всегда, элементарные и якобы неделимые частички будут продолжать делиться на еще более элементарные, и еще более неделимые, и так до бесконечности, – акула задула ненужное больше пламя костра и повернулась ко мне.

– А галактики? Вселенные?

– Они всегда будут составными частями еще более крупных объектов. Повторюсь – пределов не существует.

– Получается что расстояния действительно иллюзорны.

– Получается да.

– И мы живем в одной точке?

– Да. Если хотите, вывернутой наизнанку точке.

Агафья Тихоновна допила чай, потом свернула ненужную

нам более палатку и выкинула ее за спину. Палатка, как и все остальное, уже ненужное, исчезла без следа.

– А есть и объективная реальность?

– Есть.

– И можно с ней познакомиться?

– Конечно!

– Но как?

– Во-первых, принять как данность способ нашего мозга воспринимать объективную реальность и посмотреть на то что вы видите немного под другим углом. Позволить Миру быть самим собой и не подгонять его под какие-то ваши устои и убеждения.

– Значит можно увидеть Мир и по-другому?

– Не только можно, но и нужно! Только совсем не увидеть, – акула многозначительно подмигнула мне, – ни в каком случае не увидеть, а именно почувствовать. Только тогда откроется другое, объективное зрение.

– Что для этого необходимо?

– Выйти за пределы ума, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – отказаться от ограниченности восприятия. Услышать свой внутренний голос.

– Внутренний голос? Как можно его услышать? Как поймать свою волну?

– Это достаточно легко сделать. Все что нужно – это просто прислушиваться к себе. Как можно чаще. Прислушиваться к внутреннему. Даже если вам кажется что вы ниче-

го не слышите. Продолжайте слушать. И в конце концов, вы обязательно услышите. По-другому не бывает.

– Но как отличить его от всего остального? От потока своих мыслей? От переживаний? Он решений, которые мне подсказывает мой мозг, но не чувства?

– Ваш внутренний голос лишен страхов, в то время как мысли часто перемежаются с тревогами. Ваш внутренний голос всегда ориентирован на конкретные действия, тогда как мысли дезорганизованы. Он очень специфичен, этот внутренний голос, это надо понимать. Иногда он молчит, но это не значит что его нет. Ваш внутренний голос не боится, не завидует, не сравнивает, не корит себя за проступки, никогда не чувствует себя ничтожным или слабым и никогда не ошибается.

– Хм, но это то что он не делает – не боится, не ошибается, не завидует и так далее, – я даже немного приуныл, – а есть какой-то безошибочный признак именно действия, а не бездействия, то есть без частички не?

– Нет, – акула смотрела прямо мне в глаза, – когда вы его услышите, то станете им самим, и вы сами наделите его полномочиями действий. А пока что мы знаем только то, чего он никогда не может сделать по определению.

– Но как не ошибиться и знать что это точно он?

– Он звучит только в тишине, – Агафья Тихоновна отвела взгляд, – только в полной тишине.

Я замолчал и закрыл глаза.

– Еще никто не заблудился, следуя своему внутреннему голосу, – добавила она, – когда вы услышите, то не ошибетесь.

– Но...

– Никаких но, – акула перебила меня, – помните основное – ваш внутренний голос полностью лишен страхов, волнений, и всех, даже самых маленьких переживаний.

– Всех?

– Абсолютно. В Мире внутренних голосов страхов и переживаний не существует. Их просто нет.

Артак кружил в ярко-синем небе, заслоня собой то одно, то сразу несколько солнц, и по-моему, понимал много больше меня.

Не зря же он, своими действиями и делами выбрал образ существа, умеющего подниматься ввысь. Не только над планетой, но и над Сознанием. А может он и был формой общего Сознания, принявшей облик дракона? Или он был Любовью? Молчаливой, и от этого самой что ни на есть истинной. Ведь все настоящее – как счастье, так и горе – всегда безмолвно.



Попив чай, и таким образом немного подкрепившись, мы засобирались в путь. Вещей у нас было немного – только рюкзак с красками и немного Времени в двух бутылочках. Я достаточно быстро справился с застежками на рюкзаке и повесил его на спину.

– Куда мы отправимся?

– Вперед, – Агафья Тихоновна как-то неопределенно указала вдаль, – только вперед.

– Но в каком направлении? – я крутил головой по сторонам и видел только одинаковую, уходящую вдаль зеленую равнину.

– Это совсем неважно. При движении вперед важны только действия, а не их направление, – акула уже залезла на дракона и ждала меня там. Увидев на моем лице недоумение, она проговорила:

– Имея летающего дракона глупо идти пешком, не так ли?

Артак подставил мне крыло, по которому я смог быстро забраться на его спину. Дракон взмыл вверх столь стремительно что закружилась голова. Акула потянулась куда-то вверх, что-то щелкнуло, и я увидел у нее в плавнике мой зонт, целый и невредимый, но уже сложенный. Он был бесцветный, мой зонт. Его горошины, каким-то волшебным и непостижимым образом продолжали ярко светиться в небе, и судя по всему наш путь лежал именно туда. Вверх, по дороге к одному из Солнц.

Земля скрылась из виду достаточно быстро, но мы про-

должали лететь вдаль от планеты с неизменной и невероятной скоростью, однако, если мерить расстояние на глаз, то к солнцам нам так и не удалось приблизиться. Ни на километр. Да что там километр, ни на один метр. Они продолжали величаво висеть на одинаковом расстоянии от нас, тускло поблескивая красным. Возможно, эти зонтичные звезды были настолько далеки, что даже огромная скорость, с которой мы двигались, не могла перечеркнуть это расстояние. А может быть – это был край этого Мира, край, которого нельзя достичь по определению.

– Что происходит? – я повернулся к Агафье Тихоновне, и кивая на зонт и горящие в небе солнца, спросил, – почему так?

– Почему солнца остались светить, если я забрала небо-свод? – акула засмеялась, – потому что в вашем восприятии эти светила уже реальны. Ваше Сознание приняло данный Мир, а приняв – дало ему, Миру, настоящую Жизнь.

– Значит я творец этой Вселенной? – от удивления я широко открыл глаза, но тут же подумал что это несправедливо – приписывать создание всего Мира себе одному, и тут же поправил сам себя, – мы, я хотел сказать – мы творцы...

– Ахаха, – Агафья Тихоновна громко рассмеялась, – нет, нет, только вы. Вы сами. Мое Сознание неспособно на такие творения, мое Сознание – лишь Сознание сказочного, выдуманного персонажа. А если быть совсем точной – выдуманного вами персонажа.

– А он? – я показал на Артака.

– Он – тем более – нет, – акула стала вдруг серьезнее и перестала смеяться, – он – выше этого. Драконы не создают, они лишь созерцают. Созерцание уже существующего – проявление Сознания высших существ.

– Так этот Мир реальный?

– Да. И вы – его Бог! Только ваше Сознание способно на такие вещи. Как только оно приняло этот Мир как существующую данность, Вселенная тут же смоделировала его из того что было под рукой, – Агафья Тихоновна продолжала терпеливо объяснять, – ну а под рукой оказался ваш зонт. Для создания вашей Вселенной, как вы можете наблюдать, этого оказалось вполне достаточно.

– И они действительно там? – я кивнул на яркие горошины в густом синем небе?

– Этого мы никогда не узнаем. Но мы чувствуем их тепло, а значит в нашей системе восприятия они действительно там, – она посмотрела вверх и добавила, – если еда действительно насыщает, вы же не спрашиваете, настоящая ли она.

– Но...

– Никаких но, – акула прищпорила дракона и он полетел еще быстрее. Свист от рассекаемого нами пространства почти заглушал звук голоса Агафьи Тихоновны, но каким-то непостижимым образом, как только она начинала говорить, ее слова всплывали в моем Сознании автоматически, словно они там и родились. Однако, я четко понимал, что эти слова

принадлежат белой акуле. Это ее речь и ее ответственность.

– И когда мы будем на месте? – я решил немного схитрить, рассчитывая на то, что Агафья Тихоновна, отвечая на мой вопрос, невольно выдаст конечную точку нашего путешествия.

– Почему будем? – она смеялась, видимо прочитав мои мысли, – мы уже на месте. Каждое мгновение мы на своем месте, – Агафья Тихоновна подмигнула мне черным лакированным глазом, – только так, привыкайте. Только так и никак иначе.

– А там? – указывая взглядом на звезду, я продолжал хитрить.

– Никогда, – акула внезапно посерьезнела и добавила:

– Чем быстрее мы пытаемся двигаться, тем быстрее начинаем уменьшаться в сравнении с остальным миром, а если брать объективно – максимум чего мы можем достичь – это остаться на том же самом месте.

– На одном и том же месте?

– На одном и тоже месте.

– И где это место?

– В центре Вселенной! – Агафья Тихоновна замолчала лишь на одно мгновение и твердо добавила:

– А вы разве не знали? Где бы мы ни были, мы всегда точно в центре Вселенной.

– Как это?

– Любой известный нам Мир расширяется с большей, чем

мы можем двигаться, скоростью, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – но прошу вас, не забывайте, что мы находимся в зонтичном мире, а он, в отличие от других миров, имеет края, четко ограниченными куполом зонта, и раз уж купол не в состоянии расширяться вдаль, ибо удерживается на металлических спицах, его поддерживающих, то уменьшаться вынуждены мы. Уменьшаться вглубь с той же самой скоростью, с которой он бы расширялся, если бы мог, – акула немного помолчала, обдумывая смысл сказанного, – в этой Вселенной купол и есть наш местный Большой Взрыв, убегающий от нас же со скоростью Света. Правда в данном случае все с точностью наоборот – мы убегаем вглубь центра данного Мира, а край Вселенной статичен. Но для нас, как и для Артака, – акула потрепала его по шее, – это совершенно неважно.

– Эти законы действуют только в этом Мире? – я был немного сбит с толку, но сама идея мне понравилась.

– Это универсальный закон и я вам сейчас это докажу.

Агафья Тихоновна на ходу придвинула к себе одно облако, и ловко спрыгнув на него с дракона, предложила мне сделать тоже самое.

– Сколько раз на Земле вы смотрели в ночное небо?

– Не знаю. Много, – я задумался и подтвердил:

– Очень много раз.

– И что вы там видели?

– Звезды. Далекие и очень далекие. Свет от некоторых пу-

тешествуем к Земле миллионы, а то и миллиарды лет.

– То есть каждый раз заглядывая в ночное небо, вы заглядывали в прошлое, и иногда очень далекое прошлое?

– Да, именно так, и это всегда восхищало и пленило меня, – я вспомнил несметное количество звезд на земном небосклоне и невольно закрыл глаза, представляя известную всем картинку.

– И где заканчивается эта ваша Вселенная? – спросила, как мне показалось, немного скептически, Агафья Тихоновна.

– Ну если Большой Взрыв был почти 14 миллиардов лет назад, то и Вселенная смогла распространиться примерно на 14 миллиардов световых лет от нас.

– В каком направлении? – акула прищурилась в ожидании ответа.

– Да в любом! В любом направлении! – я отвечал уверенно, будучи уверен в предмете спора, но увидев скептический взгляд Агафьи Тихоновны, повторил уже не так уверенно:

– В любом направлении.

– Значит ли это что, чисто геометрически, вы находитесь в центре шара с радиусом 14 миллиардов световых лет?

– Конечно, для наглядности можно сказать и так, – я внимательно следил за разговором, пытаясь вовремя поймать и нейтрализовать подвох, который, Агафья Тихоновна, несомненно, мне готовила. А может быть и не подвох вовсе, а какое-то логическое несоответствие.

– И наблюдая в самый мощный телескоп за краем, за оболочкой Вселенной, мы можем видеть именно то, что происходило в тот момент, когда прогремел Большой Взрыв?

– Да, именно так. Мы видим реликтовое излучение, возрастом почти 14 миллиардов лет, – я все еще не понимал куда клонит акула.

– Я не сильна в математике, но с воображением у меня все в порядке, – она смеялась одними глазами, пытаясь сохранить серьезное выражение лица, – вы сами только что сказали что засматриваясь в телескоп на край обозримой Вселенной везде вокруг себя вы видите Большой Взрыв, – она кивала головой, – а это значит что вы в самом его центре, где бы вы ни находились! Тадам! – Агафья Тихоновна, смеясь, поставила заключительный аккорд в нашем разговоре, – Тадададам! – она утерла со лба выступивший пот и замолчала.

– Ну да... – и тут замолчал и я, – в самом центре. В самом что ни на есть центре, – я бессвязно повторял одно и то же, наконец-то поняв, к чему клонила акула, – в самом центре. А Большой Взрыв именно вокруг нас...

– Вы понимаете? Физика вашей родной Вселенной ничем не отличается от физики Вселенной, созданной нами после обеда и ограниченной куполом японского зонта с сотнями ярких горошин-солнц! Вы постоянно проваливаетесь в середину Большого Взрыва, в каком бы Мире вы не находились. Да и если быть до конца откровенной, надо отметить что Никто не в состоянии создать ничего отличного от того самого

Мира, в каком это созидание и происходит.

– Так был ли вообще Большой Взрыв? – я немного оторопело прошептал сначала про себя, а потом подняв глаза на Агафью Тихоновну, повторил немного смелее:

– Или все-таки это было большое сжатие?

– Ах не все ли равно расширяемся мы или сжимаемся. Вполне возможно, что и ваша реальная Вселенная лишь чей-то зонт, – акула рассмеялась, – с одним отличием – голубой, а не синий фон ткани, и одна желтая горошина вместо сотни красных. Какая разница, – Агафья Тихоновна хитро посмотрела прямо на меня, – ведь пределов расширяться, впрочем как и сжиматься не существует. И для нас, как участников процесса, по сути ничего не меняется!

Она подбила облако под собой энергичными движениями плавников, словно взбивала подушку, и устроившись немного удобнее, произнесла:

– Кстати, здесь нас никто не услышит. Готовы ли вы продолжить разговор на тему спора Света со временем? Этот вопрос, хоть и является достаточно сложным, но на самом деле очень простой, – она усмехнулась, – нужно только повернуть мозги наоборот.

– Наоборот?

– Да, именно наоборот. Представьте на секундочку, что все что вам говорили в школе о Пространстве и времени, о материи, о движении, все – неверно.

– Но это же наука! Не религия, не верование, а чистая на-



ука! – я совершенно не понимал что имеет в виду моя спутница.

– Наука, конечно, наука, – она успокаивающе погладила меня по голове, и ловко выхватив у меня из рюкзака бутылочку с надписью «мгновения», немного разбрызгала рядом с нами. Бутылочка вернулась на свое место в рюкзаке, а облако вокруг нас застыло в настоящем моменте.

Артак, заметив остановившееся мгновение, тут же довольно заурчал и начал поглощать инфракрасный свет, исходящий от наших зонтичных, и уже можно было сказать – домашних, ручных солнц. Он сыто развалился на облаке, подставив брюхо под Свет.

Странные вещи происходили вокруг. После того, как акула остановила мгновение, Мир изменился в ту же секунду. Исчезли звуки, исчезли цвета, исчезли запахи. Казалось, исчезла не только вся привычная нам материя, но и наше восприятие материи и Пространства. Исчезло любое движение, любое изменение чего бы то ни было. Исчезла сама жизнь в ее нашем, человеческом понимании. Ведь мы привыкли считать, что жизнь – это тогда, когда что-то изменяется. Где изменяется? Во Времени, конечно. Во Времени и в Пространстве. Других критериев человечество пока не придумало.

Агафья Тихоновна молча наблюдала за преобразованиями куска нашей маленькой Вселенной, и казалось, была весьма довольна происходящим.

– Вы видите, остановить Время достаточно легко, – она

жестом показала вокруг и продолжила:

– Сейчас мы с вами оказались внутри одного лишь мгновения, только одного единственного фотоснимка из огромного альманаха «Время», и как вы можете видеть, в нем вполне можно быть, и даже жить и чувствовать.

– То есть для нас Время остановилось?

– Оно остановилось не для нас, – акула терпеливо растолковывала мне казавшиеся ей азбучными истины, – оно остановилось для нашего восприятия. А для нас самих Времени никогда и не было. Нечему и останавливаться.

– Но что это такое? – я нерешительно протянул руку и дотронулся до непонятных кругов, опоясывавших все вокруг нас. Эти круги были похожи на волны от брошенного в воду камня. Они пересекались и создавали причудливые узоры, формы и фигуры, и казалось, совсем не мешали существованию друг друга.

– Поля. Это энергетические поля. Энергия, если хотите. Поля, одни из которых мы воспринимаем как видимый свет, другие – как звуки, третьи – ощущаем как обыкновенное тепло, и так далее. Таких полей бесконечное количество, и каждое из них лишь органично дополняет другое. Сейчас они заморожены, в этом, остановившемся для нас мгновении, но если бы не это, все волны вокруг нас находились бы в постоянном движении и видоизменялись бы каждое мгновение.

– И переливались бы разными цветами?

– Ах, нет, – акула рассмеялась, – цветов, отдельно от воспринимающего их человека не существует, – но вы правы, они переливались бы. Энергиями, – она произнесла это слово с величайшим уважением, – и поверьте, это еще красивее, чем просто цветами.

– Но почему я продолжаю вас слышать, если все остальные звуки, насколько я понимаю, пропали и превратились в вибрации?

– Ведь мы остановили именно ВАШЕ мгновение. В вашем мгновении вы вправе устанавливать свои правила. Это ваша иллюзия, и вам ее придумывать. Что вам, например, мешает прожить хоть всю свою жизнь в каком-либо одном, отдельно взятом мгновении? – Агафья Тихоновна дотронулась плавником до колец, опоясывавших ее самое, и плавник легко прошел сквозь энергетическое поле, – ведь Природа совсем не собирается лишать вас привычных способов восприятия, – она приподняла плавник, – но в данный момент вы более или менее можете видеть реальный Мир своими, привычными для вас органами чувств. Именно реальный Мир, а не человеческое его восприятие, это безмерно урезанное, бедное на видимые Энергии, но все же восприятие. Субъективное видение. Я бы даже сказала – то что вы постоянно наблюдаете – это человеческая интерпретация реальной Вселенной.

Я оглянулся вокруг еще раз. Артак, сидя на облаке, каждый атом которого испускал свои энергетические круги раз-

ной толщины и размера, продолжал поглощать нечто мягкое, концентрированное, и скорее всего, очень вкусное.

– Это инфракрасный свет, – акула поймала мой взгляд и поспешила ответить на еще незаданный вопрос, – он находится выше красного, и человек лишен возможности воспринимать его глазами. Однако, вы все же чувствуете его кожей как обыкновенное тепло. Сейчас ваши глаза получили дополнительный биоресурс – видеть невидимое, но реально существующее, – она почему-то вздохнула, – пользуйтесь на здоровье.

– А это что? – я показал на другие, менее широкие круги.

– Ультрафиолет. Свет, находящийся перед первой, видимой человеком частью спектра. Глаз также не в состоянии его ухватить и он остается незаметным для вас.

– Столько разных кругов. Глаза разбегаются, – я оглядывался, замечая все новые и новые проявления энергии.

– Да, тут много всего, обычному глазу невидимого, – акула дотрагивалась до каждого отдельного кольца, вызывая ответную реакцию последнего в виде небольшой вспышки, – гамма излучение, рентгеновские лучи, уже обговоренный нами ультрафиолет, видимый свет, который вам так дорог и вами же любим, инфракрасное излучение или другими словами – простое тепло, – Агафья Тихоновна потянулась куда-то за спину и выхватила невиданное мной ранее кольцо, – а вот и микроволновое излучение, – она прыгнула вверх, сильно оттолкнувшись хвостом от земли и вернулась с новыми, за-

жатыми в плавнике кругами, – а вот эти, – акула с гордостью кивнула на них, – самые длинные и их труднее всего поймать руками. Это радиоволны.

Агафья Тихоновна крепко держала большие круги, давая мне возможность насладиться переливом даже не цвета, но силы. Энергия, заключенная в Пространстве, кажущимся нам пустым, поражала. Она была везде, куда ни посмотри. Пустота вокруг нас, как оказалось, не была пустой. Пустота была наполнена сверх всякой меры, однако это все оставалось невидимым для человеческого глаза. Невидимым, и следовательно, оставленным без внимания долгое время. Только сейчас, в наше Время, человечество начало понимать что пустоты как таковой не бывает. Любая точка в Пространстве наполнена живой и неиссякаемой силой. Неиссякаемой – в самом прямом смысле, ибо насколько я смог увидеть и понять, пределов у этой силы нет. И никогда не было. И судя по всему – никогда не будет.

– ... Чем плотнее упакованы кольца – тем большей энергией обладает само поле, – только сейчас я понял что все это время акула что-то говорила, возможно, пыталась мне объяснить происходящее, но погруженный в собственные размышления я ничего не слышал, и только, как зачарованный, осматривался вокруг, не в силах скрыть или даже приглушить свое изумление.

Агафья Тихоновна уселась на оказавшуюся достаточно

прочной и упругой радиоволну и раскачивалась на ней как на качелях, свешенных с верхнего облака. Спустя какое-то время ей надоело это занятие и видя что я не собираюсь к ней присоединиться, она прыгнула вниз, на облачную подушку и уселась прямо около меня, отпустив ничем и никак не поврежденную радиоволну. Та упруго вернулась на свое место, в нескольких метрах над нашими головами.

– Ух ты, – только и смог прошептать я, – а можно оставить эту способность навсегда?

– Видеть?

– Да.

– Она с вами навечно. Навечно в этом мгновении.

– А в другом?

– В другом вы будете просто знать о том что на самом деле есть вокруг вас. Разве это не одно и то же?

– Но видеть не получится?

– Видеть? – Агафья Тихоновна засмеялась, – видеть не получится. Ваш глаз, созданный эволюцией на протяжении многих миллионов лет не может просто так взять и приспособиться к тому, к чему он ранее не был приспособлен.

Я кивнул головой в знак полного согласия.

– Однако, это не мешает человечеству сделать какой-либо прибор и использовать его, скажем, как очки, – она улыбнулась, – прибор, который будет видеть все это, – Агафья Тихоновна развела плавники в стороны. Человечество всегда так поступает, – она многозначительно хмыкнула.

Облако под Артаком было похоже на многократно набросанные друг на друга рисунки радиоволн из учебника физики. Центры у них были разные, и они причудливо пересекались, создавая невиданные доселе геометрические фигуры. Облако, как и все остальное, было лишь волновой подушкой, источником радио или микро или какого-то другого излучения, но никак не скоплением водяного пара. Да и можно ли было бы вот так просто, как мы, сидеть на водяном пару, тот еще вопрос.

– А как же материя, где она? – я беспомощно оглядывался по сторонам, заметив, что даже солнца – не солнца вовсе, а энергетические, очень плотно упакованные, сжатые уже не знаю чем, поля.

– Материя – лишь сильно концентрированная энергия. Энергия, которую человечество пока еще так и не научилось использовать, – Агафья Тихоновна печально вздохнула, – имея в руках колоссальные запасы Света и тепла, человечество предпочло остановить свое развитие этой отрасли энергетики на атомных и нейтронных бомбах, и только для того чтобы иметь возможность пугать ими друг друга. Защищать какие-то выдуманные границы, которых в Природе то и нет. И быть не может. В Мире все едино, а границы существуют только в человеческом Сознании, – Агафья Тихоновна еще раз вздохнула и подняла на меня глаза. Лакированные пуговицы блестели матовым лаком, и как мне по-

казалось, были влажными. От облака, в котором мы сидели, или от слез, я не знаю. Акула продолжала:

– Человечество упорно продолжает использовать для своих собственных энергетических нужд нефть и уголь. И если посмотреть шире, то это самое человечество, в его нынешнем воплощении – лишь вирус на теле планеты, вирус, который поглощает живую планетарную ткань. И когда-нибудь, конечно, какой-нибудь добрый и нужный доктор сможет окончательно излечить планету от этого вируса.

– Доктор?

– Да, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой, именно доктор. Ну или астероид.

– И когда это может произойти? – я затаил дыхание в ожидании ответа.

– Вовремя. По-другому не бывает, – акула отвернулась от меня и всем своим видом показала что этот разговор ее тяготит.

Я потрепал Артака за ухом и тот довольно заурчал. Теплый на ощупь дракон, тоннами поглощающий инфракрасный свет, да еще с нашим Солнцем внутри, Артак казался вполне довольным жизнью и происходящими в данном мгновении делами. Он благодарно скалился. А может, улыбался. Судьба планеты, о которой мы говорили с Агафьей Тихоновной, похоже, мало его волновала.



– Вокруг нас только Энергия и ничего более?

– Да. Всегда так было и всегда так будет. Мы тоже – всего лишь частички энергетического поля.

– А наши тела?

– Их нет.

– Совсем нет?

– Есть лишь Энергия, и человеческий глаз в состоянии воспринимать часть этой Энергии, как видимый Свет, а мозг, на основе информации, предоставленной ему органами чувств, уже разрисовывает картинку. Он, мозг, показывает целостный образ чего-либо – человека ли, дерева или животного, неважно. Конечно, и сам додумывает детали, как же без этого, – акула засмеялась, – вы не замечали что люди, когда начинают что-то описывать, никогда не могут прийти к общему мнению?

– Да, да, – я тоже подхватил шутливую ноту и улыбнулся.

– Это все потому что они действительно видят разные вещи. И Никто из них не ошибается, называя черное белым и наоборот. Просто они так видят. Это особенность развитой мозговой мускулатуры. Чем мощнее мозг – тем сильнее он додумывает картинки самостоятельно.

– Вы уверены в этом?

– Конечно, – акула кивнула, – уверена, как ни в чем другом. Иначе бы я молчала, она посмотрела вниз, туда, где должна была быть Земля и добавила:

– Даже простой камень или невзрачная песчинка – лишь

плотно сконцентрированная Энергия, который мы, лишенные возможности узреть полную картину мироздания, видим простым и мертвым камнем.

– Получается что камень жив?

– Точно так же, как вы или я. Возможно, и сама Жизнь – это всего лишь поток Энергии, создавший все вокруг. Возможно, вы сами – это сама Жизнь, которая в одном из своих созданий или проявлений, воплотила попытку осознания себя самой. Возможно, Жизнь – это и есть Энергия, а то что вы, люди, называете жизнью, не более чем физические и химические процессы в вашем теле, наделенном частью Света, частью Энергии, можно так сказать, частью Жизни. И эта часть, конечно же, есть и в камне, – акула прокашлялась и замолчала.

– Но ведь человечество воспринимает Жизнь именно как процесс, как способность меняться. Как бесконечный процесс изменений...

– Изменений в чем? – акула усмехнулась, – или изменений где?

– В Пространстве и во Времени, – я тоже улыбнулся, только сейчас до конца осознавший ущербность данной теории, – в Пространстве и во Времени, – повторил я, – других критериев изменчивости у людей просто нет.

– Вот– вот, – Агафья Тихоновна подхватила мою мысль, – человечество привыкло, и более того, настаивает на том, что Жизнь – это способность меняться в выдуманных, несущее

ствующих вещах. Ведь и Пространство и Время – не более чем миф.

– А Жизнь – это...

– А Жизнь – это состояние. Всего и везде. Еще можно добавить – всегда.

– То есть?

– То есть Жизнь – это и есть Энергия. Спросите любого физика, можно ли уничтожить Энергию? И он ответит – невозможно. Энергия не может прекратить свое существование, она лишь может изменить свою форму, свое состояние. Так и Жизнь. Жизнь – вечна. Если хорошенько подумать – само наличие Жизни отрицает наличие Времени, – Агафья Тихоновна прищурилась, – если, конечно, сделать то, что делать никто не любит.

– Что же?

– Хорошенько подумать.

Я тоже замолчал, продолжая осматриваться вокруг. Как мне казалось, этот энергетический парад никогда не надоест. Как никогда не надоест и сама Жизнь.

– Вы, конечно, слышали про суперпозицию электронов или других элементарных частиц?

– Нет, – я оторвался от созерцания и весь превратился в слух.

– Электроны на самом деле не вращаются по своим орбитам вокруг атомов, – Агафья Тихоновна сделала неопре-

деленный жест плавником, – а пропадают и в тоже самое мгновение появляются в другой точке своей орбиты. Кстати, вполне возможно что и не своей. Одно точно – электроны способны мгновенно перемещаться из одной точки Пространства в другую.

– Но как?

– Очень просто, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – цивилизация электронов насчитывает более 13 с половиной миллиардов лет. Когда человечество сможет похвастаться такой же цифрой – думаю, и оно будет в состоянии мгновенно перемещаться в любую точку Пространства и Времени.

– Так электроны разумны? – я чуть не поперхнулся собственной слюной.

– Жизнь разумна. И следовательно, вы разумны. Электроны разумны. Стаи птиц и косяки рыб разумны. В каждое свое проявление Жизнь вдует разум. Можете считать это одним из законов Природы, – теперь акула окончательно замолчала и занялась кругами Энергии, окружающими нас со всех сторон.

Артак, насытился и как все рептилии подставил темную, поглощающую тепло спину солнцам, продолжая прогревать свой организм, а Агафья Тихоновна в полной тишине играла на энергетических кругах какую-то замысловатую мелодию, но ни я, ни кто-либо другой не мог услышать эту чудесную музыку.

В этом, остановленном нами мгновении, уши были абсолютно бесполезны.

9

– Что сделал Свет, поспорив со Временем? – этот вопрос меня волновал с того самого момента, когда Агафья Тихоновна рассказала мне о пари.

– Остановился.

– Остановился?

– Да. Просто остановился.

– И что стало с Временем?

– Оно исчезло. Полностью и навсегда. В данном контексте мы вполне можем употребить слово «навсегда», ибо Времени больше нет. А если Времени нет – то все что происходит – раз и навсегда, – Агафья Тихоновна немного подумала, словно хотела что-то сказать, но промолчала.

– И когда это произошло?

– Во времена так называемого Большого Взрыва.

– Почему так называемого?

– Потому что не было никакого взрыва.

– ???

– Это то, что я имела в виду, когда говорила что надо повернуть мозги наоборот. Не было взрыва и точка, – Агафья Тихоновна рассердилась, видя мое неверие, но объяснять не спешила, – да вы и сами все поймете. Со Временем.

– Со Временем? Его же нет!

– К сожалению, – акула усмехнулась, – а может, к счастью, у вас нет другого органа восприятия, кроме вашего мозга, и если мы хотим добиться хоть мало-мальски значимого результата, нам придется использовать органы чувств, данные вам Природой. И чувство Времени – одно из них. Иначе никак.

– А мы не можем остаться в этом остановившемся мгновении?

– Можем. Но зачем? Все и так статично и неизменно. Вы прикреплены к Свету, как к листу бумаги, и поверьте, это ваша единственная реальная координата!

– Но если Свет недвижим...

– Никаких если! Это именно так!

– Но ведь Вселенная расширяется и ее край с каждой секундой все дальше и дальше!

– Или вы с каждой секундой становитесь все меньше и меньше. Проваливаетесь вглубь центральной точки.

– Проваливаюсь на триста тысяч километров в секунду?

– Это лишь цифры. Они субъективны и не имеют ничего общего с реальной действительностью. Тем более, цифры, выражающие расстояние. Скажите, например, Солнцу, что расстояние от него до Земли 150 млн километров. Оно вас не поймет. Километр – это сугубо человеческие величины, которые человек сам придумал себе для своего же удобства. Повторюсь, они не имеют ничего общего с реальностью.

– Но тем не менее это колоссальные величины.

– Вы так думаете? Это ваше субъективное мнение и я его сейчас разрушу, – Агафья Тихоновна внимательно посмотрела на меня и поманила плавником, привлекая мое внимание, – для удобства представьте, что ваш размер, выраженный в цифрах – 1 метр. Расстояние от вас до конца Вселенной – 300 миллионов метров. Спустя секунду, согласно человеческой теории о постоянной скорости Света, расстояние должно увеличиться на 300 тысяч километров и стать 600 миллионов метров, то есть в 600 миллионов раз больше чем ваш собственный размер. Это понятно? – акула подождала пока я утвердительно кивнул головой и продолжила, – а теперь отбросьте человеческую теорию и для простоты понимания представьте что Вселенная статична, недвижима, и ее край (если таковой и есть в природе) неподвижный. Тогда, чтобы сохранить пропорцию, вам необходимо всего лишь уменьшиться ровно в 2 раза и стать размером в 0.5 метра. Расстояние осталось такое же – 300 миллионов метров, но вы сами стали меньше, то есть, пропорция сохранена и через секунду расстояние до края Вселенной, как и было ранее – в 600 миллионов раз больше чем ваш собственный размер. Ведь так сказано в условиях задачи? Тогда нет никаких колоссальных величин и единственное, что меняется – ваше восприятие размера. Восприятие, – акула повысила голос, – восприятие, а не реальность. То есть Ничто. Кстати, это лишний раз доказывает что все человеческие попытки что-ли-

бо измерить, используя привычную всем шкалу – метр, километр и так далее – искусственны, как сам мир, в котором люди предпочитают жить. Однако к вопросу измерений мы еще вернемся позже, он достаточно глубок и важен чтобы его пропустить.

– Пойдите, пойдите, – я лихорадочно соображал, – но меняется не мое восприятие! Меняется мой фактический размер! – я почти кричал.

Агафья Тихоновна радостно и быстро кивнула головой.

– Да. Но в вашем восприятии вы сами не изменились в размерах и, следовательно, для вас метр остался метром, хотя, объективно он уже вдвое короче...

– И так каждую секунду?

– Нет, – Агафья Тихоновна беззаботно оглянулась, – конечно, нет. Ни в коем случае не каждую секунду, – она хихикнула, – не секунду, но мгновение. Мгновение, в отличие от секунды – реальная, а не придуманная характеристика Времени.

– И сколько секунд в мгновении? Или мгновений в секунде?

Агафья Тихоновна посмотрела внимательно прямо мне в глаза и спросила:

– А как вы можете измерить что-либо настоящее искусственным? Эти две величины несопоставимы, ибо мгновение – есть, вот оно! – она развела плавники в стороны, как бы демонстрируя остановившийся в одном мгновении Мир, – а



попробуйте остановить секунду! У вас ничего не выйдет, да и не может выйти, потому что нет такого в Природе! Секунда! Придумают же, – акула хмыкнула, но глаза ее весело поблескивали глянцевым лаком.

– Пожалуй, вы правы.

– Конечно, права! И, кстати, теория с недвижимым Светом объясняет все кажущиеся нам парадоксы с ним же. Со Светом.

– Какие?

– Ну, например, согласно теории относительности, скорость Света постоянна и ее невозможно не то что превзойти, но даже достичь.

– Да, но я пока не вижу никакого парадокса.

– Минуточку, – акула вскочила с мягкого водяного облака, опершись на хвост, – имейте же терпение, – она схватила меня за руку и взгромоздилась на Артака, – смотрите.

Мы стартовали так стремительно, что я еле успел схватить свой рюкзак с красками. Скорость увеличивалась с каждым мгновением и Агафье Тихоновне уже приходилось кричать мне на ухо, чтоб я ее смог услышать несмотря на крепчавший свист ветра.

– Предположим что мы летим со скоростью Света, – акула вдруг достала из-за спины фонарик и посветила вперед, в ту сторону, куда мы летели. Луч пробежал перед нами и осветил облака водяного пара, до которых мы еще не добрались, – итак, если мы двигаемся со скоростью Света и светим

фонариком вперед, – она помахала им в воздухе, – то какая скорость будет у луча из фонаря относительно нас?

– Скорость света неизменна, поэтому она была, есть и будет 300 тысяч километров в секунду.

– Правильно, – Агафья Тихоновна кивнула головой и прокричала, – а относительно облаков? Ведь мы уже двигаемся как свет!

– Хотелось бы сказать что скорость будет 600 тысяч, – прокричал я в ответ, – но это не так. Природа ясно говорит нам – не складывай скорость Света с чем бы то ни было.

– Природа? Природа не разговаривает с незнакомцами! И уж конечно, Природа не будет вам что-то запрещать!

– Но скорость Света... – промямлил я уже не так уверенно.

– Вот вам и парадокс, – Агафья Тихоновна что-то прокричала Артаку и он, заложив крутой вираж, остановился около неторопливо летящей кометы. на которую мы и соскочили, – я, например, не вижу никаких препятствий прибавить к цифре другую цифру, и никакая Природа мне этого запретить не может, – акула оглянулась вокруг и подождала пока Артак, сделав круг, приземлится рядом, – но в одном вы точно правы, – она кивнула, – прибавлять скорость Света к чему бы то ни было и правда глупо, – Агафья Тихоновна засмеялась, – хотя математика, эта царица наук, в отличие от выдуманной вами Природы, не запрещает этого делать.

– Физика запрещает, – я был непреклонен в своих устоях.

– Физика? Физика – живая и пластичная, многие ее законы вам еще неизвестны, и вы только на пути к их открытию, – Агафья Тихоновна крутила фонарик в плавнике, не зная что с ним сделать, – к тому же, физика не может нам запрещать прибавлять цифры! Это все-таки прерогатива математики! А математика совсем не против. Прибавляйте себе на здоровье. Другое дело что результат не должен противоречить Физике данного Мира. Заметьте, Физике данного Мира, а не законам физики, открытым человечеством. Это совсем не одно и то же.

– Но если мы сложим скорость Света с чем бы то ни было, и получим скорость, большую чем ту, с которой движется Свет, это как раз и будет противоречить Физике нашего Мира!

– Это будет значить только одно, – Агафья Тихоновна смотрела на убегающий вдаль луч Света, – то, что ваши, уже открытые, физические законы не совсем верны. И имеют такое же отношение к реально существующим физическим процессам, как сама физика, например, к религии.

– Вы хотите сказать что реально существующие законы и законы, уже открытые человечеством, это не совсем одно и то же?

– Я хочу сказать что до открытия основного закона, которому и подчиняется все сущее, человечество еще не дошло, – искривив пасть в подобие улыбки, Агафья Тихоновна утвердительно, со знанием дела, кивнула, – и все, уже от-

крытые физические законы, являются лишь следствием какого-то одного единственного, первичного, первоначального закона, пока еще не доступного человечеству. Когда-нибудь он будет открыт. И вот у него не будет ни одного исключения или запрета. Это будет абсолютный закон. А до тех самых пор я настойчиво предлагаю вам ставить под сомнение каждое физическое, да и любое другое тоже, утверждение. И особенно те из них, у которых есть исключения.

– Это значит, что можно прибавлять скорость Света к другим скоростям?

– Прибавляйте на здоровье, хотя, чисто математически, данное действие бессмысленно, – акула покачала головой, – ведь прибавляя ноль мы получаем ту же самую цифру.

– Но наша скорость была не ноль! Мы двигались почти со скоростью Света – я был удивлен непониманию со стороны Агафьи Тихоновны.

– Наша, конечно, не ноль, – она примирительно кивнула, – мы просто имитировали человеческую теорию Света, а на самом деле его скорость именно ноль, – акула рассмеялась, – прибавляйте себе на здоровье без всяких противоречий, и не испытывайте никаких математических или физических сложностей.

Я сидел рядом пораженный внезапной догадкой.

– И получается чтобы сохранить пропорцию выдуманного нами мира с моим размером в один метр и краем Вселенной в 300 миллионов метров от меня, – я говорил медленно,

словно ожидал подсказки или поддержки и боялся произнести уже готовый слететь с языка вывод и, – мне надо лишь каким-то образом уменьшиться в два раза, – я продолжал тянуть, но видя что Агафья Тихоновна кивает головой, решился, – и скорость моего уменьшения, если таковую вообще возможно определить, будет всего лишь полметра в секунду?

– Именно так, именно так, и незачем использовать несусветные скорости, когда все можно объяснить простыми вещами, – акула выкинула фонарик за ненужностью и посмотрела вверх, – только не в секунду, ни в коем случае не в секунду! В мгновение! В каждое мгновение вы банально и безболезненно уменьшаетесь в два раза. Вы и все вокруг.

– При этом метр для меня становится относительным, и в конце концов, остается тем же метром, но в моем восприятии, так как своего уменьшения я просто не замечаю?

– Да, вам просто не с чем сравнить, потому что все линейки тоже уменьшаются точно так же как и вы! Неизменным остаются только настоящие, а не выдуманные величины – мгновения, например. А метры, секунды – рассыпаются как прах. Их нет и никогда не было. Но к вопросу измерений, как я уже говорила, мы обязательно вернемся. Слишком он важен чтобы его пропустить.

Я кивнул головой, показывая что понимаю что имеет в виду Агафья Тихоновна.

– Но что нас заставляет уменьшаться?

– Откуда же я знаю? – акула пожала плечами, – пусть это будет гравитация, если хотите. Или еще что-то.

– Гравитация, – я повторил про себя, – гравитация... Так просто.

– Конечно просто! – акула смеялась одними глазами, и лак отсвечивал красным пламенем звезд, – хотите совет?

– С благодарностью, – я был абсолютно раздавлен новым, обрушившимся на меня потоком, можно сказать лавиной знаний.

– Относитесь с недоверием к любому постулату, который гласит что что-то там нельзя прибавлять или отнимать. В математике запретов на действия нет, а она – единственная объективная и беспристрастная наука, ибо цифрам безразличны человеческие открытия, домыслы, выводы и следующие за ними ограничения.

– Да, пожалуй вы правы, – я кивнул и мысленно прибавил скорость Света, то есть ноль, к скорости своего уменьшения.

Агафья Тихоновна помолчала немного и повернувшись к Артаку, погладила его по хвосту. Артак, полный безбрежного и безграничного Света, лишь блаженно улыбался.

Мы сидели на неторопливо движущейся комете, направляясь вперед. Любое направление по своей сути является направлением вперед. Основное – не направление, а сам процесс. А если процесс и двигается, то только вперед. Других направлений нет. Ведь даже возвращаясь домой за забытым

телефоном вы двигаетесь вперед, но никак не назад. Направление «назад» отсутствует в Природе, хоть и широко распространено в человеческих мыслях.

10

Комета на которую мы приземлились не отличалась чем-то особенным. Самая обыкновенная комета, состоящая из камня и льда и пробивающая себе дорогу в бесконечном (бесконечном ли?) Пространстве японского зонтика по направлению к солнцам. Поверхность кометы была светлая, грязно-серая, с вкраплениями застывшей воды, которая по мере приближения к источнику тепла таяла и под давлением высвобождалась в Пространство, образуя небольшие паровые фонтаны. Эти самые фонтаны водяного пара, все чаще возникающие рядом с нами, ясно говорили о приближении кометы к солнцу, и о том, что мы находимся на солнечном полюсе вращающегося вокруг своей оси метеора.

Горячий пар рассеивался и формировал светлый серебряный хвост, который тянулся за кометой на многие километры. Скорость движения не поддавалась определению «на глаз», так как здесь отсутствовала атмосфера, а вместе с ней отсутствовали и такие характеристики скорости, как ветер и свист в ушах. Мы находились на солнечной стороне и имели возможность любоваться красными, палящими, иногда стреляющими потоками бурлящего газа, раскаленными докрас-

на солнцами. Далеко ли они были? Ближе ли? Расстояние не поддавалось даже приблизительному определению. Не знаю.

Я поднялся на ноги и позвав с собой Артака, решил обойти наш новый небольшой мир. Агафья Тихоновна не была против, она вызвалась присмотреть за рюкзаком с красками в наше отсутствие, приготовив мне в дорогу комплект бутылочек разных цветов, как она выразилась – на всякий случай.

– Но зачем? – я был удивлен и не знал что делать с выданными мне красками.

– На всякий случай, – повторила акула.

– Со мной может что-то случиться? Мне грозит какая-то опасность? И если да, то как бутылочки с красками могут мне помочь? – слова сами срывались с обеспокоенного языка.

– Не думаю что вы подвергаетесь любой, даже самой малой опасности, – Агафья Тихоновна говорила спокойно, уверенно, но у меня создалось впечатление что она что-то не договаривала.

– Вы... Вы просто волнуетесь за меня? Но в случае опасности я даже не знаю как воспользоваться этими цветами.

– Я не волнуюсь. Вы уже были здесь. И не один раз. Правда в другой реальности. А может и в других реальностях. Информация в вашей голове осталась, она сама появится в нужный момент, если таковой наступит. Не торопите события. Да и наступит ли вас этот нужный момент – неизвестно.

– Я был здесь? – осмотревшись вокруг и пытаясь вспом-



нить хоть что-то, пусть даже отдаленно напоминающее эту комету, я несколько раз повернулся вокруг своей оси, – я не помню чтоб я был где-то, хоть в чем-то похожем на это место, мне кажется, такое я бы запомнил.

– Были, были, – Агафья Тихоновна улыбалась, – как и в любом другом месте. Были и есть. Так что переживать мне не за что. И не за кого. Тем более с вами Артак, – она кивнула на терпеливо поджидающего меня дракона, – он всегда поможет. Он всегда с вами рядом, где бы вы ни находились. И если нужный момент вас все-таки настигнет, и даже застанет вас врасплох, Артак справится с этим моментом лучше кого бы то ни было.

– Уж не хотите ли вы покинуть меня на этом астероиде? – желание акулы отправить меня в путь в обществе одного дракона и нежелание нас сопровождать неожиданно подсказало мне эту мысль.

– Нет, нет, что вы. Вам нечего волноваться, тем более что я остаюсь с вашим рюкзаком, а это ваша и только ваша собственность, – Агафья Тихоновна подчеркнула слово «ваша», – я могу лишь охранять ее, но никак не использовать. Я подожду вас здесь наслаждаясь этим прекрасным видом, – акула кивнула на глубокий синий небосвод с красными горошинами солнц.

– Ну что ж, – я встал и быстро распахнул краски по карманам. Артак сначала с недоверием, а потом и с любопытством, покосился на 7 различных цветов в моих руках, но недоволь-

ства не выказал. В одном из карманов моя рука наткнулась на какой-то плотный кусочек бумаги или картона. Это был тот самый Билет в зоопарк, купленный мною на входе. Надо же, а я совсем забыл про него. Билет скривился, чихнул, а увидев дракона, с ужасом вцепился за мой палец. Я успокаивающе улыбнулся и даже хотел сказать пару слов, но не был уверен что Билет поймет человеческую речь и просто переложил его в свободный нагрудный карман, где он был в полной безопасности. Билет благодарно крякнул в ответ и успокоился в своей новой среде обитания. Возможно, в новом кармане у него началась новая Жизнь, кто знает.

– Ну что ж, – повторил я свои же слова и посмотрел на Артака, – в путь.

Мы шли всего пару минут, и с каждой сотней – другой метров ландшафт поверхности кардинально менялся. Наверное, если размеры кометы сравнивать с земными, то сто – двести метров здесь соответствовали примерно тысяче километров там. Климат, температура, зона дня и ночи, все эти изменения присутствовали на этой комете, которую можно было считать Землей в миниатюре. Пройдя по теплому боку астероида, мы, видимо, пересекли экватор и приближались к другому, не прогретому солнцами полюсу кометы. Теплота от инфракрасных светил сменилась колючим, ледяным холодом. Фонтаны водяного пара, возникающие то здесь то там на солнечной стороне кометы, нас больше не тревожили. Од-

нако, мелкая водяная пыль, замороженная и как будто подвешенная в пространстве, напоминала нам о существовании этих маленьких водяных извержений. Она уходила далеко в космос, образуя светлый, синевато-голубой хвост. Судя по всему мы двигались с потрясающей скоростью, но не встречая сопротивления воздуха не могли ощутить ее в полном и привычном для органов чувств человека объеме. Если не считать замороженных крупинки ледяной пыли, расположенных достаточно далеко друг от друга, чтобы мы не ощущать их целостно, как окружающее Пространство, атмосфера отсутствовала. Лишь вдалеке, насколько хватало глаз, частички голубой пыли, накладываясь в восприятии нашего зрения одна на одну, давали чудесное голубое свечение. Отсюда они казались недвижимыми, формируя неподвижный изогнутый хвост. Форма этого хвоста позволяла нам предположить направление движения. Все-таки мы двигались прямо к солнцам, и хвост кометы плавно изогнувшись, уходил в полную и непроглядную для человеческого глаза темноту. Было холодно и красиво. Сама комета была небольшая, думаю километра 2-3 в диаметре, кое-где даже невооруженному глазу было заметно искривление ее поверхности.

Мы прошли всего несколько сот метров, но оглянувшись, уже не смогли увидеть Агафью Тихоновну, которая скрылась за выгнутой поверхностью астероида.

Как известно, сила гравитации начинает формировать

небесные тела в форму шара лишь по достижению ими определенного размера, примерно, 800 км в диаметре. Тогда и никак не раньше, эта непонятная нам сила непонятной нам гравитации начинает свой, поставленный опытным хореографом танец, устремляя материю в центр астероида, сжимая ее и уплотняя. Каждый атом с поверхности небесного тела, подчиняясь гравитации, стремится в его центр, и в конце концов, сама гравитация формирует шар, форму тела, где все частицы, на которые действует одинаковая сила – равноудалены от центра небесного тела, форму, столь привычную нам по астрономии. Но для начала этого процесса необходимо выполнить одно – единственное условие – масса астероида должна быть достаточной для производства необходимого количества гравитационного взаимодействия. Наша комета была столь мала, и сила гравитации на ней была столь ничтожна, что ее поверхность скорее напоминала бесформенный камень, чем шар. Каменная глыба с огромными, на четверть кометы, выступами и впадинами, по которым и передвигались мы с Артаком. Странно, но столь мизерная гравитация никак не сказывалась на моем ощущении собственного веса, ведь мои мышцы были рассчитаны на гораздо большую гравитацию Земли, и здесь, используя лишь силу своих мышц, я легко оттолкнувшись или подпрыгнув, мог бы покинуть комету навсегда. Но я чувствовал свой вес в полном объеме и преодолевал встречающиеся нам каменные валуны с ощущением земной тяжести. Однако, я уже давно перестал

чему бы то ни было удивляться.

Оказавшись на противоположной от Агафьи Тихоновны стороне кометы, мы остановились. Идти дальше было бессмысленно, ведь астероид был невелик, и продолжая движение мы начали бы возвращаться к месту стоянки. Мы остановились и некоторое время просто стояли, вглядываясь в непроглядную, и от этого ничего нам не сообщающую темноту. Ничего. Ни планет, ни солнц, ничего видимого человеческому глазу. Может быть драконье зрение различает нечто невидимое для меня? Я посмотрел на Артака, но не заметил ничего необычного. Откуда мы летели? Куда направлялись? Ответов на эти вопросы не было. Только добрая сотня красных, с крупный горох, солнц, впереди нас. И полнейшая темнота сзади, как будто Пространство сворачивалось за нами, образуя непроглядную, непроницаемую черную стену. Артак стоял рядом, и также как и я разглядывал темноту, своими желтыми, с вертикальным зрачком, глазами. Что ж, вполне возможно, он различал нечто недоступное человеческому глазу. Дракон шурился, и казалось, рассматривал детали чего-то, невидимого мне.

– Ты видишь что-то, Артак? Где облака? Где покинутая нами планета? – я смотрел на дракона, надеясь что каким-то образом он сможет показать мне ответ.

Внезапно для меня он кивнул и выразительно посмотрел на мой карман, из которого выглядывала бутылочка с краской.

– Ты хочешь сказать что Агафья Тихоновна дала мне краску не зря? Что я должен ее каким-то образом использовать? – опыта обращения с эрзац-светом у меня было немного, лишь раз, смешав все, доступные мне цвета, я получил мощный взрыв, разрушивший бугристую поверхность дна темного озера. Я с опаской посмотрел на бутылочки и достал их из карманов. Сила взрыва в тот раз была столь велика, что наверняка смогла бы разрушить этот астероид полностью.

Артак смотрел на цветные бутылки с благоговением, но прикоснуться не смел. Было темно и цвета в бутылочках почти не просматривались. Темнота искажает все до неузнаваемости, как темнота физическая, так и моральная, умственная темнота. В данном случае каждый цвет напоминал одновременно и серый, и темно-бордовый, и глубокий синий, и даже просто черный наконец. Темнота скрывала от моих глаз единственное, что отличало одну бутылку от другой – цвет. Артак, поняв проблему, тут же ее решил. Он глубоко вдохнул и расширился в объеме. Его кожа растянулась, стала тоньше, чешуйки расползлись в разные стороны, приоткрывая тонкую, лишенную брони кожу, сквозь которую пробивался свет нашего родного, земного Солнца.

Ах, да! – я вскричал в полном восторге, вспомнив, что покидая Землю, дракон, словно сказочный персонаж, проглотил это самое Солнце, – Солнце, наша родная звезда! Она всегда с нами, пока ты рядом! Спасибо тебе, Артак!

Желтый, теплый свет растекался упругими волнами и

освещал все вокруг. Я открутил крышки на бутылках с красками, и солнечный свет попал внутрь каждой, высвобождая потерянный в темноте цвет. Наверное, точно так же теряются Знания в окружении невежества.

Из горлышка бутылочек, совершенно вдруг, цвета стали выплескиваться один за одним, они уходили в черноту Пространства, пересекались и перекручивались, пока не сформировали самую обыкновенную земную радугу, полноценную и цветную. Она уходила вглубь космического Пространства и светилась сама по себе, излучая тепло и уверенность. Будто семь мощных прожекторов разного цвета стояли на поверхности кометы и выстреливали каждый своим цветом в глубину темноты.

Артак выдохнул, и его внутреннее свечение скрылось под плотной, непрозрачной чешуей. Цветные полосы, соединившись в привычную нам радугу, длинной светящейся полосой уходили в Пространство, освещая все вокруг и находящуюся внизу, невидимую нам ранее планету. Она вырисовывалась огромным шаром в том самом месте, куда мы только что таращили глаза, не замечая ровным счетом ничего. Наверное, это и была наша Земля, ибо никаких других планет поблизости не было вообще.

– Там где вдох – должен быть выдох, – произнесла непонятно откуда появившаяся Агафья Тихоновна, явно имея в виду не только вдох и выдох Артака, но и что-то еще, мне пока недоступное. Она примостилась рядом со мной и с восхи-

щением смотрела на молнией уходящую в атмосферу Земли радугу. Где-то там, под облаками, уже недоступная нашему взгляду, она радовала чей-то устремленный в небо взор, дарила мечту, и погружала смотрящего на нее человека в чувства прекрасного.

– Я и не знал что радуги рождаются в космосе, – обращаясь к акуле я смотрел вниз, на стрелу света и цвета, – на Земле мы видим все по другому.

– Всё рождается в космосе. Всё и все.

– В детстве я очень любил смотреть на радугу, – воспоминание подсунуло мне нужную картинку, – я мог часами сидеть на солнечном берегу после дождя и смотреть в небо, – мой счастливый смех раскатился по поверхности кометы, – но я никогда не подозревал что где-то сверху, на незаметном глазу астероиде, сидят акула, дракон и молодой мужчина, которые создают эту красоту!

– Где-то внизу, на этой планете, именно сейчас, обязательно сидит какой-нибудь мальчик и с наслаждением смотрит в небо, возможно, испытывая те же чувства что и вы когда-то, – Агафья Тихоновна мечтательно вздохнула, – а возможно, это вы и есть.

Внезапная, яркая и отчетливая мысль пришла мне в голову.

– А может там, внизу, – я кивнул на уходящую вертикально вниз радугу, – уже и не сидит, и совсем уже не мальчик, – я вспоминал недавние события, – а на берегу темного и непо-



нятного озера стоит молодой мужчина в компании акулы и дракона, и никак не может решиться сделать первый шаг в воду.

– Может и так, – Агафья Тихоновна подплыла к Свету, исходящему из бутылочек и плавником, попеременно закрывала то один цвет, то другой, – давайте подадим им знак.

Радуга вибрировала, дрожала, замирала на то мгновение, когда акула перекрывала один из цветов, но тут же уверенно неслась вниз, набирая обороты, туда, где она была жизненно необходима.

– Семь цветов, как семь нот, – Агафья Тихоновна продолжала играть цветом, как если бы это была отдельно выделенная октава на пианино, – и будьте уверены, где-то звучит музыка.

Свет исходящий из бутылочек потихоньку мерк, рассеиваясь в космическом Пространстве, а цвет терял свою насыщенность, глубину и густоту. Бутылочки пустели, расходуя заправленный в них материал, и холод с темнотой вновь начинали свой бал на этой, лишенной солнечного тепла стороне кометы. Но сама комета продолжала двигаться дальше, к солнцам, и мы двигались вместе с ней, рассекая Пространство и Время своей уверенностью и счастьем.

Рюкзак с красками был у акулы, и кивая на него, я спросил:

– Много ли осталось?

– Много. Очень много, – Агафья Тихоновна вытряхнула на камень содержимое рюкзака, – все те же 50 бутылочек отличнейшей, лишенной невежества, тупости, гнева, страсти и злобы краски.

– Но как так может быть?

– Даря Свет другим ты питаешь сам себя. Свою суть и своё предназначение. Отдаешь и принимаешь. Природа не терпит пустоты. И если твоя сущность в процессе обмена не наполнилась ненавистью или глупостью, твой запас света бесконечен.

– Но почему их 50? Не 100 или 20? И почему именно столько цветов? Красной – 12, желтой – 11, фиолетовой – 9, оранжевой – 8, зеленой – 5, синей – 3 и две с голубой? – я отлично помнил точное количество каждого, имеющегося у меня в запасе цвета.

– Голубой у вас уже почти нет, – акула улыбалась, – немного вы израсходовали на озере и одну целую бутылочку здесь, а было их всего две, – она продолжала улыбаться, и подождав моего, так и не последовавшего комментария, продолжила, – но смотрите.

Семь пустых, открытых бутылочек, стоящих на поверхности кометы, втягивали в себя голубое свечение хвоста нашей кометы, наполняясь ярко-синим, в свечении инфракрасных солнц, цветом. Агафья Тихоновна подождала пока цвет наполнит посудины, достигнет нужной глубины, и ловко закрутила пробки.

– Качество вашего Знания меняется. Земная пропорция полученной в течении вашей жизни информации обогащается космическим опытом, расширяя ваш умственный горизонт. Качество Знания изменяется, но количество остается прежним.

– И много остается?

– Много.

– А хватит ли?

– Хватит.

– Но почему именно 50? Это случайная цифра?

– Я не знаю, – акула пожала плечами, – наверное случайная, – как мне показалось, она хитро посмотрела на меня. В ее глянцевои глазе горели искры смеха и радости.

Артак громко зарычал, привлекая наше внимание и пошел на солнечную сторону астероида. Мы неторопливо встали с холодного, белесого от вкраплений льда камня, и последовали за ним.

– Главное – всегда рядом, – Агафья Тихоновна говорила не торопясь, – но иногда необходимо просто остановиться. И внимательно посмотреть вокруг. Где бы вы ни были – даже кажущееся пустым для глаз Пространство, окружающее вас, на самом деле полно Любви, этой неподвластной чело-

веческому восприятию материи, – акула выразительно глянула из-под прищуренных глаз и добавила, – Любовь притаилась в каждой травинке, в каждой капле росы, в каждой горсти земли. Каждая песчинка прежде всего полна именно Любви. Но самым отличительным качеством Любви является ее умение не наполнять материю, а заполнять пустоту. И не только душевную пустоту, но и пространственную – своей особой, незаметной ни одному из органов человеческих чувств материей. Уметь ее замечать – или величайший дар, или результат сложнейшей внутренней работы. Лишь единицы из миллионов обладают одним или способны на второе. Ведь Любовь сокрыта от человеческого взора совсем не случайно, ибо только подготовленный человек сможет прикоснуться к ней, не навредив и не оставив своего отпечатка.

– Но разве Любовь можно изменить или уничтожить?

– Все в этом Мире можно изменить или уничтожить. Однако, человек, к нашему счастью, может уничтожить только то, что видит; то, что может пощупать; то, к чему может прикоснуться. Остального для него просто не существует. Это и есть самая надежная защита. Природа, охраняя свое сокровище, сделала его невидимым.

– Наверное, это к лучшему, – я невольно задумался.

– Любовь спрятана от взоров, от восприятия, но не как скрытый враг, который боится обнаружения, а как наблюдающий союзник, ждущий и жаждущий удобного момента для того чтобы вмешаться и показать свою силу. И поверьте мне,

это очень мощный союзник.

– И как с ней познакомиться поближе?

– Наблюдать. Наблюдать за всем что происходит. Наблюдать за Природой в самом широком понимании этого слова.

– Но это именно то, что мы делаем постоянно, не так ли?

– Нет, – Агафья Тихоновна грустно покачала головой из стороны в сторону, – человечество предпочло пересесть на машины и отгородиться от Природы бетонными стенами, а для чего?

– Для чего же?

– Для простоты. Для того чтобы смотреть на Мир сквозь затемненное окно, и видеть лишь блеклые, в дымке невежества, краски; чтобы слышать отдаленные, приглушенные окном звуки; для того чтобы не замечать главного. И для этого много ума не надо, – Агафья Тихоновна держала меня за руку, следуя за Артаком на солнечную сторону кометы, – не верьте никому, если вам будут говорить, что во всем виновата цивилизация. Не видеть главного – осознанный выбор каждого из нас.

– Вы думаете?

– Нет. Я не думаю. Я знаю. Видеть главное – большая ответственность, но одновременно, и большое счастье. Человек же, по непонятной мне причине, всегда предпочитает страдание. Вот еще слово придумали – страдание! – она вскрикнула достаточно громко, но Артак не обратил на вскрик никакого внимания, – возможно, в этом виноваты ре-

лигии, утверждающие что через страдание люди очищаются, возможно, что-то еще, но факт остается фактом – мозг человека тысячелетиями настраивали и развивали именно таким образом, – Агафья Тихоновна, как мне показалось, обреченно, продолжала:

– И дошло до того что человек принял это как данность.

Страдание – облагораживает.

– Но ведь проходя через страдание мы становимся сильнее!

– Конечно, конечно. Только в мире нет страданий. Есть развитие, есть Любовь, есть дорога, которую надо пройти. Страдание – вот еще слово! – акула в досаде вскинула плавники, – слово, придуманное человечеством для описания несуществующего! Мы уже сталкивались с таким словом.

– Да, – я кивнул, – и это слово – Время.

– Именно.

– Человечество сначала выдумывает что-то чего нет в Природе, потом дает этому Жизнь, присваивая ему имя, и это что-то начинает существовать! И ой как нелегко потом выбить это несуществующее из голов людей, ой как нелегко. Очень часто случается так, что и невозможно. А бывает что вышибить получается только вместе с головами.

– Но почему так происходит?

– Потому что человечество любит страдать. Потому что по каким-то, наверняка, объективным причинам, эволюция выбрала для человеческого мозга этот путь. Потому что для

того чтобы выжить человек должен был научиться сравнивать, и его мозг, сравнивая все что можно было, со временем конечно, приобрел такую черту – вешать на все ярлыки. Первобытнообщинный человек с зачатками современного мозга, убегая от хищного зверя, должен был научиться трезво и здраво оценить опасность. И если, например, на его пути встретилась пропасть, которую не перепрыгнуть, – эту пропасть необходимо было охарактеризовать, то есть повесить ярлык – большая, глубокая, смертельная; и только затем принять верное решение для того чтобы выжить, – Агафья Тихоновна неопределенно пожала плечами, – прыгать и сто процентно погибнуть или принять бой со зверем, и кто знает, возможно, выжить. От этих решений зависела выживаемость всего рода, поэтому они очень важны. Мозг эволюционировал, развивался, учился сравнивать, оценивать угрозу, и принимать решения.

– Верные?

– Что?

– Верные решения?

– Ну раз вы живы, значит верные, – акула засмеялась, – но эволюция мозга, оказав людскому роду неоценимую услугу в плане выживаемости, привнесла и негативные стороны. Выжив, человечество, тут же начало приклеивать к объектам свои субъективные характеристики – это лев, он опасен. Или – это слон, он большой. Или еще – это пропасть, она глубокая. Все бы ничего, если бы не одно «но». Оценивая и

описывая объекты, люди начали их сравнивать между собой – например – этот лев опасен, но крокодил в реке опаснее, и значит идти в реку более рискованно чем принять бой на земле. Мозг принимал наиболее вероятное для выживания отдельной особи решение, особь выживала, передавала свои гены следующему поколению, и эволюция прочно закрепила за мозгом это неоценимое для отдельно взятой особи качество – сравнивать, – Агафья Тихоновна тяжело вздохнула, – неоценимое для отдельной особи, но губительное для человечества в целом.

– Но почему? – я не мог уловить связь, – ведь что хорошо для отдельной части чего бы то ни было, хорошо и для целого!

– Конечно, конечно, – акула согласно кивнула головой, – в плане физической выживаемости – это просто отлично, но давайте рассмотрим это немного иначе. Начав сравнивать, человек задумался. В его голове все чаще и чаще крутились сравнительные прилагательные: это выше или это глубже, а вот это сильнее, это больше, это быстрее. Со временем люди замахнулись на абстрактное – это лучше. Или это – вкуснее. Или – красивее. Эти характеристики были абстрактны, так как о «выше» или «ниже» – можно судить более-менее объективно, но когда речь заходит о «лучше» или «хуже» – тут уже вмешивается индивидуальное восприятие. Так, например, рыбе лучше в море, а птице на дереве. И разные вещи могут быть сразу и лучшими и худшими в своем роде.



– И что тут такого? – я все еще не понимал к чему клонит Агафья Тихоновна, – как говорят, человек ищет где лучше, а рыба где глубже.

– Все было бы именно так, если бы не было совершенно иначе, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – на этапе выживания этот период – научить человека сравнивать – оказал неоценимую услугу, и позволил людям сохранить себя как вид, сохранить свой род, свою эволюционную ветвь. Но дальше, когда угрозы выживанию уже не было, а развитый человеческий мозг предоставил людям решающее преимущество на планете, эта самая способность принесла человечеству много страданий. Более того, это качество – сравнивать всех и вся – и убедило людей в том, что страдание есть любовь.

– Но как?

– Все очень просто. Сначала люди сравнивали степень опасности, и делали это исходя из элементарного страха перед окружающей средой, Природой. Потом те же люди, спустя тысячи поколений, уже не имея необходимости сравнивать чтобы выжить, начали сравнивать между собой другие вещи, как-то – степень благосостояния отдельных людей, их богатство, сравнивали так ли тяжел их труд, и оценивали справедливость полученных ими за это дивидендов. Вот оно, начинается, – Агафья Тихоновна приподняла плавник в назидание, – появилось новое слово – справедливость. Люди приходили к различным заключениям, причем абсо-

лютно неверным, ибо каждое заключение было субъективно. Потом одинаково думающие люди формировались в классы и искусственно создавали уже давно забытую человечеством опасность (ту самую первичную опасность, которая угрожала выживанию человечества как вида, помните?), потому что так привык ваш мозг. Он привык сравнивать, и эту способность необходимо было использовать. Он ввел в обиход несуществующие в природе понятия – например, ту же справедливость, которая потянула за собой целую череду нововведений – и ненависть – лишь одно из них. Только вдумайтесь, – Агафья Тихоновна всплеснула плавниками в негодовании, – ненависть к своим же соплеменникам, и почему? Потому что у кого-то есть что-то, которое кто-то другой определил как «лучше», чем у него самого. Или потому что кто-то родился «красивее» или «умнее» кого-то. И я хочу напомнить – все эти характеристики субъективны, и не имеют абсолютно никакого значения на планете, за исключением выдуманного и искусственно созданного человеческого социума.

– Но я все еще не вижу связи между Любовью и страданием, – я четко помнил о чем мы говорили с самого начала и не хотел позволить Агафье Тихоновне уйти в сторону от обсуждаемого вопроса, – как быть с этим?

– Способность человеческого мозга сравнивать породила на земле все войны, всю существующую ненависть и неприимимость, связала, казалось, совсем не связанные вещи и в

конце концов, заменила истинное ложным.

– Но Любовь и страдание? – я был настойчив.

– С развитием одних способностей, другие уступая им место, увядают, отмирают за ненадобностью, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – так и здесь, в эволюции человека, способность воспринимать мир целостно, как единое целое, которое существует постоянно и везде и сразу, эта высшая способность, сохраненная животными, деревьями и камнями – у людей заменилась искусственно созданными человеческим характеристиками – высокий и низкий, быстрый и медленный, большой и маленький, живой и мертвый. Но в мире нет ничего из вышеперечисленного. В мире есть то что есть. И дерево не высокое, большое и зеленое. Оно такое, какое есть. А эта картинка с зеленой шапкой листьев всего лишь нарисована вашим, кстати, неплохо сконструированным мозгом, но в действительности, дерево такое какое оно есть и не более того.

– И все же... – я начал было задавать вопрос, но Агафья Тихоновна нетерпеливо перебила меня:

– Подождите, подождите, дойдем и до этого, – она встала, опершись на скалу и продолжала говорить, – и все бы ничего, но с развитием человечества, как вида, развивался и его язык, его возможность выражать увиденное, а значит и формировать реальность. К именам прилагательным, которые прилагались к чему-то, судя из их названия, – акула засмеялась, – добавились имена существительные и глаголы.

Первые слова могли лишь прилагаться к чему-то, и конечно, к чему-то реально существующему. А вот с существительными и глаголами все происходило сложнее. Первые описывали предметы или объекты, тогда как вторые – действия с этими предметами или объектами. И тут понеслось... Я хороший, ты плохой. Я умный, ты – дурак. Я иду, ты стоишь. Я работаю, ты работаешь, мы работаем, а он лежит на боку. Язык стал богаче, он начал описывать не только характеристики окружающего Мира, он сам начал формировать этот самый Мир. Дальше – хуже, человечество замахнулось на абстрактные величины – я люблю или я ненавижу. И если первое слово «Любовь» – это реально существующее в Природе то, что мы просто не в состоянии описать, то «ненависть» – выдуманное, несуществующее понятие. Однако человечество возомнило себя настолько равным самой Природе, что в своем языке противопоставило Любовь ненависти. Появились слова-антонимы, занявшие свою нишу в структуре языка. Человечество при этом совершенно не заботило что ненависть может существовать только в человеческом сердце и больше нигде.

– Но как это?

– Очень просто. Только человек способен убивать просто так. Ни одно животное в Мире не будет этого делать. Лев, тигр, лисица или шакал, как и любой другой хищник, не может убивать только потому что ненавидит кого-то, отличного от себя, он убивает чтобы пропитаться, а значит чтобы вы-

жить, и только одно животное, наделенное развитым в процессе эволюции мозгом, наделенное способностью сравнивать, а это, как вы догадались, именно человек – он убивает во имя им же придуманных слов – одно из которых – справедливость, другое – ненависть, третье – патриотизм, и многое другое.

– И что же дальше?

– Дальше – еще интереснее, – Агафья Тихоновна немного сбавила темп, и я понял что разговор приближается к своему завершению, – после того как человек противопоставил себя Природе в своем языке, а значит, и в своем видении существования, он начал экспериментировать с глаголами. «Я люблю» и «я ненавижу» прочно укоренились в сознании людей как абсолютные противопоставления. Как человек мог описать Любовь? За тысячелетнюю историю человечества многие поэты, писатели и художники пытались сделать это. Но у всех получалось по-разному. Как такое может быть, спросите вы? Ведь все они описывают одно и то же. А очень просто. Любовь, как непознанную суть мироздания описать невозможно, не поняв и не окунувшись в эту самую суть. И даже тогда, когда человек чувствует эту самую Любовь, он не может подобрать слов, чтобы это выразить именами существительными. Это потому что в природе нет ничего такого что можно было бы четко описать словами, ведь придуманные, искусственные слова могут описать только придуманную, искусственную жизнь. А таких слов, таких вибраций в

живой Природе попросту нет.

– Но как же так?

– По-моему, Будда, один из величайших просветителей человечества, говорил так, – Агафья Тихоновна опять села рядом со мной и показала плавником на солнце, к которому мы двигались, – палец, указывающий на луну, не есть сама луна. Так и слова – они могут описывать истину, но сами слова ей не являются.

– Мне кажется я понимаю...

– Именно поэтому человек, описывая состояние блаженства, в которое он неизбежно погружается, прикоснувшись к Любви, использует глаголы, он описывает действия, которые с ним происходят – я люблю, а значит я пою, или я люблю, и это значит что я живу, танцую, смеюсь, плачу... Глаголы. Вы понимаете о чем я?

– Да, – я сокрушенно покачал головой, – понимаю. Смеюсь, плачу, мучаюсь, страдаю. Одним словом, ЛЮБЛЮ.

– Именно, – Агафья Тихоновна немного помолчала и добавила, – произошла классическая подмена понятий. Человек разумный попал в капкан эволюции собственного вида. Именно так способность человеческого мозга сравнивать и оценивать, данная нам мудрой Природой для того чтобы выжить, привела человечество к потере ориентации, к разрыву связи с истинным, к искажению действительности.

– Но это поправимо?

– Конечно. Для этого у вас есть неплохо сконструирован-

ный мозг. Выбросьте привычку сравнивать. Это в ваших силах. И в конце концов, если вы будете упорны, к вам вернется способность чувствовать Природу.

– Чувствовать?

– Да. Именно чувствовать. Чувствовать реальность такой какая она есть, а не такой какой ее описывают книги, опираясь на видение чужих глаз и на чужие чувства.

– Слова, описывающие истину, сами ей не являются, – я улыбался, глядя на солнечный диск, который, казалось, совсем не приближался, будто мы висели в необъятном космосе, подвешенные на нитке, – но вновь приобретенная возможность чувствовать неизбежно лишит меня чего-то что я имею сейчас?

– Конечно. Она лишит вас кривого зеркала, которое формировалось миллионы лет в процессе эволюции человеческого вида, и в которое смотрят все люди, считая это искаженное отражение чем-то важным. Чем-то реальным и действительным. И наверное, это и будет следующей победой эволюции. Эволюции уже не вида, но эволюции Сознания.

Я внимательно слушал Агафью Тихоновну и прекрасно понимал о чем она говорит. Осталось лишь несколько невыясненных вопросов.

– А почему бы Природе не взять и не откатиться назад, к тому периоду, когда все мы, то есть человеческий род, будучи уже в безопасности от вымирания, еще не потеряли способность называть вещи своими именами?

– То есть как это откатиться назад? – Агафья Тихоновна долго и заливисто рассмеялась, – как вы себе это представляете?

– Допустим, способность сравнивать была нам необходима – это неоспоримый факт. Но ведь сейчас человечеству как раз более необходимо совсем другое. Способность сравнивать выполнила свое предназначение, и от нее уже можно было бы и избавиться, разве не так?

– Конечно так, – акула подмигнула мне глянцевым глазом, – только эволюция так не поступает. Эволюция не может откатиться назад. Эволюция работает только с тем что есть сейчас, она модернизирует уже существующие возможности. Эволюция постепенно, проходя через сотни поколений, усовершенствует ваши качества, улучшает их, и тут я с вами согласна, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой, – иногда совершенствование приводит к полному отмиранию чего-то ненужного. Но не сразу. Ненужное будет изменяться согласно математическому закону случайных чисел, терпеливо ожидая, пока не выпадет необходимая генетическая мутация, которая в свою очередь и приведет к необходимым человечеству изменениям.

– Но ведь может выпасть и совсем ненужная мутация!

– Конечно может, я вам скажу более, она обязательно выпадет.

– И что тогда?

– Все, как всегда, очень просто. Обладатели ненужной че-



ловечеству мутации постепенно вымрут, так как не смогут конкурировать в выживаемости с обладателями более приспособленных генов, тогда как что-либо полезное, выпавшее таким же случайным образом, может оказать неоценимое воздействие на весь человеческий род. Как, например, это произошло с медведями, – Агафья Тихоновна начертила на песке фигуру медведя, потом рядом еще одну, – жили-были бурые медведи, – она заштриховала один силуэт, показав тем самым что мишка был бурым, – пока в результате случайной мутации не деформировался один ген, отвечающий за окрас меха. И у бурой медведицы родился белый малыш. Так как дело происходило на севере, в белых снегах, то белая шкура позволяла медведю лучше маскироваться. Белый медведь совершенно случайным образом получил решающее преимущество перед бурым, на снегу его не было заметно, он успешнее охотился, питался и выживал, передавая свои гены следующему поколению, и так, со временем, белые медведи населили всю северную территорию планеты Земля. Тогда как бурые в тех краях постепенно вымерли, ну или перешли южнее, где окрас их шкуры был более сопоставим с окружающей их средой. То же самое и с людьми. Любая случайная мутация, которая даже самими людьми, скранными существующими социальными условностями, сначала может быть воспринята как уродство, с течением времени, вполне вероятно, даст ее обладателю решающее преимущество в вопросе выживании всего вида.

– Но ведь случайная мутация может выпасть и сегодня и через миллиард лет или не выпасть совсем! – я был немного шокирован таким легкомыслием Природы.

– Может и через миллиард, – акула зевнула, – может и через сотни миллиардов, – она еще раз оскалила зубы в зевке, а может и через мгновение, это совсем неважно.

– Но почему неважно?

– Потому что Времени нет, – Агафья Тихоновна небрежным тоном напомнила мне самую главную мистификацию человечества, – и именно поэтому все происходит так как должно происходить. Точнее все уже произошло, понимаете? Все, что вы можете вообразить, нафантазировать или изобрести, уже есть. И все что должно случиться – обязательно случится. Уже случилось. И прошлое, – акула посмотрела мне прямо в глаза, – и с этим вы, конечно, не будете спорить, и настоящее, и с этим тоже трудно не согласиться, хотя нельзя сказать однозначно что настоящее уже было, и, наконец, будущее. Все уже случилось. В одном мгновении. В одном вечном мгновении, в котором мы все и находимся. Только это мгновение и реально. Другое дело, что особенности вашего восприятия не позволяют показать вам все и сразу. Мозг как бы пролистывает уже существующие страницы одну за одной, создавая иллюзию Времени.

– Будущее тоже уже было? – я помнил наш диалог о Времени, но все это никак не могло прочно и плотно уложиться в моей голове, однако и начинать разговор об иллюзорности

Времени еще раз, тем самым подтверждая свое невежество я не хотел.

– Будущее тоже было, – акула радостно потирала плавники, – а точнее есть. Прошое, настоящее и будущее есть прямо сейчас и прямо здесь. Они тесно и неразрывно связаны, помните? Будущее в точно такой же мере определяет наше прошлое, как и наоборот!

– И это значит что сама эволюция предопределена заранее?

– Да. То что должно случиться – обязательно случится.

– Даже если через миллиард лет?

– Нет, что вы. Все случается только сейчас. Другого момента никогда нет и не будет, по крайней мере в вашем, равно как и в моем маленьком самосознании.

– Все случится?

– Да. И способность сравнивать и вешать ярлыки тоже останется в прошлом, как, например, в прошлом остались волосы, растущие по всему телу человека.

– Значит ли это что процесс эволюции затрагивает не только видимые нашему глазу изменения – волосы, цвет кожи, количество зубов и пальцев, но и невидимые глазу, однако столь же, если не более, важные изменения Сознания? И что механизм материальных и нематериальных изменений одинаков?

– Конечно да! Ваше Сознание – такой же материальный объект, который изменяется из поколения в поколение, про-

сто эта материя слишком тонка, она неразличима глазу. Но я не исключаю, что когда-нибудь человек сможет читать материю Сознания точно так же как сейчас читает открытую книгу. И вот тогда все станет на свои места. Точнее должно стать. Как говорится, невозможное станет возможным, – Агафья Тихоновна утвердительно и резко кивнула головой, будто стряхнув с себя невидимую пыль и добавила, – ну а пока что человечество живет во лжи, оно придумывает несуществующие вещи, дает им имена, оно заменяет реальность своим индивидуальным восприятием, в конце концов, оно уже заменило саму Любовь, эту колыбель мироздания, страданием или болью, это уж как вам будет угодно.

– Да уж, – акула замолчала и некоторое время мы сидели молча, думая каждый о своем.

Артак, внимательно слушавший наш разговор посмотрел на меня, потом на акулу, перевел взгляд на ослепительные диски солнц, но не издал ни единого звука. Он двигался все медленнее, пока не остановился совсем, рассматривая что-то на поверхности кометы. В этой ее части, то здесь, то там, были разбросаны какие-то белесые, почти не видимые глазу, маленькие прозрачные камушки. Казалось, они были живые, и если поднести камушек близко к глазам и смотреть достаточно долго, как это и сделали мы с Агафьей Тихоновной, сквозь прозрачную материю можно было заметить структуру этого кристалла, и она видоизменялась прямо на глазах,

а если сказать точнее, то изменялась не она, а что-то в ней. Изменялось, двигалось. Медленно, но изменялось. При этом внешний облик камня оставался точно таким же, каким и был. Изменения касались только внутренних процессов жизни кристалла. Артак, медленно передвигаясь по астероиду, выискивал эти небольшие камушки и сгребал лапой в одно место.

– Что это? – я поднес один из кристаллов близко к глазам и рассматривал его пытаясь словить закономерность во внутренних изменениях кристаллической решетки. Однако, то ли закономерность была слишком сложна, то ли она отсутствовала вовсе, но мне это не удавалось. Все изменения были уникальны и, если верить моим глазам и восприятию, не повторялись.

– Кристаллы Времени, – Агафья Тихоновна медленно подплыла к нам с Артаком, и как мне показалось, с опасением следила за нашими действиями.

– Но что они здесь делают? Что это значит? Каковы их свойства? – я не понимал, как Время, которого в принципе нет, может обладать какими-то кристаллами.

– Это значит что этот Мир, Мир, который мы создали самостоятельно, используя ваш прекрасный зонтик, подвергся заражению. Этот Мир заражен Временем.

– ??? Но как оно сюда проникло?

– Мысли, мысли, мысли! Ваши мысли! Только оттуда, только из ваших мыслей, больше неоткуда. Дело в том, – Ага-

фья Тихоновна еще была напряжена, но уже пыталась улыбнуться, – что только в вашем Сознании может быть этот вирус.

– Только в моем?

– А в чем еще? Артак – дракон, он вне всего, и конечно уж вне Времени и Пространства. Он прошел долгий путь и не подвержен никакому влиянию извне, понимаете? Он продвинулся в познании гораздо дальше нас с вами, – Агафья Тихоновна глубоко вздохнула, – кстати, возможно, именно поэтому он все время молчит.

– Так он говорящий??? – я резко повернулся к Артаку и невольно вскрикнул.

– А вы как думали, – акула засмеялась, – конечно, он говорящий. Но в отличие от нас он прекрасно знает что слова – ничто по сравнению с мыслями. Поэтому он предпочитает думать. Это его осознанный выбор.

– А вы? Ваше Сознание не могло принести содержимое этих кристаллов?

– Мое сознание? Сознание сказочного персонажа могло принести все что угодно, тут вы правы, но мое Сознание строго ограничено вашим воображением. По сути я – это вы, только без ваших собственных, придуманных вами же ограничений.

– Каких ограничений?

– Социальных. Общественных. Публичных. Да каких угодно. Даже умственных.

Акула неосознанно потеряла плавниками, как пальцами, будто в поисках нужных слов и объяснила:

– Простых и привычных вам субъективных человеческих ограничений, которые каждый человек определяет для себя сам. Например, когда вы говорите себе – это я не смогу сделать, вы выстраиваете непреодолимую стену, мастерите препятствие, то есть ставите сами себе ограничение. И, в конце концов, соответственно, действительно не можете.

– А вы?

– А я могу все, – акула блеснула глянцевым лаком и засмеялась, – ибо мое-ваше Сознание не ограничено. И именно по этой причине я знаю тоже все.

– Выходит и я знаю.

– Знаете. И всегда знали. Но для того чтобы докопаться до этого знания необходимо избавиться от искусственных преград, разрушить ваши собственноручно выстроенные стены и пройти к Свету.

– Я понимаю.

– Это хорошо, что понимаете. Надеюсь, вы также понимаете и полностью осознаете всю сложность данной процедуры.

– Сложность? Но в чем?

– Разрушить то что сам построил всегда сложно. Ведь, согласитесь, жалко рушить то, на что ушла вся ваша Жизнь.

– Вы думаете, я только и занимался тем что строил границы?

– Думаю, да, – Агафья Тихоновна усмехнулась, но как-то

примирияюще, и добавила:

– А что вы еще могли делать, живя в социуме? Только подстраиваться под него.

– И это всегда плохо?

– Нет. Это не всегда плохо. Но это всегда ограничено.

– А сейчас?

– А сейчас ваша компания, ваш социум – это ваши мысли, – она кивнула на Артака, – ваши слова, – акула присела в почтительном реверансе, показывая на себя, – и ваши действия, – плавник Агафьи Тихоновны уперся мне в грудь, четко указывая на хозяина действий, – и поверьте – это самая лучшая компания, для того чтобы снести все стены и начать уже наконец-то видеть дальше. Сквозь выдуманные вами же, ну или всем человечеством, границы.

Я ненадолго задумался и признал что Агафья Тихоновна была, как всегда, права. Мы сами ограничиваем себя во всем. Сами ставим себе палки в колеса. Сами запрещаем себе пробовать. Сами говорим что не получится. И сами подтверждаем свои догадки. Сами и Никто кроме нас. Никто.

– Да, именно Никто. Именно этот Никто и сидит в вас, ожидая когда его выпустят, – Агафья Тихоновна продолжала читать мои мысли, что лишний раз доказывало ее слова, – именно этот Никто ждет вашей отмашки чтобы показать вам же всю красоту реального Мира. Сидит в вас и в каждом другом, отдельно взятом человеке. В любом человеке. У кого-то



Он уже смог обрести свободу, у кого-то он вот-вот выйдет наружу, а у кого-то Никто спрятан глубоко и надежно. Но он есть, этот Никто, его не может не быть. И когда-нибудь каждый человек станет свободным, выпустив его из тюрьмы своего Сознания.

– Я понимаю, понимаю, понимаю, – я твердил одно и то же слово как заезженная граммофонная пластинка, не понимая до конца сути сказанного, но мне казалось что оно, понимание, где-то тут, рядом, и что я вот-вот схвачу его за хвост.

Агафья Тихоновна улыбалась, глядя на меня, но молчала, предоставляя мне достаточно ресурсов, а именно – Времени, для того чтобы прочувствовать сказанное, понять его, принять, и собраться с мыслями. Я набрал полные легкие воздуха и резко выдохнув, произнес:

– Итак, Время – это вирус?

– Можно сказать и так. А вы знаете что такое вирус? Как вы думаете? – акула усмехнулась каким-то своим, потаенным мыслям. И если предположить, принять то, что сама Агафья Тихоновна была моей речью, моими словами, тогда ее мысли, недоступные для меня, моего Сознания, были все равно, что какие-то невысказанные, но вполне готовые к рождению, слова. Слова, навсегда похороненные в лабиринтах моего Сознания, слова, которым я не уделил должного внимания и мимо которых промчался на немыслимой скорости, слова, зачатые, но так и не выношенные. Слова, как никогда не рожденный плод, как тупиковая ветвь эволюции

мысленного процесса.

– Вирус – это возбудитель болезни, что же еще, – все это вихрем пронеслось у меня в голове и я ответил автоматически, не думая, тем более что полностью был уверен в ответе.

– Нет, совсем нет, хотя в головах множества людей это так и есть. Вирус – это информация, это генетическая информация, которая записана в структуру клетки. И именно это не позволяет всей существующей человеческой науке быстро справиться с вирусными заболеваниями, потому что она, то есть наука, не может глазами увидеть то, с чем надо бороться. Глаза видят контуры клетки в которой записана информация, но не видят саму информацию.

Я никогда не слышал ничего подобного и мне было крайне интересно.

– Подождите, но как же это? Объясните подробнее!

– Медицина знает три основных возбудителя заболеваний, – Агафья Тихоновна взяла в плавник один из кристаллов и медленно поднесла его к глазам, – это паразиты, микробы и вирусы. Паразиты – самые крупные из всех, их можно рассмотреть даже невооруженным глазом, микробы – поменьше, но и их можно увидеть, правда уже в микроскоп, а вирусы – вот незадача! Их нельзя увидеть, потому как их попросту нет. Вирус – это информация, записанная в вашу собственную клетку, и именно поэтому иммунная система человеческого организма практически не борется с вирусными заболеваниями.

– Почему?

– Потому что клетка ваша собственная и иммунная система определяет ее как надежную и здоровую.

– Иммунная система не может определить что внутри вирус?

– Нет. Иммунная система проверяет клетку, прикасаясь к ее мембране, то есть оболочке, и эта оболочка не вызывает у нее никаких сомнений. Вирус – то внутри. И вирус нематериален, в человеческом понимании материи. Вирусы живут в информационном Пространстве.

– И что происходит дальше?

– Дальше организм начинает реагировать на внедрение чужеродной информации в свои клетки другим способом. Иммунная система практически бессильна, однако мозг регистрирует проблему, ее наличие, регистрирует изменения в теле, вызванные вирусом, мозг понимает, осознает что что-то пошло не так. Тогда организм начинает вырабатывать антитела, вырабатывает методом тыка, основываясь на всех Знаниях всех поколений людей, в надежде что стандартные способы борьбы с похожими проблемами принесут результат. Однако антитела в большинстве своем бесполезны, и лишь немного замедляют течение заболевания.

– Почему бесполезны?

– Потому что антитела имеют свою структуру, они сродни микробам, их можно увидеть, рассмотреть, пощупать. А вирус – как информация записанная на дискету, тогда как

антитела – сама дискета. Понимаете? – Агафья Тихоновна подождала ответа и увидев что я кивнул, продолжила:

– Антитела могут уничтожить сам диск, это для них раз плюнуть, и уничтожив диск, они, конечно же, уничтожат и записанную на нем информацию, но они не в состоянии отделить диск от того что на нем записано. Поэтому перед организмом стоит выбор – либо уничтожить самого себя, вместе с вирусом, либо потихоньку пытаться исправить ситуацию, и именно для этого он и вырабатывает антитела. Они замедляют, но не лечат.

– Я понимаю.

– И кстати, по наличию этих антител, современная наука и определяет что в организме поселился вирус. Люди видят что антитела есть и делают правильный вывод – организм заражен.

– И это, – я покрутил кристалл Времени в руке, – вирус?

– Да, – Агафья Тихоновна смотрела на кристалл, – это вирус, заключенный в структуру камня. Если принять во внимание, что камень является клеткой данного мира, то эта клетка заражена Временем, и именно временные изменения мы и можем наблюдать сквозь прозрачный материал кристалла.

– Но что же делать?

– Ничего особенного. Думать. Идти вперед. Искать выход. Вырабатывать антитела, как говорится, – акула засмеялась.

– Чем нам это грозит?

– Тем что наш собственный Мир со Временем начнет изменяться.

– Это плохо?

– Это не плохо и не хорошо, это просто есть. И вирус такой же элемент Жизни, как и мы с вами. Это правильно, я бы сказала.

– И этот Мир точно заражен?

– Вы же сами видите, – акула кивнула на кристалл в моей руке, – да, точно. Точнее и быть не может.

– Это значит что...

– Это значит что и здесь, со Временем, появится боль и страдание, – Агафья Тихоновна печально склонила голову на бок, – увы, но без этого никак.

– Почему?

– Потому что боль и страдание – вещи, которые возможны только в мире где есть Время. В безвременном мире все существует сразу и сейчас, соответственно, там нет места выдуманным вещам.

– Таким как, например, страдание?

– Да, и таким как Время. Страдать можно только о чем-то что уже прошло. Страдание неотделимо от Времени.

– А возможно создать Мир, где будет только лишь страдание и больше ничего?

– Конечно, скажу вам больше, – Агафья Тихоновна приподняла плавник с кристаллом времени, – этот Мир уже где-то создан. Но тут есть один нюанс, – она улыбнулась, – как

вы полагаете, возможно ли вечное страдание?

– Ну я не знаю. Наверное, – я и правда не знал что ответить, – наверное, возможно абсолютно все, что может прийти в голову. И вечное страдание тоже.

– А вот и нет, как раз это неосуществимо. И именно по этой причине не может быть никакого ада, придуманного, и так воспеваемого религиями. Вечно страдать невозможно, потому что человек привыкает и адаптируется, и уже не воспринимает само страдание, – акула помолчала немного, но так и не смогла подобрать нужного слова, – как, собственно, страдание.

– Но мы также привыкаем и к Любви?

– Нет. К Любви привыкнуть невозможно, потому что Любовь реальна и без присутствия человека, тогда как страдание возможно лишь с его помощью. И, как мы уже говорили – по каким-то, возможно даже и объективным причинам, человечество видит в страдании саму Любовь!

– Но почему так происходит?

– Потому что человечество сумело заменить в своем Сознании реально существующую Любовь – нереальным страданием, а формула «чем больше страдаешь – тем больше любишь» прочно укоренилась в Сознании людей, – Агафья Тихоновна покачала головой, – но в любом случае, каждый отдельный человек, лишенный невежества, лишенный гнева и привязанностей, все же чувствует, даже знает, что страдание – заменитель настоящего чувства. Именно поэтому и гово-

рят: «потерпи, все пройдет». И ведь действительно проходит. Не проходит только настоящее. Оно, если хотите, вечно.

– Со Временем все проходит.

– Ага, со Временем. Несуществующее проходит с несуществующим. Страдание проходит со Временем, – акула расмеялась, – человек придумал себе боль, и тут же придумал лекарство. Все правильно и логично, – она продолжала смеяться, – от выдуманной боли может быть только выдуманное лекарство.

Агафья Тихоновна немного помолчала, как бы вспоминая о чем шла речь, а припомнив, продолжила:

– Только вот Любовь перетерпеть нельзя. Совсем нельзя. Ее не получится выкорчевать, изничтожить, пережить, передвинуть, погасить или ликвидировать. От нее нельзя избавиться или воздержаться, ибо она существует реально. Понимаете, реально! Человек может или жить в ней, что достаточно сложно, учитывая обусловленность современного общества, или не замечать ее, что он, как правило, и выбирает, отгораживаясь метровыми стенами и темными окнами.

– Неужели это так?

– Жить в Любви – значит быть настоящим. Вот вы сами часто встречали настоящих людей? – Агафья Тихоновна не ждала ответа на столь ясный по ее мнению вопрос, – вряд ли. Ведь это большой труд. В Любви невозможно врать, так как ложь сама по себе имеет столько же общего с объективной реальностью, как и страдание, и она, ложь, может описы-

вать только выдуманные вещи, – Агафья Тихоновна развела плавники в стороны, – человечество забыло что как только кто-то произносит, да что там, даже не произносит, как только кто-то подумает нечто отличное от Правды, он тут же покидает настоящесть и с головой погружается в выдуманный, нереальный мир. Но и это еще не самое страшное.

– А что же еще? – я старался не пропустить ни слова.

– Как только человек начинает настаивать на своей лжи, произносит ее, смакует, выдумывает подробности, его выдуманный, ненастоящий мир становится настоящим. Настоящим не для Природы, настоящим для него самого, ибо Вселенная формирует окружение человека из его мыслей. Вот как эти кристаллы со Временем, готовые разорвать этот Мир. Мир, только что нами созданный, и заметьте, созданный в полной Любви и согласии.

Агафья Тихоновна вздохнула.

– Вселенная, согласно вашим же мыслям, с полной покорностью изготовит нереальный маленький мирок, в котором вы и будете находиться, все меньше и меньше соприкасаясь с действительной реальностью. Это и называется жить во лжи. И, конечно же, это осознанный человеческий выбор.

– Жить во лжи – это жить без Любви?

– Да, именно так. Жить без Любви – осознанный выбор человека. Кстати, животные, в отличие от людей, лишены этого.

– Животные живут в Любви?



– Животные живут в гармонии. Любовь в ее чистом виде – продукт, доступный для человеческого самосознания. Этот продукт доступен лишь человеку. А гармония присуща всему, лишённому сопротивления.

– Но что же делать?

– Для начала осознать, понять и почувствовать, как говорят, сердцем, – Агафья Тихоновна говорила уверенно и убежденно, и ее уверенность по невидимым нитям передавалась и мне, – разгрести завалы лжи вокруг себя и прикоснуться к Правде. Это и будет первый шаг. Это и будет началом движения к истинной Природе человечества – к ее сути, божественной сути мироздания.

– Божественной? Бог есть?

– Конечно же, есть. Бог есть всё вокруг и именно поэтому он бесконечен и вездесущ. Куда бы вы ни кинулись – везде Бог. Где бы вы ни были – там Бог. Вы – тоже Бог. Найти свою суть и есть возвращение к Богу.

– С чего необходимо начать?

– Как и в любом деле – сначала, – акула опять рассмеялась, – покончить с привязанностями, страстями, с ненавистью и гневом, покончить с неведением или, если хотите, невежеством, а попросту сказать, с глупостью. Стать осознанным.

– Но как? Лишиться чувств?

– Нет, нет, что вы. Как раз наоборот, начать чувствовать. Но чувствовать реальность. Природа сама подскажет что и

как, главное начать. И после того как вы начнете – нельзя останавливаться ни на мгновение. Ведь вся человеческая жизнь – это одно неделимое путешествие. Прибыть в конечный путь, конечно, замечательно, но путешествовать, быть в пути, еще лучше. Жизнь – как песня. Вы поете не для того чтобы пропеть последнюю ноту. Вы поете ради самой песни, понимаете?

– С чего же начать? – я повторил свой вопрос.

– С себя. Это единственное что вам доступно. Начать с себя.

– Но как?

– Развиваться. Идти вперед, – Агафья Тихоновна смотрела на меня прищурившись, – вспомните начало нашего путешествия.

– Я пришел в зоопарк...

– Это ваши действия. А мысли?

– Я был поражен.

– Поражены? Вы просто окунулись в свое Сознание.

– Вы так думаете?

– Я так знаю.

– И все эти события происходили, – я запнулся, – точнее, происходят лишь в моей голове? Огромный желтый питон с фиолетовым петухом? Битвы, перемещения между мирами? Дракон с японского зонта?

– Вам решать. Лично я не вижу никакой разницы между происходящим в вашей голове и вокруг нее, – и Агафья Ти-

хоновна тихо добавила:

– Как вы думаете, в каких сражениях не бывает победителей?

– Не знаю. Если есть драка, то кто-нибудь обязательно победит! – я был уверен в ответе, – или борьба будет длиться вечно. Да и бывают ли такие войны в Природе? Без победителей и побежденных?

– Конечно, бывают, – акула утвердительно кивнула головой, – это внутренние войны. Например, в сражении страсти и гнева, ну или привязанности и ненависти, это уж как вам угодно будет назвать, нет, да и не может быть победителей. Мы могли это достаточно отчетливо наблюдать в виде битвы петуха со змеей. Одно нельзя уничтожить другим, и от взаимных уколов и ранений они только крепнут и набирают силу.

– Но ведь в конце концов... – я замешкался с ответом.

– В конце концов победителем или проигравшим будет третья сторона – и эта третья сторона – вы сами.

Агафья Тихоновна продолжала плыть некоторое время молча, а потом резко, безо всякого вступления, отрубил:

– Но всегда, слышите, всегда, – она чеканила каждое слово, как солдат на плацу чеканит шаг, – даже очень страстный, вспыльчивый и буйный, но одновременно с этим – разумный человек, вполне в состоянии совладать сам с собой и заключить с собой же мирный договор. А опереться он может лишь на отсутствие в его багаже глупости, то есть невеже-

ства. Только в этом случае у него есть шанс поступить верно.

– Как может быть опорой отсутствие чего-то?

– Это хороший вопрос, – Агафья Тихоновна почти восхищенно кивнула головой, – и я постараюсь на него ответить. До тех пор, пока вы не нашли нечто настоящее, нечто действительно существующее, вам на самом деле не на что опереться. И до этих самых пор вы будете выбивать опоры выдуманного, обусловленного мира, одну за одной, пока он, этот пропитанный ложью мирок, не рухнет в вашем Сознании, а значит и в реальном Мире, целиком и полностью. Одна из таких опор – глупость. На ней строится любая религия, любое верование, любая стадность, любая государственность. Выбейте эту опору и выдуманный мир пошатнется. И продолжайте выбивать, не останавливаясь ни на минуту, пока он не обвалится окончательно.

– Но куда? Куда он может рухнуть?

– В пустоту. Туда же откуда взялся.

– И что останется?

– Природа не терпит пустоты, – Агафья Тихоновна пожала плечами, – ибо ее не существует. Помните, везде – Бог, везде – вы. И как только вы сможете освободить это место, – акула постучала меня плавником по лбу, – вы же сами его и заполните. Это очень просто, – моя спутница взяла меня за руку, продолжая следовать за драконом, – петух и змея могут сражаться миллионы лет без видимого результата. Их битва внутренняя, но результат всегда снаружи. Только сдержан-

ность и холодная, разумная голова в состоянии приручить этих животных.

– Да, да, я помню. Вам пришлось прикрикнуть на них чтобы что-то поменялось.

– Именно так. Ведь мы с вами стояли немного в стороне и именно поэтому нам таки удалось сохранить холодную голову.

– Так вот почему вы увели меня из эпицентра событий!

– Может быть и так, а может быть и нет, – Агафья Тихоновна улыbnулась, кивнула на впереди шагающего дракона, и вдруг произнесла:

– Вот ему все нипочем. Он уже с этим справился, и страсть, как и гнев не могли бы ему навредить.

– И поэтому его совсем не тревожила битва? Он словно не видел ее.

– Да. Потому что он настоящий. Он живет в настоящести и ничего выдуманное и произведенное людьми над ним не властно. Более того, возможно, он этого даже не замечает. Ведь увидеть что-то в ком-то другом возможно только в одном случае. Только тогда, когда сам этим обладаешь этим чем-то.

– Да, я понимаю. И еще он питается Светом.

– Светом и цветом. Знанием. Безусловным и абсолютным Знанием. Опытom. Анти-глупостью, если хотите.

Артак шел впереди, подставляя свое огромное тело сол-

нечным лучам, уже появившимся из-за изгиба кометы. Он подсвечивался двойным, как внутренним, так и внешним светом и от этого его контур приобретал какую-то безграничность, неисчерпаемость, можно даже сказать, тотальность. Агафья Тихоновна проследив за моим взглядом, и уверен, правильно оценив его, продолжала:

– В конце концов страсть, привязанность, гнев или злоба всегда пожирают человека, ими обладающего. В данном случае происходит банальная подмена хозяина – не страстный и буйный человек обладает чувствами, а чувства целиком и полностью овладевают этим человеком. Они захватывают его в плен. Они управляют им. И направлены они только на одно – на уничтожение человека, породившего их, на уничтожение его божественной Природы. Других вариантов нет. Мирное сосуществование тут невозможно.

– Понимаю, – я еще раз произнес свои же слова, и вдруг действительно понял, – любой человек, победивший в себе невежество, уничтожив в себе обусловленность, социальные устои и навязанные обществом правила, расчистив завалы лжи, религиозных верований и предрассудков, обретает Знание и способность к свободе. И это будет уже не слепая вера во что-то бездоказательное, а внутреннее, очищенное от всего Знание. В него не нужно верить, потому что кто-то так сказал. Им можно обладать безусловно. Не объясняя и не доказывая. В этом вся разница. И это Знание сокрыто внутри каждого из нас.

– Конечно! – Агафья Тихоновна заплодировала, отпустив мою руку, – лучше и не скажешь. Человек, победивший невежество обретает способность к свободе, – она замолчала на мгновение, и внимательно посмотрев мне в глаза, сказала:

– Только следует помнить, что способность к свободе и сама свобода – разные вещи. Палец, указывающий на Луну, еще не сама Луна.

Я кивнул и продолжил, словно боялся потерять нить в моей голове, за которую только что цепко ухватился:

– Достаточно понять ЭТО один единственный раз, и оно уже никуда от тебя не денется. Человек, прикоснувшийся к Знанию хотя бы мельком, будто выхватывает суть мироздания. Это именно то, что дает нам простое, но столь необходимое чувство целостности, а значит и счастья. Это как езда на велосипеде. Однажды научившись нельзя забыть. Ясно как день!

– И что вам сейчас ясно?

– Счастье. Со-частие. Собранное из частей. Целое.

– Вы уверены что это именно оно?

– Я чувствую это.

– Но это не доказательство, – Агафья Тихоновна покачала головой, как бы в сомнении.

– Закройте глаза, – я подождал пока она выполнит мою просьбу и взял ее за плавник, – что я сейчас делаю?

– Вы... Вы касаетесь меня.

– Откуда вы знаете?

– Я чувствую это.

Она открыла глаза и громко, в голос, рассмеялась.

Мы продолжали идти за Артаком и негромко беседовали, а Время текло незаметно. Странно, но обратный путь на солнечную сторону кометы мне показался намного длиннее. Наверное, потому что мы бродили по другим, новым, и еще не открытым дорогам. И на этом пути Время уже теряло свою силу. Значит ли это что в конце пути Время растворится и исчезнет навсегда? Возможно. Даже наверняка.

12

– Но время обедать! – Агафья Тихоновна подождала пока Артак удобно устроится, подставив свое тело солнечному свету, и убедившись в том, что ему удобно, тепло и, самое главное, сытно, начала разводить костер. В этот раз она обошлась без трюков, а делала все по-земному, медленно и размеренно, будто тянула само Время. Дров вокруг не было, и достав из рюкзака бутылочки с вечностями и мгновениями она, окликнув меня, спросила:

– Вы не против, если мы уничтожим немного Времени? Очень уж хочется горячего чая, а костер развести не из чего.

– А оно горит? – я с сомнением посмотрел на мутноватую жидкость внутри бутылки и добавил, – думаю вам лучше знать, что делать. Я вам верю.



– Горит, горит, – Агафья Тихоновна полила камень вечностью и он загорелся красивым голубоватым цветом, – и хорошо горит. Что важно – Время горит и без нашего участия, его совсем не надо поджигать. Следовательно, нам не нужны спички.

– А потушить? Как его потушить?

– Вечность горит очень долго, но только в вашем Сознании, правда тухнет сама, как только вы осознаете что вокруг ничего не меняется и все мертво и недвижимо. Одним словом – вечно. Но думаю, до понимания этой простой вещи еще далеко и мы успеем вскипятить чайник, – она улыбнулась.

– Какой простой вещи?

– Что все неизменное – мертвое. Меняется только живое.

И живые.

– Понятно. А мгновения как горят?

– Мгновения горят с треском, как хорошо просушенные дрова. Они возгораются в один момент и дают яркие, горячие вспышки и буйный, неуправляемый огонь. Их надо приручать, и тогда возможно, они и станут вечностью, но только живой и постоянно меняющейся.

– Вечность тоже бывает живой?

– Только когда она внутри мгновения.

– А потом?

– А потом будет чай, – Агафья Тихоновна уже мостила неизвестно откуда взявшийся чайник на низкое, голубоватое

пламя.

– А с вечностью что будет?

– У вечности не бывает потом. У вечности только одно неизменное сейчас, и нет ни «до», ни «после». Вечность содержит всю полноту своего бытия за один раз, в одном нераздельном акте, не имеющем ни начала, ни продолжения, ни конца, – Агафья Тихоновна усмехнулась и повторила:

– Ни начала, ни продолжения, ни конца.

– Где?

– Конечно же, во Времени.

– А в Пространстве?

– Вы же видите этот огонь, – акула кивнула на голубоватое пламя, – он конечен.

– И он будет гореть вечно?

– Да. Вечный огонь. До изменения исходных данных.

– Что за исходные данные?

– То что мы объективно имеем, и то, как мы это воспринимаем. Как вы понимаете, меняться может только восприятие, ибо вечность объективно неизменна.

– Мое восприятие может измениться и что тогда?

– Тогда в вашей собственной, отдельной, скажем к слову, единственно существующей для вас лично Вселенной, данная вечность не будет более иметь никакой силы, она растворится, исчезнет, и на ее месте уже будут развиваться совсем другие события.

– То есть стоит мне...

– Изменить угол зрения, – подхватила Агафья Тихоновна, – и все вокруг поменяется в тот же момент. Возможно, именно этот момент и станет вашей собственной вечностью, хранящейся в каком-то участке вашего мозга в неизменном и первозданном виде.

– Но разве вечность может быть только в мыслях?

– Мысли – очень тонкая, и одновременно, очень мощная Энергия. Возможно, самая мощная во Вселенной. Слова – более плотная, но менее мощная, действия же – хоть и самая плотная, но и самая слабая их всех существующих Энергий. Все в этом Мире связано, и даже со смертью вашего тела здесь, Ничто не оканчивается. Здесь, впрочем как и в любом другом Мире.

– Ничто не оканчивается?

– Ничто. Ничто или Никто, заключенный в вашем Сознании. Он-то как раз вечен. Я не зря употребила слово «заключенный», – Агафья Тихоновна подчеркнула это слово острым взглядом и паузой в речи, – заключенный – это значит, находящийся в тюрьме.

– В тюрьме моего Сознания?

– Скорее, в тюрьме вашей обусловленности. Освободите его.

– Но как?

– Мыслите. Мыслите свободно. Мыслите хоть как-нибудь. Мыслите как умеете. Высвобождайте эту Энергию. Позвольте ей выполнить свое предназначение. Ведь мысль, посетив-

шая ваш мозг, или произведенная им, уже не является вашей нераздельной собственностью. Она покидает границы вашего физического тела и уже не зависит от существования последнего. Ваша мысль, даже самая потаенная, существует автономно и независимо. И, в какой-то мере, она вечна, ибо не имеет никаких ограничений и не несет в себе ни одного изменения. И конечно же, чем качественнее мысли вы производите, тем ближе подбираетесь к их Источнику.

– К Источнику?

– Да. Именно к Источнику. Если хотите – к роднику.

– Что есть Источник?

– Ничто, – просто ответила акула, – Ничто или Никто – пока еще ваш узник, арестант, пленник, заключенный, как хотите. Освободите его.

– Но как?

– Для того чтобы освободить кого бы то ни было, – Агафья Тихоновна опять колко глянула на меня, – для начала необходимо точно установить его местоположение, не так ли?

– И как мне его найти? – я совсем растерялся.

– Мыслите. Не останавливайтесь ни на мгновение. Как я уже сказала – только ваши мысли способны привести вас в нужное место. Качественные, первоклассные, трудно дающиеся, виртуозные мысли...

Огонь горел ровным синим пламенем, и стоящий на нем чайник, начав шуметь, выбрасывал из себя небольшие пор-

ции пара.

– Однако пора пить чай, – Агафья Тихоновна насыпала горсть заварки прямо в кипяток и накрыла чайник крышкой, сняв его с огня.

Мы пили обжигающий чай, а голубоватое пламя продолжало гореть ровным и низким огнем, и даже спустя некоторое время, когда подкрепившись, мы приготовились идти дальше, оно горело также недвижимо, тускло и постоянно.

Агафья Тихоновна разбиралась с рюкзаком, и я ждал, пока она окончит, чтобы продолжить свой путь. Наш путь. Должна же быть у нашего путешествия конечная точка.

– Конечная точка есть, – акула продолжала слышать мои мысли, – и конечная точка – это Свет. А источник Света – это солнце. Думаю, раз мы находимся на комете, нецелесообразно использовать дракона для того чтобы лететь к нему, ведь комета с гораздо большей скоростью, чем может развить дракон, несет нас в том же направлении.

– К солнцу? Но к которому из них?

– Это как раз все равно. Художник, разрисовавший зонт, сделал на нем все красные горошины одинаковыми. Так что куда-нибудь, да долетим.

– Но если эти солнца... Они не спалят нас? – я выставил руку вперед и почувствовал тепло на своей ладони, – я чувствую температуру, и чем ближе, тем горячее!

– Нет, нет, что вы, конечно не спалят, – Агафья Тихонов-

на улыбкуналась ободряюще, – красный цвет лишь немногим теплее синего, и я вас уверяю, смерть от перегрева вам не грозит. Вы умрете другой смертью, – акула звонко рассмеялась.

– Эээ, – я поперхнулся уже готовыми сорваться с языка словами, но решил проигнорировать последнее утверждение Агафьи Тихоновны и как ни в чем ни бывало, спросил:

– Но мы летим прямо на звезду? Или сможем ее обогнуть с другого конца, вращаясь вокруг нее по орбите? Или наша цель – все-таки опуститься на поверхность или столкнуться с ней?

– Имейте терпение, это станет известным совсем скоро. Если ваше сознание позволит нам вырваться за рамки ограничителя, и выйти за его пределы – мы покинем этот Мир навсегда, если же нет – ну что ж, будем мужественны – столкнемся с ним.

– Ограничителя? Но что это?

– Японский зонтик, а что же еще? Уж не думаете ли вы что весь Мир заканчивается этим, хоть и бесспорно прекрасным куполом? – акула засмеялась, потом медленно поднялась с поверхности кометы и внимательно посмотрела вдаль, на яркий, синий небосвод и крупные красные горошины солнц – конечную точку нашего путешествия.

Пар, по мере приближения к солнцам, выделявшийся с кометы все сильнее, придавал всем нам голубоватый, охлаждающий оттенок, и синее пламя вечности было все менее

и менее заметно. В конце концов, голубоватый водяной пар смешался с такого же цвета пламенем, и было уже не отличить что где. Но это не значит что пламя исчезло. Камень горел и плавился. Вечность брала свое.

Вечность – это интервал Времени, который содержит в себе любой конечный интервал Времени.

– Любой конечный? А сама вечность?

– Вечность не имеет ни начала ни конца.

Агафья Тихоновна продолжала смотреть на небосвод, будто что-то выискивая. Красные горошины неумолимо приближались к нам, однако не так быстро, чтобы это начало вызывать беспокойство. Артак невозмутимо лежал на боку, собрав уже целую гору кристаллов, в которых находился вирус Времени. Он перекидывал их с одного места на другое и со стороны создавалось впечатление что дракон просто играет с кубиками, составляя какое-то слово. Акула подплыла к нему и плавником помахала мне, приглашая подойти ближе. Она взяла один из кристаллов, возможно, самый крупный из найденных, и поднесла его к моим глазам, давая возможность рассмотреть внутренности камня и насладиться игрой Времени.

– Что вы об этом думаете? – Время внутри кристалла перемещалось, смешивалось, бурлило, подходило все ближе и ближе к краю, и иногда даже казалось, что оно вот-вот вырвется наружу.

– Не знаю, – я внимательно посмотрел на акулу и добавил:

– Такое впечатление что камень скоро будет разрушен и это непонятно что выйдет на волю.

Агафья Тихоновна медленно повернулась ко мне. В ее черных, лакированных глазах отражался свет красных свечей. При желании можно было рассмотреть каждое, настолько четким было изображение. Она держала кристалл в плавнике, перекручивая вокруг его оси, словно подготавливаясь чему-то. Но так ничего и не предприняв, она лишь произнесла:

– Время зорко следит за процессом, и далеко не каждому удастся достичь желаемого быстро. Материал считается усвоенным, а урок пройденным лишь тогда, когда Время дает добро, а Свет выхватывает из темноты невежества тот или иной кусочек Знания или Пространства, чтобы подсказать, дать наводку, направить туда, где еще светлее. И только от человека зависит – принять помощь или нет, пойти в указанном направлении или остаться в комфорте, в своих рамках, в собственноручно придуманных ограничителях.

– Время дает добро? – я мало что понял из монолога акулы, но мозг отчетливо уловил то что Время, эта нереальная субстанция, тесно сотрудничает со Светом в каком-то, пока еще непонятном для меня вопросе.

– Да, – акула подкинула кристалл в плавнике и вновь поймала его, – Время дает добро.

– Так уж необходимо нам его разрешение? И на что оно



дает добро?

Агафья Тихоновна смотрела мне прямо в глаза.

– Конечно, вам необходимо его разрешение. До тех пор пока в ваших мыслях не поселится Знание. И пока это Знание не заменит собой ту религию, которую вы успели создать в своих мыслях, исходя из наших бесед.

– Я? Я создал религию? – мои глаза распахнулись максимально возможно, так как я даже не предполагал услышать такое.

– Конечно, создали. Подумайте сами, – Агафья Тихоновна не торопясь положила кристалл со Временем на грунт и присела, опершись на Артака, как на спинку кресла, приглашая меня сделать тоже самое, – вы очень внимательно выслушали все что я вам рассказывала о Времени, вы поверили мне, но в вашей голове это еще не нашло тотального отклика и понимания. Именно поэтому вирус Времени проник сюда, – она кивнула на кристаллы, – потому что ваш мозг пока что воспринимает отсутствие Времени в реальности исключительно как веру, но не как Знание. А любая вера, не подкрепленная Знанием – это религия, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – и даже если вы верите в истинные вещи, вера без Знания всегда была, есть и будет лишь религией.

– Да, да, я понял, – я неожиданно осознал что именно я, и Никто другой, именно я смог заразить этот чудесный Мир своим неочищенным Сознанием. Желание все исправить захлестнуло меня с головой и я чуть не вскричал, – но что же

теперь делать?

– Ничего не делать. Ждать. Учиться новому. Как ни странно для осознания того что Времени нет, необходимо именно Время.

– Но что теперь будет с нами? С кристаллами?

– Не беспокойтесь, – Агафья Тихоновна взяла мою руку и немного сжала ладонь, – не беспокойтесь, – повторила она, – самое страшное уже позади, и вы на пути к Свету. Возможно, нам удастся достичь его даже раньше чем я думала, ибо Свет везде, и ничто не может запретить ему визуально проявиться в этой точке Пространства прямо сейчас. Но когда бы это не случилось, это уже будет, а точнее – это уже есть, ибо ваше будущее определено вашим прошлым. Точно так же как ваше прошлое определено вашим будущим.

– Нам ничего не грозит?

– Только одно, – она засмеялась и ее глаза блеснули сотнями красных солнц, – стать драконами!

– В каком смысле?

– В хорошем смысле, в самом что ни на есть хорошем.

Артас сыто зарычал и перевернулся на другой бок, подставив противоположную сторону своего тела солнцам. Он слушал каждое наше слово, я был в этом уверен.

Но дракон продолжал упорно хранить молчание и лишь глаза, желтые глаза рептилии с вертикальным зрачком выдавали его участие в наших беседах.

– Раскопайте в себе истинное Знание и все станет возможным. Ведь выстроить внутри себя, а значит, и в целом Мире, гармонию, дорогого стоит. Гармония, как обязательная производная Любви является одним из высших состояний, которого может достичь человек. Она питает себя изнутри и являет собой пример равновесия. Равновесия не плохого с хорошим, ибо Природе неизвестны такие характеристики объекта, а равновесия всего со всем. Человек, нащупавший в себе гармонию обладает качеством, противоположным невежеству – мудростью. Такой человек уже несомненно подготовлен для того чтобы прикоснуться к основе всех основ – к Любви.

– Не навреди.

– Что? – акула переспросила, видимо не поняв что я имел в виду.

– Не навреди, – повторил я, – тому кто обнаружил Любовь необходима осторожность. Ведь потерять или разбить можно только то, чем действительно обладаешь.

– Да, да, конечно, – Агафья Тихоновна кивнула, согласившись со мной, – как и делиться.

– В каком смысле?

– Человек может делиться только тем, чем полна его душа, тем, что у него в избытке, не так ли? – она улыбалась полной пастью крепких, белых зубов, которые я раньше как-то не

замечал.

– Действительно, – я утвердительно кивнул головой.

Некоторое время Агафья Тихоновна молча перебирала найденные Артаком кристаллы, всматриваясь в каждый по отдельности и сортируя их на две небольшие кучки.

– Что вы делаете? – я придвинулся поближе и пытался отгадать по каким признакам акула проводил сортировку, но у меня ничего не получалось.

– Разбираю кристаллы, – она кивнула на кучку побольше, – сюда я отобрала камни, почти полностью уничтоженные вирусом, а сюда, – она кивнула на десяток камней, сиротливо жавшихся друг к другу, – кристаллы, в которые вирус попал совсем недавно.

– Для нас это имеет значение? Мы их лечить, что ли будем?

– Лечить, не лечить, но кое-что сделать можно, – она потянулась за рюкзаком и достала оттуда уже известный мне набор из бутылочек семи разных цветов.

– Попробуем этим, – Агафья Тихоновна откручивала пробки одну за одной, ловко орудуя плавниками.

– А не взорвется?

– Обязательно взорвется, а как же, конечно, взорвется, без взрыва тут нельзя, но надеюсь, к тому времени мы будем где-то очень далеко, – она отвинтила последнюю, седьмую крышку и сказала, обращаясь ко мне:

– Ну давайте вы, это ваши Знания, вам их и использовать.

– Простите, но каким образом?

– Ну это же совсем просто, – Агафья Тихоновна показала на бутылочки, – вы должны раскрасить каждый кристалл в определенный цвет, и я очень надеюсь, что их окажется ровно нужное нам количество.

– А сколько нам нужно?

– Любое число, кратное семи, – акула показала на разноцветные бутылки, – тогда каждый окрашенный в определенный цвет камень, взаимодействуя с другими цветами, в конце концов, уничтожит сам себя, вместе со своим содержанием.

– Они взорвутся?

– Именно.

– А мы?

– Мы будем далеко от них в тот момент.

– Но как? Мы же не можем поставить Свет на таймер, – я невольно засмеялся, правда смех вышел какой-то тихий и совсем не радостный.

– Мы, конечно, не можем, а сами кристаллы вполне могут, – Агафья Тихоновна взяла один из них и протянула мне, – ну красьте же, не теряйте Времени. Эти камни обречены, – она показала на две собранные кучки, но все же взорвутся они не сразу, потому как вирус не позволит этому произойти. Не забывайте, что мы имеем дело с вирусом Времени, а что такое Время? – акула говорила в ожидании мо-

их действий, – Время – это такая штука, благодаря которой все происходит не сразу. Вот и кристаллы взорвутся не сразу. Вирус будет тянуть время, пока отступить будет совсем некуда. А мы в тот момент, надеюсь, будем уже в совершенно другом месте.

Я взял один, самый крупный из кристаллов в руки и вылил на него красную краску...

... Положив последний, покрытый фиолетовым цветом кристалл, я аккуратно разложил только что выкрашенные в разные цвета камни вокруг себя так, чтоб они не касались один другого и повернулся к Агафье Тихоновне.

– И что теперь?

– Теперь нам надо узнать сколько всего оказалось зараженных камней, – акула считала цветные кристаллы, раскладывая их по кучкам по 7 штук, чтоб в каждой присутствовали все цвета.

– Двадцать восемь, – я знал ответ.

– Отлично, это четыре раза по семь, и это также значит что нам пора в путь.

Агафья Тихоновна подошла к Артаку и что-то сказала ему на ухо, вполголоса. Не прошло и нескольких минут как мы были готовы, и взгромоздившись на дракона, легко оторвались от зараженной Временем кометы. Оторвались, чтобы продолжить свой путь к звездам, пусть даже и нарисованным на куполе старого доброго японского зонта.

– Куда мы сейчас?

– Вперед.

– Во Времени или в Пространстве?

– В жизни, – Агафья Тихоновна крепко держалась за дракона, – в жизни, – она немного помолчала, – в жизни, в жизни, в чем же еще...

Я держал рюкзак со своим грузом бутылочек и размышлял о его содержимом. Семь бутылок различной краски я израсходовал на кристаллы Времени, и моя поклажа стала ощутимо легче. Пустые бутылочки звонко позвякивали в моем рюкзаке, невольно напоминая о себе. Агафья Тихоновна, не оборачиваясь, но обращаясь именно ко мне, произнесла:

– Вам надо наполнить их, не таскать же с собой пустую посуду, – она звонко и радостно рассмеялась. С того момента как мы покинули комету, с ее морды не сходило довольное выражение.

– Но чем наполнить?

– Да чем угодно, – акула провела плавником вокруг, показывая одновременно и на солнца, к которым мы летели, и на голубоватую комету позади нас, и на Землю, оставленную далеко позади, – да хоть солнечным Светом, – она кивнула на проблескивавшее сквозь шкуру дракона Солнце. Неважно чем. Важно то, что каждое мгновение вы учитесь, а значит и пополняете свой багаж.

– Так бутылочки можно и не доставать? – я недоуменно и недоверчиво пожал плечами, – я же учусь независимо от того в рюкзаке они или снаружи. – Крепко схватив рюкзак, чтобы не выронить, я потряс его в воздухе, но уже не услышал ожидаемого звона пустой посуды. Да и вес рюкзака заметно увеличился.

– Чувствуете? – Агафья Тихоновна, не оборачиваясь, знала все что я делаю и думаю, – значит можете и не доставать.

Любопытство распирало меня изнутри. Даже рискуя выронить какую-то из бутылочек, я раскрыл рюкзак и посмотрел внутрь. Еще недавно пустые, бутылочки были наполнены ярким желтым цветом, похожим на цвет огромной змеи из зоопарка.

– Желтый? – не поворачивая головы, Агафья Тихоновна скорее утверждала чем спрашивала.

– Желтый, – я молча кивнул, зная что она все равно услышит и поймет.

– Это опыт.

– Но почему они начали наполняться не сразу, а только после того как мы заговорили об этом?

– Нужна была команда.

– Какая?

– Ваша мысль.

Мы молчали некоторое время, а я производил в уме подсчеты, сколько и какого цвета у меня осталось.

– В этом нет необходимости, – Агафья Тихоновна отвеча-



ла на мои мысли и действия, – не забывайте, что цвет, каким бы красивым он вам не казался, лишь плод вашего восприятия, не более. В природе есть только Свет. Свет с различной длиной волны, если использовать человеческие характеристики Света, или электромагнитное поле с разной Энергией, если мы решим говорить, используя реальность. И постепенно, ваши Знания, ваш опыт, ваше восприятие и ваше воображение подстроятся под независимую реальность, вычеркнув все лишнее, ненужное и неважное.

– То есть потихоньку все мои бутылочки будут источать только Свет, без цветовой окраски?

– Именно так, если, конечно, мы выбрали правильную дорогу.

– А если нет?

– Такого не может быть, ибо все дороги правильные. Главное – не сидеть на месте. Не оставаться неподвижным.

– В каком смысле? Передвигаться?

– Я бы сказала – развиваться, – акула правила драконом, ловко избегая встреч с какими-то толстенными струнами, будто натянутыми в Пространстве.

– Что это?

– Спицы, – Агафья Тихоновна обернулась, – спицы вашего зонта. Для нас это значит что купол совсем близко.

– Ах, да, спицы, – я смотрел на огромные, толщиной в сто или двести драконов металлические палки и пытался сообразить какого же размера сам зонт, купол, солнца, нарисо-

ванные на нем?

– Вы занимаетесь не тем чем надо, – акула резко прервала мои размышления, – какая разница какого размера зонт. Главное что он есть. Остальное совсем неважно.

– А чем надо заниматься? – проигнорировав ее замечание, я быстро сложил бутылочки в свой рюкзак, закрыл его и твердо решил делать то что скажет Агафья Тихоновна.

– Наслаждаться. Каждым мгновением, каждым поворотом, каждым взмахом драконьего крыла.

– Просто наслаждаться?

– Вы думаете это просто? – она засмеялась, – попробуйте, попробуйте скорее.

Мы летели с головокружительной скоростью, но все еще никак не могли обогнуть даже одну, первую повстречавшуюся нам спицу зонта, настолько огромной она была, и она, спица, своей толщиной загораживала нам часть небосвода, мешала увидеть весь купол целиком. Что уже говорить о переплетении спиц. Их еще не было видно воочию, но я уже представлял себе всю мощь этого стыка. Оглянувшись назад, чтобы взглянуть на место нашего старта, я смог заметить лишь голубоватый цвет исчезнувшего за металлической спицей хвоста приютившей нас ненадолго кометы. Ее небесный хвост немного напоминал о том что она все-таки где-то есть. Или была. Да и была ли она вообще? Возможно, все это происходило только в моей голове? Летающий и говорящий дракон, мудрая спутница–акула, которая так же прекрасно

чувствует себя в воздухе, как и в воде. Да и я сам, легко обходящийся без кислорода. Было ли все это реальным? Мысли атаковали мой мозг со всех сторон, лезли во все щели, поднимались горой неотвеченных вопросов, скапливались, как вода, отгороженная плотиной бетона, и я никак не мог прервать этот нескончаемый поток накопления. Я уже не успевал их воспринимать надлежащим образом, не успевал даже выразить словами.

– Это совсем не обязательно.

– Что? Что совсем необязательно? – на секунду, всего на одно мгновение, вулканическое извержение мыслей прервалось одной вполне реальной, состоявшей из слов фразой. Она отвлекла мои полушария на всего ничего, на какое-то неуловимое мгновение. Но в этом мгновении я был сосредоточен именно на том, что хотел сказать, и мой мозг с радостью подчинился, отодвинув все ненужное в данный момент в самый дальний угол. Вопросы, тревожившие меня все так же висели в моей голове, но уже в фоновом режиме, в режиме сопутствующей, но никак не основной задачи. На какое-то малюсенькое мгновение, необходимое моему мозгу для формулировки конкретного вопроса, я стал свободен от всего. Нет, даже не так. Не свободен от чего-то, а совсем наоборот – я стал именно этим чем-то, чем-то одним, чем-то тем, что было в моей голове. Я стал именно этим вопросом. Я стал своей мыслью. И смог это осознать лишь потому, что вопрос был всего один. Один малюсенький вопросик в

одно, такое же малюсенькое мгновение. Я смог его прочувствовать полностью, каким-то непостижимым образом я сумел отодвинуть и забыть все, что не являлось им, я сам превратился в этот вопрос. На всего лишь одно мгновение, которое необходимо было затратить на эту мысль. И именно в этом мгновении я и ощутил себя полноценно настоящим. Я был мыслью. Я ею и остался, но потом, уже произнеся эту незамысловатую фразу, мозг, вновь оставшись без работы, снова открыл кран беспорядочного мышления, хаотично меняя кирпичики мыслей в моем Сознании. Но в тот момент я понял что такое быть настоящим. Быть настоящим – это быть чем-то одним. Одним чувством или одной фразой. Одним вопросом или одним ответом. Быть чем-то неделимым и простым. Примитивным, если хотите. И пока еще я мог поймать отголоски этого чувства, пока я был полон послевкусия настоящести момента, пока это чувство еще полностью не покинуло меня, как голубоватый, и уже почти невидимый хвост нашей кометы, пока все это не произошло – я наслаждался, наслаждался этим чувством полностью, я наслаждался им все это целое и неделимое мгновение моего неожиданного озарения. Я наслаждался этим, казалось, вечность. Вечность, состоящую из одного большого, монолитного и нераздельного мгновения, вечность, ставшую моей собственной вечностью. Вечностью в одном мгновении. И все еще вдыхая неразвевявшийся аромат настоящести, смакуя эту настоящест, я повторил:

– Что? Что необязательно?

– Одевать мысли в слова. Мысль сама по себе, а слова сами по себе. Их совсем необязательно связывать воедино.

– Вы думаете?

– Я знаю.

– Что вы знаете?

– Я знаю что вы только что пережили прекрасное мгновение. Я знаю что вы только что смогли стать неотъемлемой частью самого Света. И я также знаю что это чувство вас уже не покинет. Назад пути нет.

– Вы знаете почему это произошло?

– Мутация. Просто маленькое совпадение, маленькая случайность, если хотите, – Агафья Тихоновна улыбалась, и хоть я и видел ее со спины, но чувствовал ее улыбку, что называется позвоночником, – маленькая дивергенция эволюции, но эволюции уже высшего порядка. Эволюции не тела, но ума. Эволюции, скрытой от глаз, но подвластной Знанию.

– Какой механизм действия этой мутации?

– Он прост, как и все в природе. Совершенно случайным образом ваше Сознание очистилось от всего ненужного. Возможно, чтобы в этот же момент завалить себя опять грудой камней, кто знает? Мы знаем только то что оно очистилось на мгновение и то, что это мгновение совпало с тем, что вы хотели выразить. Вы собирались произнести что-то и это что-то, в совокупности с чистотой Сознания и вашего восприятия стало для вас всем всем всем. По сути, вы соедини-

ли два разных мгновения – свое и Мира. Эта тотальность и приоткрыла для вас кулису сцены, и вместо темного угла за шторой, вы, совершенно вдруг, очутились на залитой ярким светом прожектора сцене.

– То есть моей заслуги тут нет? Получается что лично я не сделал ничего нужного? Все произошло случайно, беспричинно и беспорядочно?

– Миллионы людей проходят мимо кулис не замечая их. Вы заметили и остановились. Растянули мгновение до размеров вечности. Смогли увидеть Свет. Смогли прикоснуться к недоступному. Есть ли тут ваша заслуга? – Агафья Тихоновна немного помолчала, – я не знаю. Свет сам выбирает кому светить. Сам.

– Но...

– Какие могут быть но. Продолжайте мыслить. Вспомните это чувство, культивируйте в себе настоящесть, тем более что теперь вы немного знаете какая она.

– Но...

– Нет, нет, ничего не говорите. Лучше думайте. Подумайте, например, почему вы смогли дотронуться до Света. Что послужило спусковым крючком для этого? Возможно, это произошло потому что ваша мысль была естественна и проста, как сама Природа? Возможно, потому что вы потеряли обусловленность созданного человеком Мира? Конечно, возможно, что это просто совпадение. Я – не знаю. А вы – думайте, думайте. И учитесь думать без слов.

– Как это?

– Мысли – самая мощная Энергия. Слова, тоже сильны, но уже не так, как мысли. Действия грубы и примитивны, они замыкают список работающих Энергий. И облакая мысли в слова, вы заточаете самую мощную созидательную силу в Природе, в словесную тюрьму, ограничивая ее возможности. Не надо так.

– Но можно сделать и наоборот? И превратить слово в мысль?

– Конечно. Именно это и происходит, когда вы читаете книгу. Поэтому книги так важны. И поэтому, первое что мы сделали – это собрали ваши книги.

– Собрали их в бутылочки, как различные цвета?

– Собрали их как отдельные чувства, как разноцветные мысли, мелькавшие у вас в голове за чтением слов. Форма в данном случае не играет никакой роли. Только содержание.

– Но...

– Тсссссс. Думайте, думайте, дробите ваши мысли на составные части, почувствуйте их, каждую отдельно и всех вместе. Не упустите Свет, который только-только начал пробиваться в вашем Сознании. Не упустите его.

Агафья Тихоновна замолчала. Она сидела прямо передо мной на спине Артака, моего ручного говорящего дракона, сделанного из ручки японского автоматического зонта. Реальна ли она? Реально ли все происходящее? Что является

достаточным условием реальности? Тактильные ощущения? Чувства? Мысли? Есть ли нечто такое, при наличии которого, мы можем точно сказать – да, это реальность. И если это есть, то что это? Как отделить настоящую реальность от индивидуального восприятия? Как поступить, чтобы одним рывком сорвать выдуманные людьми и прицепленные к каждой вещи ярлыки и ценники, которые человеческий мозг навесил на окружающие нас предметы, отмеченные даже всего лишь одним мгновением нашего внимания? Существует ли все остальное, отдельное от уже оцененного, до которого наше внимание еще не дошло? Или вещь, а может и события, начинают существовать только в тот момент когда мы фиксируем на ней или на нем свое внимание? Когда мы крутим что-то в руках, приближаем к глазам, рассматриваем, оцениваем, подписываем, клеим ярлычок с названием и ценой и ставим на полку? Продолжает ли существовать эта вещь, в те моменты, когда мы не смотрим на нее? Не смотрим, а значит не фиксируем мысленно наличие вещи в Пространстве? И если все-таки все вокруг существует независимо от нашего наблюдения, такое ли оно, это все, каким оно видится нам?

Возможно и не совсем такое. Возможно, и совсем не такое. А возможно – его и вовсе нет.

Может быть, Артак видит в Агафье Тихоновне тигра или тюленя, а во мне вообще говорящий стул? Или даже не говорящий. Просто он знает что человек его глазами выглядит как стул, как обыкновенный стул, который бы увидел я



сам, если бы смотрел своими глазами. Возможно. Артак с детства называет всех человечьеглазых стульев людьми. Возможно, Артак видит сам себя и не драконом вовсе, а кем-то совершенно другим, что и описать-то невозможно, пока не взглянешь. Есть ли на планете Земля или вне ее, зрение, показывающее реальность, а не выдумку собственного мозга? Есть ли где-то зрение, отображающее истину? Есть ли в Мире нечто совершенное, воспринимающее сам Мир действительным и честным, есть ли нечто не ограниченное тремя измерениями нашего ума и тела, не ограниченное Временем и Пространством, не заключенное в эту надежнейшую из всех тюрем – тюрьму Сознания? Сознание – непостижимое, неиссякаемое, бескрайнее, но разорванное на части физикой нашего Мира, одна из которых, трехмерная его часть, эта трехмерная проекция безмерного Сознания, словно арестованная и засаженная за решетку такого же трехмерного тела, сможет ли мое, наше Сознание вырваться из этой тюрьмы измерений, и откинув любые существующие границы, соединить разорванные части воедино, в одно целое, вновь обрести цельность, честность и неизмеримость? Не этим ли занимаемся все мы, вся думающая часть человечества, как не пытаемся покинуть трехмерную тюрьму, в которой наш мозг пытается постичь то, что он постичь-то и не в состоянии? Не в состоянии, потому как сам трехмерен и мыслить может только длиной, высотой, шириной? Не подготовкой ли побега из этой тюрьмы и должен заниматься любой че-

ловек, получивший при рождении мозг, хоть и трехмерный, но с открытыми для модернизации возможностями? Не это ли и есть самый захватывающий аттракцион, на который даже нет необходимости покупать входной билет, и на котором может прокатиться каждый рожденный в этом ограниченном тремя измерениями Мире? Не для этого ли самого и придумано так называемое четвертое из измерений – Время, которое лишь обостряет наше пребывание в Игре, делая ее более острой и захватывающей? Делая ее конечной, в конце концов, как и любое развлечение. Не мы ли это толпимся у начала высокой водяной горки, переминаемся с ноги на ногу и боимся сделать первый шаг? Мы, люди, заменившие Знание слепой верой и подсознательно понимающие что спуск с горки окончится только внизу, и если первый шаг сделан, то назад пути нет. Не потому ли мы так боимся начать? Не мы ли копим трехмерные слитки из золота и платины, громоздкие, кажущиеся нам ценными вещи, квартиры, дома и машины, которые если и не помешают, то уж точно не помогут головокружительному спуску в безмерный океан? Не проще ли нам захватить с собой в дорогу лишь чувства, ощущения и приятные воспоминания? Не мы ли предпочитаем совсем отказаться от участия в Игре только ради этих же трехмерных «ценностей», не мы ли сами ставим их на первое, самое важное место, совершенно игнорируя свое действительное предназначение? Не мы ли это?

Не было в моей голове ответов на эти вопросы, не было.

Но были вопросы, а любой сформулированный вопрос – это уже половина дороги на пути к ответу. Любой вопрос начинает свою жизнь рядом с сомнением. Сомнение, по сути и есть главный виновник всего происходящего. Только сомневающийся человек способен к рождению Знания. Только сомневающийся человек начинает спрашивать и задавать вопросы, а не просто и легко, слепо верить. Душа вопроса формируется в чувствах, в ощущениях, варится в одном котле с сомнением и беспокойством, с боязнью чего-то нового и до сих пор неизученного, она, душа, пытается обрести свое тело, выстроенное из мыслей и слов, пытается стать осязаемой материей; и лишь когда сомнение и страх выветриваются, вывариваются, испаряются из огненного варева, лишь когда в котле остается один только вопрос, только что рожденный, новый, четко сформулированный и без боязни заявленный Миру, вот тогда и только тогда этот вопрос уже является частью ответа. Надо просто внимательнее присмотреться к нему и ответ сам вынырнет из внятно высказанных мыслей с вопросительным знаком на конце. Ответ всегда бродит где-то рядом с любой загадкой. Они рождаются вместе, и если вопрос, при рождении, становится старшим из братьев-близнецов, то ответ на него – младшим, пусть даже на несколько минут всего, но младшим, и обязательно – братом-близнецом. И как не бывает одного брата-близнеца, так не бывает и вопроса без ответа.

Агафья Тихоновна молча слушала поток моих мыслей, и

вдруг сказала:

– А может все не совсем так? Может все немного по-другому? Может правила Игры не такие? – она усмехнулась и продолжила:

– Как вам такой вариант? Представьте, например, что вы бессмертны. Просто представьте. И при этом вы обладаете всемогуществом. Можете создавать Миры. Наблюдать за ними. Управлять ими. Разрушать их. Это должно быть забавным, но рано или поздно вам это надоест. Изучать Природу окружающей вас действительности вам неинтересно – ведь в добавок ко всему вы ещё и всезнающи. Вы страдаете от скуки. Ваша вечность становится всё более пресной. Бессмертие, всемогущество и всезнание уже в тягость. И что же вы делаете? Вы создаёте новый Мир. Нет, целую Вселенную. Задаёте исходные условия, настраиваете параметры. И сами вступаете в Игру.

Ваш персонаж – случайный, по умолчанию имеет минимум знаний о той реальности, в которую помещён, и наделён минимумом физических умений. Память о вас настоящем стёрта абсолютно – это необходимо для полного погружения. Игровой процесс конечен – ну хотя бы здесь, хотя бы на время, вы можете прочувствовать прелесть смертности, неведения и беспомощности, ощутить всю полноту вкуса бытия.

Основная цель отсутствует, ведь достигнув её вы бы вышли из Игры. И поэтому весь смысл сводится к поиску отсутствующей цели.

Наконец-то вы почти счастливы. Наслаждаетесь отличной графикой, непредсказуемостью сюжета и процессом поиска смысла. И лишь мимолётная тоска по чему-то давно утраченному или забытому заставляет вас иногда задумчиво поднимать голову к небу... – Агафья Тихоновна с ловкостью капитана дальнего плавания обогнула еще одну спицу, повстречавшуюся на нашем пути и посмотрев на меня, спросила:

– Как вам такая Игра?...

Мы продолжали двигаться вперед, оставляя позади Землю, огромную, тускло освещенную зонтичными, в отсутствие своей звезды, солнцами. Она возвышалась серо-голубой громадиной, поражая наше воображение.

– Ваше.

– Что?

– Ваше воображение, – Агафья Тихоновна обернулась ко мне и улыбаясь, повторила:

– Поражая ваше воображение.

– Ну да, но я ведь просто думал... – Я никак не мог привыкнуть к тому что акула была в состоянии читать мои мысли как открытую книгу, и что совсем немаловажно, книгу на понятном ей языке.

– Именно, – она кивнула головой, – именно, вы просто думали. А вы попробуйте не думать, а просто наслаждаться, совсем не используя слова в своих мыслях. Наслаждаться

чувствами, которые не выразить словами, – она пришпорила дракона и он полетел еще быстрее, – наслаждаться, просто наслаждаться, это трудно только вначале, потом станет легче...

И я наслаждался. Наслаждался как мог. Мысли не оставляли меня, они посещали мою голову одна за одной, пролетая внутри – некоторые быстро, как реактивная ракета, некоторые – медленно, словно ехали на старой разбитой телеге, а некоторые и вовсе неуловимо проскакивали мимо меня. Мысли, использующие для передвижения телегу, то и дело задерживались, норовя остановиться на привал, а то и на ночлег, и только тогда я начинал, а точнее сказать – пытался контролировать этот процесс, не давая какой-то определенной мысли свить гнездо в моей голове. В конце концов все мысли, убедившись в моей решимости не думать и не проживать их, а проще говоря – не обращать на них внимания, наблюдая за ними как бы со стороны, все мысли, немного посидев на дороге, засобирались в путь. Они растворялись в моем Сознании, оставляя за собой лишь свободное место. Пустоту. Настоящую, звенящую Пустоту.

И только сейчас, ощутив эту Пустоту, в моей голове начал пробиваться тонкий, робкий и неуверенный, но очень важный лучик – лучик, поглощающий все на своем пути, лучик самого что ни на есть настоящего Света.

Свет осветил все что было вокруг – а была только Пустота.

Звонящая и звонкая, но все же – Пустота. Только сейчас я понял что Пустота – это тоже наполнение. Возможно, одно из самых важных наполнений во Вселенной.

Свет поглощал, но не разрушал. Скорее даже строил. И в этой сочной, звонящей Пустоте выстраивалась новая картина безмерной и беспредельной реальности.

Любовь громко прикрикнула на Свет, и тот, словно забывчивый слуга, сломя голову, кстати – мою голову, растворил своим бесцветным сиянием сначала четвертое измерение – Время, а потом и три оставшихся пространственных координаты.

После этого тонкий и робкий луч Света вынырнув из моей головы, прыгнул в рюкзак с цветными бутылочками, ярко окрасив все до одной. В этом ослепительном сиянии было не разобрать – красный там цвет или синий, все цвета смотрелись одинаково ярко, мощно и бестелесно.

Качество моего Знания изменилось. Произошел скачок. Фазовый переход. Я, как электрон, перестал крутиться на своей орбите, а просто проявился в совершенно новом для меня месте. Исчез в одном и проявился в другом. Мое тело приобрело характеристики субатомной частицы.

Сколько еще таких переходов мне предстоит пройти? Не знаю. Да и зачем знать. Каждый момент – бесценен и неповторим.

Мощный взрыв где-то позади нас потряс Пространство. Взрыв был настолько сильным, что безвоздушный космос, который нас окружал, и согласно своей структуре не должен было проводить звук, содрогнулся как-то сразу и целиком, и как мне показалось, даже немного просел.

Спицы зонта тоже немного поменяли свое положение, но общая конструкция купольно-зонтичной архитектуры выдержала, зонт покачнулся, но выстоял.

– Что это? – я беспомощно оглядывался назад, в сторону, с которой, как мне показалось, пришла взрывная волна.

– Время, – акула не обращала внимание на приключившееся, а высматривала что-то впереди, – так взрывается Время.

– Кристаллы?

– Да. Камни, зараженные временем взрываются намного сильнее чем просто камни, – Агафья Тихоновна обернулась чтобы посмотреть туда, где скрылась комета.

Голубоватое сияние ее хвоста еще можно было различить, но и оно было разбросано в окружающем нас Пространстве клочьями голубой краски, которые, предоставленные уже сами себе, собирались в небольшие образования поплотнее и понасыщеннее цветом. Видимая материя, разбросанная взрывом, стремилась друг к другу, словно пыталась вновь собраться воедино, в одно целое, и продолжить свой путь вместе. Даже бездумная материя понимала что в объединении –



сила. Бездумная ли?

– Гравитация, – акула махнула головой на облако концентрированной материи, – это все что осталось от кометы, – она удовлетворенно хмыкнула и было заметно что результат ее вполне устроил.

– Гравитация что? – мне было непонятно что имела в виду Агафья Тихоновна.

– Гравитация начала свой танец, – она продолжала смотреть на крошечные пылинки вещества, постепенно собирающиеся в куски побольше и притягивающие к себе такие же осколки, – они будут врезаться друг в друга, объединяться и формировать новые астероиды, кометы, а возможно, со Временем, этот голубоватый сгусток материи превратится в какую-то новую планету, на которой вполне может развиваться какая-то форма жизни.

– Почему голубой цвет?

– Вода, замороженная в тело кометы, при взрыве, который мы устроили, высвободилась и испарилась. Пар, который сумел и успел вырваться в Пространство, и через который проходит звездный свет, дает вам иллюзию голубого. Ничего сложного, – Агафья Тихоновна рассмеялась, – все в точности так же как и с хвостом кометы, только в большем масштабе.

– Понятно, – я заворуженно наблюдал за вращением материи, – может быть со Временем это будет населенная планета со своей собственной жизнью, и вполне вероятно что эта жизнь будет кардинально отличаться от земной, то есть

от любой известной человечеству жизни.

– Вам это действительно интересно?

– Что?

– Что будет с этими осколками через пару миллиардов лет?

– Конечно! – я с жаром воскликнул, – возможно мы с вами только что были на месте будущих цивилизаций, – возможно, мы были в самом начале сотворения Мира и даже не догадывались об этом.

– Более того, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой, – возможно, мы и создали этот Мир своим взрывом.

– Да, да, конечно, – я был настолько покорен красотой картины, распростертой прямо передо мной, что напрочь забыл про то чьих это рук дело.

– Так вот, нет ничего проще, – акула указала плавником на живое, голубоватое облако.

– Что вы имеете в виду?

– Нет ничего проще, – повторила Агафья Тихоновна, – узнать что было дальше.

– Что будет дальше, – я поправил акулу чисто механически, – не что было, а что будет дальше.

– Как вам будет угодно, – она усмехнулась уголками своей пасти, – хотя в данной ситуации мы одинаково можем употребить оба слова, но правильнее всего будет все-таки – что есть дальше.

– Да, с этим Временем вечная путаница.

– Путаница не с Временем, – акула покачала головой, – путаница с языком. Человечество придумало свой язык, как способ выражения действительности, будучи твердо уверенным в существовании Времени, и именно поэтому и возникают эти мелкие недопонимания. Но я вам постараюсь объяснить еще раз.

– Сделайте милость.

– Ваш мозг или ваш ум, что одно и то же, обладает очень узким полем зрения. Ум – это как будто вы прячетесь за дверью и смотрите через замочную скважину. Да, иногда вы можете увидеть летящую птицу, но лишь на долю секунды, затем она и всё остальное, увиденное вами, исчезает. Вы видите как кто-то проходит: прекрасная женщина, прекрасный мужчина или замечательное животное – собака, но мгновение прошло – и ничего нет. Секунду назад ничего ещё не было – секунду спустя ничего уже нет. Вот как ум создаёт Время. Время – это замочная скважина, куда вы смотрите...

– Да, я понимаю, – я слушал внимательно, стараясь не упустить ни одного слова.

– Вы видите летящую птицу, вы видите её лишь секунду. Прежде вы ее не видели – вы же не думаете, что её не было? Была, но для вас она была в будущем, потому что её не было напротив вашей замочной скважины. И вот её снова нет – вы думаете её больше нет? Она всё ещё есть, но для вас она в прошлом, – Агафья Тихоновна немного попридержала дракона и мы летели, снизив скорость и выиграв тем

самым немного Времени для нашего разговора, – возможности человеческого мозга ограничены, поэтому он создаёт разделение: прошлое, настоящее и будущее. Настоящее – то, что моментально появляется на экране, – Агафья Тихоновна беспомощно оглянулась, словно подыскивая нужное слово, – если хотите, на экране души, прошлое – то, чего на экране уже нет, будущее – то, чего ещё нет. Но позвольте вам сказать: всё есть и есть всегда. Ничто не уходит из существования, и Ничто не приходит в существование. Всё продолжает существовать, всё остаётся.

– Ничто? Опять Ничто?

– Конечно, – акула улыбнулась, – без него никуда. Только оно и существует на самом деле.

– А вот это все? – я развел руки в стороны, – все это, все что мы привыкли считать жизнью?

– Иллюзия.

– Ничто не уходит из существования и Ничто не приходит в существование, – я повторил понравившиеся мне слова, – получается – оно, Ничто, существует как бы отдельно?

– Отдельно? – Агафья Тихоновна заливисто рассмеялась, – отдельно, отдельно, – примирительно повторила она, – отдельно – верное слово. Только отдельно от чего?

– От всего вот этого, – я оглянулся вокруг показывая что я имел в виду.

– Ну если от этого – то точно отдельно.

– А вместе? С чем Ничто может существовать вместе?

Агафья Тихоновна молча постучала меня по лбу пальцем. Мне кажется я понял что она имела в виду.

Немного помолчав, я решил уточнить:

– Мои мысли?

– Да, единственное что существует реально. Информация.

– Значит в информационном поле будущее, как впрочем и настоящее и прошлое, тоже есть всегда?

– Какое будущее вы имеете в виду? – Агафья Тихоновна внимательно посмотрела на меня.

– Ээээ... Будущее этой кометы, например, – я кивнул на постепенно расширяющееся облако газа и пыли.

– Для того чтобы понять, вам надо просто отойти от замочной скважины и взглянуть на весь Мир, Мир вне Времени.

– Но как это сделать?

– Достаточно просто, – Агафья Тихоновна кивнула на дракона, – вам необходимо посмотреть на Мир драконьим зрением.

– Вы считаете что это действительно просто? Неужели чтобы взглянуть на реальный Мир реальными глазами мне обязательно надо стать драконом?

– А как вы хотели? – акула усмехнулась, – ну или научиться самому видеть причины и следствия, даже когда они искусственно разделены между собой миллиардами человеческих лет.

– А сейчас, прямо сейчас я могу глянуть? Ну хоть одним глазком.

– Ну так как умение видеть самому придет много позже, хотя оно, это умение, конечно, уже где-то и существует – у вас один вариант, – Агафья Тихоновна глазами указала на Артака, – попросить нашего спутника одолжить вам свое зрение.

– А это возможно?

– Нет ничего проще, – она шепнула что-то Артаку на ухо и тот закивал головой, – перебирайтесь на мое место и положите свою голову на голову дракона так, чтобы ваши глаза были точно над его глазами.

Агафья Тихоновна немного подвинулась вбок, освобождая мне дорогу на шею Артака и я тут же перескочил вперед, продолжая крепко держаться за шкуру дракона. Обхватив его за шею, я положил свою голову на драконью, и зажмурил на секунду глаза в предвкушении.

– Открывайте уже, открывайте, – услышал я словно издалека. Даже не услышал, а скорее прочувствовал кожей, ибо оказался в полнейшей тишине. Мои уши перестали различать человеческую речь, они воспринимали только вибрации звуковых волн, а уже эти вибрации мозг впоследствии расшифровывает как слова и складывает из слов предложения. Сейчас же я слышал только дребезжания разных частот. Странно, однако недопонимания не возникало – дребезжания очень ясно доносили до меня смысл происходяще-

го. Смысл и то, что я раньше считал смыслом.

Я медленно открыл глаза и чуть не выпустил от удивления шею Артака.

Все вокруг было ослепительным. Именно ослепительным. Ярким, густым, интенсивным, слепящим, насыщенным, сочным. Пространство окружающее меня было похоже на ярчайший кисель чего-то непонятного и никогда не виденного ранее. Любое движение прекратилось, всё замерло в одном, в едином, цельном мгновении. Всё было рядом, всё было около, всё было прямо здесь, стоило лишь протянуть руку.

Я и попытался это сделать, когда обнаружил что у меня нет руки. Визуально моя рука более не существовала. Точнее я продолжал ее чувствовать как обычно. Чувствовать, но не видеть. Кроме руки пропало и все остальное. Не было ни дракона, ни Агафьи Тихоновны, не было ничего вокруг, кроме этого непонятного и ослепляющего киселя какой-то материи. Материи, еще не известной человечеству.

– Ну как? – голос Агафьи Тихоновны вывел меня из ступора.

– Я... Я не знаю.

– Трудно разобраться? – я чувствовал улыбку в исходящих от нее волнах, но не мог понять как это удастся. Ей – улыбаться через проходящие сквозь меня волны, мне – чувствовать ее состояние.

– Трудно. Непонятно, – только сейчас я заметил что говорил совершенно не используя свой речевой аппарат, а мысли

и слова напрямую попадали из моей головы в акулю. Да и существовали ли наши головы – тоже вопрос.

– Понятно что непонятно, – своими словами она распространяла приятные колебания, которые немного щекотали мое тело. Точнее щекотали то, что я привык считать своим телом, ибо сейчас я его не наблюдал в принципе.

– И что делать?

– Наблюдать.

– И все?

– И все.

– Так просто?

– Все в Мире просто. Но надо уметь это видеть.

И я наблюдал. Наблюдал за абсолютно неподвижной массой какой-то материи, какого-то вещества, разбросанного куда хватало глаз. Это было нечто, из чего состояло все вокруг. И я в том числе. И Агафья Тихоновна. И Артак. И зонтичный мир, созданный нашими руками. И Вселенная, существовавшая всегда и везде. Все было создано из этого первозданного киселя непонятной мне субстанции.

– Первозданного? – акула хмыкнула, и как я понял, вдеть-то я ее не мог, отвернулась.

– Я употребил неверное слово?

– Смотря что вы в него вкладывали, – слова сами появлялись в моей голове, и я не мог различить, говорила ли это Агафья Тихоновна или Артак, или это был голос самой,



окружающей нас материи.

– Материи? – буквы в уме вновь сложились в слово, и оно словно прочитало само себя, – никакой материи не существует.

– А что же вокруг? – мне достаточно было лишь подумать ответ, как он тут же, сам собой, каким-то образом оформлялся в понятный для моего собеседника вид (я не уверен что это были буквы) и отправлялся адресату.

– Энергия. Везде одна Энергия. То, что вы привыкли называть материей – лишь плотно сжатая, сконцентрированная и быстро вращающаяся энергия, – слова формировались внутри моей головы, и я их читал, как открытую книгу. Спустя мгновение, я догадался, что моя голова не ограничивалась привычными мне физическими контурами моего тела. Моя голова, мой мозг, простирались одновременно и сразу в любую точку Пространства. Впрочем можно было сказать что все существующее Пространство было в моей голове – суть от этого не менялась.

– Что такое Пространство? – жирный вопросительный знак выплыл из ниоткуда и ярким пятном завершил предложение.

– Пространство – это... – я замолчал на секунду, пытаюсь определить что же такое Пространство, и не смог этого сделать, – Пространство – это то, что простирается вдаль и вширь, а также вглубь, вверх и вниз. Это то самое место, где мы все можем двигаться, дышать и думать.

– Не понимаю.

– Ну как же вам объяснить, – я пытался найти понятную интерпретацию Пространства и Времени для непонятного, – Пространство – это форма существования материи, имеющая протяженность и объем.

– Форма материи? Значит Пространство – это тоже Энергия, – слова разлетелись в разные стороны и появились вдали, примерно там, где ранее скрылась комета, – ведь только Энергия может существовать везде и сразу, – странно, но я точно ощущал это новое послание внутри моей головы, хоть и было оно достаточно далеко. И опять понимание того что моя голова стала размером с весь Мир пришло внезапно. Вдруг. Понимание высшего Мира. Высшего ли? Нет, скорее реального.

– Внутри головы? – слова всплыли из ниоткуда и отличались от общей массы яркого и светящегося киселя лишь большей насыщенностью, они были еще ярче, и казалось, плотнее окружающей их субстанции.

– Да, внутри головы, внутри моей головы, – я быстро отвечал первое что могло прийти мне в голову, ибо скрыть свои мысли, а значит и подумать перед тем как ответить, не представлялось возможным. Как и соврать. Все что приходило мне на ум, сразу проявлялось в общей массе и было доступно любому желающему. Нет, не так. Любому присутствующему.

– Внутри или снаружи, не все ли равно, – предложения были четкими и понятными.

Вдруг, непонятно почему, белесый кисель начал меркнуть и перед глазами потихоньку вырисовывалась привычная картина – я, верхом на Артаке, а за мной Агафья Тихоновна, которая из-за всех сил тянула меня к себе, пытаясь оторвать мою голову от драконьей. И судя по тому что ко мне возвращалось мое привычное зрение – ей это удавалось.

– Что это было? – немного прочистив горло, я в изумлении смотрел на Агафью Тихоновну, которая ощупывала мое тело, всматривалась в мои зрачки, и делала другие манипуляции, желая удостовериться что со мной все в порядке.

– Что это было? – тихо повторил я, подождав пока она убедится в моем полном здравии.

– Мир, – Агафья Тихоновна негромко рассмеялась, – Мир. Мир без купюр, такой какой он есть.

– Точнее такой, какого нет, – я вспоминал произошедшее и даже зажмурил глаза, пытаясь схватить покидающее меня ощущение реального Мира за хвост.

– Нет, именно такой какой есть, – акула продолжала смеяться, – все что вы видите сейчас – это рисунки вашего мозга, не более. Все что вы видите сейчас – его, – она кивнула на мою черепную коробку, – и только его создание. Или соиздание, это уж как вам будет угодно.

– Но получается...

– Получается. – Агафья Тихоновна как всегда знала что я хочу сказать, – получается что рисунки у каждого могут быть свои и совсем не обязательно что мы видим точно такую же

живопись как и другие. Каждый сам себе художник.

– Но...

– Никаких но... И еще получается что все человеческие споры бессмысленны, ибо спор всегда идет о разных вещах.

– Подождите, но...

– Получается также что абсолютно все люди на Земле совершенно правы и причем всегда, и исключений у этого правила нет и не может быть. А раз так выходит, то ошибок просто не существует.

– Но почему Мир говорил со мной на понятном мне языке? Я словно раскрытую книгу читал.

– Это не Мир. Это ваш мозг цеплялся за остатки полученного знания и пытался предоставить вам информацию в понятном для вас виде.

– Значит это была еще не до конца объективная реальность?

– Да, немного субъективизма вы в нее привнесли, – Агафья Тихоновна тихонько засмеялась, немного помолчала и добавила:

– Но, тем не менее, это уже большой шаг вперед.

– Вперед? Вы сказали вперед? Как можно двигаться вперед, если ни Времени, ни Пространства не существует? Вперед – это как? Это куда? Ведь все что есть вокруг – я. И там, и там, – сквозь выступившие из глаз слезы, я осматривал окружающее меня Пространство в надежде найти место где меня не было бы.

– Вперед – это только в развитии. В познании. В понимании. Вот вам единственная важная координата, – Агафья Тихоновна опять немного помолчала, – вперед в эволюции, если хотите. Вперед, одним словом.

– Да уж, – я немного успокоился, но продолжал смотреть вдаль, не поворачиваясь к акуле.

– Свет не светит когда светло, – Агафья Тихоновна потрепала меня по голове, – Свет светит только в темноте.

– И это значит...

– Это значит что надо двигаться туда, где светлее, – акула повернулась ко мне, – и если светлее у вас внутри – то путь следует держать туда, а если снаружи – в другом направлении. И все это будет вперед. Куда бы вы ни отправились – отправляйтесь смело и без задержки.

– Так просто...

Артак мощно взмахнул крыльями и набрал прежнюю скорость. Как он ориентировался в том ослепительном Пространстве, которое видел, для меня осталось загадкой, но факт остается фактом – с каждым махом драконьего крыла мы приближались к звездам, к ярким зонтичным солнцам, пусть и искусственно созданного, но нашего личного общего Мира.

– Проще простого, – Агафья Тихоновна улыбалась, – надо просто двигаться туда где светлее. Свет и будет вашей дорогой, – она сделала паузу и закончила, – Свет не умеет лгать.

Мы обогнули спицу зонта и вплотную приблизились к стальному механизму, поддерживающему купол, к месту, где спицы соединялись с железной ручкой.

– Еще одна звезда погибла, погибла и выбросила в Пространство все, что она смогла выработать за время своего существования. В том числе и железо, из которого сделана эта ручка, – Агафья Тихоновна показала головой на спицы зонта, – все-таки Жизнь – это движение, – она что-то шепнула Артаку и тот, выполнив крутой вираж, приземлился на стальную площадку.

Место, где мы оказались, было равниной, достаточно длинной для того чтобы не видеть ее конца, и шириной с пару футбольных полей. Под ногами была сталь. Итак, мы приземлились на спице зонта, просто из-за ее гигантского размера не смогли понять этого сразу.

– Какая звезда? – я смотрел на Агафью Тихоновну с любопытством, и скорее, с каким-то ожиданием, с надеждой на то, что далее произойдет что-то интересное.

– Любая.

– Вы сейчас о чем говорите?

– О железе, – акула ударила хвостом по стальной поверхности так, что мне послышался низкий, еле заметный гул.

– И что это значит?

– А то, что железо – это последний элемент, на котором кончается жизнь любой звезды. Правда не совсем любой, а только такой, чей размер многократно превышает наше земное Солнце.

– Почему же?

– Потому что такова физика данного Мира, – акула повторила свои, когда-то уже сказанные слова и подмигнула мне, – таковы законы Природы.

– А звезды, размером с Солнце?

– Они умирают гораздо раньше, – Агафья Тихоновна улыбалась, – их Жизнь заканчивается на элементе гелий, так как силы их гравитации хватает лишь на то, чтобы превратить водород в гелий, соединив два атома водорода, но не более того.

Артак тем временем, освободившись от нас на своей спине, взмахнув крыльями, оторвался от поверхности и взмыл почти вертикально вверх.

– Что с ним?

– Ничего особенного. Просто он голоден и ему нужен Свет. Он обогнет металлическую спицу с другой, солнечной стороны, и останется там на какое-то время, пока не насытится. Потом он вернется, не беспокойтесь.

– Он найдет нас?

– Если Артак не сможет нас найти, вы сойдете с ума, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – но думаю нам это пока не грозит.

– Сойду с ума?

– Конечно.

– Но почему?

– Потому что в этом случае не Артак, а ваши мысли не найдут дороги.

– Действительно..

– Но не забывайте что здесь он дома, Артак является частью этого, пусть и ставшего огромным, но все таки зонта, – Агафья Тихоновна окинула взглядом все окружающее нас Пространство, – и он не заблудится.

Дракон удалялся с огромной скоростью и вскоре скрылся из вида.

– Можем ли мы ему чем-то помочь?

– Вы уже помогли. Подумать только, все время, пока он был зонтом, то есть пока он намертво был прикреплен к ручке, Артак только и делал что прятался от солнца, дождя и ветра. Прятался от всего того, что ему было жизненно необходимо.

– Подумать только, – я грустно и немного растерянно повторил слова акулы и еще раз взглянул туда, где исчез дракон.

– Не переживайте, не надо, – акула взглянула вверх, там где сияли огромные красные горошины, выполнявшие роль солнц в зонтичном мире, – Артак появится именно тогда когда это будет необходимо.

– Хорошо, – я поверил и успокоился, – хорошо. Так что



там с железом?

– С железом все в порядке, – Агафья Тихоновна подмигнула мне пуговичным глазом, – железо – последний элемент, который может произвести звезда. После этого она умирает.

– Железо убивает звезды?

– Да, железо для звезды – это конец. Звезда не в состоянии объединить атомы железа в новый, более тяжелый элемент, и после появления железа реакции синтеза угасают и звезда погибает.

– Как это происходит?

– Звезды формируются из газа и космической пыли, и основной элемент, который содержит любая новорожденная звезда – водород, – Агафья Тихоновна терла плавником железную поверхность, – странно не правда ли, что и невесомый водород и эта стальная пластина, служащая нам полом, состоят из одних и тех же компонентов.

– Из элементарных частиц?

– Можно, наверное, сказать и так. Когда звезда, набрав в свое тело достаточно топлива, то есть водорода, превращается в гигантский газовый шар с сильнейшей гравитацией, так как он, этот шар, обладает колоссальной массой, – акула посмотрела вокруг, словно искала пример и продолжила, – и весь этот газ притягивается к центру сформировавшейся звезды с невероятной силой. Температура ближе к центру вырастает до десятков миллионов градусов из-за трения между атомами водорода и сжатия Пространства между

этими самыми атомами. Давление достигает такой силы, что ядра атомов сливаются, выделяя фотон – частичку света, а сам атом приобретает новые свойства – он становится гелием.

– И так происходит пока не закончится водород?

– Да, процесс не прерывается ни на секунду, и вновь образовавшийся гелий таким же образом превращается в литий, углерод, азот, кислород и так далее вплоть до железа.

– Но почему железо – последний? Ведь есть и другие элементы, потяжелее железа?

– Силы давления, силы гравитации даже большой, много большей чем Солнце звезды, не хватает для того чтобы слить ядра двух атомов железа, и когда в ее центре началось образование последнего – это начало конца. Оставшиеся элементы в звезде постепенно выгорят и звезда погибнет.

– А все остальное? Откуда взялось все остальное? Кобальт и никель, медь, цинк, золото, серебро и платина? И многое другое?

– С этим еще интересней, – Агафья Тихоновна смотрела куда-то вдаль, за небосвод, – когда давление в звездном ядре достигает еще больших значений, ядра вновь образовавшегося железа сдавливаются, но образовать следующий, более тяжелый элемент звезда уже не в состоянии. Ну не хватает ей для этого Энергии и массы. А ядерный синтез, благодаря которому сливаются атомы более мелких элементов потихоньку спадает на нет, ибо водород, как топливо, не бесконечен,

и вот тогда равновесие сил гравитации, сдавливающих звезду в одну точку и сил синтеза элементов, распирающих ее, нарушается...

– Какое равновесие?

– Гравитация звезды пытается затянуть все имеющиеся атомы в центр, а ядерный синтез, выделяющий фотоны и Энергию пытается разорвать звезду на части. И когда сила ядерного синтеза ослабевает, она уже не может уравновесить силу гравитации и звезду настигает коллапс. Все что в ней есть коллапсирует в ее центральную часть под воздействием силы гравитации. Плотность, а значит и температура достигает критических значений и звезда просто-напросто взрывается. Взрывается с такой силой, что вся ее масса, вся материя, из которой она состоит, разлетается на многие миллионы километров, становясь строительным материалом для астероидов, комет, новых планет и солнц, да чего угодно, – Агафья Тихоновна провела плавником вокруг, – все что вы видите состоит из погибшей звезды, и мы с вами в том числе, – она засмеялась и видя мое искреннее изумление, добавила:

– Да, да, ваше тело тоже когда-то было чьим-то Солнцем.

– Ничего себе поворот... А как же все остальные элементы? Откуда они берутся?

– Вот в этот момент взрыва, в эти доли секунды, когда давление и температура достигают таких значений, что сама звезда не выдерживает и разлетается на части, в эти самые

моменты и образовывается все остальное – и серебро, и золото, и платина. И именно поэтому эти элементы так ценятся, – акула многозначительно приподняла плавник, – потому что их крайне мало...

– Ведь для того чтобы образоваться у них есть доли секунды... – я подхватил мысль Агафьи Тихоновны.

– Да. Образоваться и разлететься в разные стороны, формируя планеты и все остальное что нас окружает.

– И такова судьба любой звезды?

– Нет, конечно, нет, – Агафья Тихоновна говорила со мной отстраненно, словно ждала чего-то, – звезды размером с земное Солнце могут образовать только гелий, на большее силы их гравитации попросту не хватает. И по мере выгорания водорода, они сначала превращаются в красных гигантов, а потом в белых карликов, и светят еще миллиарды лет, звезды побольше – взрываются и становятся суперновыми, то есть происходит именно то, о чем мы говорили только что, а гигантские звезды превращаются в гиперновые, но об этом мы поговорим позже, когда пересечем горизонт событий. Если, конечно, пересечем.

– Гиперновые превращаются в черные дыры? – я немного опешил, – и именно туда мы отправляемся? Но мы же погибнем.

– Конечно, погибнем, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой, – все когда-нибудь погибнет, даже звезды, и мы с вами не исключение.

– Но...

– Но это произойдет не сейчас, – акула улыбалась, – черные дыры не убивают, точнее, наши черные дыры не убивают.

– Наши?

– Наши, потому что мы создали их сами. И в этом мире Никто и Ничто не запретят вам установить свои собственные правила. Вы хозяин этого Мира. Вы его творец.

– Правила зонтичной вселенной?

– Да, правила или даже законы.

– Но именно нашей Вселенной, созданной из японского автоматического зонта?

– Да, конечно. Они, конечно, вряд ли будут отличаться от законов мироздания в другой, в настоящей по-вашему, Вселенной.

– Почему?

– Потому что все что мы создали, все что мы создаем и все что мы создадим – все это в точности скопировано с того что уже было, то есть с Природы.

– «Всякое искусство есть подражание Природе».

– Вы помните Сенеку? – Агафья Тихоновна от удивления распахнула глаза.

– Это именно та фраза, которая помогла мне проглотить собственное невежество в самом начале нашего знакомства.

– Тогда понимаю, – она улыбнулась каким-то своим мыслям, – тогда вы тем более должны понять что человек не в

состоянии создать что-то новое, то чего не было бы в окружающем нас Мире. Переместить атомы и молекулы и поставить их в другом порядке, конечно, можно, но это максимум на что способен человек. Максимум, – Агафья Тихоновна подчеркнула это слово.

– И все же...

– Попробуйте лучше привести пример, – акула взяла мой рюкзак и высыпала бутылочки с красками прямо на металл, – вот все ваши Знания, все-все-все. Как видите, я вас ни в чем не ограничиваю. Используйте все что доступно человечеству, но приведите пример и поставим на этом точку.

– Пример чего?

– Пример того что человек смог создать, отличное от Природы.

Я сгреб все яркие и красочные бутылочки в одну кучу, отложив только две блеклых, грязно-серых посудыны со Временем. Время было относительно спокойно и лишь немного откликнулось на перемещение слабым бурлением. Пузыри, время от времени появляющиеся на его поверхности, напоминали какую-то химическую реакцию, неизвестную пока человечеству. На всякий случай отложив две бутылочки с вечностью и мгновениями в сторону, я занялся большой разноцветной кучей.

Краски моих знаний были ровны и спокойны, одной густоты и тягучести, равномерно окрашены в правильные цвета, но с ними тоже что-то происходило. Синий цвет, который

я первым взял в руку, если немного повернуть бутылочку и посмотреть под другим углом, переливался зеленым, иногда даже оранжевым, отливал серебром металла и краснотой сотни солнц над нашими головами. Цвет менялся сам собой, без остановки и уже было непонятно, какой цвет первичен, что было в посудине с самого начала. Тоже самое происходило с другими цветами.

– Качество Знания меняется, – Агафья Тихоновна, казалось, видела тоже самое что и я.

– Почему?

– Мы приближаемся к переломной точке нашего путешествия, к точке где меняется все, даже физика.

– Что же это за точка такая?

– Сингулярность.

– Подождите, но сингулярность... Мы что действительно попадем в черную дыру?

– Конечно. Было бы глупо ограничиться только одной возможной природой существования, если существует не одна, а множество... Но мы отвлеклись, – Агафья Тихоновна с иронической усмешкой наблюдала за моими действиями с бутылочками краски, – мы отвлеклись, а вы хотели привести мне пример. Пример того, что человек способен творить. Пример того, что человечество не просто копирует Природу, но и создает нечто новое, доселе неизвестное.

– Да, да, – я был в небольшом замешательстве, но постарался сосредоточиться, и улыбнулся, – конечно, я попыта-

юсь.

Приблизив первую попавшуюся бутылку к глазам я всмотрелся в глубину цвета пытаюсь вытянуть из нее всю находящуюся там информацию.

– Смелее, смелее, – Агафья Тихоновна как будто подталкивала меня к чему-то.

Поняв ее по своему, я, открыв бутылку, вылил ее содержимое прямо на металлическую поверхность спицы зонта, на которой мы сидели. Краска потекла густо, равномерно. Она совершенно не просвечивалась, и давала насыщенный цвет. Вот только сам цвет с трудом поддавался определению – его нельзя было назвать никаким из известных мне цветов. Голубовато-серый переходил в глубокий синий, и в этой самой глубине, когда луч солнца касался поверхности краски немного под другим углом, так вот, в этой самой глубине, цвет резко менялся на красновато-синий, потом переходил в коричнево-желтый, в просто коричневый, сочного шоколадного оттенка, продолжал еще темнеть, становился почти черным. Но и это не было концом – даже черный цвет начал переливаться доходя до слепящего серебристого. В дополнение ко всему, все это буйство красок перемежалось зеленым и розовым. Словно капля бензина попала на поверхность воды, растеклась и искрилась в солнечном свете.

Понемногу краска растекалась по поверхности, слой ее становился тоньше, но насыщенность цвета от этого не страдала, увеличивалась лишь залитая ею площадь. По мере того



как краска истончалась, она начала испаряться, выпуская на свою поверхность пузырьки какого-то газа. Она испарялась без следа, не оставляя на поверхности зонтичной спицы ничего, напоминающего о своем недавнем присутствии. Я макнул свой палец в остатки цвета и поднес к глазам чтобы рассмотреть поближе процесс испарения краски. Процесс испарения Знаний. Однако, к моему удивлению, на моем пальце краска вела себя совсем по другому, она, видимо почувствовала под собой живую плоть, и с небольшим жжением входила в мой палец, где тут же, подхваченная кровотоком, разносилась по всему телу волнами какой-то необъяснимой Энергии.

Вполне возможно что это и была Энергии Знания.

– Как вы себя чувствуете? – Агафья Тихоновна сидела рядом и внимательно наблюдала за мной.

– Прекрасно. Но я не знаю что делать и пробую разные, возможно, глупые вещи.

– В мире нет глупых вещей, – она улыбнулась, – ведь что бы вы ни сделали, вы сделали, основываясь на каких-то умозаключениях и выводах или на своем опыте. А это значит что любое решение было достаточно обосновано для того чтобы воплотить его в жизнь. Это также подтверждает то, что ошибок не существует вообще, так сказать, в принципе. просто не существует и все.

– Да, да, верно, – я все еще ощущал потоки непонятных мне пока что чувств.

– Итак? Придумали что-то?

– Автомобиль или самолет, ракета в конце концов, – я нерешительно взглянул на Агафью Тихоновну, ожидая реакции.

– Автомобиль... – задумчиво повторила она, – автомобиль с фарами-глазами, двигателем-сердцем, трубами-сосудами и компьютером-мозгом? Можно, конечно поспорить, но я с легкостью продолжу этот список и докажу вам что любой автомобиль создан не то что по природному подобию, это было бы сложнее, но по подобию самого человека, что гораздо проще. Ну, например, различные фильтры в машине по своему назначению скопированы с человеческих почек и печени, а колеса разве не идентичны по назначению с конечностями? И их даже четыре штуки, – Агафья Тихоновна засмеялась, – тут полное соответствие.

– А ракеты?

– Ракеты отличаются от автомобилей незначительно. И сама реактивная тяга очень широко распространена в живой природе. Медузы, например, всюю используют реактивное движение. А растение под названием бешеный огурец, произрастающее в южных странах, и на берегу Черного моря тоже, использует реактивную тягу при размножении. Так, при созревании семян, окружающая их ткань превращается в слизистую массу. При этом, в плоде образуется большое давление, в результате чего плод отделяется от плодоножки, а семена, вместе со слизью с силой выбрасываются нару-

жу через образовавшееся отверстие. Сами огурцы при этом отлетают в противоположную сторону, иногда более чем на двенадцать метров. Так что реактивную тягу в природе можно встретить повсеместно. И человек лишь копирует идею. Не более.

– Но получается что человек не в состоянии создать ничего нового? То есть он не может творить?

– Достаточно трудно творить, используя инструменты, а именно – человеческий мозг, данный тебе Природой и построенный по ее законам, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – трехмерным законам, вы понимаете меня?

– Да, – только и смог вымолвить я, глубоко задумавшись. Немного погодя, я повернулся к Агафье Тихоновне и спросил, – а куда делась краска? Испарилась? Впиталась? Ведь она – это мое Знание. Мой опыт, мой разум. Неужели это все пропало?

– Нет, что вы. Ничего никуда и никогда не пропадает. Как и ничего ниоткуда не берется. Все существует постоянно и везде. И ваши Знания, мысли, опыт, ваш Разум, который их произвел или принял, не сделал это самостоятельно. Подключившись к чему-то общему, к чему-то знающему, Разум попросту скачал информацию на ваш жесткий диск, то бишь в ваш мозг, в ваши нейроны и их сплетения. Точно также и все ваши Знания, весь ваш опыт не пропадут со смертью физического тела, а останутся невидимо витать где-то рядом. Бери кто хочешь. Подключайся. Качай. Используй.

– Но как это сделать? Подключиться к общему?

– У каждого свой путь. Но есть одно главное правило.

– Какое?

Агафья Тихоновна посмотрела на меня, как мне показалось, с сомнением, и промолчала. Она сохраняла молчание достаточно долго, а я не решался его нарушить.

– Вы все узнаете в свое Время, – вдруг произнесла она, – в свое Время, – она повторила и взяла в плавники бутылочки со временем, – но вы должны это узнать сами, понимаете? Сами. Тогда это будет действительно ценно. Это единственная дорога.

– Но почему? Мы могли бы сэкономить кучу Времени!

– Однажды, – Агафья Тихоновна говорила тихо и размеренно, будто рассказывая притчу, – однажды один человек заметил как бабочка пытается вылезти из кокона через узкую щель. Он наблюдал достаточно долго за ее безуспешными попытками, и наконец решился ей помочь. Аккуратно, чтобы не повредить насекомое, острым ножом он поддел кокон, расширив отверстие, и помог ей выбраться наружу. Однако, этот человек не знал, что будущая бабочка, продираясь сквозь тугий кокон, очищает свои крылья от слизи и мусора, и выбравшись, обретает способность расправить крылья и улететь. Расширив отверстие, человек, сам не хотя, оказал ей медвежью услугу, и ее крылья не смогли расправиться более никогда. Конечно же, она погибла.

– Но человек мог помочь ей очистить крылья и научить

летать.

– Человек так и сделал. Он пытался очистить крылья толщиной с паутину и закончилось все тем что он их повредил окончательно.

– Каким образом? Он был не аккуратен?

– Он был предельно аккуратен. Но не смог отличить структуру крыла от структуры строительного материала, его окружавшего.

– И...

– И бабочка погибла.

– И это значит...

– Это значит что только вы сам, используя свои внутренние чувства, сможете найти необходимое крыло в куче отработанного материала. Используйте вашу боль как маяк, светящий вам же, Любовь – как награду и Энергию, и вы неотвратно придете к цели, сколько бы вам не пришлось идти.

– Я понимаю.

Агафья Тихоновна положила посудины со временем на металлический пол и посмотрела вдаль, туда, куда улетел Артак. Казалось, она ждала его возвращения. Ждал и я, окруженный сорока девятью разноцветными бутылочками и одной пустой, потихоньку наполняющейся сказанными словами. Словами и заключенным в них смыслом.

– Смыслом? – акула усмехнулась, – а что такое смысл?

– Информация.

– Ну что ж, вполне может быть...

– А помните, – после довольно продолжительного молчания я обратился к Агафье Тихоновне, – вы говорили что все элементы тяжелее железа образуются только при взрыве суперновой?

– Конечно, помню, – она повернулась ко мне.

– И какой элемент будет последним? Самым тяжелым? Каким элементом все закончится?

– Свинцом. Все закончится свинцом.

– Значит черные дыры из свинца?

Агафья Тихоновна посмотрела на меня сначала изумленно, но потом в ее взгляд добавилось немного грусти.

– Черные дыры, как и все остальное, из наших мыслей...

16

Артак с шумом приземлился в пяти метрах от нас. Он был какой-то светящийся, взбудораженный. Полет явно пошел ему на пользу и дракон искрился Энергией. Протянув крыло, как мостик, по которому мы смогли зайти на его спину, он подождал пока мы поднимемся и мощно оттолкнувшись от стальной поверхности, полетел вертикально вверх, прямо к нарисованным, но от этого не менее горячим, звездам.

Устроившись поудобнее на спине дракона я, предварительно убрав в рюкзак использованную бутылочку из-под краски, лямками надежно закрепил его на спине, привязав

свою ношу крепко-накрепко к телу. Продвинувшись немного вперед, я прижался к Артаку и так же крепко обхватив его за шею. Неправду говорят что все рептилии скользкие и холодные. Кожа Артака была теплая и шелковистая, немного шершавая, с крупными чешуйками, защищавшими его от возможных врагов. Тепло драконьего тела успокаивало меня и, можно даже сказать, подпитывало. Я оглянулся назад – Агафья Тихоновна так и сидела между крыльями, она была неподвижна, смотрела вдаль и молчала.

Звезды-горошины, нарисованные на куполе зонта, светили все ярче, и казалось, приближались к нам с огромной скоростью, однако реальное расстояние до них не поддавалось определению. Насколько я понимал, мы летели вдоль кажущейся нам бесконечной металлической ручки зонта, иногда огибая ее вокруг, поддаваясь в полете гравитации металла, и с помощью этого нехитрого маневра, используя притяжение железа, увеличивали уже и так немалую скорость. Эта ручка, как ориентир, как дорожный указатель, неминуемо должен был привести нас в самый центр купола, в место, где сходятся все спицы, в место, вокруг которого вращаются все, пусть и нарисованные, но реальные солнца. Рисунок ведь тоже часть реальности, не так ли? Если на мгновение представить, что кто-то огромный подойдет к оставленному около озера на Земле зонтику и провернет его вверх тормашками на манер юлы, а купол зонта начнет вращаться, и соответственно все что есть на куполе будет вращаться вместе с ним,

таким образом создавая иллюзию центра зонтичной галактики, то по аналогии с любой из известных человечеству галактик – в центре вращения, в центре масс и будет находиться сверхмассивная черная дыра.

Что же это может быть за место такое, центр масс нашей Вселенной? Из школьного курса физики я знал что чем массивнее объект тем большей гравитацией, большим притяжением он обладает, и что самые массивные объекты во Вселенной – это черные дыры – места, поглощающие все что их окружает, места, вокруг которых вращаются целые галактики. Так что же это за место такое, в самом центре купола, как не самая настоящая черная дыра? Объект, обладающий колоссальной массой и гравитацией, объект, играющий исключительно важную роль в создании Вселенной, объект, на котором сходятся все точки и линии. Объект, гравитация которого так сильна, что даже луч Света, приблизившийся к нему достаточно близко, изменяет свое направление и втягивается внутрь последнего, не имея возможности более вырваться на свободу. Что происходит там? Что происходит внутри этого непонятного нам объекта, вбирающего в себя сотни миллионов тонн различного, вращающегося вокруг него на немыслимых скоростях вещества? Что происходит когда материя попадает под колоссальное давление черной дыры, давление, многократно превышающее давление в центре любой, даже самой огромной звезды? Науке это еще неизвестно, но когда-нибудь человечество обязательно докопается до



истины, когда-нибудь мы обязательно узнаем правду.

И судя по направлению нашего движения, мы с Агафьей Тихоновной узнаем это первыми из живущих на Земле особей, ведь никто еще не подходил так близко, пусть и к выдуманной и искусственно созданной, но самой что ни на есть настоящей черной дыре. Никто. И ничто, ибо вблизи черной дыры местоимения Никто и Ничто смело можно объединить в одно смысловое понятие.

Меня немного успокаивало уверение Агафьи Тихоновны в том что нам ничего не грозит, однако все Знания, которыми я обладал, убеждали меня в обратном, и иногда, стоило мне задуматься о происходящем, я испытывал жгучее чувство страха. Страх, смешанного с любопытством. Даже не знаю, что во мне преобладало. Скорее всего, любопытство, ибо я не настолько дорожил своей жизнью, чтобы отказаться от такого увлекательного приключения, как путешествие в центр черной дыры.

– А информация? – вдруг прокричал я в сторону Агафьи Тихоновны, – информация может покинуть черную дыру? Ведь если мы пройдем сквозь горизонт событий, и первыми узнаем что там внутри, то даже погибнув, оставим после себя мысли, полные важной для науки информации, и возможно, кто-то другой сможет подключиться к нашему потоку и описать все то что мы увидим и успеем узнать.

– Информация, как и Свет, невесома, однако обладает специфическими свойствами, – Агафья Тихоновна одобри-

тельно кивала головой, слушая мои мысли, – например, информацию можно передать, используя световой луч, но никак нельзя передать Свет, используя информацию, то есть на словах. Свет можно только постичь, постичь Разумом, используя всю имеющуюся у вас информацию, постичь, но никак не передать, – она замолчала, будто подбирая необходимые слова, – понимаете? Именно поэтому путь к Свету, к Знаниям каждый должен пройти сам, прилагая определенные усилия, и никакой учитель не сможет вам просто подать Свет на тарелочке. А познав Свет – вы познаете и его отсутствие, в вашем земном понимании, то есть познаете черные дыры. И для того чтобы кто-то смог настроиться на вашу волну и смог подключиться к вашему информационному потоку необходимо одно – чтобы этот кто-то обладал неумемной, я бы сказала – пустынной жаждой Знаний. Чтобы этот кто-то уже обладал Светом. Ведь Свет и Знания – почти одно и то же.

– И в этом случае совсем неважно подключится ли этот кто-то именно к нашему потоку Знаний? Природа и так сможет дать ему любую информацию?

– Да, конечно. Поток-то общий. Информация доступна каждому, действительно желающему ее получить, – Агафья Тихоновна засмеялась.

– Я понимаю... Но все таки что же там происходит? Внутри черной дыры?

– Я не знаю, – акула пожала плечами, – после горизонта

событий любой существующей черной дыры теряется земное понятие массы, и возможно, та Вселенная, которая формируется внутри, построена именно на невесомых здесь материях – например, на Знаниях или на Информации. На абстрактных в нашем мире величинах. И это нечто совершенно другое, которое даже я не смогу вам описать. Не смогу, не потому что не хочу, а потому что используя все возможные элементы нашего Мира, такие как речь, язык, рисунки и так далее, невозможно описать то, что не является частью этого Мира, то, что априори является другим, и для описания чего нам бы потребовались совершенно другие инструменты. Потребовались бы инструменты того Мира, который мы хотим понять.

– Внутри черных дыр формируется своя Вселенная?

– А как вы думали, – Агафья Тихоновна весело подмигнула мне, – обязательно формируется, как же ей не формироваться? И вполне возможно что совсем скоро мы это сможем наблюдать.

– Но там же мало места, – ляпнул я, не подумав.

Акула залилась смехом. Насилу остановившись, и еще приходя в себя от не отпускавших ее приятных и веселых спазмов, она произнесла:

– Места везде достаточно. Не забывайте, что черная дыра втягивает в себя весь строительный материал, окружающий ее, даже Свет постигает такая же участь, так неужели это все пропадает просто так? Вполне возможно что черные дыры

– это такие регуляторы Вселенных, отбирающие лишние материалы в одном Мире и забрасывающие его в другой? Возможно их задача как раз в этом и состоит – сохранять равновесие строящихся Вселенных?

– Я... Я не знаю, – я смотрел вперед и вдруг меня осенило, – подождите, внутри черной дыры все стремится в ее центр, и там, в центре, скапливается все больше и больше материала, который она вынуждена сжимать в сверхплотную ткань?

– Именно так, – акула прищурилась, еще не понимая к чему я клоню. Да я и сам еще не понимал, однако мысли несли меня как небольшую лодку в бурном течении перед водопадом.

– И это значит, что для того чтобы сложить там, внутри черной дыры, все то что она втягивает, – я растягивал слова специально, одновременно пытаясь понятно сформулировать все еще далекую, но уже осязаемую мысль, – ей необходимо все это уплотнять, а уплотняя – уменьшать?

– Можно сказать и так, – похоже Агафья Тихоновна уже догадалась что я имел в виду и судя по ее виду, была полностью со мной согласна. Да как могло ли быть иначе, если она – часть моего Сознания?

Я продолжал конвертировать мысли в слова:

– А уменьшая каждый атом, ну например, в два раза еже-секундно, черная дыра тем самым формирует необходимое ей Пространство, ведь там где был один атом, вдруг стало

помещаться два, потом четыре, восемь, шестнадцать, – я загибал пальцы, считая вслух, – и по истечению пятой секунды, мы получим Пространство, в которое можно вместить тридцать два атома чего бы то ни было вместо всего одного начального, – я посмотрел на акулу и продолжил, – а с ее центра, с центра черной дыры, нам бы казалось что расширяется само Пространство, что оно становится больше, ведь сами атомы не в состоянии осознать что уменьшились именно они, а не расширилось Пространство. Ведь так? Так? Так, скажите?

– В том что вы говорите, есть зерно истины, – тихо произнесла Агафья Тихоновна и отвернувшись от меня посмотрела вперед, на неумолимо приближающее сочленение спиц купола зонта – насколько я понимал, конечную точку нашего путешествия.

– Но чем тогда отличается черная дыра от того места где мы сейчас находимся? – я наконец-то смог до конца понять и сформулировать словами свои мысли, до этого момента, очень сумбурные и несистематизированные мысли, – ведь все что мы видим вокруг – это отражение нашего, так называемого Большого Взрыва? И если заглянуть в самую дальнюю часть видимой Вселенной, везде вокруг себя мы увидим лишь Большой Взрыв, ведь так? И мы в самом его центре? Вселенная ведь не расширяется, это ведь мы уменьшаемся, так? – я посмотрел на Агафью Тихоновну, ожидая ответа и так и не дождавшись, тихо добавил:

– Мы ведь говорили об этом, я помню.

– Да, – только и произнесла она, – говорили.

– Значит ли это, что мы с вами находимся внутри черной дыры какой-то другой Вселенной? И наш Большой Взрыв, который мы видим на самом краю нашей Вселенной есть не что иное, как горизонт событий черной дыры, расположенной в совершенно другом Мире? И что мы имеем в своем Мире те же черные дыры, дыры – как центры формирования новых, бесконечных Миров?

– Возможно, возможно, – Агафья Тихоновна бормотала что-то себе под нос, – а почему бесконечных?

– Потому что в нашем Мире мы имеем четко ограниченное Пространство, в котором находится наша черная дыра, но внутри черной дыры Пространство теряет ограниченность, оно становится безграничным, бесконечно уменьшая и уплотняя все что туда попадает.

Агафья Тихоновна внимательно выслушала мои предположения, но ни разу не перебила и не поправила. Я тем временем, продолжал:

– Но что такое тогда черная дыра? Материнское лоно всех существующих Вселенных? Или по-другому? Все что находится в непосредственной близости от черной дыры постоянно перерабатывается и переходит в новое качество, правильно? В новое, совершенно неизвестное нам качество материала. Ведь черные дыры тогда не что иное как заводы по переработке этого вселенского вторсырья? И их, черных

дыр, ведь их тысячи, если не миллионы? – я ненадолго замолчал, собираясь с мыслями, и вдруг озаренный внезапной догадкой, почти прокричал:

– Но обязательно, слышите меня, обязательно должно быть нечто, наделенное возможностью свободно путешествовать между всеми существующими Мирами. Нечто, способное проходить черные дыры без последствий и без изменений. И это нечто должно присутствовать и в нашем Мире, так? Ведь наш Мир тоже часть Всего.

– Конечно должно присутствовать, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой и произнесла:

– И наверняка, присутствует. Но всему свое Время, – она мысленно притормозила Артака, – а сейчас нам надо отдохнуть.

– Но я не могу отдыхать. И не хочу, – я на мгновение отпустил шею дракона и замахал руками, – я не смогу заснуть. Ведь совсем скоро мы будем на месте.

– Вот именно поэтому и существует Время. Нет, правда, – акула усмехнулась, – если бы люди сами не выдумали его, его стоило бы придумать прямо сейчас, – она перестала смеяться, – потому что если один человек не хочет понять что Времени нет в принципе, и что отдых, так необходимый всем нам, никак не является остановкой в пути, а только лишь его частью, то Время действительно необходимо! – Агафья Тихоновна почти остановила Артака, – конечно необходимо, как же без него, – она опять улыбалась.

– Но мы совсем скоро прибыли бы на место назначения, – я слабо протестовал, уже понимая, что это бесполезно.

– Нет, что вы. Еще совсем не скоро, а возможно и никогда бы не прибыли. При приближении к черной дыре, мы попадаем в зону сильнейшей гравитации, которая разгоняет нас до сумасшедших скоростей, и Время, ваше придуманное человеческое Время останавливается, не в силах более контролировать процесс. В черной дыре не может быть ничего придуманного. Черная дыра – скопление настоящих вещей. Только настоящих. Так что наше путешествие вполне может затянуться навечно.

– Не в силах контролировать какой процесс?

– Подумайте сами, Время – это такая штука, благодаря которой все происходит не сразу, – Агафья Тихоновна повторяла уже пройденный материал, – понимаете? Время – это нечто такое, что как Ничто другое помогает человеку осознать его ограниченность. Если бы вы смогли увидеть все одновременно, то ваш мозг перегорел бы как лампочка, на которую дали слишком большой ток. Понимаете? Время вас охраняет от перегрузок. А при приближении к черной дыре ваша скорость становится настолько велика, что вы получаете возможность увидеть, если не все, то очень многое, и главное – сразу. А что такое сразу?

– В один момент, в одно мгновение.

– Именно. В единицу времени, которая даже не поддается исчислению. Не в секунду или минуту, а в одно мгновение.



– Моментально.

– Да. Представьте себе что ваша скорость такова, что вы можете мгновенно увидеть всю Вселенную. Существует ли для вас тогда Время, если вы можете оказаться в любой точке существующего Пространства в один и тот же момент? Даже не так. Если вы находитесь в каждой точке существующего Пространства в одно и тоже Время?

– Не знаю, – я задумался, – а Вселенная, сама Вселенная изменяется во Времени?

– Вселенная статична, в ней есть все и сразу. Считайте ее кладовкой, в которой сложено все что есть в Мире, – акула подмигнула мне, – все что есть в Мире во все существующие Времена.

– И старость? И юность? Одновременно?

– Да, конечно. Более того. Не только старость и юность, но и бедность и богатство, счастье и горе, радость и печаль. И в старости и в юности. И в зрелости. Одновременно и то и другое. И не только эти характеристики, но и всевозможные их комбинации. Например, в этой кладовке на одной и той же полке лежит бедная, нищая, полная печали и горя старость и она же, насыщенная путешествиями и радостью, богатством и счастьем. Там же находится смерть под колесами грузовика и спокойный уход в своей кровати, авиакатастрофа и самоубийство, множество детей и внуков и полное одиночество. Любое возможное развитие событий сокрыто в этой кладовке. И все это одновременно лежит и пылится, а вы сам, как

наблюдатель, стоите с другой стороны двери и подсматриваете в замочную скважину, – Агафья Тихоновна тихонько засмеялась, наблюдая за моим неподдельным изумлением, – но ваш цепкий взгляд в состоянии выхватить лишь что-то одно – молодость или старость, богатство или нужду, радостный день или хмурое утро, и так далее до бесконечности. Понимаете?

– Но если абсолютно все находится за дверью в этой самой кладовке, то что же тогда определяет что именно оказывается прямо перед замочной скважиной и попадает в мое поле зрения?

– Ваши мысли. Только ваши мысли и ничего более. На какой волне вы излучаете, тем боком и поворачивается к вам Мир, то и оказывается в поле вашего зрения. Ваши мысли как радиоприемник, настроенный на какую-то определенную волну, на какую-то зафиксированную частоту вещания, и именно поэтому вы в состоянии принять и прожить только ту часть Вселенной, на которую настроены сами.

– Хм. Мои мысли...

– Да, ваши мысли. Ваши мысли и есть тот самый ключ, который четко определяет что именно проявится в вашей жизни, какая материя будет вас окружать и что вы будете чувствовать. Ваши мысли – это строительный материал Вселенной, именно из них она формирует ваше наполнение и ваши чувства.

– Мои мысли обладают такой силой?

– Силой? – агула на мгновение замолчала задумавшись, – силой, говорите? Обладает ли силой кирпич, из которого выстроен дом? Не знаю. Да и что такое сила? Мысль – и есть этот кирпич, из которого построен наш Мир. Мысли – самые энергетически важные объекты во Вселенной. Только они на самом деле и важны. Слова вторичны и обладают меньшей Энергией и силой, действия – третичны, если можно так сказать, и это самые слабые проявления мировой Энергии. Да мы с вами говорили об этом, – Агафья Тихоновна немного приблизилась ко мне, – и теперь представьте себе что скорость вашего движения такова, что за одно мгновение вы сможете облететь всю кладовку, побывать на каждой полке, прикоснуться к каждой своей, возможно, еще не прожитой жизни. Существует ли для вас тогда Время?

– Наверное нет. Нет, точно нет. Нет. Оно исчезает.

– Оно исчезает, не в силах более контролировать процесс выборочного видения, не в силах более сузить ваш кругозор. Время просто перестает существовать, останавливается за ненужностью. Растворяется в вашей скорости и в ваших возможностях.

– Время останавливается, – я утвердительно кивнул, – но в какой системе координат? Время останавливается лишь для стороннего наблюдателя, ведь так? Мы же, находясь внутри кладовки, даже не почувствуем эти изменения, ведь так?

– Так. Если бы мы действительно были в кладовке. И ес-

ли предположить что мы там, внутри, на какой-то одной из полок, вцепившиеся в какую-то, пусть не самую счастливую жизнь, нам не пройти черную дыру, ибо как раз в ней теряется всякий смысл единственно возможного существования. Черная дыра показывает нам невероятные возможности всего и сразу. Невероятные возможности множества бытия, если хотите. Да, для этого просто-напросто необходимо измениться, но измениться ментально, и это того стоит, – Агафья Тихоновна засмеялась громко, в голос, так что ее смех покрывал все возможные вероятности, – но, позвольте, кто вам сказал что мы внутри, а не снаружи? Почему вы так уверены, что мы как раз не эти самые сторонние наблюдатели? Кто вас в этом убедил? – она перестала смеяться и уже серьезно добавила:

– В любом случае, чтобы пройти горизонт событий, нам придется ими стать, иначе мы не выживем. Не выживем в том качестве, в котором мы сейчас, а что-то мне подсказывает, что вы пока что предпочли бы остаться в своем теле, не так ли?

– Да, да, вы правы. В своем теле, оно как-то сподручнее. Но как нам стать не участниками, но наблюдателями? Как мы можем быть уверены в этом до того, как... Ведь мы движемся прямо в эпицентр событий, прямо туда, – я в ужасе, смешанном с любопытством, показал на приближающийся купол зонта.

– Для того чтобы стать наблюдателями, необходимо толь-

ко одно, – акула усмехнулась, – наблюдать. Это следует из слова «наблюдатель». Наблюдатель – тот, кто наблюдает.

– Так просто?

– Это совсем не просто, наоборот, это тяжкий труд. Изменить свое Сознание с состояния участника на состояние наблюдателя все таки достаточно сложно. Но возможно. Это задача примерно той же сложности, как и понять что Мир не расширяется, а совсем наоборот, уменьшается, и чем вы ближе к центру – тем масштабнее уменьшения.

– А в самом центре?

– В самом центре вы и приобретаете качество наблюдателя, становитесь пресловутым Никем, – Агафья Тихоновна подмигнула мне черным глазом, – подумайте сами, вы в самом центре а вокруг вас целый Мир, надвигающийся на вас же каждое мгновение. И вам некуда более бежать, некуда идти, ваш удел, ваша задача – только наблюдать. Наблюдать, проживать, чувствовать. Но никак не участвовать. Вы – центр. Центр не может быть участником. Центр – это конечная точка любого путешествия. Центр – это выход. Центр – это дверь.

– Открытая?

– Открытая, – акула кивнула, – но открытая в Мир, то есть наружу. Открытая, чтобы вы могли видеть. Другими словами – наблюдать.

– А участвовать?

– Создатель Игры не может быть ее участником, не так

ли? – Агафья Тихоновна хитро прищурилась, – подумайте над этим.

– Но почему?

– Потому что Создатель знает Игру изнутри и знает чем она закончится. Ему неинтересно играть.

– Я понимаю. И мы сможем это сделать? Стать наблюдателями?

– Конечно, сможем. Иначе мы бы не были здесь. Или здесь были бы не мы, – Агафья Тихоновна посмотрела на меня внимательно и прикрикнула, – ну давайте же, давайте, не ленитесь. Начинайте наблюдать. Только в этом качестве вам удастся беспрепятственно путешествовать между любыми Мирами, не повредив свою сущность, только так.

Я замер, осененный внезапной догадкой.

– Подождите, подождите, но если наблюдатель может беспрепятственно переходить из одной Вселенной в другую, путешествовать из Мира в Мир, значит все-таки есть Некто, кто может покинуть черную дыру? Значит наблюдатель и есть этот Некто, который быстрее и мощнее Света?

– Быстрее Света? Да сколько угодно вещей. Особенно, если учесть, что скорость Света равна нулю, и он может лишь внезапно проявляться в определенном месте, создавая иллюзию движения. А вот скорость нашего восприятия этого события, то бишь проявления Света, и правда, ограничена, – акула улыбалась, – я уж не знаю триста тысяч километров в секунду или сколько, но это скорость восприятия наблюда-

теля, а не самого Света, поймите. Свет неподвижен и вездесущ. И черпать его вы можете в любом месте Вселенной. Но Свет часто просто невидим глазу, вот и все.

– Хорошо, пусть так, но что тогда может покинуть черную дыру?

– Наблюдатель, как вы правильно заметили. Наблюдатель в состоянии наблюдать и изнутри и снаружи. Наблюдатель входит внутрь, оставаясь снаружи и выходит наружу, оставаясь внутри. Наблюдатель, как и Свет вездесущ, и ему нет необходимости быть где-то в одном месте. Он везде. В центре. И, что немаловажно – он вне Времени, он вне Пространства, и он не соприкасается со Светом, Свет – лишь его инструмент, не более.

– Вот как...

– Да, немного сложно, согласна, – Агафья Тихоновна понимающе кивнула, – но со временем будет легче. Много легче. Именно поэтому люди его и придумали. С ним все легко и понятно. Однако, этот путь уже не для нас. Но проще все таки будет.

– Надеюсь, – пробормотал я сквозь зубы.

– Можете быть уверены. Ведь только на пути парадоксов и доступно настоящее Знание.

– Парадоксов?

Агафья Тихоновна усмехнулась.

– Для того чтобы понять что Времени нет – необходимо это самое Время, вот вам и парадокс.

– Но оно не так уж и необходимо, ведь так?

– Необходимым может быть только то, что существует, – Агафья Тихоновна немного помолчала, собираясь с мыслями, – поймите же наконец, что наблюдатель не может ничем обладать, даже Временем, и именно поэтому он абсолютно неуязвим. Находясь в центре черной дыры, и обладая хоть одной крупницей чего бы то ни было, одной крупницей в одну миллиардную грамма вещества, или имея хотя бы одну мысль в Сознании – вас размажет по стенкам невероятной силы гравитацией и точка. Только Никто, обладающий Ничем вездесущ и бессмертен. Только он. Наблюдатель, который не оценивает то, что наблюдает, но принимает и пропускает через себя, не задерживая и не изменяя. Никто, обладающий Ничем. Вот это точная характеристика.

Я молчал, стараясь понять, как простое изменение Сознания может спасти меня от гравитации черной дыры. Стать наблюдателем, а не участником? Легче сказать, чем сделать.

– А Артак, – вдруг спросил я, – с ним как?

– С ним все в порядке, – Агафья Тихоновна потрепала дракона по спине, – он и не заметит когда мы будем на месте. Он уже давно просто наблюдает, но не участвует ни в одном из процессов.

– Но он же летит?

– Это вам так кажется. Ваш мозг показывает вам очередную картинку, которая будоражит ваш ум. Откиньте все это.



Только тогда вы станете наблюдателем.

– Могу я еще раз взглянуть на Мир его глазами?

– Сколько угодно раз. Артак – пустой сосуд, и даже наполняясь вами, сущность его не изменится. Он останется столь же пустым, сколь и беспристрастным.

Я обхватил шею Артака что было сил и положил свою голову поверх его головы. Несколько секунд мы летели прямо так, я – с зажмуренными глазами, и дракон – смотрящий вперед вместо меня. Спустя какое-то время я все-таки решился и распахнул глаза...

Свет. Первое что я увидел – был Свет. Практически везде. Нельзя сказать что в какой-то части Свет был более тусклым. Скорее всего где-то он был ярким, а где-то – менее ярким, так как само слово «тусклый» здесь нельзя было употребить. Бросалось в глаза и то, что при столь ярком освещении все цвета теряли свою значимость и насыщенность. Их попросту не было видно. Все что было – это яркость и не яркость. При столь ослепительной подсветке все вокруг казалось одного, грязно-ярко-серо-белого цвета, и значение имела только мощность окружающего нас светового потока. Не тот ли это был Свет, который мы искали? Можно ли было назвать его настоящим?

Всякое физическое или механическое, если можно так сказать, движение прекратилось. Как только я взглянул на мир драконьими глазами все замерло в каком-то одном, едином и строго выдержанном, вселенском равновесии. Все бы-

ло рядом – стоило руку протянуть, и все окружающее нас было моим внутренним, моим настоящим, моим искренним Я. Все мои желания, старания, страсти и горести, беды и победы вдруг потеряли всякую силу, ибо все что я мог пожелать уже было здесь, было в поле моего чувствования. Яркий, светящийся океан всего со всем в равной степени как окружал нас, так и наполнял. Он исходил из каждого из нас, подпитывался нами, питал нас в ответ, пронизывал насквозь и выворачивал наизнанку, показывая наше отражение. И наполнение.

– Что это? – откуда то издалека я услышал свой собственный голос.

Ответ прозвучал молниеносно, как мне показалось, одновременно с вопросом.

– Это Любовь.

Постойте, но кто это говорит? Голос был мне незнаком – он приятно обволакивал и только добавлял яркости в окружающую нас картину.

– Кто вы?

– Вы предпочитаете называть меня Артаком, – голос мягко усмехнулся и добавил:

– И мне нравится это имя.

– Но у вас есть и другое?

– Всякое имя мое. Я, как пустой сосуд, в который можно залить все что угодно. И тогда я приобрету другое имя. Сейчас я Артак.

– Вы говорите?

– Нет. Но вы меня слушаете. А тот кто хочет услышать – услышит даже в полной тишине. И полную тишину. Сейчас я – тишина, которая говорит со своей частью. С частью, которой вы стали.

Нас окружала абсолютная тишина. Бездонная, безграничная и безукоризненная тишина. Возможно, мои уши просто потеряли способность слышать. Звук, или даже не звук, а само понимание приходило само собой, без контакта с любым из пяти известных мне чувств. Казалось, диалог происходил отдельно от моего желания или нежелания его вести, он не имел ни начала, ни конца, и сам язык, который мы использовали при разговоре, был универсален, это был язык чувств, но не слов. Понимание также было абсолютным, и это настолько поразило меня, что я, еще сильнее обхватив шею дракона, вдруг начал куда-то падать, проваливаться внутрь чего-то светлого и вязкого, чего-то не имеющего ни верха, ни низа. Я просто погружался в густое энергетическое море, которое с радостью и Любовью подхватило меня и несло на своих волнах все глубже и глубже. Я становился все меньше и меньше, можно даже сказать – незначительнее, пока не пропал совсем, оставив на своем месте лишь бестелесную мысль, чувственное проявление или восприятие, не знаю, какую-то непонятную и невесомую субстанцию, какую-то математическую формулу, в которой самым непостижимым образом была описана вся моя жизнь. В

этой формуле, в этой мысли был весь Я, все мои переживания, все радостные и не очень моменты, вся Любовь, на которую я был способен, вся нежность, всё добро и вся ласка, всё, кажущееся мне злом, всё прожитое, всё претерпённое, всё давно забытое и похороненное. Весь мой опыт, все мои Знания, все надежды и опасения, всё – всё – всё. Ничто не было упущено или забыто. Ничто и Никто.

В этой махонькой и невесомой мысли был сконцентрирован весь Я. Надо же, насколько я был нематериален, если можно так сказать. Я больше не обладал телом, и только сейчас понял что никогда им не обладал. Оно было мне дано как средство передвижения, как машина, которая в любом случае когда-нибудь рассыплется от старости, ибо любая машина подвержена временным изменениям. Изменениям во Времени. И как ни прискорбно признать, но в течение всей моей жизни скорее тело обладало мной, моим истинным Я, подчиняло себе, подавляло меня, заставляло меня совершать какие-то поступки и действия, иногда причиняло мне боль, погружало в чувство страха или опасности. Тело обладало тем, чем не могло обладать по определению, ибо то, чем оно пыталось обладать простиралось гораздо дальше своего обладателя. Простиралось, таким образом уходя из под власти последнего. Отсюда вся моя Жизнь смотрелась как единая попытка подчинить себя, свою сущность, требованиям и командам физической оболочки – оболочки, которая захватив власть в моей голове, стерла мою истинную

суть и всячески препятствовала моему же, внутреннему воссоединению. Воссоединению себя с собой. Со-частью. Счастью, другими словами. Мое тело, в которое я был заключен при рождении, своими грубыми эмоциями и чувствами, заглушало мое истинное Я, оно прятало в какой-то части себя мою настоящую истинность. Истинность и безвременность. Ту часть, которая вечна, и которой никогда и ничего не угрожало, независимо от места моего пребывания.

Мне вдруг открылось, что абсолютно все мои страхи и переживания были продиктованы моей плотью и не имели ничего общего с действительностью. Абсолютно все. Насколько же глубоко спрятана суть Мироздания, насколько глубока яма телесного чувствования, насколько цепко то, что мы называем действительностью, держит каждого человека. Ровно настолько, насколько мы все обусловлены. И сколько все это имеет мало общего с той действительной реальностью, к которой должен прийти, и обязательно придет каждый человек. С той действительной реальностью, с той вечной и яркой реальностью, которая меня сейчас окружала, и в которой и был смысл всего бытия. Сам смысл заключен в отсутствии такового. Смысл заключен в Любви, в океане которой я оказался сейчас. Здесь и сейчас.

– Я что, умер? – откуда-то издали мне послышался свой, ставший мне почему-то чужим голос.

– Да, – немедленно прозвучало вокруг, словно кто-то, отвечающий, ждал именно этот вопрос.

– Когда и как это случилось?

– Это случилась очень давно, еще до вашего рождения.

– Моя смерть случилась до того как я родился? – голоса разговаривали сами собой, я лишь наблюдал за развитием событий.

– Твоя смерть родилась вместе с тобой, но она никогда не сможет тебя настичь, – голос не баловал меня понятными предложениями. Он говорил что-то еще, а мои мысли качались на каких-то, недоступных мне волнах неизвестного, но дружелюбного ко мне океана, и казалось, не участвовали в диалоге. Та частичка Энергии, в которую я превратился, и которая обладала всей полнотой информации как обо мне самом, так и обо всем что меня окружало, была самодостаточна, но одновременно, являлась частью чего-то непознанного, частью чего-то огромного и еще неизведанного.

– Я стал фотоном? – что-то внутри меня подсказывало, что я превратился в невесомую частичку Света, наделенную сверх способностями. Даже не подсказывало. Скорее, по моему разумению, именно так должен был чувствовать себя Свет, освещающий все существующее, все сущее. Именно так – сверху, видя все и сразу. Как с вертолета, зависшего над Планетой, где Планета и есть само существование. Видя и посмеиваясь над нами, не видящими картинку целиком. Свет, который везде. И сразу.

– Свет – лишь ваш инструмент, не более, – я узнал голос Агафьи Тихоновны, – помните, мы говорили, что информа-

цию можно передать с помощью Света, но не наоборот. Вы – информация, которая может проявиться в любой части Вселенной, на любой полке кладовки, информация, которая может использовать Свет, как проводник себя самой.

– Я могу двигаться со скоростью Света?

– Что вы, что вы, вы можете двигаться с гораздо большей скоростью. С максимально возможной. Вам ничего не стоит в мгновение ока очутиться в любом месте. Используя Свет, вы в состоянии телепортироваться за промежуток Времени, не поддающийся математическому выражению. За промежуток Времени, который человечество назвало просто – ноль. Неисчислимо.

Я прислушался к себе в новом качестве. Странно, но не было никакого «себя». Не было ничего похожего на индивидуальность, но то что я испытывал при жизни в физическом теле.

Каким же смешным и нелепым мне сейчас казался 41 год, проведенный в телесной оболочке человека на Земле. 41 год? Что это вообще такое? Да и была ли вообще Земля?

Сейчас все вопросы, на которые я хотел получить ответ при жизни, были решены. Любое земное Знание мне было доступно в мгновение ока. Мне даже не приходилось прилагать усилий, чтобы что-нибудь узнать. Абсолютно вся информация всплывала моментально, стоило только о чем-нибудь подумать. Такое впечатление, что я был подключен к

всемирной библиотеке мыслей и Знаний. Я пытался найти какой-нибудь еще нерешенный вопрос, но только светился еще ярче, освещая неведомые мне доселе закоулки моего (моего ли?) Сознания.

– Если моя смерть родилась вместе со мной, могу я ее увидеть?

– Вы хотите увидеть столь незначительное событие, как смерть физического тела? – голос, казалось, был разочарован, – вы, имеющий возможность прикоснуться к чему-то действительно важному? Хотите увидеть лишь смерть физического тела?

– Да, смерть моего физического тела, – человеческая обусловленность цепко держала меня и я решил не обращать внимание на разочарование в голосе того, кто со мной говорил.

– К сожалению, это невозможно, – голос постарался объяснить свою позицию, – ведь вы еще мыслите категориями вашего тела, а здесь все по-другому. Здесь глаза не имеют значения. Как и все то, что можно ими увидеть. Здесь чувствуют, но не смотрят.

Я попытался следовать рекомендациям и остановив поток мыслей начать чувствовать. Как мне показалось, я стал еще меньше, еще невесомее, еще незначительнее и опять начал проваливаться куда-то еще дальше, еще глубже. Однако насколько бы я не уменьшался – ясность Сознания ни на мгновение не покидала меня. Возможно, это было чувство



именно того глобального уменьшения, о котором говорила Агафья Тихоновна. Возможно, я всегда становился все меньше и меньше, и только сейчас каким-то непостижимым образом начал это чувствовать.

– Я чувствую что уменьшаюсь, – мысли пронзали меня одновременно со всех сторон, и я уже не мог их контролировать.

– Раз чувствуете – значит уменьшаетесь. Принимайте. Принимайте все таким какое оно есть. Не цепляйтесь за происходящее, пропускайте сквозь себя, отпуская без радости, но и без сожаления, – советы сыпались со всех сторон, и я старался, старался, как мог, пока до меня не дошло, что стараться совсем не обязательно и что все что происходит, не приносит мне никакого вреда. Что бы ни происходило вокруг, или внутри меня, не изменяло ровным счетом ничего, ибо все окружающее являлось мной в той же степени, в какой я сам являлся всем вокруг, а значит, уменьшаться я попросту не мог, ибо нельзя уменьшаться, впрочем как и увеличиваться внутри себя самого.

Еще одна мысль внезапно пронзила меня. Раз я рассуждаю, пусть и с невероятной скоростью, пусть даже мгновенно, но раз я все-таки рассуждаю, значит я все еще существую в какой-то отдельной ипостаси, отдельной от всего, а это могло значить только одно – я существую пока еще сам по себе. Пока еще я не являюсь этим океаном, плескавшимся вокруг или внутри меня. Пока я еще отдельный субъект. Это могло

значить только одно – или я еще жив и нахожусь в человеческом теле, или мои преобразования еще не закончились. Возможно, когда-нибудь я сольюсь с этим безбрежным океаном, и стану им самим. Когда-нибудь, но не сейчас, ибо разница все-таки была.

– Артак! – я позвал что было сил, – Артак!

Ответ проявился одновременно с моим вскриком. Тишина вспенилась миллионами фотонов, создав яркий всплеск внутри меня.

– Я слышу вас. Ведь для того чтобы слышать – необходимо просто слушать, – голос Артака прозвучал для меня небесной музыкой, – и вы прислушайтесь.

– Прислушаться? К чему?

– К себе. Ведь ничего другого не существует.

И я слушал. Тишина, опять охватившая меня была полной, доходившей до звона. Яркий, слепящий Свет сменился пустотой, но не темной, а светящейся изнутри, как будто Ничто обладало Светом.

– Вы слышите? – Артак был где-то совсем рядом, я ощущал его заботу и поддержку. Наверняка, он не позволит произойти ничему, что могло бы мне навредить.

– Ничто не может вам навредить. Ничто на вашей стороне. Ничто – это и есть вы. Настоящий, истинный вы. Тот, в чьем теле происходят все рождения и смерти.

– Людей?

– Миров.

Окружающее меня Ничто обволакивало, успокаивало и замедляло. В начавшем угасать сознании промелькнули какие-то последние мысли, откуда-то в моих руках появился альбом с фотографиями, который я автоматически открыл. Первый снимок был сделан при входе в зоопарк. Я покупаю входной билет и иду к турникету, где меня встречает огромная белая акула, представившаяся Агафьей Тихоновной.

Снимок был живым, и погрузившись в него, я отчетливо услышал голос моей спутницы:

– Важно только то, что помнится без напоминаний. Только оно и существует.

В сознании проплыли турникет зоопарка, круглое здание столовой, зонт с ручкой дракона, обед с бумажным свиным стейком, битва змеи и петуха, озеро, комета... И тут я остановился. Я осознал что листаю альбом с фотокарточками, с головой погружаясь в каждую из них. Каждое фото было целым Миром, полным чувств и ожиданий, полным мыслей, полным Энергии. Каждое фото было отдельной Вселенной, замкнутой на себе самой, внутри которой происходили все события одного мгновения, и происходили они вечно, ибо были полностью отделены от понятия Времени, как такового. Они не повторялись снова и снова, наоборот, они существовали постоянно, и каждое событие было на пике своего существования. Чувства и эмоции каждого снимка захлестывали меня целиком, их интенсивность не спадала и не нарастала. Она была максимальной изначально и неизменно

держалась на этом уровне.

Откуда-то всплыли слова Агафьи Тихоновны:

– Артак – твой путь на свою страницу. Когда решишь вернуться – он поможет. Все фотокарточки, связанные с домом и вырванные из альбома Времени внутри него и стоит только пожелать...

Значит сейчас я листал именно этот альманах Времени. Значит само Время было у меня в руках. Стоило мне захотеть, и я смог бы нырнуть в любую из страниц, снова оказаться на том самом месте и в тот самый час. Но стоило ли это делать? Был ли в этом смысл? Я не знал. Какой смысл возвращаться к пройденному, если в любой момент ты можешь вернуться к нему в своих мыслях, и снова и снова переживать испытанные чувства. Какой смысл повторять то что прошло?

Я что было сил ударился о поверхность земли, не понимая что произошло. Солнце стояло в зените, и трава, на которой я лежал, пахла теплотой и зеленью.

По земле ползли муравьи, они шли колонной, и каждый был занят чем-то полезным, например, нес что-то в муравейник.

Рядом со мной лежал велосипед, с которого, видимо, я и упал.

Тело ныло от ссадин и ушибов. Мне было лет 7 или 8.

Земля пахла сыростью и земляными червяками. Черная,

рыхлая, мягкая земля и мои глаза, находившиеся в паре сантиметров от ее поверхности были сутью моего теперешнего существования. Я рассматривал каждую песчинку, каждый комочек грязи, обильно политый дождем. Я лежал оглушенный ударом, но одновременно, со всех сторон, окруженный каким-то беззаботным счастьем, счастьем, которое бывает только в детстве. Боли не было, умный организм умеет блокировать болевые ощущения в таких случаях. Мой взгляд уперся в тонкую, живую, движущуюся полоску на влажной земле. Муравьи ползли прямо перед моими глазами. Некоторые из них были нагружены сверх всякой меры и сверх своих размеров. Работали. Видимо парочка самых любопытных забрались мне на шею, чтобы понять что это такое – большое и белое – упало прямо ни них. Почувствовав укусы муравьиных мандибул, я осторожно, чтобы не причинить им вреда, сбросил непрошенных гостей на землю. Боли все так же не было.

Резко перевернувшись на спину и сначала прищурившись, а потом широко распахнув глаза, я с радостью обжегся солнечным светом. Надо же, он мне совсем не мешал. Слепящий свет проникал вглубь моего черепа, освещая самые потаенные уголки ограниченного телом ума. Но Разум был много шире, он простирался вне тела, покрывал собой и меня с моим мозгом и умом и все остальное – Планету, небо над ней и... Я даже боялся думать такими масштабами. Пока хватит с меня и Планеты.

Я протянул руки, пытаюсь дотронуться до Солнца и тут же почувствовал что начинаю падать куда-то вниз, и опять, как и мгновение назад, что было сил ударился о поверхность земли, абсолютно не понимая что произошло. Солнце стояло в зените, и трава, на которой я лежал, пахла теплотой и зеленью.

По земле ползли муравьи, они шли колонной, и каждый был занят чем-то полезным, например, нес что-то в муравейник.

– Важно только то, что помнится и без напоминаний. Только оно и существует...

Из последних, всех что остались, сил, я зажмурив глаза и почувствовал под руками надежную шею Артака. Сползти вниз не представляло никакого труда, хоть мое тело и ныло после нескольких падений с велосипеда.

Агафья Тихоновна молча сидела на спине у дракона и улыбаясь, наблюдала за мной.

– Этак вы себя искалечите, мой дорогой, – она, казалось, была очень довольна увиденным, – помните, что вам необходимо научиться просто наблюдать. Наблюдать и еще раз наблюдать, – она засмеялась, – но участвовать совсем не обязательно. Тем более в тех событиях, которые помнятся сами собой. Как правило, это то, что принесло вам боль. Организм запоминает, дабы исключить возможность повторения. Это

и называется опыт, – Агафья Тихоновна перестала смеяться и вполне серьезно добавила:

– Если уж и хотите повторить нечто из определенного снимка то выбирайте какие-то безопасные фотографии. Кстати, хорошие моменты запоминаются гораздо хуже, и проживать их раз за разом – это уже искусство, которому следует учиться.

– Проживать заново?

– Да, да. Доброта и счастье, по мнению вашего организма, не помогают выжить, а следовательно, могут быть забыты. Ваша задача – помнить это как можно дольше, хоть всю Жизнь.

– Зачем?

– Закон притяжения, – акула многозначительно хмыкнула, – то что чувствуете, то и получаете.

– А я что?

– А вы стремитесь участвовать в том, что уже пережили. Но стремитесь как то лениво, без огонька, и ваш мозг подсовывает вам то, что он считает важным. То, что он считает полезным для вашей защиты. Вы стремитесь быть в гуще событий. В гуще событий прошлого для вас момента. Так сделайте над собой усилие и окажитесь в каком-либо бесполезном с точки зрения вашего мозга моменте, но приятном вашей душе. И не нужно даже пытаться влиять на процесс. Даже пытаться.

– Разве это плохо?

– Это замечательно. Но это делает вас уязвимым.

– Уязвимым – это значит смертным? Я-то думал что уже умер.

– А вы и умерли. Прежний вы никогда больше не возвратится.

– Мы что, прошли черную дыру?

– Можно и так сказать. Вы прошли одну из черных дыр вашего Сознания.

Агафья Тихоновна поправила рюкзак с красками на моей спине и прошептала что-то Артаку на ухо. Он, уже давно летевший на невысокой скорости, немного изменил курс и продолжал двигаться вертикально вверх, вдоль кажущейся бесконечной ручки зонта, все так же направляясь в самый центр купола с инфракрасными солнцами.

Мне показалось что мы совершенно не приблизились к цели.

17

– Что происходит? – я обратился к Агафье Тихоновне, хотя и сам прекрасно все понимал, – почему мы не приближаемся?

– Потому что наша скорость приближается к световой, и мы вполне можем застрять здесь надолго.

– К световой?



– Да. К нулю.

– То есть увеличивая свою скорость перемещения, мы на самом деле только приближаемся к скорости равной нулю? И как я понимаю, приближаемся с другой, с отрицательной стороны?

– Да, именно так, – Агафья Тихоновна протянула плавник в сторону моего рюкзака, с явным намерением его взять, – по-моему пришло время воспользоваться вашей поклажей.

Я с готовностью снял рюкзак со спины и отдал его Агафье Тихоновне. Мое доверие к акуле было безгранично. Она удобно расположила рюкзак на спине дракона, и продолжая говорить, начала искать необходимую ей вещь внутри рюкзака.

– Понимаете, когда наша скорость наконец-то достигнет нуля, мы просто перестанем уменьшаться. Однако, нам с вами будет казаться что весь остальной Мир пронесется мимо нас с невероятной и непостижимой скоростью.

– Так как Мир продолжает стремиться в центр той черной дыры, в которой мы живем, но уже без нас? – я с готовностью подхватил разговор, – а мы, достигнув определенной скорости, то есть нуля, сможем выйти из этого стремления и наблюдать за процессом сжатия всего остального как бы со стороны.

– Так, но не совсем, – Агафья Тихоновна достала бутылочки с грязно-серой пузырящейся жидкостью и держала их в плавниках, – подумайте сами, если мы, достигнув скорости

Света, то есть нуля, перестали сжиматься, то весь остальной Мир будет уменьшаться относительно нас, и мы наверняка заметим этот процесс, не так ли?

– Так, – я согласился, не понимая к чему она клонит.

– А вот и нет, – Агафья Тихоновна покачала головой из стороны в сторону, – нет, нет и нет, – она повторила несколько раз, как бы подчеркивая важность данного вопроса, – совсем не так.

– Почему же?

– Все Время, будь оно не ладно. Поймите, пока вы не выйдете из временного рабства, Природа всегда будет играть с вами в злые игры, как например она делает это сейчас. А ваш мозг, созданный трехмерным и способным мыслить именно в этих трех измерениях, с радостью будет подыгрывать Природе, пряча от вас Истину. К тому же он, ваш мозг, прекрасно себя чувствует оперируя с такими понятиями как Время и Пространство. Прекрасно себя чувствует и совсем не настроен что либо менять.

– И где же прячется Истина? – я скептически ухмыльнулся, хотя и был заинтересован не на шутку.

– Здесь, – Агафья Тихоновна достала из рюкзака бутылочки со временем и потрясла ими над головой, – здесь, – повторила она и добавила, – как все-таки хорошо, что в свое время вы выразили желание набрать этой субстанции, достав ее из-под дна окружавшего нас тогда озера.

– Расскажите подробнее, – я затаил дыхание, ожидая

услышать нечто невероятное, – а еще лучше покажите, для наглядности.

– Для этого нам необходимо сделать несколько допущений, так сказать довести ситуацию до абсурда, создать парадокс, только тогда у нас появится малюсенький шанс что-то понять.

– Зачем же нам создавать парадоксы? Мы же запутаемся еще больше.

– Затем, – акула усмехнулась, – что в парадоксах кроется истина. Ведь вы же уже не думаете, что окружающий вас, и кажущийся вам реальным Мир трехмерный? А я имею в виду действительно реальную Вселенную, а не ту жалкую ее копию, усеченную вашим мозгом до привычных ему понятий трехмерности.

– А вдруг все-таки вы ошибаетесь и Мир именно такой каким мы его видим?

– Если бы это было так, все было бы просто и понятно, и физические законы ограничились бы простыми математическими формулами, доступными даже первоклассникам. Мир много сложнее, и в этом его соль. Он гораздо сложнее чем любое его создание, но он же и одновременно проще.

– Так в чем же сложность понять?

– Сложность в том, что человеческий мозг способен понять только трехмерные вещи, и если ему поставить одну из самых легких математических задач, например, представить самую простую обыкновенную, но четырех, пяти или

ста мерную фигуру, он начинает буксовать. Он просто не может создать понятную ему модель чего-то, выходящего за пределы «длина – высота – ширина». Как говорят – создан по образу и подобию, и как ни странно в этом религиозном утверждении есть доля истины. Человеческий мозг может представить, а значит и понять, лишь подобные ему вещи. И эти вещи строго ограничены тремя пространственными измерениями. Даже с так называемым четвертым измерением – Временем, начинаются проблемы.

– Проблемы?

– Парадоксы. И именно они и приведут нас к истине.

– Вы хотите сказать, что...

– Я хочу сказать, что человеческий мозг пытается объяснить все с точки зрения трехмерного существования, и все что выбивается за эти границы, тут же объявляется непонятным и непостижимым, – Агафья Тихоновна смотрела мне прямо в глаза, – есть только одна наука, которая не боится выйти за пределы этих границ.

– Физика?

– Что вы, что вы, – акула замахала плавниками так, что я почувствовал на своем лице дуновение ветра, – физика – замечательная и я бы даже сказала, фундаментальная наука, но она строго ограничена возможностями понимания человека.

– Что же тогда?

– Математика. Только математика с ее сухостью и беспристрастностью в состоянии выйти за границы человеческого

сознания.

– Да, я понимаю.

– Помните, мы с вами уже говорили, что если какой-то физический закон запрещает вам что-либо делать, например, складывать скорости света между собой, то плюньте и разотрите. Обратитесь к математике, к этому беспристрастному языку цифр, где никто и ничто не сможет вам помешать сложить два, пусть и огромных числа.

– Никто и Ничто?

– Да. Именно они. Они будут на вашей стороне.

Агафья Тихоновна на какое-то время замолчала, видимо, собираясь с мыслями.

– Математика – наука парадоксов, однако выраженные в цифрах они уже не кажутся нам такими же непостижимыми, как в живой природе, – она засмеялась, – именно поэтому физика отрицает возможности, а математика, не видя преград, сухо и беспристрастно складывает числа и выдает ответ, который часто трактуется физикой, как парадоксальный, понимаете? Потому что понять это, используя ограниченный вашим черепом человеческий мозг, действительно, невозможно.

– Так уж и невозможно?

– Вы правы, невозможного в Мире практически не бывает, поэтому было бы правильнее сказать по-другому, – акула задумалась на мгновение, – пусть не невозможно, но крайне сложно. Другое дело если бы ваш думающий орган был че-

тырех или пяти мерным, но даже тогда он смог бы мыслить, опять-таки, только в своих, ограниченных измерениях. Ну не может он выпрыгнуть из своего, скажем пятимерного существования, и постичь тут же ставшее для него непостижимым трехмерное Пространство. Именно это Пространство, которое кажется нам с вами таким простым и понятным. Представьте что если бы простая точка на условной прямой вдруг осознала, что окружающий ее Мир не только одна абстрактная линия. По каким-то физическим признакам, она вдруг догадалась что одномерная прямая – и не прямая во все, а часть какой-то двухмерной плоскости, и кроме «вперед – назад», существует еще и «вправо-влево». Понимаете?

– Или что эта плоскость является частью какой-то фигуры, тогда к «вперед-назад» и «вправо-влево» добавляется «вверх-вниз».

– Да. Именно так. И эта точка начинает исследовать все вокруг себя, искать доказательства или косвенные улики того, что на самом деле Мир не одномерен, как она его видит, а много сложнее и прекраснее. Понимаете?

– Понимаю. Очень хорошо понимаю. Весь Мир для точки был заключен в одном измерении – длина, по которому она и могла перемещаться, но тут, откуда ни возьмись, добавляются новые характеристики – ширина и высота. И...

– Никакого и. Как бы вы ни старались, добавить еще одно измерение не получится. Ваш мозг просто перегорит, но ничего не придумает. И вот тогда, будучи трехмерными, –

Агафья Тихоновна приподняла плавник, – и осозная свою беспомощность, мы можем обратиться к цифрам, которые никогда, никому и ничего не запрещают, а с легкостью могут принять все что угодно, даже сто или тысячу измерений в окружающем нас Пространстве. И математика в состоянии не только с лёгкостью принять, но и описать эти Пространства, что совсем немаловажно.

– Я очень хорошо понимаю о чем вы говорите.

– Это очень хорошо, – Агафья Тихоновна довольно улыбнулась, – это значит что дальше будет легче. Вопрос – стала ли общая картина Мира сложнее от того что некая точка вдруг поняла что хоть она сама и может двигаться только вперед и назад по прямой, но все-таки существуют и другие возможности? Общая картина Мира разве усложнилась? Да, с одной стороны да, – Агафья Тихоновна развела плавники в стороны, как бы говоря – ну что тут поделаешь, – но с другой стороны, стало только понятнее и проще. Согласны ли вы со мной?

– Согласен, полностью согласен.

– Тогда давайте вернемся к тому с чего начали, – акула улыбалась, довольная тем что я понимаю ее практически с полуслова, – на чем мы остановились, подождите, дайте вспомнить, – она смотрела на зажатые в своих плавниках бутылочки со временем, – ах, да, на парадоксах. Итак, мы достигаем скорости Света, а попросту нуля, и перестаем уменьшаться вместе со всем, нас окружающим, так?

– Да, да, – я кивнул головой стараясь не пропустить ни слова.

– И нас интересует почему мы не замечаем того, что относительно других вещей становимся больше, так? Ведь если все остальное, имеющее отрицательную скорость, продолжает уменьшаться, то мы с вами имеем скорость ноль, а попросту говоря, мы наконец-то смогли остановиться и отдышаться от постоянного движения, так? И, конечно, мы должны заметить нечто невероятное, а именно – все окружающие нас предметы становятся все меньше и меньше, можно даже сказать что стремительно от нас удаляются, но не в одном измерении, как мы привыкли считать скорость, а сразу в трех, понимаете?

– Да, мне кажется начинаю понимать, – я весь превратился во внимание, и казалось, мои мозги закрипели, переворачиваясь с ног на голову.

– Даже сейчас вам трудно это понять, – Агафья Тихонова не теряла надежды, – просто представьте что сама скорость бывает не только одномерной, но и двух или трехмерной. Возьмем, например, надутый воздушный шарик, – она достала его из-за спины, и поднесла прямо ко мне, – я могу прямо сейчас отодвинуть его подальше от вас, и используя элементарные физические формулы мы сможем вычислить скорость его движения. Это будет одномерная, линейная скорость, скорость воображаемой точки на прямой, так?

– Да, конечно.



– А теперь смотрите, – она разжала плавник, и шарик быстро сдулся, сморщился и упал на спину Артака, на которой мы сидели, – шарик стал дальше от вас? Да, – Агафья Тихоновна сама отвечала на свои же вопросы, – мы его перемещали? Нет. Но он отдалился от вас, причем сразу и по длине и по высоте и по ширине, понимаете? Просто скорость его изменения была трехмерной, а никак не линейной, как мы все привыкли считать.

– И мы с вами, достигнув нулевой скорости, то есть скорости Света, как будто находимся в спокойном центре системы координат с неизменными координатами ноль, ноль, ноль? Посреди бушующего шквала постоянных изменений?

– Да, да, да! – Агафья Тихоновна захлопала в ладоши, – только добавьте еще один ноль – Время. Ибо оно становится равным нулю тоже, а попросту исчезает.

– И поэтому Свет неизменен и игнорирует Время?

– Вы очень умны, – Агафья Тихоновна взяла в плавник бутылочку с мгновениями, и открыла крышку, – для трехмерного создания вы просто невероятно умны! Но посмотрим что будет дальше, – она смотрела прямо мне в глаза, – давайте для математической простоты предположим, что каким-то образом мы с вами все-таки достигли скорости Света, то есть нуля и тем самым перестали уменьшаться, – Агафья Тихоновна подождала пока я кивну в знак согласия и продолжила, – давайте также зафиксируем этот момент для наглядности, так сказать, остановим мгновение, – она хитро

посмотрела на меня и выплеснула содержимое одной из бутылочек прямо в воздух.

Жидкость, с легким шипением растворилась в Пространстве, заставив замереть все вокруг.

– Вот вам реальный замороженный участок Времени и Пространства, где ничего не изменяется, – Агафья Тихоновна, как всегда, из-за спины, достала линейку с сантиметровой шкалой и протянула ее мне, – измерьте что-нибудь, пожалуйста.

Я взял линейку и оглянулся вокруг, размышляя над тем, что же мне измерить. Как назло, вокруг была пустота. Агафья Тихоновна, наблюдая за мной, и видя мою растерянность, вдруг выхватила из Пространства какую-то маленькую кометку, пролетавшую в полуметре от нас и протянула ее мне. Я все понял без слов и тут же приложил к комете линейку.

– 54 сантиметра .

– Отлично, запомните эту цифру, – Агафья Тихоновна аккуратно повесила комету на тоже самое место, – вы помните, что и Пространство, и Время, сейчас заморожены в одном математическом мгновении, и в этом мгновении ничего не изменяется?

– Да, да, конечно, я помню.

– Теперь допустим, что прошел определенный отрезок Времени, и все вокруг уменьшилось ровно в два раза, – акула опять подождала пока я кивну в знак согласия, – наша

задача зафиксировать следующее мгновение, в котором мы сами, как двигающиеся со скоростью Света, не изменимся, но все вокруг уменьшится ровно в два раза.

– Да, я понимаю.

Агафья Тихоновна поколдовала что-то с бутылочкой, и новая порция грязно-серой бурлящей жидкости оказалась на воле. Так же как и в первый раз, с легким шипением, она растворилась без следа. Вокруг нас ничего не изменилось, все было недвижимо и статично. Акула, оглянувшись по сторонам, схватила зависшую на том же месте ту же самую комету и опять протянула ее мне. Внешне комета показалась мне точно такой же как и в прошлый раз, если какие-то изменения и произошли, то незначительные, неуловимые невооруженным глазом. Я тут же поднес линейку, которую все это время держал в руках, к комете.

– 27 сантиметров, – от удивления я открыл рот, не в силах более вымолвить ни слова, – но позвольте.. Как же так? Она стала в два раза меньше, но выглядит точно так же, как и в прошлый раз. Значит и мы уменьшились, раз не замечаем разницы?

– Нет, мы не уменьшились, иначе бы уменьшилась и линейка, которая все это время была у вас в руках, не так ли? – Агафья Тихоновна усмехнулась и хитро посмотрела на меня, – ведь линейка все это время двигалась как и вы, со скоростью света, и не подверглась уменьшению.

– Но как тогда все это происходит? – мысли сбились в ку-

чу, и я окончательно потерял способность к размышлению.

– Время играет с вами, – акула сокрушенно покачала головой, – а ваш мозг подыгрывает ему. Но я попытаюсь объяснить.

– Да уж, сделайте одолжение.

– Каждое мгновение вокруг вас формируется абсолютно новая реальность, но с чем мы можем ее сравнить? Только с тем что было, не так ли? А где находится то, что было? Назовите мне такое место, куда ваш мозг может отправиться чтобы сравнить то, что есть сейчас, с тем, что было ранее?

– Я... Я не знаю... Что это за место такое?

– Ваша память, что же еще? – Агафья Тихоновна тихонько засмеялась.

– Моя память – такое же место для хранения прошлых мгновений, как и вселенская кладовка? – моя челюсть опять отвисла.

– Конечно. Прошлое ваш мозг заменяет памятью, а будущее – ожиданием, но это совсем не значит что все, находящееся там, перестает существовать. Оно хранится в таком же замороженном и неизменном состоянии, ибо мертво. Мертво для вашего трехмерного разума, но только для него. Он считает прошлое мертвым, а значит, неизменным.

Я так и продолжал сидеть с широко раскрытым ртом, но это мне совершенно не мешало внимательно слушать Агафью Тихоновну.

– И нынешнюю комету, уже уменьшенную в два раза, –

она покрутила ее в плавниках, – вы можете сравнить только с той кометой, которая осталась в вашей памяти. Более ни к чему у вас доступа нет, ибо возможности мозга очень и очень ограничены. Это понятно?

– Да, это понятно.

– Но ваш мозг ошибается, – Агафья Тихоновна, казалось, была готова сказать нечто сногсшибательное, ее всю распирало от находящейся внутри информации, она уже просто не могла сдерживать ее напор, – ваш мозг очень сильно ошибается, убедив себя что прошлое статично и неизменно.

– Я... Я не понимаю.

– Прошлое, как и будущее, пластично и поддается коррекции, и ваша кладовка с нагромождением прошлых событий, точно так же, как и все остальное, изменяется каждое мгновение. И если бы вы смогли сейчас туда залезть, чтобы измерить вот эту самую комету, она была бы ровно 27 сантиметров. Хотя запомнили вы ее в два раза большей. Бинго! – акула сама захлопала в ладоши, любуясь моим изумленным выражением лица, – и именно поэтому, отправляясь в вашу память, чтобы сравнить, вы находите там комету, уже уменьшенную в два раза. Понимаете? И когда вы, довольный и счастливый, возвращаетесь назад, в настоящее, то не находите никакой разницы. Ни видимой, ни измеряемой разницы...

– Ааааа... – только и смог промычать я, лихорадочно соображая, – то есть прошлое меняется с той же легкостью, что

и настоящее?

– Ну конечно же. Оно никуда не девается и продолжает существовать в живой и постоянно меняющейся Природе, что бы про это ни думал ваш мозг.

– Но позвольте, а если я измерю себя вместе с кометой, в двух разных мгновениях, каков будет результат?

– Вам нет необходимости возвращаться в прошлое, чтобы сравнить себя самого тогда с самим собой сейчас, не так ли? Ибо вы постоянно присутствуете сами с собой в настоящем моменте.

– Да, конечно.

– И тут ваш мозг становится некомпетентен, ибо доверяет более всего тому что видит. А видит мозг только то, что знает. И в конце концов, он показывает вам фильм, даже отдаленно не напоминающий реальность. Ну вы и сами видели, – Агафья Тихоновна кивнула на безмятежно летящего Артака, напоминая мне о том как выглядит Мир глазами дракона.

– Мне кажется я понимаю.

– Еще бы, вы понимаете. Конечно, вы понимаете.

– Но есть еще вопрос. Что вы имели в виду, когда употребили термин «математическое мгновение»?

– Ооооооо, – Агафья Тихоновна от удивления широко распахнула глаза, – вы заметили! Это очень и очень важный момент. Наверняка, вас также заинтересовало, а почему это комета, между двумя замороженными мгновениями не поменяла свое местоположение в Пространстве?

– Да, именно об этом я и хотел спросить. Я подумал, и решил, что математическое мгновение – это нечто абстрактное, и скорее всего, равное нулю, не так ли? Тогда получается что мгновением раньше или мгновением позже – неважно, ибо ноль плюс ноль всегда ноль, ведь так?

– Да, вы совершенно правы, – акула все внимательнее приглядывалась ко мне, словно пытаюсь понять до какой глубины простираются мои познания об абстрактных величинах.

– И несмотря на то, что мы использовали три мгновения...

– Три? – акула прищурилась, – какие три?

– Первое мгновение, которое мы заморозили, – я считал загибая пальцы на руке, – второе, которому мы позволили пройти мимо, дабы дать возможность всему уменьшиться, и третье, контрольное, которое мы опять заморозили, чтобы провести эксперимент, правильно?

– Совершенно верно, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула и, как мне показалось, опять с восхищением посмотрела на меня, – совершенно верно, продолжайте, продолжайте же вашу мысль. Она даже сейчас уже, даже выраженная в такой форме, пахнет гениальностью.

– Именно поэтому комета не сдвинулась с места, ибо за одно, равное нулю мгновение, она не в состоянии изменить свое местоположение, независимо от скорости, с которой она движется, ведь так?

– Да.

– Но тем не менее, за тоже самое мгновение все изменилось, уменьшившись в два раза, правильно?

– И это верно.

– Тогда если предположить что в одной секунде миллион или даже миллиард мгновений, и в каждое их них Мир будет сжиматься в два раза, получается что? Получается полная белиберда...

– Нет, что вы... – Агафья Тихоновна мягко поправила меня, – получается классический и очень милый парадокс. И как вы верно заметили, парадокс не математический, ибо математике все равно, а парадокс физический, парадокс физики нашего трехмерного восприятия действительности, которым мы должны пренебречь, если желаем понять Истину.

– А в математике парадоксов не бывает?

– Нет, после того как в математику ввели понятие «ноль» и «бесконечность», она навсегда избавилась от всех возможных парадоксов, ибо эти величины сами парадоксальны, и они перетянули на себя одеяло парадоксальности с любой математической формулы. Ведь что такое эти две величины, с точки зрения, например, физики? Нам так и не удалось это объяснить и понять, тогда как математика с легкостью и изяществом оперирует абстрактными величинами, позволяя вам выйти за рамки трехмерности вашего мозга.

Некоторое время я просто сидел и молчал, размышляя, пробуксовывая в своих мыслях, возвращаясь на несколько



шагов назад, чтобы еще раз прокрутить в голове все услышанное и сказанное, пытался сконцентрироваться на происходящем, и в конце концов, надежно закрепив в памяти пройденный материал, обернулся к Агафье Тихоновне. Она, видимо решив дать мне столько Времени, сколько необходимо, чтобы разобраться со всем самостоятельно, перебирала содержимое моего рюкзака. Бутылочки с цветом, которые она иногда доставала, освещали Пространство вокруг нас ярко, бело и солнечно, и опять было не разобрать, какой цвет там был первоначально. Они светились бесцветно, наполняя меня какой-то непонятной мне самому уверенностью в том, что все идет именно так как надо, что все движется именно в ту сторону, в которую необходимо всем нам. Всем нам, без никаких исключений.

18

– И все-таки, почему цвет почти пропал? – я взглядом показывал на рюкзак в руках акулы, имея в виду разноцветные бутылочки внутри него.

– Я не знаю, – Агафья Тихоновна закрыла рюкзак и проверила не расходится ли замок, – я могу только предполагать.

– И каковы предположения?

– Думаю, существует несколько вариантов, почему так происходит. Может быть верен один, а может другой, вполне вероятно также что частично верны оба из них, – Агафья

Тихоновна усмехнулась, – не исключено что есть и третий, неизвестный ни мне, ни вам, и он-то и может оказаться правильным. Мы можем только предполагать, не более того.

– И все-таки каковы ваши предположения?

– Так как сами цвета являются лишь особенностью восприятия человеческого зрения, логично было бы предположить что потихоньку вы становитесь драконом.

– Я? Драконом? – я поперхнулся от неожиданности слюной, – в каком смысле?

– В самом что ни на есть прямом.

– Внешне? Внутренне?

– Ну внешне вы остались человеком, – Агафья Тихоновна осмотрела меня с головы до ног, даже пощупала, и усмехнулась, – это я вам точно говорю, а вот насчет внутренних изменений мне неизвестно. Это надо у вас спросить.

– Но внутреннее всегда определяет внешнее, не так ли?

– Так ли, так ли, – она засмеялась, – но далеко не всегда. Внутренние изменения недоступны глазу, они доступны одному лишь Сознанию. И лишь Сознание, перестроившись в соответствии с новыми реалиями начинает изменять внешнее, понимаете? Существует промежуток, в котором, уже изменившись внутренне, вы все еще остались неизменны внешне. Вы видите окружающий вас Мир таким же красочным как и прежде? Я имею в виду не яркость Света, а насыщенность цветов?

– Я... Я не знаю. Если какие-то изменения и произошли,

то совсем незначительные, и если даже это так, то происходят они постепенно, понимаете, давая мне время к ним привыкнуть, – я оглядывался вокруг в поисках цветов, которые мог бы оценить, – поэтому не могу вам сказать точно. Солнца на небосводе как были красными, так и остались, но изменилась ли насыщенность цветов я не могу определить на глаз.

– Я понимаю, – Агафья Тихоновна тоже посмотрела на солнца и повернулась ко мне, – неважно, это всего лишь одно из предположений, не забывайте.

– Но если оно верно, значит я постепенно превращусь в дракона?

– Вне всякого сомнения, – Агафья Тихоновна кивнула головой и ласково потрепала Артака за шею, шепнув ему что-то на ухо, – непременно превратитесь.

– Хм... И это обязательно?

– Выглядеть как дракон?

– Да.

– Стать драконом – это, скорее, неизбежность. Но выглядеть как дракон необязательно. Есть один нюанс, – она улыбнулась, – любой из существующих драконов сам выбирает свой внешний вид. Возможно, вы встречали уже нескольких, но не смогли разглядеть за принятым телесным обликом драконью сущность.

– А вы? Вы случайно не дракон?

Я? – Агафья Тихоновна громко рассмеялась, – я? Я несо-

мненно им стану, но только вместе с вами, – она хитро прищурилась и добавила, – в одно и тоже мгновение и ни одним мгновением раньше или позже.

– Если я верно вас понимаю, мы станем одним и тем же драконом? – тут уже хитро прищурился я, – не так ли?

Агафья Тихоновна молча и неопределенно качнула головой. Невозможно было определить однозначно что она имела в виду. Немного помолчав, мы вернулись к обсуждению возможных вероятностей и предположений.

– А может быть и не в вашем превращении дело. Возможно, изменились совсем не вы, возможно изменились сами краски. Ведь все-таки, мы приближаемся к черной дыре, и все физические объекты, что вполне логично, могут изменять свои свойства и качества.

– Но ведь цвет – это не свойство? Цвет – это особенность человеческого восприятия?

– Да, конечно. Но если изменится качество воспринимаемого человеческим глазом объекта, уж наверняка изменится и видение того кто воспринимает, то есть то, что вы видите. И цвета в том числе.

– Наверное, вы правы.

– Я права? Что вы. Это вы совершенно правы.

Я посмотрел на Агафью Тихоновну и мне в голову пришла одна, как мне показалось, замечательная идея.

– А вы воспринимаете цвета?

– Совсем немного. Нельзя сказать что я их совсем не ви-

жу, в сетчатке моего глаза присутствуют воспринимающие цвет рецепторы, однако их количество незначительно. Если говорить вашим языком, то акулы видят окружающий Мир в слабо окрашенном сером или зеленоватом цвете, – Агафья Тихоновна развела плавники в стороны, что должно было означать сожаление, – это и не удивительно. Акулам незачем любоваться пейзажем морского дна, им гораздо важнее видеть присутствие объекта в воде, его удаленность, размеры, и получить общее представление о его пищевой ценности. Так что яркое цветное зрение нам совсем ни к чему.

– Жаль, а я думал...

– Я знаю что вы думали. Вы хотели попросить меня взглянуть на бутылочки с краской чтобы узнать изменился ли цвет. Но не думаю что смогу вам в этом помочь, – акула, казалось, и сама была расстроена.

– Да, хотел.

Я было приуныл, но Агафья Тихоновна немного подумав, добавила:

– Однако, у акул, как впрочем и у некоторых других животных, например, у кошек, все-таки есть одно существенное отличие от человеческого зрения, не знаю только, поможет ли это нам.

– Что? Какое?

– Особенностью акульего глаза является наличие за сетчаткой специального слоя, который возвращает любой, сумевший проскользнуть незамеченным, лучик света обрат-

но в сетчатку. Это своеобразное зеркало, отражающее назад необработанный свет. В результате чего ни один луч света, попадающий в глаз акулы, не останется без должного внимания и рассмотрения.

– Ух ты, – я в восхищении посмотрел на Агафью Тихоновну, – получается что вы не имеете слепых пятен?

– Да. Получается что я вижу гораздо острее человека, не говоря уже о том, что я вижу абсолютно все вокруг. Но не знаю, поможет ли это нам решить вопрос с цветом краски в бутылочках.

– Вы говорите, что это какой-то особый, напоминающий зеркало, слой?

– Да, именно зеркальный. Когда, шагая в темноте, вы видите сверкающие глаза кошки, это возвращается попавший на зеркальце за сетчаткой свет. Представляете теперь, сколько света проходит необработанным мимо сетчатки человека?

Я приблизился к Агафье Тихоновне вплотную и заглянул в черные, словно покрытые лаком глаза. Мое отражение было достаточно четким, но немного искаженным, закругленным по краям. Глянцевые, блестящие глаза акулы постепенно пропускали меня внутрь, позволяя увидеть их строение. Агафья Тихоновна тоже всматривалась в мои, широко распахнутые глаза, и ей казалось (а может быть и нет) что мой зрачок приобретает вертикальный, драконий разрез, одновременно окрашиваясь в блеклый, грязно-желтый цвет.

Некоторое время мы просто привыкали к картине, открывшейся нашему, теперь уже новому взору и постепенно погружаясь в зеркала друг друга, все равно что сливались в одно, цельное существо с общими мыслями и желаниями.

Одновременно с кажущимся изменением облика моих глаз я начал слышать мысли Агафьи Тихоновны так же четко как и свои, и каково же было мое удивление, когда это оказались они же, словно отраженные в зеркале мои собственные мысли, плавно перетекающие между двумя отдельными существами, как между двумя зеркалами, и не встречающие на своем пути никаких физических преград.

Агафья Тихоновна первой очнулась от некоторого оцепенения, охватившего нас и мягко отстранила меня.

– Вы превращаетесь в дракона, тут и думать нечего.

– Это хорошо или плохо?

– Это закономерно и ожидаемо.

– Но что именно меня превращает?

– Ваше Сознание. Оно способно, конечно, и на большее, но и вы только в самом начале пути.

– И я смогу летать?

– Вы сможете все что угодно. Драконы – это высшие существа.

– Высшие?

– Высшие, но не как боги, ибо никаких богов нет, и вам это хорошо известно, а высшие в своем Сознании, высшие в способности понять, высшие во всех своих способностях и

возможностях, высшие в своей свободе изменяться, высшие по своей Природе, ибо слившиеся с ней воедино. Вы превращаетесь в дракона, – Агафья Тихоновна опять наклонилась к Артаку и прошептала что-то ему на ухо, – вы, а значит и я сама, как неотъемлемая ваша часть, – она улыбнулась, – да будет так.

Артак внезапно изменил курс и направился к одной из красных, а если быть точнее, то инфракрасных горошин.

– Куда это мы?

– На солнце, – Агафья Тихоновна была явно довольна произведенным эффектом, – прямо на одно из нарисованных, но от этого не менее реальных солнц.

– Так подождите, подождите, – я было вяло запротестовал, но сам не мог понять против чего конкретно, – почему на солнце? Мы же летели в самый центр, в центральное сплетение!

– И мы летим уже достаточно долго, но не приблизились ни на шаг, вы заметили? Время играет с нами злую шутку, нам надо обдумать сложившуюся ситуацию и принять верное решение, – Агафья Тихоновна опять погладила Артака по шее, – да и нашему дракону нужен отдых.

– Но почему нам не приземлиться на ручку зонта? Вот она прямо под нами, – мне казалось что лететь на солнце, пусть и нарисованное, верх безрассудства, – смотрите, стоит только руку протянуть.



– Ручка зонта так же иллюзорна, и так же далека от нас, как ваши, пока еще не проявившиеся в полном объеме способности, – Агафья Тихоновна смотрела мне прямо в глаза, давая возможность заглянуть в ее голову и обменяться мыслями, – нам явно следует отдохнуть, подкрепиться и, кто знает, возможно, в последний раз отправиться в путешествие в том качестве, в котором мы находимся сейчас. Кто знает... – повторила Агафья Тихоновна и протянула мне рюкзак с светящимися изнутри красками.

Оставшуюся до ближайшей звезды часть пути мы провели молча, изредка обмениваясь незначительными, спонтанно возникающими мыслями. Иногда к нашему мысленному обмену подключался и Артак, мы это чувствовали, знали, были уверены что это он, однако его мысли, облаченные лишь в Свет, а не в слова, как наши, все еще оставались полностью нерасшифрованными и немного загадочными.

Вдоволь наигравшись обретенной способностью слышать еще не сказанное я незаметно сам для себя погрузился в размышления.

Наше путешествие было настолько живым и действительным, что не вызывало никаких сомнений в своей реальности, однако, то что происходило, все-таки напоминало скорее сон, какое-то видение, марево, мираж, а возможно, просто мое разыгравшееся воображение играло со мной злые шутки. Такой вариант я также не мог полностью исключить.

Бессчётное количество раз я щипал себя за различные части тела, в надежде (а скорее в страхе) проснуться, однако сон продолжался, затягивал, интриговал и продолжал манить и притягивать своей необычностью, простотой и ясностью понимания, если хотите, ясностью Сознания. И я, снова и снова, с радостью погружался внутрь сна с головой, испытывая ни с чем не сравнимые эмоции, которые, как мне казалось, делали из меня совершенно другого человека. Да и человека ли? И сон ли это? Впрочем, это было совсем неважно.

Артак, мощно работая крыльями, почти достигнул ближайшей к нам нарисованной купольной звезды. С каждым взмахом крыла она становилась больше и ярче, но не теряла своего цвета, а совсем наоборот, цвет густел, как кисель на огне, и переливался насыщенными, и одновременно яркими оттенками красного. Что и сказать, японские краски были отменного качества. Как впрочем и зонты.

По мере нашего приближения к звезде температура росла, но незначительно. Я бы даже сказал – еле уловимо. Когда мы подлетели настолько близко, что громадное тело звезды растянулось по всему горизонту, даже тогда излучаемый ею инфракрасный свет (а судя по всему наша звезда могла излучать только в инфракрасном и видимом спектре) ощущался поверхностью моей кожи как обыкновенное тепло, будто я находился в непосредственной близости не к огромному и пугающему своими размерами светилу, а к простой и, к тому же, не очень горячей батарее центрального отопления. Свет

грел, но не обжигал. Складывалось такое впечатление, что в ядре звезды происходит не синтез новых элементов, для которых, как известно, необходимо колоссальное давление и колоссальная же температура, а нечто другое, согревающее окружающее Пространство ровным теплом. Теперь и я, согласившись с Агафьей Тихоновной, был полностью уверен что путешествие на звезду такого типа несколько не может нам навредить, а возможно и совсем наоборот. Ведь все то что нас не убивает лишь делает нас сильнее, не так ли? А если и не сильнее, то уж разумнее – так точно. Впрочем, значит и сильнее.

Выполнив крутой вираж, Артак мягко приземлился на лапы, и поверхность звезды немного спружинила, прогнулась под ним, словно натянутый батут, сделав нашу посадку более комфортной чем ожидали мы с Агафьей Тихоновной. Артак тяжело дышал, да оно и понятно, ведь он провел в полете целый день. День ли? Когда в этом мире наступал день, а когда ночь? Были ли здесь эти простые земные понятия? Сотни солнц освещали нас со всех сторон изогнутого, уходящего в горизонт темно-синего купола. Странно было осознавать, что мы находились практически в центре одной из звезд, но еще необычнее было видеть то, что поверхность звезды не шарообразная, а скорее совсем наоборот – вогнутая, как спутниковая тарелка, в центре которой мы находились. Это закругление почти не было заметно глазу, однако где-то там, вдалеке, равнина простирающейся вдаль поверхности заги-

балась кверху, создавая впечатление, что на горизонте нашего восприятия, все выше и выше, поднимаются пологие красные, в цвет самой звезды, холмы. Они окружали нас со всех сторон, и их вершины плавно переходили в нечто другое. Холмы заканчивались пронзительной синевой, уходящей еще выше, еще дальше, пока хватало глаз. Другие звезды совсем не были видны, однако я понимал, что они были, просто расстояния до них настолько огромны, что никакого, даже самого острого зрения было недостаточно для того чтобы их рассмотреть. Однако, человек на то и человек, чтобы то, что невозможно охватить взглядом глаз, с успехом заменить взглядом мысленным, внутренним взглядом своего воображения и своих Знаний. Я представил себя маленькой песчинкой, размером меньше атома, прикрепленной к внутренней поверхности раскрытого зонта. Моего зрения хватало лишь на то чтобы охватить один единственный и неделимый участок красного, одного-единственного нарисованного солнца, но я точно знал что за ним есть и другие, точно такие же, теплые и уютные звезды, ярко выделяющиеся на фоне синего неба и формирующие купол зонта. Кто знает, может с другой стороны купола шел дождь, и влага, собираясь в мощные капли, размером с моря и океаны, скатывалась по поверхности раскрытого зонта вниз, питая и насыщая нашу Землю, которую мы покинули, казалось, уже целую вечность назад. Кто знает. Все эти мысли промелькнули в моей голове, наверное, за секунду, какая-то детская, не имеющая

под собой никаких реальных причин, радость наполнила меня с ног до головы, и я, никого не спрашивая и совершенно не беспокоясь о последствиях, решив не дожидаться когда нам подадут трап (а попросту, когда Артак выставит крыло, по которому мы всегда понимались ему на спину), спрыгнул вниз, прямо на пылающий красный цвет, излучавший тепло и уверенность. Уверенность в своей безопасности. Наверное, такая уверенность бывает только в тех случаях когда бояться действительно нечего. Мудрый организм дает понять однозначно – тут безопасно. Хотя точно такая же уверенность может быть и тогда, когда уже совсем нечего терять.

Звезда опять спружинила на манер батута и немного подкинула меня вверх. Только сейчас я окончательно понял, что верх и низ поменялись местами, ведь мы приземлились на внутреннюю поверхность купола. Однако никакого дискомфорта это не доставляло, мое физическое тело с радостью и без всякого напряжения подстроилось под новые реалии. В моем Сознании верх и низ просто поменялись местами, как например, если бы я жил где-нибудь в Австралии. Ведь, если хорошенько подумать, то в южном полушарии Земли все люди и животные тоже ходят вверх ногами.

Судя по моему ощущению собственного веса, с гравитацией здесь было все в порядке, и нарисованная звезда притягивала ничуть не хуже всамделишной. Мой организм работал в привычном режиме, сердце перекачивало кровь вверх от конечностей к голове, борясь с силой тяготения, и я абсо-

лютно не чувствовал себя в подвешенном состоянии.

Спрыгнув, я наклонился и рукой потрогал звезду. Ее поверхность была шершавая и немного скользкая, переплетенная из толстенных нитей нейлона. Каждая нить была толщиной метра в два, и я чувствовал себя стоящим на толстом канате, который переплетался с точно такими же, практически идеально подогнанными друг к другу канатами. Сами канаты, в свою очередь, состояли из множества скрученных веревок, но и на этом деление не заканчивалось, веревки состояли из нитей, и если присмотреться, то и нитки были не последними в этой пирамиде строений. Можно сказать, звезда дышала, и совсем немного просвечивалась, позволяя рассмотреть тени и очертания того что было внутри нее. Возможно, и не внутри вовсе, а позади, с той стороны купола, ведь, судя по всему, я стоял на натянутой ткани, которая мягко пружинила под ногами. Не могу сказать что надо было прилагать какие-нибудь, даже незначительные усилия для того чтобы удержать равновесие. Звезда, хоть и пружинила, но незначительно и я мог без труда твердо стоять на своих собственных ногах, не нуждаясь в какой-либо дополнительной опоре или поддержке. Стоял и с интересом заглядывал внутрь этого необычного, и такого теплого и уютного солнца. Что же там было? Ядро звезды? Или нечто похожее на него, огромное, яркое и плотное? Не разобрать. Лишь непонятные очертания и тени скрывались внутри бесконечной, нагретой поверхности. Однако меня это если и интересовало, то ин-

тересовало так, постольку поскольку. Какая-то внутренняя, маленькая уверенность в собственной безопасности чередовалась, а может была частью другой, большой уверенности в том что все что необходимо мне расскажут и так. И прилагать какие-то усилия чтобы что-то узнать нет необходимости. Ведь ничто в Мире не сокрыто и я знал, что и этот Мир не является исключением из этого правила. Череда событий, случившихся со мной за последнее время вселили в меня твердую уверенность в безвредности всего происходящего. Я с радостью принимал любое событие, пропускал его через себя, и выпускал наружу не то что не поврежденным, но даже не измененным, можно сказать, в точности таким же, каким оно пришло. Я научился принимать. Принимать, не пытаясь управлять. Принимать тотально, как животное. Принимать все, что бы не произошло, и главное – принимать с благодарностью. Наверное, в один из моментов. я точно так же, с благодарностью приму свою смерть, которая безусловно придет. Придет не когда-нибудь завтра или через год. Она придет сегодня, в этот самый миг, в это мгновение. Что мне тогда останется делать? Ничего, кроме как принять происходящее. Но и торопить события совершенно не стоит. Всему свой час, и если он настал, то это может значить только одно. Пришло его Время. Наступил час икс именно для этого конкретного события. Так что если пока еще я и не мог разглядеть то, что находится внутри этого небесного тела, значит просто не пришло Время. Было бы глупо торопиться. Но

Время придет. Оно всегда приходит вовремя. Это правило без исключений.

Каждый бутон распускается в свое время. Не надо заставлять его становиться цветком раньше срока. Не надо отгибать лепестки. Они очень нежны и вы можете их поранить. Подождите и лепестки раскроются сами, привнеся в вашу жизнь много прекрасного. И что самое главное – именно тогда, когда вы готовы это принять. Природа не умеет ошибаться. И не умеет врать. Она не покажет то, чего нет, но и не скроет то, что существует. Природа честна, честна и благодарна, и готова открыться человеку. Открыться, но исключительно на паритетных условиях. Для человека это значит только одно – надо быть честным. Быть благодарным. Быть принимающим, быть частью целого, частью этой самой Природы. Борьба с Природой, как и борьба с собой бесполезна. Потому как и проигравший и выигравший – только ты сам. Усилия равнотратны в любом варианте. Так не лучше ли выигрывать? А возможно это только в одном случае – будь как Природа, будь честным и искренним. Не для кого-то, а для себя самого, ибо самое страшное что может произойти с человеком – это жизнь во лжи.

Я продолжал качаться на еле заметных, невысоких и упругих волнах, которые формировала поверхность этого небесного тела, и не задумывался более ни о чем. Моя голова бы-



ла пуста как пластиковая пробка от советского шампанского. Продолжая покачиваться на звездной ткани, я случайно оглянулся и заметил что Артак делает тоже самое. Он лежал на спине, щурясь от непривычного красного света, и по всему было заметно, что это приносит ему чистое, ничем не затронутое и затуманенное удовольствие. Что было у него в голове? О чем он думал? Думал ли он вообще? Может он и был самой мыслью, этой невидимой, а от этого еще более мощной энергией. Обнаженной мыслью, облаченной в телесную оболочку для нашего, с Агафьей Тихоновной, удобства. Может именно поэтому я не мог услышать то, что он думает, ибо он сам и был этим процессом, и его внешний облик формировался в соответствии с его размышлениями, состоящими из невесомого Света? Может так? Не было ответов на эти вопросы, не было. Но я твердо знал одно – в свое Время, в нужный час, в определенное мгновение ответ проявится в моей голове, ибо любой ответ неотделим от вопроса, и если где-то возник вопрос, то рано или поздно рядом с ним появится и ответ. Ответ и вопрос неразделимы как молекула кислорода,  $O_2$ , состоящая из двух навечно связанных атомов. Только тогда кислород в состоянии нести Жизнь, а не просто окислять, а следовательно, и убивать. Ведь по своей сути один кислород, без водорода, является сильнейшим окислителем, ядом если хотите, и вполне возможно что ему просто необходимо длительное и протяженное Время, лет так 70 или 100, чтобы справиться с человеком.

Ну тем не менее, как молекула воды, неразрывно состоящая из двух атомов водорода и одного атома кислорода, так и любой вопрос неразсторжимо связан с уже готовым на него ответом. Невидимым человеческому глазу и разуму ответом. Но стоит только настроиться на определенную волну, на нужную частоту вещания, как ответ проявится в материальном, для наших глаз, Мире. Вот так просто.

Агафья Тихоновна собирала на стол какую-то еду, что-то домашнее, неприхотливое и простое. И где она ее только раздобыла? Наверное, там же где достает все остальное, когда в этом возникает необходимость – в окружающем нас и сконцентрированном в одной точке Пространстве, где все мы и находимся. И где находится все что нас окружает. В Пространстве, силою человеческой мысли переплетенном и ставшим неразрывным со Временем, в Пространстве, которое, скорее всего, является лишь иллюзией. Иллюзией, ставшей единственной возможной реальностью для всех нас и лишь одним из множества проявлений великой Силы, суть которой нам никак не удастся постичь.

Если исходить из того что я уже знал, можно было утверждать одно – Пространство не большое и не маленькое. Пространство – не объемное и не плоское. Пространство не длинное и не короткое, не выпуклое и не вогнутое. Пространство вообще не имеет никаких физических размеров.

Пространство – точка, точка без координат и привязки ко Времени, ибо то что было, то что есть и то что будет, существует там одномоментно, единовременно, сразу, целиком и полностью. Пространство можно было представить как чистый белый лист, на котором наши мысли выписывают свои вензеля. Напишем – пылинка – и вот она, напишем – самолет или ракета – и они тут как тут, напишем Любовь – и сразу же заметим, почувствуем, как она тебя обволакивает, напишем – ненависть – и окунемся, погрузимся в нее целиком. Можно написать – я живу – и жить полноценной и счастливой жизнью, а можно – ненавижу, и сгореть в огне собственной ярости и злости. Одно слово «улыбка» приведет к безудержному веселью, а «грусть» – откроет врата размышлений и серьезности восприятия.

И все это возможно всего лишь на одном белом листе простой бумаги, находящимся в руках у любого ребенка. И чем младше ребенок – тем добрее и красочнее Мир, который он создает. С возрастом краски тускнеют, теряются, Миры получают дождливые, с грозами и ветрами, иногда даже молниями, но в старости, если пройти все этапы взросления, в старости, когда так много позади, нарисованный или созданный Мир вновь все больше и больше напоминает детские, неосознанные творения. Старость возвращает нас к истокам. К началу. К доброте и непосредственности. К принятию.

Пространство в моем сознании напоминало жесткий диск на компьютере, в который можно было закачать тысячи

фильмов, тысячи жизней и тысячи судеб. Разных судеб, но по сути своей одинаковых. Любое наполнение – всего лишь информация, и сам диск от этого не меняется – он просто транслирует то, что в него заложено. И даже размер самого диска не имеет никакого значения, ибо на диске может быть записаны миллионы жизней, и потеряв свою, ты в сущности ничего не теряешь. Точнее, теряешь одну миллионную часть себя.

Возможно, в скором будущем технологии шагнут настолько далеко, что человечество начнет производить диски размером с один атом, но одновременно с бесконечной вместимостью. Чем тогда этот диск будет отличаться от того Мира, где мы живем? Да ничем. Может оно уже так и есть, и все парадоксы в науке происходят оттого что невозможно объяснить нарисованный Мир, нет в нем тех незыблемых и постоянных законов, которые человек так пытается отыскать. И ребенку или взрослому, как впрочем и глубокому старику, нарисовавшему свою картину Мира ничего не стоит добавить в него новые детали, а возможно, и стереть ластиком что-то, уже нарисованное, но ставшее ненужным. И почему же тогда, все думающее человечество, после изменения каких-либо исходных данных, начинает бегать с изменившимся от ужаса лицом в поисках объяснений. Что? Как? Почему?

А ребенок продолжает неторопливо рисовать, придумывая новые и новые законы, которые мы никак не можем открыть. Потому что просто не успеваем. Ребенок рисует но-

вое и стирает то, что хочет изменить, то, в чем отпала надобность. Рисует и даже представить не может что где-то там, на двухмерном пространстве белого листа проходит трехмерная, кажущаяся нам, нарисованным людям, реальной, Жизнь. Жизнь с таким же «реальным» понятием как Время. И не может представить ребенок, что люди, которые живут на его листе и в его рисунке уже создали свою цивилизацию, и более того, нарекли ее разумной. И в голове у него не укладывается, да и не может уложиться, что эти же люди создали машины и компьютеры, используя образ и подобие самих себя. И что внутри компьютеров тоже вполне себе может происходить какая-то возня, называемая Жизнью, но уже в безмерном, информационном пространстве, так как нет там ни длины, ни ширины, ни высоты. И вполне вероятно, что все, абсолютно все эти Пространства являются одинаковыми по своей сути, но воспринимаются по разному лишь его обитателями, лишь теми кем они населены. Ведь изнутри всегда все выглядит по разному, но снаружи все одинаково и неизменно. Да и есть ли они, обитатели этих бесчисленных Миров и написанных картин? Возможно они, как и мы, просто нарисованные персонажи какой-то детской сказки, возмнившие себя разумной, и что даже смешно – единственной формой такой непонятной для нас Жизни.

Множество вопросов роилось в моей голове. И значить это могло только одно – ответ где-то рядом. Он бродит в жесткой сцепке с вопросом, как второй атом кислорода в мо-

лекуле O2. И проявится он вовремя и тогда сможет прояснить многое. Многое, если не все. Надо просто немного подождать, дать возможность бутону перейти в новое состояние, дать шанс цветку распуститься самостоятельно, ведь произойти это может именно тогда когда необходимо. Вовремя. Необходимо ему самому, а значит и всем нам.

Мягко подкатившись к Агафье Тихоновне, я наблюдал как она выкладывает на стол целую гору различных фруктов. Сам стол, появившийся ниоткуда, очень напоминал тот стол, за которым мы сидели в самом начале нашего знакомства, в столовой зоопарка. Массивные стулья с большими деревянными спинками лишь усиливали сходство.

– Стол, – только и произнес я, словно здороваясь со старым знакомым и погладил гладкую деревянную поверхность рукой. Поверхность, как бы в ответ, погладила мою ладонь своей выкрашенной белым, глянцевой плоскостью, словно отвечая на мое приветствие.

Агафья Тихоновна на секунду оторвалась от сервировки и подняв на меня глаза, спросила:

– Узнаете?

– Узнаю.

– Стол за которым вы уже сидели. Думаю, это немного символично, использовать его же прямо сейчас, когда нам удалось добраться до ближайшей звезды.

– Но это же не конец нашего путешествия? – я затаил ды-

хание в ожидании ответа.

– Путешествие никогда не заканчивается, – Агафья Тихоновна закончила собирать на стол и жестом пригласила меня присесть, – никогда, – повторила она уверенно, – даже смерть не в состоянии остановить вечное движение, называемое людьми Жизнью.

– Даже смерть?

– Конечно. Смерть – это часть Жизни, а совсем не ее конец.

– Но для меня-то все как раз и остановится с моей смертью, не так ли?

– Вы думаете? – она взяла со стола ананас и ловко орудуя ножом, разделила его на части, – вы думаете ваша смерть – это конец всего вашего существования?

– Я не знаю.

– Давайте рассуждать логически. Вот ананас, который мы сейчас съедим. Жив он или мертв – нас сейчас не интересует. Нас интересует только одно – он был и его не стало. Закончилась ли его существование на этом?

– Как ананаса – да, ибо мы его съели. То есть уничтожили физически. И нет больше у нас материи под названием ананас.

– Постойте, постойте, – Агафья Тихоновна засмеялась, – как это – уничтожили физически? Ананас был на столе, а теперь он в вашем желудке. Вы, как и я, в состоянии уничтожить лишь образ чего бы то ни было, образ или ваш мыслен-

ный рисунок, но никак не материю из которой он состоит. Понимаете? Вот ананас, – она еще раз откусила сочный кусок так, что сок потек по ее челюсти, – и вот он уже внутри меня. И теперь ананасом стала я сама, точнее одна из моих частей. Что-то внутри меня приняло атомы и молекулы из которых состоял этот заморский фрукт и соорудило из них нечто новое, какую-то часть моего тела, возможно, какой-то орган или еще что-нибудь важное и нужное. Нас же интересует только одно – перестал ли существовать сам ананас или он просто переродился во что-то другое?

– Сам ананас, как цельный предмет, существовать перестал, – я был уверен в своей правоте и настойчиво повторял уже сказанное, – а составляющие его атомы, растворившись в вашем или моем теле, стали компонентами наших тел, то есть нами.

– Отлично, – Агафья Тихоновна удовлетворенно кивнула головой, – то есть ананас прошел, как бы это сказать, – она пыталась подобрать нужное слово, – фазовый переход, что ли, и превратился в нечто новое, ранее для него недоступное, так?

– Да, наверное, так, – я заинтересованно повернулся к собеседнице, пытаясь скрыть охватившее меня волнение, что случалось всегда, когда какая-то часть Истины должна была вот-вот открыться, – даже не наверное, а именно так.

– Значит ли это что ананас, не обладавший до этого понятной нам формой Сознания или самосознания, это уж как



хотите, вышел на новый уровень развития? Новый в данном случае следует понимать не как высший, а просто как другой.

– Но ведь это значит что Ничто не пропадает и Ничто не появляется. Все только меняет форму. Получается что Ничто вечно. И получается что только Ничто и существует... Ведь все мы – это ананасы и даже картошка, так?

– Вы тонко чувствуете язык. И это не является неожиданностью, – она проигнорировала мой вопрос и кивнула на рюкзак с красками, – вон сколько прочитать. Ничто вечно, все в этом Мире обладает Ничем, и оно, Ничто, лишь переходит из одной формы в другую, не меняя своей сути, лишь изменяя внешние, видимые нам очертания, то есть форму.

– Да, я имел в виду именно это.

– Форму и содержание, – Агафья Тихоновна опять кивнула, хоть и поправила меня, – а что есть содержание?

– Сознание? Ум? Мысли? Что?

– Вы можете назвать это как хотите, суть от этого совершенно не поменяется, – она улыбнулась, – пусть будет Сознание. Тогда возникает еще один вопрос. Если вы, обладающий Сознанием, умрете, и ваше тело съедят черви, ну или вас кремируют, и оно превратится в горку пепла в клубах водяного пара, улетучившегося в атмосферу, куда денутся ваши мысли и идеи, куда денется ваше Сознание? Умрет ли оно вместе с вашим телом?

– Не знаю.

– Вы повторяете это слишком много раз для одного дня.

Подумайте, – Агафья Тихоновна взяла со стола круглый, оранжевый апельсин, – подумайте хорошенько.

– Я стараюсь.

– Попробуйте взглянуть на это по-другому. – она держала апельсин в плавнике на уровне моих глаз, как бы показывая его мне, – что вы видите?

– Апельсин.

– Сколько штук?

– Один! – я рассмеялся, но смех застрял в моем горле, так как акула была серьезна и никак не отреагировала на мою эмоцию.

– Вы уверены?

– Да.

– Хорошо, – она продолжала держать апельсин в вытянутом плавнике, где-то между нами, – ваша проблема в том что вы сконцентрированы на самом вопросе, а иногда очень полезно смотреть сквозь вопрос, – она продолжала держать фрукт на определенном расстоянии от себя, на расстоянии вытянутого плавника, – вот я вам именно это и предлагаю – взглянуть сквозь этот апельсин, и кто знает, возможно тогда ответ покажется вам не столь очевидным.

– Я не совсем понимаю о чем идет речь, – я смотрел на апельсин как замороженный не в силах оторвать взгляд.

– А вы посмотрите на меня, – Агафья Тихоновна улыбалась широкой пастью белоснежных зубов, – посмотрите на меня сквозь апельсин, словно не замечая его.

Я сфокусировал фокус своего зрения на Агафье Тихоновне, и апельсин сразу поплыл, потерял резкость, размазал свои очертания, и мягко раздвоившись, разделился прямо у меня на глазах. Теперь только акула была в фокусе моего зрения, я видел ее четко, тогда как апельсина стало два, и хоть было абсолютно ясно что на самом деле он все-таки один, но сфокусировав свой взгляд на другом, дальнем объекте, я получил результат, о котором никогда раньше не задумывался. Два, ровно два апельсина было перед моими глазами. Разум понимал что апельсин один, тогда как зрение подсказывало – их несколько. Я видел две реальные проекции одного апельсина одновременно. Можно ли было считать их реальными? А если нет, то можно ли было доверять своему зрению в таком случае? Мне кажется, я понял, что имела в виду Агафья Тихоновна.

– Их стало два.

– Два! – она подняла второй плавник упирая на важность данного события, – два! А что есть реальность? Один или два?

– Один, – я продолжал стоять на своем, да и какой мог быть еще ответ, – конечно, один.

– Кто знает, кто знает, – Агафья Тихоновна подкинула апельсин вверх и поймав, бросила его мне, однако самым непостижимым образом один апельсин так и остался у нее в плавнике. Другой же, я, полный недоумения, держал в своих руках, – вот видите, их-таки два.

Она начала чистить свой фрукт, и как бы между прочим, добавила:

– А может и три. Или десять. Или сто.

Некоторое время мы сидели молча.

– Получается что наша основная задача – определить что происходит с Сознанием после того как тело, обладающее им, развалилось и трансформировалось в нечто другое. Потому как с тем, что лишено Сознания, или по крайней мере известных человечеству форм Сознания, все просто. Атомы и молекулы, соединенные во что-то неживое, например в этот стол, после того как стол разрушится, и совсем неважно по каким причинам, смогут соединиться в нечто новое, причем как в неживые предметы, так и в живую ткань. И вот эта частичка, которую мы ищем и никак не можем найти, которая превращает неживое в живое, которую человечество назвало Сознанием, судя по всему играет ключевую роль. Обладающих этой частицей мы считаем живыми, а не обладающих – мертвыми. Более того, обладающие Сознанием объекты могут достичь такого уровня развития, что Сознание переходит в Самосознание, и тогда мы называем обладателя такого нового качества разумным. Согласны?

– Да.

– Предметы, не обладающие Сознанием, например, этот апельсин, – она покрутила в руке спелый плод, – производятся чем-то или кем-то, Сознанием обладающим. Так, плод

ананаса, не обладающий разумом является детищем ананасового дерева, разумом обладающим. Пусть неразвитым разумом с точки зрения человека, но все же никто не будет отрицать что дерево живое. Оно обладает Знанием как перерабатывать сахара и производить Энергию, оно в состоянии контролировать фотосинтез, оно просыпается и расцветает весной и засыпает осенью. Все это позволяет нам предположить, ибо, как нам известно, все в любом Мире построено на подобии, что и человек, обладающий Сознанием, производит нечто, не наделенное таковым. Это и телефоны, компьютеры, автомобили и поезда, самолеты и ракеты. Все это продукты деятельности человечества, как вида. Но и состриженные ногти и волосы, выпавшие зубы, даже донорские органы в конце концов, тоже такой же продукт жизнедеятельности человека. Вопрос – где находится и к чему крепится Сознание? Где оно, черт побери? В мозге? В сердце?

– Нет, не думаю. Это такие же органы, как и любые другие.

– Вот именно. Значит Сознание или Разум, которым обладает человек, цепляется за общее скопление молекул, названных человеком же, целиком, и уходит лишь тогда, когда это скопление разваливается и не может более выполнять функции, на него возложенные. Вопрос – куда оно уходит? Я уже не спрашиваю, откуда оно приходит, – акула улыбалась, но сохраняла серьезность.

– Ну тогда логично было бы предположить что сам человек тоже является частью чего-то большого и непостижимо-

го, чего-то цельного, чего-то такого, что он сам не может постичь, как например, плод ананаса не может понять разум дерева, его взрастившего.

– Хорошее предположение, – Агафья Тихоновна кивнула, – тогда, обобщив, мы получим огромное дерево Сознания, на котором люди растут как плоды, и если сорвать один-два плода, или даже обломать ветвь, на которой они растут, – ничего не поменяется, дерево не перестанет плодоносить, и выживет. В таком случае мысли телесно умершего человека, все так же будут витать в кровотоке целого человеческого дерева, являясь общими, и принадлежащими всей структуре.

– Ух ты! – я не мог скрыть восхищения от вида открывшейся мне картины, – но тогда даже подумать страшно, каким уровнем развития обладает это людское дерево!

– Подождите, это еще не все. Ведь если мы допускаем возможность существования такого потрясающего организма, давайте каким-то образом постараемся его описать. Что основное для существования целого и цельного организма?

– Связь?

– Именно. Должна существовать какая-то форма связи между частями этого дерева. У вас есть какие-то мысли на этот счет?

– Мысли? Какие могут быть мысли? Подождите! Мысли! Наши мысли! Человеческая мысль и есть форма связи!

– Может быть, может быть, – Агафья Тихоновна задумчиво смотрела вдаль, – может быть и мысли.

– Подумайте сами, ведь эта система связи во-первых – не должна быть видима глазу, ибо человек, как и животное – не марионетка на ниточках, а визуально самостоятельный объект. Во-вторых – эта система должна связывать всех, обладающих мозгом. Мозг, в свою очередь, выполняет функции антенны. Только мысли, по-другому никак.

– А что тогда делать с животными? Есть ли у них мысли? Я сейчас говорю не о развитых биологических формах, а например, о червяках или улитках. Или о морской звезде, вообще не имеющей мозга! – Агафья Тихоновна покачала головой, – ваша идея очень изящна, и скорее всего верна. Я подозреваю что проблема всего лишь в определениях. Что такое мысль? – она подняла плавник, – человек назвал мыслью процесс обработки информации в мозге. Низшие формы животных способны реагировать на внешнюю информацию только инстинктивно. Следует ли из этого, что инстинкты тоже можно назвать определенной мыслеформой? Если да, то в таком случае противоречий не возникает, более того, иногда мы можем наблюдать мысли воочию, – Агафья Тихоновна рассмеялась, – ведь схлопывание половинок раковины устрицы при грозящей ей опасности и будет ее мыслью.

– Наверное, да, – я невольно задумался, – я как-то не подумал о животных. А давайте упростим задачу, – я посмотрел на Агафью Тихоновну и убедился что она меня слушает, – давайте возьмем дерево на котором растут только люди. Тогда мы не будем путаться в понятиях.

– С удовольствием, – казалось, она была рада такой постановке задачи, – что же, тогда я могу с вами согласиться, эта невидимая связь в огромном организме людей и есть человеческая мысль, – она улыбнулась, – я бы, правда, еще добавила чувства. Тогда картина будет полной. Ведь чувства всегда рядом с мышлением. И возможно, их разъединение в человеческом теле искусственно.

– Конечно же, еще чувства! Мысли и чувства вполне подходят, – я с радостью потер ладоши, – что дальше?

– Дальше будем рассуждать, – Агафья Тихоновна встала и прошлась вокруг стола, – значит мы пришли к выводу, что само Сознание, после физической смерти отдельного человека никуда не девается, а просто распределяется между другими плодами этого дерева, а говоря проще, между людьми!

– И это может означать что смерть отдельного человека ничего не меняет, – я наморщил лоб, – то есть, если бы тот же Эйнштейн не додумался до своей теории относительности, или додумавшись, тут же скоростижно скончался, то та же мысль посетила бы голову другого, подключенного к общей системе, человека.

– Да, вы абсолютно правы. А чью именно голову? Того, кто ближе всего на ветке? Вряд ли, – акула усмехнулась, – мне кажется, это дерево вообще не имеет таких понятий, как размер или расстояния. Мне кажется в этом дереве вся Жизнь происходит в каких-то других измерениях.

– Чью именно? – я повторил вопрос, – в чью именно? В



ту голову, которая мыслит на той же частоте! Ибо мысль, даже одновременно поступившая сразу ко всем представителям рода человеческого, сможет быть прочитана лишь тем, чем мозг настроен на правильную, – я задумался над словом, которое хотел употребить, – на правильную, что ли, частоту... Как радиоприемник, например, в состоянии улавливать миллионы радиочастот, но транслирует он лишь то, на что настроен. Может быть точно также происходит и с людьми? Знание витает вокруг нас, но только тот, кто его ищет и настраивает свой мозг на прием, возможно только тот и получает определенную информацию? Точнее получает, как и все остальные, но расшифровать может лишь он один? И этот один, в конце концов, и получает результат.

– Ну что ж, это вполне вероятно. И чтобы завершить образ древа человеческого Разума, или организма под названием Человечество, надо лишь добавить, что оно, как и любая другая саморегулирующаяся система, должно четко следить за балансом всего на нем растущего, например, мальчиков и девочек, мужчин и женщин. Их должно быть примерно равное количество, чтобы продолжить плодоносить. Это объясняет и то, что после какой-либо разрушительной войны с многомиллионными жертвами, рождаются одни мальчишки, то есть те, чью нехватку испытывает система в данный момент.

– За балансом мальчиков и девочек, – я тихонько повторил про себя последние слова акулы, – а также гениев и

безумцев...

– Эти характеристики уместны лишь в человеческом обществе, – Агафья Тихоновна прекрасно слышала меня, – а мы сейчас говорим об интеллекте другого уровня. Высшего от человека. В данном случае, думаю, мы вполне можем употребить это слово. Высшего, – повторила Агафья Тихоновна.

– Да, конечно, вы правы, – я повернулся к акуле, – знаете, колония муравьев с ее муравьиной королевой очень похожа на то дерево, которое у нас получилось. Она также способна производить необходимый вид муравьев – солдат или рабочих, в зависимости от того что требуется.

– Похожа, – Агафья Тихоновна согласилась и вновь села за стол, – очень похожа, более того, у муравьев, как и у некоторых видов рыб, коллективное Сознание, и одна муравьиная или рыбья мысль, если можно так сказать, одновременно доходит до всех членов муравейника, ну или косяка рыб, заставляя их действовать одинаково, в общих целях, в интересах всей колонии, всего организма.

– Получается что все неважно. Неважно то, на какой жизненной стадии тебя хватил паралич, неважно выжил ты или умер, неважно родил или нет. Организм все равно закончит тобой начатое, он имеет для этого достаточно зарезервированной мощности и свободных сил.

– Знаете, – Агафья Тихоновна прищурила глаза, – в Природе вообще очень мало действительно важных вещей. Очень мало.

– Назовите хотя бы одну... В свете того, что я понял...

– В свете того что вы поняли важного нет вообще. Но есть одно, что я могу назвать, – акула приподняла голову, пристально посмотрев на меня, – осознание этой простой вещи очень важно.

– Какой?

– Именно этой.

– ???

– Осознание этой простой вещи, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – в Мире не бывает по-настоящему важных вещей.

19

Агафья Тихоновна занялась очищением своего апельсина от кожуры, и вела себя так, словно ничего экстраординарного не произошло, словно все шло привычным для любого землянина образом.

– Вы достали второй апельсин там где достаете все остальное, когда возникает необходимость? – я с любопытством крутил оранжевый шарик, который оказался в моей руке после необычного эксперимента с раздвоением целого фрукта, – да?

– Я? Нет, что вы. Это вы достали его там, где я обычно беру все остальное, – она подмигнула мне глянцевым глазом и проглотила свой фрукт целиком, не разжевывая, – угощай-

теть, угощайтесь, он совершенно настоящий, не стоит и переживать по этому поводу. Как впрочем и по любому другому поводу тоже.

Я молча почистил и съел свой апельсин, пытаюсь разобраться что было важнее – апельсин, который я переваривал своим желудком, и который питал мое голодное тело или новая информация, полученная мной вместе с апельсином, которую я переваривал своим Сознанием, и которая питала мой Разум.

Акула не мешала мне думать, и мы продолжали поглощать еду в полном молчании, до тех пор, пока не насытились. Когда это произошло, Агафья Тихоновна немного отодвинула свой стул, так чтобы можно было вытянуть хвост, но продолжала сидеть молча, не нарушая тишину речью. Возможно, она ждала что я заговорю первым, возможно, ее молчание имело другие причины. Когда по ее мнению, прошло достаточно Времени чтобы я разобрался в себе, но сама тишина еще не начала тяготить нас своим присутствием, она вернулась к теме нашего разговора.

– Итак, если вы, а точнее ваше тело, умрет, куда отправится ваше Сознание, ваш Разум?

– Будем рассуждать логически...

– Нет, нет, что вы, не надо логически. Логически мы уже рассуждали, – Агафья Тихоновна развела плавники в стороны, – где-то глубоко в вашем подсознании прочно укоренилась поистине извращенная потребность в разумно устроен-

ной, логичной и упорядоченной Вселенной. Но дело в том, что реальная Вселенная всегда, даже если всего лишь на один шаг, но опережает логику. Та что попробуйте посмотреть на этот вопрос под другим углом, и перестаньте уже наконец-то бояться парадоксов.

– Я не совсем понимаю что от меня требуется.

– Для того чтобы ответить на этот простой вопрос было бы неплохо сначала определиться что и чем владеет. Сознание телом или тело Сознанием. Ведь очевидно же – если тело – лишь способ проявления Сознания, то со смертью физического проявления последнего, то есть тела, ничего существенного не изменится, а значит, Сознание найдет какие-то другие способы самовыражаться, рождаться или просто быть, правильно? – Агафья Тихоновна говорила быстро, словно торопилась куда-то успеть, – или оно вообще перестанет выражаться каким-либо образом, а это тоже один из способов выражения, не так ли? Ведь отсутствие выражения не является достаточным доказательством отсутствия и самого существования, правда? Можно существовать и никак не проявлять себя в тех иллюзиях, пространственных или временных, которыми являются все возможные для нас проявления реальности, правильно? – Агафья Тихоновна неопределенно пожала плечами и развернувшись, посмотрела на лежащего молча Артака, – а если все наоборот, и Сознание – лишь конечный продукт вашего мозга, тогда смерть этого самого мозга повлечет за собой и смерть всех образов, кото-

рые он создал. В этом случае Природа разберет ваш мозг на частички из которых он состоит и изготовит нечто новое, и уже оно, это новое, создаст какие-то свои, собственные образы, и будет самовыражаться уже внутри них, внутри этих представлений и видений, которые по определению есть иллюзия, ибо существуют лишь в воображении существа, их создавшего. Тут достаточно тонко, понимаете?

– Понимаю. Но пока все логично, – я улыбнулся и добавил слова, произнесенные Агафьей Тихоновной минутой ранее, – а вы сказали что Вселенная всегда, даже если на один всего лишь шаг, но опережает логику.

– Опережает. Мы к этому еще вернемся, когда разберемся с базовыми понятиями. По сути, вопрос, который мы затронули является основным в любой философии и свести его можно к одной известной фразе, – она продолжала говорить быстро, торопясь, и не отрываясь смотрела на Артака, будто читала с прикрепленного к нему листа бумаги, – что первично – бытие или Сознание? Физическая, осязаемая органами чувств материальная Вселенная или выдуманный и кажущийся нам иллюзорным Мир мыслей и тонких, как мы их называем, Энергий?

– Но мы же выяснили что Сознание никуда не девается и человеческий разум продолжает жить в своих идеях, мыслях и озарениях?

– Это не меняет суть вопроса, – Агафья Тихоновна возражала мягко, без давления, – Сознание никуда не девает-

ся, но что его породило? Структура, схожая с человеческим мозгом, это материальное и физически осязаемое Нечто, породившее неосязаемую материю под названием мысль, или все-таки, эта, именно эта неосязаемая материя каким-то непонятным нам образом сформировала то самое Нечто, способное ее воспринимать и расшифровывать?

– То есть, говоря другими словами, нам надо выяснить, что первично – яйцо или курица?

– Можно и так сказать, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – но так как наукой давно доказано, что первые курицы были живородящими, мы можем оставить несчастную птицу в покое, – она улыбнулась одним ртом, без участия глаз, – итак, бытие или Сознание? Что первично?

– Я даже не знаю с чего начать...

– Начните сначала. Дорога появится сама, стоит вам сделать первый шаг.

Я встал из-за стола и в размышлениях прошел пару шагов по направлению к Артаку. Звезда мягко пружинила под ногами и безостановочно дарила тепло, словно в ее недрах горел постоянный и нескончаемый костер. Тепло было самое что ни на есть настоящее, осязаемое и благодарно принималось моим физическим телом. Я его чувствовал, поглощал, но значит ли это что оно было на самом деле? Является ли мое чувство тепла достаточным для того чтобы заявить – оно существует? Что появилось первым – тепло, исходящее от поверхности звезды или мое ощущение теплоты? Как отве-

тить на поставленный вопрос? Внезапно меня осенило.

– Подождите. Вы сами уже ответили на свой вопрос. Или по крайней мере в ваших словах заключена подсказка.

– Я? Сама? – Агафья Тихоновна оглянулась и замахала плавниками, словно пыталась поймать свои слова, – когда это?

– Только что. Дорога появится сама, стоит мне сделать первый шаг. Это может значить только одно – дорога вторична. Первичен – мой первый шаг. Мое желание. Первичны мои мысли, которые толкнули меня на этот первый шаг. Первичны мои желания и действия. Правильно ведь?

– Я не знаю правильно или нет, – Агафья Тихоновна тоже поднялась из-за стола, после чего стол сразу пропал, как будто его никогда и не было, и подошла ко мне, – я знаю только одно, – она посмотрела на Артака, – мысли очень сильны. И они даже способны перевернуть весь Мир вверх тормашками, если вы захотите. Кстати, может быть только они на это и способны.

– Значит ли это что они первичны?

– Я не знаю первичны ли они, но то что мысли являются основой всего, нам известного – это точно. Возможно, есть еще нечто, нам пока недоступное, и именно оно определяет то что было, есть и будет, но из того что известно человечеству – мысли самая первичная созидающая субстанция.

– А есть и не созидающие?

– Есть.



– И какие это?

– Констатирующие, неизменяемые и ничего не создающие субстанции. То есть те, которые просто существуют. Не меняясь ни во Времени, ни в Пространстве.

– Вы не могли бы привести пример?

– Сколько угодно, – Агафья Тихоновна ухмыльнулась, – вы и сами можете, но вам никак не удастся переключить тумблер в вашей голове и начать мыслить по-новому.

– С примером мне будет легче понять, – я слабо сопротивлялся, хотя и сам уже понял что наверное, мне просто лень думать, ибо найти живой пример в окружающем меня Мире я бы наверняка смог.

– Хорошо, – акула опять ухмыльнулась, – один из примеров констатирующей субстанции – законы физики. Они остаются неизменными независимо от того в какой точке Пространства и Времени их применяют. Они не изменяются, но так же ничего и не создают. Законы физики просто констатируют, понимаете?

– Понимаю. А мысли – субстанция созидающая и это значит, что сознание определяет быт?

– Значит так.

– А может быть наоборот?

– Вполне может быть и наоборот, но только не в вашем Мире.

– А в чем?

– В чем-нибудь другом, я не могу знать точно.

– И сколько этих Миров?

– Сколько людей – столько и Миров. И все они разные.

– Но сходятся же они в каких-то основных принципах?

– Конечно, сходятся. В одном, самом основном принципе – каждый сам формирует свою Вселенную. А там уже – как фантазии хватит, – Агафья Тихоновна опять мягко улыбнулась, – как верно заметил однажды кто-то из великих – когда два человека смотрят сквозь тюремную решетку, то один может видеть грязь, а другой – звезды. Что же реально существует тогда для одного и для второго? Для одного реально существующей была лишь грязь, тогда как для другого – одни звезды. Вот вам и пример формирования собственного Мира из того что уже существует в Природе вокруг нас.

– Через одно и тоже окно...

– Что вы говорите?

– Я говорю – а смотрели они через одно и тоже окно.

– Да, окно одно и тоже. И решетка у них была одна. Одна и та же. Одна на двоих. Впрочем я вполне допускаю, что решетка была только у кого-то одного. А может ее и не было вовсе. Может решетку видел только тот, кто описал эту ситуацию.

– Что же это за решетка?

– Если они ее действительно видели, то они же ее и создали, – Агафья Тихоновна вздохнула, – возможно, это были свои собственные ограничения. Ну или фильтры.

– Значит решетка тоже у каждого своя?

– Своя. Но все-таки у подавляющего большинства она состоит из своей собственной лени и своего собственного неверия в свои собственные силы, – Агафья Тихоновна не зря трижды повторила притяжательное местоимение.

– Но ведь решетка не только ограничивает, но и оберегает?

– Возможно. Если признать что в вашем Мире есть Нечто, от кого или чего надо оберегать. Но если рассуждать подобным образом, то и кораблю спокойнее в тихой гавани, но не для этого же он был создан.

– Да, но за решеткой не только звезды, но и грязь.

– Но и звезды...

– Но и грязь!

– Это только вопрос выбора, и пока вы не замечаете грязную мостовую – ее в вашем Мире просто нет, а значит и нечего опасаться. Так что выбор всегда лично за вами, – Агафья Тихоновна потрясла рюкзаком и протянула его мне, – вот вы, например, предпочли Знание, и оно неминуемо приведет вас к звездам. К вашим собственным звездам, – акула с любовью и благодарностью провела хвостом по поверхности звезды.

Я взял рюкзак и достал первую попавшуюся мне под руку бутылочку. Она была достаточно яркой, иногда даже немного ослепляла. Посудина светилась изнутри как бы сама собой. Белое тусклое свечение смешивалось с красным светом звезды, на которой мы находились, отчего мои руки приобрели розоватый оттенок. Открутив крышку, я вылил немно-

го жидкости себе на ладонь. Жидкость, комнатной температуры, практически не ощущалась на руке, она лишь немного вспенилась, покрылась небольшими пузырьками, потом зашипела и начала испаряться с ладони, не оставляя на руке ни малейшего следа. Пар поднимался вверх, распределяясь по невидимым нам трубам, и подчиняясь еще не открытым человечеством законам. Наверняка, где-то на Земле, чью-то голову, настроенную на частоту этого пара, скоро посетит сначала неопределенная, а потом и расшифрованная с помощью ключей, которыми обладает человеческий мозг, идея. Так я понимал Мир мыслей. Таково было мое видение устройства Мира. Агафья Тихоновна молча наблюдала за моими действиями. Дав мне вдоволь наиграться с жидкостью из бутылочки, она произнесла:

– Итак, перед тем как мы отправимся в путь, я хотела бы получить ответ на основной вопрос, – акула продолжала смотреть как с моей ладони испаряются Знания, однако ни словом, ни делом не вмешивалась в происходящее, – что все-таки первично? Ваш Разум или материя?

– А обязательно надо решить? Нельзя их объединить в нечто одно? И закрыть вопрос с первичностью раз и навсегда? Мне кажется что это какой-то замкнутый круг.

– Замкнутый круг говорите? – Агафья Тихоновна усмехнулась, – замкнутый круг – это когда ставят вопрос – кто все это создал? – она оглянулась, охватывая взглядом все вокруг, – тогда, после ответа на этот вопрос, неизбежно возник-

кает следующий – а кто создал этого создателя, кто создал создателя создателя, и так далее, по кругу. Поэтому абсолютно любая теологическая теория абсолютно любого бога циклична и бесконечна. У каждого бога-создателя должен быть кто-то, кто создал его самого. Нас же сейчас интересует не кто или что является создателем, а что было первым – мысли или дела? Не кто создал, а из чего создано, понимаете? Из разума или материи? Видимая глазу материя формирует живой интеллект, или все-таки, невидимые нам мысли потихоньку создают видимую и осязаемую материю?

Агафья Тихоновна оттолкнулась хвостом от поверхности звезды и подпрыгнула высоко вверх, оставив после себя небольшое волнение звездной материи. Инфракрасное светило, спружинив толчок хвоста, разбросало по своей поверхности волновые круги, похожие на круги от камня, брошенного в воду. Они расходились все дальше и дальше, пока не достигли дракона. Артак, лежа всего в нескольких метрах от нас, плавно качнулся и, открыв глаза, посмотрел на Агафью Тихоновну словно интересуясь тем, кто нарушил его покой. Агафья Тихоновна подплыла к дракону и погладив его по шее, обернулась ко мне.

– И все-таки. Мысли? Материя? Из чего все это?

– А это не одно и то же? Мысли и материя?

Акула с интересом посмотрела на меня, потом на Артака, потом опять перевела взгляд на меня.

– Продолжайте...

– Если что-то создано первым, а что-то вторым, то, как кажется мне, и одно и другое создано из одного и того же материала. Из материала, каким-то способом видоизмененного. Вот, например, если мы возьмем простую воду. При воздействии высокой температуры она превращается в пар, но ничто нам не мешает этот пар сконденсировать и превратить обратно в жидкость. Или даже в лед, если внешнее воздействие станет еще более глубоким и агрессивным. Понимаете? – я продолжал держать в руке потихоньку испаряющееся Знание в виде яркой жидкой субстанции и поднеся свою ладонь ближе к акульей морде, чтобы она смогла рассмотреть поближе, сказал:

– Понимаете? Если в самом начале нашего путешествия эфемерные и неуловимые Знания перешли в новое качество, и стали густыми и разноцветными красками, но при этом ни капельки не изменив своей сути, и продолжая нести ту же информацию, что и раньше, то теперь, эти краски, обогатившись новыми оттенками вновь полученного мной Знания, и превратившись в чистый Свет, – я потряс ладонью, демонстрируя светящуюся чисто белым жидкость, – испаряются с моей ладони, логично было бы предположить что мы имеем дело с одной и той же субстанцией, только разной, – я подыскивал нужное слово, – концентрации, что ли. Может быть, таким же образом как вы превратили Знания в цвета можно превратить любую мысль, то есть информацию, которую она в себе несет, в материальное воплощение этой информации?

И значить это может только одно – и мысли и материя созданы из одного и того же вещества.

– И вещество это... – Агафья Тихоновна сидела рядом с драконом, внимательно слушая меня, – и вещество это... – она давала возможность мне самому ответить на поставленный вопрос, – и это вещество...

– Называется информацией, – я закончил фразу и тут же инстинктивно зажмурился от яркого Света, на одно мгновение поглотившего все вокруг. Источник Света был в моей руке, это было Знание, небольшое количество которого продолжало находиться в моей ладони. Оно заискрилось с новой, еще не виданной мной доселе яркостью. Однако светящиеся искры пропали так же внезапно, как и появились, и спустя некоторое время, когда мои глаза вновь обрели возможность различать предметы вокруг, я увидел довольные глаза Агафьи Тихоновны и Артака, которые смотрели прямо в мои. Это придало мне уверенности и силы, – информация, – повторил я уже убежденно, – это информация!

Артак продолжал смотреть мне прямо на меня. Спустя какое-то время, он закрыл глаза, и как мне показалось, напрягся всем телом. В какое-то мгновение, в одно-единственное мгновение, наверное, в тот момент, когда напряжение достигло своего апогея, что-то щелкнуло, засвистело, и одновременно с этими звуками дракон стал быстро уменьшаться в размерах, он уменьшался до тех пор, пока не сжался

в одну-единственную светящуюся точку, и вдруг... Точка разорвалась пополам, открыв моему взору чернильно-черное внутреннее Пространство, и вывернувшись наизнанку выбросила его, Пространство, наружу, заглотив внутрь себя весь окружающий нас Свет, меня, Агафью Тихоновну и рюкзак со Знанием. Внутри точки оказалось тепло и просторно, но я на какое-то мгновение зажмурил глаза, инстинктивно спасаясь от непонятной, но кажущейся мне такой реальной, опасности. Голос, непонятно откуда взявшийся и непонятно кому принадлежавший, произнес прямо в моей голове:

– Тебе нечего бояться.

Я не мог точно определить источник этих слов, да и был ли он вообще, этот голос. Реальность происходящего была под вопросом. Осторожно открыв глаза я ахнул.

Солнце, мое родное, круглое и желтое, яркое, теплое, живое Солнце висело вдали над сине-голубым горизонтом. Деревья, шелестевшие своей листвой на ветру, птичий щебет, звук крыльев, перемалывающих воздух где-то рядом... Воздух... Я уже забыл что такое настоящий, земной, льющийся в мои легкие густым и вязким потоком воздух. Ведь перемещаясь в межпланетном пространстве мы были лишены такого удовольствия как полноценное дыхание. Воздух там просто отсутствовал. И вот сейчас я вдохнул полной грудью, немного задержал дыхание, и мой нос уловил едва заметный аромат скошенной травы и каких-то полевых цветов. Невда-



леке от того места где я находился начинался лес, а само Солнце, посылая свои лучи на Землю, почти касалось верхушек деревьев. Я был дома. Я был на планете Земля, только разве что не мог точно определить место, где оказался. Однако это было совсем неважно.

Что же со мной произошло? Моя рука, почти автоматически опустилась вниз, к Земле, и одновременно с глазами, пальцы прощупали почву на которой я сидел. И зрение, и руки поочередно доставляли в мою голову кучу разной информации заставляя мой мозг лихорадочно соображать, и основные вопросы были – где я и что все-таки произошло? Неужели я заснул и сон был настолько явным и реалистичным что до сих пор сжимал меня в своих объятиях? А может быть я сплю сейчас? Может быть Артак или Агафья Тихоновна каким-то непостижимым образом погрузили меня в сон, и это все мне только снится? Где я был реальный? Там, на красной звезде или тут, на зеленой и до щемящей боли в груди знакомой планете?

Оглянувшись, я увидел Агафью Тихоновну, как мне показалось, с опаской нюхавшую какие-то мелкие бело-розовые цветы. Она была здесь, и я был рад увидеть снова уже ставшую мне родной акулу. Агафья Тихоновна подняла голову, подмигнула мне черным лакированным глазом и важно проплыла те три метра, которые нас отделяли.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовалась она словно не произошло ничего необычного.

– Физически или морально? – я не знал смеяться мне или плакать, однако, чувства переполняли меня настолько, что не в состоянии более сдерживаться, одновременно со смехом, который меня раздирал буквально надвое, слезы сами собой брызнули из глаз, так и оставив загадкой, даже для меня самого, мое действительное настроение. Смех смешался со слезами и я плакал и смеялся, а немного выдохнув переполнявшие меня эмоции, вскочил на ноги и стал прыгать не сходя с одного места, дав таким образом льющимся через край чувствам пройти через мое тело, освободиться и уйти. Они вырвались в Пространство, превратившись в чистую, невидимую глазу Энергию и растворились в окружающем меня Мире. Мир, откликнувшийся на этот посыл, еще раз окутал меня невообразимым и непостижимым счастьем и радостью, снова и снова наполняя до краев меня самого и мою способность чувствовать и ощущать. Я стоял посреди скошенного поля, переполненный чистой, созидательной Энергией, переливавшейся внутри меня и трансформирующейся в чувства, полные ликования, веселья и радости. Я стоял полный этой Энергии и, как мне казалось, полный абсолютного понимания.

– И физически и морально, – Агафья Тихоновна улыбалась глядя на мое неподдельное счастье, – кстати, вы не спите, если этот вопрос вас все еще тревожит.

– Не сплю? – я на секунду остановился, прочно стал на землю двумя ногами, и тут же закричал в Пространство, но

уже без вопросительной интонации в голосе, – я не сплю! Я не сплю!

Все происходящее напоминало мне какой-то добрый детский мультфильм, в котором могут происходить только хорошие вещи и зло, если и присутствует, то обязательно будет наказано в конце картины.

– Не спите, не спите, – доброжелательно проворчала Агафья Тихоновна, – но и поспать не мешало бы. Нам еще предстоит дальний путь.

– По этому полю можно шагать вечность, – я никак не мог расстаться с эйфорией при виде самого обыкновенного и знакомого каждому пейзажа, – как же я раньше мог не замечать такой красоты. Я наклонился к земле и внимательно осматривал каждую травинку, подмечал каждую каплю росы (значит все-таки было утро), каждый упавший с деревьев лист. Каждый комочек земли.

Но было все таки что-то неуловимое, но определенно указывающее на то что с этим Миром было что-то не так, что-то шло в непривычном нам порядке. Я не мог уловить что конкретно, но это было. Присутствовало. Солнце неподвижно висело над деревьями, не двигаясь ни вверх ни вниз, однако ветер крепчал и погода чуточку портилась. Но даже это не могло испортить мне настроение, так как любое, абсолютно любое проявление существующего бытия было прекрасным. Теперь я это знал точно.

– А где Артак? – я оглянулся еще раз, но не смог его найти.

Агафья Тихоновна развела плавники в стороны с таким размахом, что охватила все вокруг, но промолчала, улыбнувшись краем пасти.

– Артак! Артак! – я громко звал своего дракона, вглядываясь в пустое, ветреное небо, но не видел ничего подходящего, ни одной черной точки, которая при приближении могла бы превратиться в моего смелого и умного дракона. В моего молчаливого дракона. В моего собственного, самого красивого дракона по имени Артак.

– Артак! – еще раз позвал я и прислушался к ветру, – Артак!

– Не надо кричать, достаточно лишь подумать, – Агафья Тихоновна постучала плавником по черепу. Она стояла рядом и с интересом наблюдала за мной, – Артак услышит скорее твои мысли чем крик.

– Значит с ним все в порядке?

– Конечно. Я уже говорила, что с ним не может ничего произойти. По крайней мере в этом Мире, в его собственном Мире, в Мире, которым он сам является.

– Сам? В этом Мире? – я растерянно смотрел по сторонам, – но где?

– Здесь, – акула развела плавники в стороны, – или там, – она указала куда-то вверх, за голову, туда, где висело яркое и желтое Солнце, – или там, – она толкнула Землю хвостом, возможно, намекая на какие-то подземелья, – везде.

– Везде?

– Везде. Это как нигде, только наоборот, – Агафья Тихоновна говорила не спеша, давая мне возможность четко осознать смысл сказанного, – везде – это вывернутое наизнанку нигде, понимаете?

– Кажется я понимаю... – я замолчал, внезапно осененный невероятной идеей. Солнце, проглоченное драконом около озера в зоопарке, его постоянное молчание, его способность видеть то что мне недоступно, его Энергия, его Сознание, его отрицание Времени и Пространства, его заключительная метаморфоза в светящуюся точку, в точку без координат, которой можно было присвоить координаты «Нигде», и которую впоследствии разорвало изнутри и вывернуло наизнанку, предварительно засосав туда все что нас окружало, да и нас самих тоже. Все это подсказывало мне самую невероятную вещь.

– Артак вокруг нас? – я запнулся от того что, как мне показалось, сморозил полную чушь, но посмотрев на Агафью Тихоновну, понял что близок к правде, – Артак превратился во все это? – я взял в руку горсть земли и поднес ее к лицу, – Артак, мой любимый дракон, пожертвовал собой чтобы мы смогли наслаждаться привычными видами? – мой голос задрожал и я готов был разрыдаться от отчаяния, внезапно герметично накрывшего меня плотной меховой шапкой.

– Да нет же, нет, успокойся, прошу, – незнакомый голос прозвучал над самым ухом, а может быть и внутри моей головы, – никто ничем не жертвовал, жертвы вообще беспо-

лезны по своей сути, поэтому не переживай особо. Любые, кажущиеся нами бесполезными вещи на самом деле не происходят. Потому как смысл и польза есть во всем происходящем, даже если мы его никак не можем разглядеть и понять.

Агафья Тихоновна стояла рядом, смотрела не меня и продолжала улыбаться. Видимо, она, как всегда, читала мои мысли.

– Кто вы?

– Кое-кто предпочитает называть меня Артаком, – голос энергетически усмехнулся. Он завораживал меня своей теплотой и даже не видя лица собеседника, я был уверен, что он улыбался, – а я с радостью откликаюсь на это имя. Впрочем, как и на любое другое имя, которым ты захочешь меня назвать.

– Артак? – я недоверчиво оглянулся и окончательно убедился что голос проистекал изнутри меня самого, – Артак?

– Да.

– Но где ты?

– Там же где и был. Нигде. Возможно, тебе будет легче если я скажу – везде. Это не меняет сути. Сознание не имеет никаких пространственных координат. Оно сразу и везде. И нигде в том числе. Язык трехмерного мира не в силах описать такие понятия понятным и доступным способом. Поэтому пока что тебе придется поверить мне на слово.

– Ты – это Сознание?

– Как тебе будет угодно меня называть. Сознание – слыш-

ком мощное название, думаю, пока можно обойтись лишь одним его инструментом – мыслью.

– Ты – Мысль?

– Я – Артак, ты назвал меня так сам, – голос улыбнулся интонациями, – но можешь считать меня своей мыслью.

– Тогда как Агафья Тихоновна...

– Тогда как Агафья Тихоновна – твоя речь.

– Получается что говоря с акулой, я говорил сам с собой?

– Получается так. Но разве это плохо?

– Это, скорее непривычно, а плохо или хорошо – не знаю.

Разве бывает что-то, что объективно можно назвать плохим? Не субъективно, а именно объективно. Объективно плохого в этом, как впрочем, и в любом другом Мире нет. Не бывает.

– Для самого Мира, как для живого существа – нет, плохих вещей нет, тут ты совершенно прав, а вот для отдельных его обитателей – есть. Это вещи, которые они сами субъективно расценивают как плохие. Помнишь? – голос изменил интонацию на вопросительную, – ярлыки, которые человек вешает на события – это всего лишь ценники на собственном зеркале, не более того, ибо все что происходит – правильно, и все что происходит – только наше собственное отражение.

– Да, я помню, конечно, помню. Все что происходит – наше собственное отражение, – я повторил свои мысли, высказанные в форме диалога с драконом, – или все-таки то, что происходит – это мы сами?

– Ты прав, – дракон в моей голове легко согласился, –

внешнее и внутреннее – едино, поэтому можно сказать и так.

– Но ведь тогда получается что и для нас, как отдельных обитателей отдельно взятого Мира, нет хороших или плохих событий? Потому что каждый из нас и является тем Миром, который его окружает?

– Да, – голос запнулся, словно с разберу налетел на бордюр, – да, – продолжил он после некоторой паузы, – твой Мир – это ты сам. И граница, которая проходит по твоей коже и позволяет твоим же глазам визуальнo отделить внешний Мир от внутреннего – эфемерна, – голос подул, словно пытался сдуть эту границу, – пфыыыыы, – и добавил:

– Считай что теперь ты цельный. Границ больше нет.

Я глянулсЯ вокруг себя, и увидел тоже самое что и было мгновение назад – Солнце, Агафью Тихоновну, себя, разговаривающего с самим собой, влажную и теплую траву на Земле. Визуально ничего не изменилось.

– Ничего и не должно измениться, – голос засмеялся, – все изменения находятся у тебя в голове.

– Это значит что у меня огромная голова, – я попытался пошутить, видимо неуклюже.

– Это значит что одно осознание того что твой внутренний, и как ты думаешь, скрытый от всех Мир, проявляется и изменяет не только тебя внутри, а и снаружи, ибо ему негде более, кроме как снаружи, размещать свои творения. Размещать свои творения и проявляться. При этом надо отметить что только он и проявляется. Он – твой внутренний Мир.



Можно сказать не проявляется, а скрупулёзно копирует. Покажи мне любого человека и я узнаю его изнутри сразу же как только увижу что окружает его снаружи.

– Получается что мы глазами можем увидеть внутренний Мир любого человека?

– Можем. Более того – мы каждый раз это делаем. Окружение человека – и есть сам человек. Ведь человек не то что он о себе думает. Человек именно то, что он думает. Просто думает. Это и есть его Мир, и он одинаков как изнутри, так и снаружи.

– И у каждого он свой...

– Да, у каждого он свой. Свой собственный. Неповторимый. И только ему лично принадлежащий. Никто и Ничто не могут ничего изменить в этом Мире, Никто и Ничто, кроме самого человека. Поэтому, собственно, и украсть что-либо невозможно. Как и подарить или добавить. Украсть мы можем только в своем Мире, в единственном Мире, к которому у нас есть допуск и единственному из Миров, где мы сами являемся хозяевами. Угадай, кто тогда пострадает? Если что-то украсть?

– Только мы сами.

– Именно так.

– Добавить тоже ничего нельзя? В чужую жизнь? Подарить, например?

– Подарить, конечно, можно, – голос продолжал наставления, – но заставить пользоваться нельзя. Это относится не

только к вещам, но и к идеям. Все едино. И вещи и мысли. Это суть одно и то же.

Голос замолчал и тишина в моей голове на какое-то мгновение перекрыла все внешние звуки. Так бывает когда какой-либо сильный, протяжный и монотонный звук вдруг резко исчезает, но барабанная перепонка в человеческом ухе все еще продолжает колебаться, дребезжать, продолжая формировать пустое, иллюзорное звучание. Таким звучанием была наполнена сейчас моя голова. Звуком, который уже давно ушел, оставив после себя лишь сильное послевкусие в виде оглушающей, перекрывающей все, внутренней тишины. И именно эта тишина звучала сейчас в моей голове, переливаясь оттенками различного тембра и высоты. Несмотря на то, что мой мозг не только отчетливо понимал, но и принимал отсутствие звука как такового, он продолжал слышать это Ничто, как песчаный пляж продолжает чувствовать волну после того как она, окатив водой песок, вернулась в море. Я все еще продолжал слышать этот ушедший обратно в море прибой, продолжал слушать окутавшее меня тишиной море, продолжал внимать столь органичному дополнению, как тишина песка и наслаждался самым мощным оружием любого человека – тишиной моих собственных мыслей. Оружием против невежества и глупости. Ведь Ничто в Мире не сокрыто. Надо просто посидеть в тишине и послушать.

Агафья Тихоновна лежала на траве, подставив серую спину солнцу и опять перебирала бутылочки с красками. Все они превратились в практически одинаковые, бесцветные, но яркие акварели. Как перламутровый лак для ногтей. Как внутренняя поверхность морской, жемчужной раковины. Такие себе бесцветные, умные краски. Особняком от них стояли две бутылочки со Временем. Наверное, Агафья Тихоновна специально отодвинула их подальше чтоб ненароком не перепутать.

Только сейчас я заметил что весь предыдущий диалог происходил только лишь в моем уме, и говоря с Артаком, я вообще не раскрывал рта. Это и немудрено, если вспомнить, что Артак был всего-навсего мыслью, моей собственной, ясной и прозрачной мыслью. Этой всемогущей и самой мощной из известных человечеству Энергией созидания. Артак – мои мысли, Агафья Тихоновна – слова. А я сам, то есть мое физическое тело, так и остался самим собой, то есть наиболее грубым проявлением энергии – действиями. Именно поэтому я встал с травы и подошел к Агафье Тихоновне.

– Энергия и материя – это одно и то же?

– Да, – она кивнула, – разная лишь концентрация. Ну или плотность.

– Атомная взрыв – это и есть высвобождение заключенной в материю Энергии? Превращение ее в свободную?

– Можно и так сказать, – Агафья Тихоновна заинтересо-

вано посмотрела на меня, и замолчала. Казалось, она ожидала продолжения.

– Энергия и Время связаны?

– Ну что вы, – акула усмехнулась, и повторила еще раз, – что вы... Энергия – это реальность, тогда как Время – миф. Время – лишь способ вашего мозга воспринимать эту единую реальность – энергетически цельную Вселенную, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – Энергия и Время связаны точно так же, как, например, это Солнце, – она указала плавником на светящуюся звезду, – и ваше зрение, которое позволяет вам его увидеть.

– Значит и перемещение во Времени возможно?

– Конечно, – казалось, она совсем не удивилась, – перемещение в выдуманных Мирах зависит только от того или тех, кто эти Миры выдумал, не так ли?

– Вперед или назад?

– А какая разница, – акула усмехнулась, на всякий случай отставляя бутылочку с мгновениями еще дальше от красок, – если перемещение возможно в принципе, то совсем неважно в какую сторону, – она опять усмехнулась и потупила взгляд.

– И что для этого нужно?

– Всего ничего, – Агафья Тихоновна вздохнула, – избавится от вашего способа воспринимать этот Мир по частям.

– Как это?

– Если бы вы могли посмотреть на целый Мир сразу, целиком, то увидели бы что он цельный и неделимый, однако

силы человеческого восприятия хватает только на то, чтобы секунда за секундой, год за годом, выхватывать из цельной картины мироздания, лишь какую-то, совершенно малюсенькую ее часть, а спустя мгновение, уже новую, и так до бесконечности, не подозревая что и то, что было, и то, что будет, есть крупинка одной, неразделенной никаким Временем Вселенной. Все что есть – существует всегда. Существование – вечно. Человеческое тело может дряхлеть и умирать, но тот, кто смотрит – вечен. И он – не тело. Тело – это автомобиль на котором вы передвигаетесь до тех пор пока он не сломается или не рассыплется в прах. Тогда вам будет нужен новый автомобиль, конечно, если дорога, по которой вы шли не закончилась и вам не пора переходить на новый уровень бытия.

– И тогда...

– И тогда вы продолжаете познавать Вселенную, но уже более совершенными способами.

– Всего лишь более совершенными? Не абсолютными?

– Ступеней познания Мира очень много, и на каждом из этих этапов вам будет предоставлены как объективные или абсолютные методы познания, так и субъективные, телесные способы, такие как зрение, слух, осязание, обоняние и так далее.

– Субъективные способы умирают вместе с телом, ведь так? – я был настойчив, – а абсолютное Знание остается навсегда?

– Конечно. Но оно бесполезно, пока вы не научитесь им пользоваться. В любом воплощении и на любом этапе, абсолютные методы познания всегда с вами. Мудрая Природа позаботилась об этом. Однако, лишь единицы нашли в себе силы понять эту простую истину. Понять и воплотить.

– Время – это субъективный способ познания?

– Время – это всего лишь поэтапное познание Вселенной. Искусственное разделение всего куска целого Мира на части. Время – это просто название, которое человечество придумало простому способу восприятия. Попытка объять необъятное.

– И этот способ эффективен?

– На каком-то этапе – да.

– А какой способ познания является объективным? Ну или абсолютным? – я немного задумался чтобы верно сформулировать, – для существ, использующих человеческое тело, как я, например?

– Ваша душа. Она абсолютна и бессмертна. Она с вами всегда, в любом воплощении и на любом этапе развития, конечно, если вы научитесь ее слышать. Но даже просто слышать недостаточно. После того как вы научитесь ее слышать, ее необходимо еще и слушать.

– Понятно, – я немного задумался и замолчал на какое-то время.

– А что будет если смешать краски с Временем?

– Вот краски, а вот Время, – Агафья Тихоновна пододви-

нула ко мне бутылочки, – попробуйте, если хотите. Ваши краски и ваше Время.

– Нам ничего не угрожает? – я замер в нерешительности, – если я смешаю это?

– Нет, здесь нам ничего не может угрожать, точнее даже не нам, потому что это вообще бессмысленно – то что нам может что-то угрожать. Не нам, а нашим физическим телам, ведь вас же интересует именно это? Так вот, здесь, – Агафья Тихоновна обвела взглядом все вокруг, – нам ничего не может угрожать. Ничто вообще не угрожает никому и никогда, тем более сейчас, когда мы в ваших мыслях, – акула показала на все вокруг, – поэтому делайте же, делайте, и никогда ничего не бойтесь, – она взглядом указала на бутылочки, – начинайте прямо сейчас.

– Но угроза существует? Чему, если не телу?

– Мало ли чему, – акула усмехнулась, – хотя бы вашим мыслям. Они ведь тоже умеют рождаться и умирать.

– Мысли живые?

– Только мысли по-настоящему живы, – Агафья Тихоновна посмотрела внимательно вокруг, пощупала свой плавник, – все что происходит здесь, – она постучала плавником по черепу, – даже реальнее того что происходило там, ибо там, – акула неопределенно махнула головой, – ведь там в процессах жизнедеятельности участвовало только ваше физическое тело, а здесь – не только оно.

Я взял в руки пузырек с мгновениями и открыл пробку. Жидкость внутри бутылочки мягко покачивалась в такт моим движениям, но что бы я ни делал, вылить из бутылки хоть каплю мне так и не удалось.

– Здесь нет Времени, – голос в моей голове прозвучал как всегда неожиданно, – здесь нет такого понятия как Время, – повторил он мягко, но уверенно, – и именно поэтому тебе не удастся его достать. Как например, в ваших стандартных, человеческих, трех измерениях ты бы захотел достать из головы, например, внимание или сосредоточенность, или выплеснуть свои мысли, и заключить их в банку, понимаешь? Они есть, но их нет. И даже если они есть где-то конкретно, то достать их и рассмотреть ты не сможешь.

– Но в обычных трех измерениях я как раз могу достать из головы свои мысли, – я вдруг понял что можно сделать, – в виде слов, и сделать их видимыми для окружающих. Видимыми и иногда даже понятными.

– Да, можешь. Но не можешь положить чистые мысли в банку и закрутить крышкой, – голос в моей голове смеялся, – а в виде слов они уже потеряют столько Энергии, что станут абсолютно бесполезными. А уж если ты перенесешь их в другую голову в виде слов... – голос немного подумал, и подтвердил, – Абсолютно бесполезными и безопасными. Кстати, Ничто так же не мешает тебе превратить слова в действия, и тем самым полностью уничтожить энергетическую ценность первоначального продукта.



– А здесь...

– А здесь Времени просто не бывает, поэтому оно никогда не сможет покинуть свою тару.

– Но я же его вижу, – еще раз взглянув в бутылочку я потряс ею. Жидкость заиграла, забулькала, но не выплеснулась из акватории своей посуды ни одной каплей.

– Видит твой мозг, – голос продолжал терпеливо объяснять, – а не ты. И он, еще не адаптировавшись к новым реалиям, продолжает видеть то, что он видеть привык, продолжает видеть то, что по его разумению, должно находиться внутри бутылочки, продолжает видеть то, что, как он знает, находится в бутылочке, продолжает видеть то, что должен, согласно его эмпирическим заключениям. И ничто в мире не запретит ему видеть то, чего нет на самом деле. Ничто. Вот он и продолжает видеть бутылочку с ярлыком «Мгновения», и считает что они внутри. Поэтому ты их и «видишь»...

– Даже так...

– Когда Христофор Колумб отправился в плавание к берегам Америки, – Артак продолжал говорить в моей голове, – индейцы, к берегам которых он приплыл, его даже не заметили, – голос вздохнул, – потому как точно знали что в море не может быть никакого корабля. Они не знали что такие корабли существуют и не смогли их разглядеть даже тогда когда они были совсем близко. Мозг краснокожих усиленно стирал информацию, поступающую к нему по зрительному нерву, упорно не желая демонстрировать индейцам то, чего,

по его разумению, быть не могло.

– А потом? Они их все-таки увидели?

– Конечно. Когда взаимодействовать начали их физические тела, мозгу пришлось реагировать на происходящее. И тогда индейцы прозрели.

– Значит со Временем...

– Нет.

– Что нет?

– Здесь ничего не изменится со Временем. Это чувственное измерение и сама постановка вопроса неправильная. Времени здесь нет вообще.

– То есть сколько бы мы ни говорили – все останется неизменным?

– Если только твой мозг, следуя своему собственному разумению, не пойдет проторенной дорогой и не начнет создавать эту новую старую иллюзию. Иллюзию Времени, – голос немного помолчал, – но я думаю, такого точно не будет.

– И ничего вокруг не поменяется?

– Ничего, – дракон посерьезнел, – Ничто вообще неизменно.

– Значит этот Мир мертв? Ведь неизменно только мертвое, не так ли?

– Да, этот Мир мертв. Но он мертв точно так же как может быть мертво тело. Вы, люди, считаете его мертвым, и оно действительно мертво. Но оно мертво только для тех людей, которые считают саму Жизнь исключительно органической,

то есть определяют Жизнь, как процесс, построенный на взаимодействиях с углеродом. В такой интерпретации, мертвое тело действительно мертво, и оно становится строительным материалом для чего-то нового. Так и этот Мир, мертвый в твоём понимании, является просто платформой для рождения чего-то нового, живого и яркого. К тому же у человека есть и другие тела, невидимые глазу, они-то, эти остальные тела, продолжают чувствовать себя великолепно. Вот прям как ты сейчас. Ты же жив?

– Да, с этим трудно не согласиться. Я жив. И я безвременен. Значит можно просидеть так целую вечность? И Солнце будет точно так же висеть над деревьями, лес – шуметь, а трава будет мокрой от росы?

– Конечно. Но ровно до тех пор пока ты не решишь посетить другое место.

– Другие места тоже доступны?

– Любые. Все что ты можешь придумать, все что ты можешь вообразить и представить – все доступно. Без исключений.

– Это значит что все что я могу представить уже где-то существует?

– Конечно, существует. Человеческий мозг не может ничего создать, он лишь показывает то, что видит, то, что уже есть. Иногда, правда, – голос засмеялся, – он облакает это в форму сна, но любой сон – ложь, помни это, – голос продолжал смеяться.

– Я знаю.

– Не знаешь. Эта поговорка верна, но совсем не потому что снам нельзя верить. Эта поговорка верна, потому что любой сон – всего лишь путешествие. И это путешествие такое же реальное как и путешествие наяву, понимаешь? Любой сон – ложь по определению, потому что сон – точно такая же реальность, однако умело облаченная человеческим мозгом в обертку сна. Только в такой интерпретации он согласен вам показать эти картинки. Убедив вас и себя самого что вы спите и все как бы понарошку.

– И мы прямо сейчас можем перенестись в любую точку Вселенной?

– Можем. И самое главное – мы можем сделать это мгновенно.

– Мгновенно?

– Да.

– Значит Сознание вездесуще.

– Как и материя. И одно и другое является лишь одним из проявлений кирпичиков мироздания – информации. Это очень хорошо что ты сам дошел до этой формулировки, – голос продолжал улыбаться, – потому что слова, которые ты произнес перед перемещением, теперь являются еще одним доказательством одинаковости бытия.

– Какие слова я произнес?

– Ты определил простую, но от этого не менее важную истину. Все вокруг состоит из информации, и не более того.

Информация – та же материя, но менее сконцентрирована, и поэтому ты ее не замечаешь глазом. Однако, стоит ей уплотниться в миллиарды, а то и в миллиарды миллиардов раз, как мы получаем, например, табуретку.

– И это является доказательством одинаковости бытия?

– Конечно. Ну например, может ли материя, которую ты видишь, и которая находится в каком-то конкретно отведенном ей месте, может ли она сформировать Сознание там, где ее самой нет? По-моему ответ очевиден. Не может. И точно также очевидно, что Сознание, находящееся везде, не исключая пустоту, ибо пустот не бывает, вполне реально может сформировать нечто материальное. Вот, например, эту траву и землю. Или твое внимание, которое сейчас может выплеснуться из твоей головы, – голос замолчал, словно ждал появления реки моего внимания, но на самом деле он просто дал мне время подумать.

– Действительно. То, что находится в любой точке Пространства с гораздо большей вероятностью сможет создать нечто, ограниченное этим самым Пространством, чем наоборот...

– Нет, нет, – голос протестовал, – никаких вероятностей. То, что есть везде может формировать свои сгустки, их-то ваш глаз и воспринимает как материю. Но это все та же информация, просто более плотная.

– И если это вездесущее Нечто, которое мы называем информацией или Сознанием...

– Ничто. Не Нечто, а Ничто, – Артак перебил меня чтобы поправить.

– Ничто? – я запнулся, но кивнул головой, – ну хорошо, пусть Ничто. Так вот, это Ничто, или информация, которое или которая находится везде и сразу, оно или она автоматически становится еще и безвременным или безвременной, так? Время в таком случае просто пропадает.

– Конечно, – голос утвердительно, и как мне показалось, одобрительно крикнул, – с одной поправкой. Информация и Сознание – все таки разные вещи.

Я повернулся к акуле, продолжавшей переставлять светящиеся бутылочки со Знанием с места на место.

– Сознание – это Свет? До этого момента мы познакомились лишь с одной субстанцией, растворяющей Время. И это был Свет.

– Бинго! – Агафья Тихоновна захлопала плавниками, как если бы у нее были руки, – вы только что открыли один из фундаментальных законов Природы. Ваше Сознание – лишь одно из проявлений вездесущего, часто невидимого человеческому глазу Света. Всего лишь одно из проявлений, точно такое же проявление, как видимый спектр или инфракрасный свет. Однако в человеческом теле нет рецепторов, которые могли бы улавливать этот нескончаемый поток. Поэтому, если вам удобнее, можете считать его одним из проявлений радиации. Ведь человек не в состоянии прочувствовать,

например, гамма-излучение? Но это совершенно не мешает этому излучению менять человека, разрушая тело изнутри. Вот и Сознание меняет, но оно действует гораздо обширнее чем любое, известное науке, излучение. Оно же и самое мощное. Оно же вне Времени и вне Пространства.

– А информация?

– А информация – его инструмент. И вездесущее Сознание использует информацию точно так же, как каменщик использует кирпичи – строит из них здание.

– Какое здание?

– А вот это решать только вам, – Агафья Тихоновна за- тихла.

– Да. Это решать только тебе, – повторил голос Артака в моей голове.

– Какое здание? – я повторил, впрочем, совсем не рассчитывая на ответ.

Его и не последовало.

20

– Так значит перемещение во Времени возможно? – я мысленно повторил свой вопрос и тут же услышал ответ.

– Конечно, возможно, – голос сам собой проявился в моей голове, казалось, он никуда и не уходил, даже когда хранил молчание, – Время – лишь способ познания цельного и неделимого Мира. Познавать Вселенную через Время, все

равно что смотреть в замочную скважину. Во временное отверстие настоящего момента ты видишь только узкую часть Пространства, однако справа и слева от картинке, там где по твоему разумению, находится прошлое и будущее, жизнь не прекращается и так же реальна, как и та, что протекает прямо перед твоим взором. Ведь и прошлое, и будущее, и настоящее – постоянно, нерушимо и вечно, – голос замолк и вкрадчиво добавил:

– Тогда что тебе может помешать отправиться, например, в будущее? Или в прошлое? Ничто не мешает, и не может помешать, – голос запнулся на одно лишь мгновение, – Ничто лишь может помочь.

– Ну допустим что это так...

Я развалился на зеленой траве, положив голову на акулий бок, и продолжал вести немой диалог с Артаком. В действительности, диалог был немым, так как целиком и полностью происходил в моей голове и совершенно не нуждался в вербальном выражении. Слова, эти невидимые глазу вибрации, в нашем случае, не только не забирали Энергию мысли, но и не искажали смысл сказанного, как это обычно происходит при разговоре, ибо каждый вкладывает в сказанное слово свой собственный смысл, доступный лишь ему одному и никому более.

– Ну допустим, – повторил я свои же слова, – допустим, в будущее еще каким-то образом можно переместиться, я да-



же могу представить как это сделать. Физическое путешествие к любому массивному объекту с огромной гравитацией замедлит мое Время, тогда как на Земле течение Времени не изменится, и в конце концов, я смогу вернуться домой спустя десятилетия или даже века, потратив на это, например, год, – я бегло повторял прописные, давно всем известные истины, – и чем больше гравитация объекта, тем более сильное искажение Времени мы получим. С будущим все более-менее ясно. А прошлое? Что если отправившись в прошлое я встречу там самого себя или, как описывается в известном парадоксе, убью своего дедушку? Ведь тогда я никогда не появлюсь на свет?

– Не встретишь, – голос Артака продолжал терпеливо объяснять мне вещи, вероятно, очевидные для него самого, но пока сокрытые от меня, – не встретишь ни своего дедушку, ни бабушку, ни кого бы то ни было другого, который мог бы повлиять на все что угодно, включая твое рождение в человеческом теле.

– Но почему? Если перемещение в прошлое действительно реально? Почему бы мне не отправиться на двадцать лет назад и не найти себя самого, ну например, за школьной партой, и не подсказать ответы на экзамене? Ведь тем самым я смог бы изменить свое прошлое, и как следствие, мое настоящее и будущее тоже бы изменилось.

– Просто пойми одно – ты никогда не сможешь встретить себя самого.

– Не смогу? Что может мне помешать?

– Ты сам.

– Объясни.

– Ты не сможешь встретить себя самого, ты можешь лишь превратиться в самого себя.

– Как это?

– Перемещаясь между временными слайдами, или как ты их называешь – фотоснимками альманаха Времени, ты не сможешь встретить себя, потому что добавить что-то новое в единую и вечно существующую, неизменную ни в каких измерениях фотокарточку, невозможно. По аналогии с простым фотоснимком. Представь что он живой. Ты можешь им любоваться, можешь даже мысленно стать одним из его персонажей, можешь наслаждаться изображенной там картинкой целую вечность, но ты не сможешь дорисовать на нем еще одного себя, как впрочем и еще одну травинку или пылинку, – Артак запнулся, – это будет подлог, а Природа никогда не признает, – он покачал головой, – Природа не признает даже самой маленькой лжи. В любом ее проявлении.

– И я там никогда не появлюсь?

– Нет. Зачем тебе там появляться? Ты уже есть там.

– Как это – есть там?

– Вот так, – голос усмехнулся, – так как есть.

– Но я хотя бы буду знать что я в прошлом?

– Знать? – Артак рассмеялся, – никак не будешь. Ведь даже находясь в прошлом, ты будешь в настоящем. В самом

что ни на есть настоящим.

– Но тогда я не смогу ничего изменить?

– А вот тут ты не прав, – голос расплылся в улыбке, – изменить ты можешь абсолютно все. Подумай, если нельзя изменить изображение самого слайда, то что тебе мешает просто-напросто выбрать другой, в котором уже все именно так, как ты хотел изменить? Ведь слайдов бесконечное количество, и уж наверняка, найдется тот, который подойдет тебе на сто процентов. И в котором ничего не надо будет менять и подстраивать. В котором все уже в точности так как ты хочешь. Ведь любое изменение, которое ты можешь предложить Вселенной, уже существует. Понимаешь?

– Почти...

– Твое тело никогда не проявится ни на одной из пленок, просто потому что его там не было изначально, а добавить что-то в существующий слайд нельзя. Но где-нибудь обязательно существует пленка, на которой уже учтены все предложенные тобой изменения. Слайдов-то много. Ты даже представить не можешь, насколько много. Не сосчитать. Тебе остается только выбрать нужный, а не пытаться изменить какой-нибудь другой. И перемещаясь между слайдами ты становишься самим собой в выбранном изображении и просто продолжаешь жить согласно картинке того слайда в который переместился.

– Получается что я сам и не перемещаюсь вовсе? – я старался переварить услышанное.

– Если ты считаешь себя лишь физическим телом, то, конечно, нет, – Артак внимательно следил за моим вниманием и сосредоточенностью, – человеческие тела не могут путешествовать по временным слайдам. Хотя бы потому что самих тел попросту не существует. А как может путешествовать то, что не существует? Путешествовать могут только реальные вещи. А совсем не твоя оболочка, которая и существует-то всего лишь в человеческом восприятии действительности.

– Значит мое тело не реально?

– Реально, но только в том Мире, который ты сам создал своим же зрением. Оно реально существует в том Мире, который умеет разделять, который умеет проводить границы. Границы на картах, границы на теле, границы ума, границы чего бы то ни было. Умение проводить границы совсем не природное качество, но качество человеческой натуры, человеческого Сознания. Именно того Сознания, которое никогда не сможет понять общую картины Вселенной...

– Никогда?

– Никогда.

– Совсем совсем никогда?

– Совсем совсем никогда!

– Но почему?

– Потому что границы, проведенные внутри любого Мира разделяют его на части и делают этот мир ограниченным. Границы сами отсекают свои возможности и добровольно отрезают свободу мысли. Ну а ограниченное Сознание может

сформировать лишь ограниченный Мир, – голос дребезжал от напряжения, – и понять безграничность в таком случае невозможно.

– То есть любая граница искусственна?

– Для Природы не существует никаких границ, ни пространственных, ни временных, включая даже ту границу, которая, как ты думаешь, отделяет твое тело от всего остального. Ее тоже не существует.

– Значит мое физическое тело навсегда останется в настоящем?

– Оно просто не создано для существования где бы то ни было еще, – Артак усмехнулся, – оно создано исключительно для настоящего момента. Именно поэтому оно рождается, живет, развивается и умирает. И заметь, все это происходит не завтра и не вчера. Все что может произойти с телом – происходит сегодня, сейчас, в это самое мгновение. Ведь не можешь же ты ущипнуть себя вчера или, скажем, всего лишь через одну секунду? Нет! Только сейчас! Только в этот самый миг.

– Ну хорошо, согласен, кажется с этим мы разобрались, – я усмехнулся про себя, – но как тогда я могу попасть в прошлое?

– Путешествовать может лишь нечто действительно реальное, нечто безграничное и вечное.

– Вечное?

– Конечно же вечное, а как же иначе? Ведь ты хочешь пу-

тешествовать именно во Времени? Согласись, что исходя из условий задачи, сам путешественник должен иметь возможность оказаться в любом моменте Времени, в любой момент, ведь так?

– Да, именно так.

– Для этого он должен, как минимум, иметь необходимый ресурс для существования везде, опять-таки, без выдуманых человеком границ, так? И если мы отвлечемся от Пространства и заменим слово «везде» на его временной аналог, то получим «вечно». Поэтому реальное, а не придуманное фантастами, путешествие во Времени возможно только для субстанции, покрывающей собой, как шапкой, все существующее Время. И это – вечность.

– Кажется, я понимаю...

– И это не твои руки или ноги. Это даже не твой мозг. Это не ты, как ты себя видишь. Это скорее набор информации, который по сути и определяет лично тебя... Он-то и вечен.

– Набор информации?

– Да. Ничто не мешает информации, из которой ты состоишь, или твоей душе, как это называет человечество, менять временные слайды хоть по сотне за мгновение.

– Почему тогда я этого до сих пор не делаю? Это должно быть удивительно и захватывающе!

– Делаешь, конечно делаешь, – мне показалось что Артак немного раздражен, – почему не делаешь? Ты, как и любой другой человек, постоянно меняешь временные и простран-

ственные слайды.

– Не понимаю.

– Дорога по которой ты идешь, постоянно проходит сквозь слайды. Разные слайды. И те, которые в твоём понимании, в прошлом, и те, которые в будущем. И, конечно же, в настоящем. Некоторые из слайдов ты проходишь по миллиону раз, совершенно этого не замечая, – голос вдруг посерьезнел и даже изменил тон на требовательный, – думай, человек, думай, я знаю что ты можешь это понять!

– Что есть дорога?

– Твои мысли – твоя дорога. Каждая мысль может перебросить тебя в другую действительность мгновенно.

– Мои мысли? Это и есть ключ?

– Твои мысли – это мгновенный путь в любую точку Пространства и Времени. Без всяких ограничений. Твои мысли – твой собственный код, который безусловно воспринимается Вселенной и безошибочно переносит тебя в тот временно-пространственный слайд, частоте изображения которого ты соответствуешь. И этих перемещений может быть хоть миллиард за секунду. Или даже за мгновение.

– Но почему я этого не ощущаю? – я был немного растерян, но кажется, постепенно начал улавливать смысл сказанного.

– Потому что в каждом пространственно-временном слайде... – Артак на миг замолчал, словно ожидая что я продолжу его фразу, но после небольшой паузы, добавил:

– Давай пока оставим Пространство в покое, и хотя все сказанное в равной степени относится и к Пространству и ко Времени, сейчас мы будем говорить только о Времени, чтоб не запутаться окончательно, хорошо?

– Да, конечно, – я был благодарен дракону за упрощение задачи, – мне кажется, так действительно будет легче.

– А вот когда у тебя получится осознать и понять суть вопроса полностью, ты с легкостью сможешь добавить к Времени еще и Пространство, чтобы оперировать сразу и Пространством и Временем, договорились? – дракон замолчал, видимо ожидая ответа.

– Да, хорошо.

Я был полностью согласен с Артаком, и если с пространственными измерениями еще можно было как-то разобраться, то с временным все было сложнее, много сложнее.

– Я бы добавила одну деталь, – внезапно Агафья Тихоновна повернула ко мне голову, и посмотрела прямо в глаза, – я бы добавила то, что Пространство ничем не отличается от Времени хотя бы потому что является точно такой же человеческой иллюзией, – она зевнула, – ведь и Время и Пространство – выдуманные человеком понятия, – Агафья Тихоновна еще раз зевнула и посмотрела вдаль.

В отличие от нас с Артаком, обменивавшихся мыслями, акула использовала привычный язык слов, но думаю, Артак ее слышал так же хорошо, как и я.

– Это так? – я мысленно обратился к своему дракону, так



же мысленно поблагодарив акулу за уточнение.

– В точности так как она сказала, – голос был тут как тут.

– Спасибо за поправку, Агафья Тихоновна, – я повернулся к акуле и кивнул головой, выражая свою признательность, – мне кажется я потихоньку начинаю понимать.

– Еще бы, – акула усмехнулась и отвернулась от нас, опять положив голову на траву.

– Тогда я повторю свой вопрос. Почему я не ощущаю этих перемещений во Времени, если, как ты говоришь, перемещаюсь постоянно?

– Потому что в каждом временном слайде ты обладаешь уже готовым набором информации, среди которой и та, которая по твоему мнению определяет то что было, то что есть и то что будет. Набором информации, который определяет твое прошлое, настоящее и будущее, но именно для этого слайда. Потому что в каждом пространственно-временном слайде ты уже обладаешь готовыми духовными ценностями и материальными предметами, а в твоём мозгу существует четкая картинка не только неизменного с твоей точки зрения прошлого и живого настоящего, но и иллюзорного будущего. И все это уже заложено в твой трехмерный мозг и трехмерное же понимание действительности. Мозг, а значит и ты сам, думает что мгновение назад ты так же лежал на траве и рассуждал о перемещениях во Времени и Пространстве, но на самом деле ты мог быть где и когда угодно. Но даже меня пространственно-временной слайд снова и сно-

ва ты опять оказываешься с новым набором новой информации, соответствующей тому слайду в котором ты стал находиться именно сейчас. Потому как все реальные перемещения могут быть только информационными, с полным замещением всей находящейся в твоей голове информации на соответствующую новым реалиям, новым условиям, новым данным. Как я уже сказал, с точки зрения Природы, только эти перемещения и являются реальными движениями материи во Вселенной, а не физические перемещения тела, как привык думать любой человек.

– Значит, я могу переместиться в любой временной слайд любого дня и года, любого...

– Да, да, в любой временной и пространственный слайд, каждый из которых, еще раз замечу, – голос вновь стал серьезным, – каждый из которых существует неизменно и постоянно. То есть вечно. Ведь каждое существующее мгновение, такое живое и яркое – вечно.

– И сколько этих слайдов?

– Сколько? – Артак засмеялся, – больше чем ты можешь представить, находясь в человеческом теле.

– И каждый из слайдов существует вечно?

– Да.

– И в этом Пространстве пространственно-временных фотокарточек есть любой снимок? Без исключений?

– Любой, который ты только можешь придумать и даже те, которые ты придумать не можешь.

– И я могу переместиться даже в тот слайд на котором меня нет?

– На котором тебя нет? – Артак рассмеялся сильно, в голос, – ты думаешь есть такая фотокарточка?

– Конечно! – я был готов спорить, – вот, например, снимок этого леса и Солнца над ним, – я кивнул головой на деревья.

– И что там? Там всего лишь нет твоего человеческого, физического тела, но ты сам присутствуешь в полном объеме, – дракон опять смеялся, – конечно же с новым информационным набором, и именно тем набором, который тебе необходим для существования именно там. Природа не терпит пустоты, пойми. И в каждом мгновении обеспечивает тебя всем необходимым для существования именно в этом мгновении. Ни больше и ни меньше.

– Но ведь это значит... – в который уже раз я запнулся от неожиданности, – что я обладаю всеми судьбами сразу и целиком? И не только человеческими?

– Да, – Артак был спокоен, – да, – еще раз повторил он, – да. Все существующее едино.

– Значит я вполне могу быть и Далай–ламой и жестоким убийцей? И президентом и бомжом? И учеником и учителем?

– Смотри шире, гораздо шире, – голос подсказывал мне что это еще далеко не все, – ты рассматриваешь свои способности только с точки зрения человека, с точки зрения того,

чем ты обладаешь сейчас, с точки зрения трехмерного обладателя человеческого тела возрастом в 41 год. Но ничто не запрещает тебе смотреть шире, – голос замолчал, казалось он наблюдал за мной, – еще шире, еще. Так широко, как только можешь.

– Артак, подожди, – я замолчал на какое-то мгновение, – дай мне немного Времени понять. Получается что если моя душа перенеслась в пространственно-временной слайд какого-то из мгновений земной жизни Далай-ламы, то я им и становлюсь? С его набором воспоминаний? С его банковским счетом и с его мыслями? Правильно?

– Именно так. Путешествуя в слайдах Пространства и Времени ты становишься именно тем, кто есть в этом слайде. И даже, если ты прибыл мгновение назад, и уйдешь еще через мгновение, то все равно, в этом, настоящем мгновении ты уже будешь обладать полным комплектом нужных воспоминаний, включая то, что ты ел сегодня на завтрак и где отдыхал прошлым летом. Конечно, комплект воспоминаний доступен только до тех пор, пока ты находишься в определенном месте, используя человеческое тело.

– Поэтому я и не замечаю перемещений?

– Да. Как, находясь в человеческом теле, их можно заметить? Никак.

– Но получается что я могу прожить миллионы жизней?

– Ты их и проживаешь. Миллионы, миллиарды разных жизней, которые являются одним общим существованием

всего со всем. Я вижу, – Артак удовлетворенно хмыкнул, – ты начинаешь понимать о чем идет речь.

– И мои мысли, только мои мысли, и ничего более, определяют то, в каком слайде я окажусь в следующем мгновении?

– Именно так. Твои мысли обладают достаточной Энергией чтобы перенести тебя в то поле, частоту которого ты излучаешь.

– И нет никаких ограничений?

– Нет.

– И я сам, только я сам, определяю следующий слайд?

– Да.

– И можно научиться переноситься туда, куда мне будет угодно?

– Можно. Этот способ называется мыслить. Мыслить в том ключе и в том направлении, которое тебя интересует. Если ты будешь упорным и настойчивым, вся Вселенная будет служить лично тебе.

– Так просто?

– Это совсем не просто. Контролировать свои мысли – самая тяжелая работа из всех, известных мне, – дракон на мгновение замолчал, – наверное, поэтому, люди и избегают ее, как огня.

– Почему это так тяжело?

– Потому что контролируя свои мысли, ты контролируешь самую что ни на есть настоящую и действительную ре-

альность. Поэтому это так тяжело.

– Но выкопать яму в заледеневшей земле, наверное, не легче?

– Вся остальная работа, кроме контроля и управления своими мыслями, не идет в счет. Копание ямы, например, хоть с первого взгляда и может показаться тяжелым физическим процессом, но по своей сути не изменяет ничего во Вселенной. Выкопав яму, ты изменяешь лишь кажущееся тебе реальным Пространство. Ты заменяешь одну невесомую и ничего не значащую иллюзию существования Пространства без ямы на другую иллюзию, но уже с ямой. А в настоящей Вселенной так ничего и не поменялось. И количество земли осталось прежним. Поэтому выкопав яму, ты можешь разве что утомить свое тело. Утомить одну выдумку тем, что якобы изменяешь другую. Ведь и тело, ограниченное кожей – такая же иллюзия, как и все остальное Пространство, ограниченное Сознанием. Вот так и выходит, что если уж что-то и изменять, то только мысли. Со всем остальным они справятся сами, без участия твоего физического тела. И с ямой в том числе. Всегда найдется тот, кто предпочтет копать, а не думать.

– Поэтому и говорят, что мысли материальны?

– Почему так говорят, я не знаю, – Артак усмехнулся, – но именно мысли и материальны. Остальная материя – миф.

– Но ведь если задуматься... – я встал, почему-то схватился за голову и прошел пару шагов вперед, – но ведь ес-

ли задуматься, исходя из того что ты сказал, то нет ничего, кроме меня самого? – я остановился и уставился в пустоту, не зная где находится мой собеседник.

– Нет, конечно нет. И более того – никогда и не было, – голос, казалось, был доволен моим выводом, – и никогда уже и не будет, – после небольшой паузы добавил он, – а если точнее, то и никогда нет. Ведь правильно говорить можно только в настоящем Времени. Это твой Мир. Твой и каждого кто в нем.

– И ударив бездомного пса...

– Ты наносишь удар в самое свое сердце, – голос говорил как никогда серьезно.

– И помогая незнакомцу на дороге...

– Ты протягиваешь эту руку себе самому, через все существующее в человеческом понимании Пространство и Время, – он повторил слова, видимо, показавшиеся ему важными, – ведь никого, кроме тебя нет и никогда не было. И никогда не будет, – Артак опять усмехнулся.

– Получается что прошлое и будущее все-таки существуют?

– Конечно, существуют. Только они – это тоже настоящее. Каждый слайд существует вечно и каждый слайд существует и зафиксирован в настоящем моменте, независимо от того, какая картинка и какие эмоции на нем изображены. Все в Мире только здесь и сейчас. Другого места просто нет. Только здесь и только сейчас.

– Они существуют вечно? Или одно мгновение?

– Одно мгновение – та же вечность. Смотря как посмотреть. Как, впрочем, и вечность – мгновенна.

– Как это понять?

– Никак, – дракон засмеялся, – просто прими на веру, что любая временная характеристика твоей Жизни – ложная. Все что связано со временем – мгновения или вечности, все это – миф. Их нет. А есть то что есть. Просто есть.

– Постоянно?

– Я не могу употребить даже это слово, ибо оно так же указывает на протяженность во времени.

– И как тогда быть?

– А никак. Но просто быть – очень важно.

Немного подумав, я подошел к рюкзаку с красками и достал две бутылочки с надписью «вечности» и «мгновения». Некоторое время подержав бутылочки в руках, я принял, как мне показалось правильное решение, и оторвав наклейки, положил бутылочки обратно. Ведь никакой разницы не было. Никакой разницы между вечностью и мгновением, между бесконечностью и нулем.

Но я очень хорошо понимал почему тогда, на дне темного озера, Агафья Тихоновна подписала их. В то время мой неподготовленный мозг не был подготовлен к такому повороту событий, тогда как сейчас, я был полностью готов как мне казалось, ко всему, и с радостью сделал это сам, вме-



сте с надписями на бутылочках, убрав еще одну иллюзорную границу из своего Сознания. Из общего единого Сознания, которое является всем и сразу, а я сам, находясь в человеческом теле – всего лишь его маленькая энергетическая крупинка, обладающая полным и всеобъемлющим доступом к любой точке созданной человеком иллюзии пространства-времени. Крупинка, которой стоит захотеть, и она сможет иметь доступ к каждой части уже реального, а не иллюзорного, единого и цельного, настоящего и действительного Мироздания. Единого и цельного Мироздания, которое и есть Я. Вот и выходит что познавая лишь себя самого мы в состоянии познать весь Мир. Да и другого-то пути и нет. Только через внутреннее к внешнему. От истоков в море.

21

Размышления о путешествиях во Времени привели меня к одной простой, но как мне кажется, существенной и важной математической задаче.

Что будет, если ноль поделить на ноль?

Что будет, если мы попытаемся решить этот простой пример из математики, а именно – найдем скорость с которой должен двигаться объект, если в условиях задачи сказано что он должен пройти расстояние, равное нулю, за время, также равное нулю?

В результате элементарного математического действия – деления пройденного расстояния на затраченное для этого время – мы и должны получить искомую скорость объекта. Чему же она будет равна?

Логические рассуждения здесь ни к чему ни приведут, потому как любая логика заканчивается там, где начинаются абстрактные понятия. Ноль и бесконечность – именно такие метафизические величины. Человеческий мозг просто не в состоянии представить себе что такое ноль. Ноль – это Ничто. Ноль – это полная пустота. Как можно представить себе полную пустоту? Есть ли в Природе нечто такое, чтоб эта самая пустота была совершенная? Чтоб она была абсолютная, нерушимая, безграничная, бездонная, законченная, завершенная, стопроцентная пустота? Чтоб она действительно была ноль?

Абстракция? Метафизика? Трансцендентальность? Да, конечно. А возможно ли именно такое, абстракционное проявление реальности? Это, скорее, вопрос философии. Для этого ей, абстракции, как минимум, необходимо приобрести черты реальности в человеческом понимании, ведь только при таких условиях мы можем сказать – да, абстракция реальна и в нашем собственном Мире. До тех пор пока она не будет доступна для осознания человеческим мозгом, проявления ее реальности будут выплескиваться только там, где она понята и, что немаловажно, принята.

Способность к пониманию абстракции является одной из

отличительных черт человека, которая, вероятно, сформировалась одновременно с языковыми навыками, и во многом благодаря математике. Ведь числа сами по себе, не привязанные ни к чему конкретно, являются метафизикой в чистом виде. Нельзя даже мысленно представить себе просто число, характеризующее само себя. Мы можем представить лишь количество или порядковый номер какого-либо объекта, поскольку в окружающем нас мире такого абстрактного, ни к чему не привязанного понятия, как цифра попросту не существует: это всегда «три человека», «пять деревьев» или «один банан». Вот и получается что чистой, абсолютной абстракции, как и чистой пустоты, в человеческой интерпретации Вселенной просто не может существовать.

Науке уже давно известно, что даже в вакууме происходит постоянное образование и аннигиляция элементарных частиц. Вот вроде бы взяли люди-человеки кусок Пространства и ограничили его, дабы исключить любую возможность попадания какой-либо частички внутрь, откачали воздух, убрали всю известную человечеству материю, и вот он – чистый ноль, пустота, вакуум! Но нет, совершенно внезапно, совершенно вдруг, в этом пустом, искусственно ограниченном Пространстве, тонко настроенная и очень чувствительная аппаратура регистрирует проявление непонятно откуда взявшейся, а может, просто заблудившейся во Вселенной элементарной или фундаментальной частицы, которую эта искусственно возведенная человеком граница не то что

не в состоянии остановить, но даже просто некоторое Время удержать. Всегда найдется какая-нибудь субатомная, называемая людьми – фундаментальная частичка, которая попросту не замечает ни толстых стен, ни ограничительных электромагнитных полей. Она появляется всего лишь на одно мгновение из ниоткуда и исчезает точно так же и туда же – в никуда, раз за разом доказывая нам своим появлением что любое ограничение искусственно и в Природе нет, да и не может быть никаких границ. И проявляться эти фундаментальные частицы, из которых, кстати, и состоит вся материальная Вселенная, будут в том месте, где им захочется и тогда, когда захочется, ведь пока что ни один из уже открытых законов физики не может описать правила, согласно которым им должно проявляться, правила, диктующие им где это делать и когда. И все этим частичкам нипочем, даже если место их внезапного проявления находится в бункере с метровыми свинцовыми стенами. Не существует для них этих стен, как впрочем и любых других препятствий. Так и получается что современный человек, даже используя всю мощь прогрессивной науки, не в состоянии ни найти полный ноль в окружающей нас Природе, ни создать его искусственно. Нет его. И, возможно, никогда и не было. И похоже что уже никогда и не будет.

Вот и выходит, что пустота, или то, что мы называем пустотой – в точности такое же, как и любое другое, наполненное материей, Пространство. Возможно, наполненное пока

еще неизвестной человеку материей. Что-то вроде банки с клубникой. Есть ягоды, а есть пустоты. Здесь, в этой банке, пустоты – это тоже наполнение, не так ли? Невидимое глазу наполнение. Для физики это может значить только одно – ноль – несуществующий в Природе объект. А полностью признать ноль и даже всячески им манипулировать готова одна только математика – наука, способная теоретически описать не только наше, человеческое, трехмерное Пространство, но и чужое, непонятное для нас – четырех, пяти, шести, семи или ста и даже тысяче – мерное. Конечно, эти расчеты будут невероятно сложны, но ведь главное то, что они возможны. Сложность вообще существует исключительно для человека, но не для Природы. Сложность – исконно человеческое понятие.

Возможно, математика – эта царица наук, пытается нам что-то подсказать? Возможно, математика – наш единственный путь познать непонятное? Возможно, Природа решила с помощью одной абстракции – цифр, подсказать человечеству путь понимания другой абстракции – самой Природы? Возможно, математика кричит нам на каждом углу – люди! Ваша Вселенная не ограничена ничем, и три измерения – не единственно возможный вариант существования материи! И если вы, люди, исходя из вашей Природы, не в состоянии это понять и представить, то вполне можете рассчитать и доказать. Возможно и так. Даже вполне вероятно.

– Так что там с примером? – Агафья Тихоновна, видимо прислушиваясь все это время к моим мыслям, посмотрела на меня вопросительно, – если мне не изменяет память, вы хотели найти скорость с которой должен двигаться объект, чтобы пройти расстояние, равное нулю, за время, также равное нулю? Может быть, решение именно этой задачи поможет нам приблизиться к конечной точке нашего путешествия – к черной дыре?

– Я пока еще не знаю. А каким образом нам это может помочь? – не сразу сообразив к чему клонит акула, я задумался.

– При приближении к горизонту событий, к этому месту в черной дыре, где гравитация становится настолько сильна что не только любая материя, но даже Свет не в состоянии сопротивляться ее силе, само Время останавливается и становится равным нулю, – Агафья Тихоновна вздохнула, – а для нас это значит что, находясь в материальном теле, неважно, – акула усмехнулась, – неважно в каком, акульем или человеческом, мы никогда не сможем ее достичь. Или если хотите, мы сможем ее достичь, но только никогда.

– Да, действительно, – я повернулся к акуле и продолжил рассуждать вслух, – но что с нами произойдет в этом случае?

– Черные дыры всеядны, – Агафья Тихоновна вздохнула и посмотрела на меня, – и так как Время реально только для материальных объектов, Вселенной ничего не останется делать, кроме как превратить нас в объекты нематериальные,

а говоря простым языком – черная дыра разорвет нас силой своей гравитации. Разорвет настолько основательно, что раздерет на составные части даже атомы, из которых мы состоим. Но и это не все. Какие бы эти составляющие части не были маленькие – они все-таки относятся к материальному Миру, и гравитация продолжит рвать их на куски, пока не превратит любую, даже самую маленькую крупинку материи, в чистую Энергию.

Ээээээ, – я слушал Агафью Тихоновну с широко раскрытым ртом, – не очень радужная перспектива, я бы сказал.

– Другого пути, к сожалению, нет, – акула развела плавники в стороны, – Вселенная должна или превратить нас в Энергию, для которой Время не существует, и таким образом протянуть то, во что мы превратимся через горизонт событий черной дыры, или навсегда оставить на пороге, так как недвижимое Время совершенно автоматически, не прилагая никаких усилий, оставит нас у дверей, не позволив пройти дальше ни на миллиметр.

– Да, я понимаю. Действительно, математика может нам подсказать решение. Но я пока не имею ни малейшего представления, как справиться с этой задачей. Ноль поделить на ноль. С одной стороны – деление на ноль запрещено математическими законами, но с другой – ноль, поделенный на любое количество частей, в результате даст тот же ноль.

– Математика тоже умеет запрещать? – Агафья Тихоновна удивленно распахнула глаза, – как и физика?

– Ну если разбираться до конца, то можно поделить и на ноль, – я лихорадочно соображал, – просто в результате получится бесконечность, которая, по самому определению, не может быть выражена никаким, даже самым большим числом. Бесконечность – априори больше чем любое, известное математике число.

– Как это?

– А вот так, – я улыбнулся, – например, вы скажете любое, самое большое из известных вам чисел, а я прибавлю к нему еще единицу или даже сотню или тысячу, и в результате получу число еще больше. Как вы понимаете, пределов в этом числовом ряду нет. Хотя бесконечность, – я на секунду задумался, – это, наверное, и есть этот предел. То есть нет его, – я окончательно запутался, – бесконечность – такая же абстракция, как и ноль.

– Но ведь ноль абстрактен в физике, а не в математике, ведь верно? Значит, бесконечность в математике так же метафизична, как и пустота в физике? – Агафья Тихоновна нахмурила лоб.

– Выходит так.

– А существует ли в физике такое понятие как бесконечность? Есть ли где-то вещество с бесконечной плотностью или температурой? Или с бесконечным давлением?

– Это нам неизвестно, однако, – я устало посмотрел на акулу, – говоря о черных дырах, мы часто употребляем именно такие характеристики объекта. Что такое центр чер-



ной дыры или сингулярность? В гравитационной сингулярности характеристики, описывающие гравитационные поля, как правило, обладают бесконечной плотностью, и соответственно, бесконечной массой и Энергией.

– Получается что физика отрицает ноль, но принимает бесконечность? А математика наоборот? – Агафья Тихоновна растерянно развела плавники в стороны, – охотно признает ноль, но отвергает наличие бесконечности?

– Получается так, – я почесал затылок, не зная что и сказать.

– А если мы будем опираться на физику, когда речь идет о бесконечности, и на математику, когда сталкиваемся с нулем?

– Наверное, у нас просто нет другого выхода, – я усмехнулся про себя, – кроме как считать, что и физика и математика – лишь составные части какой-то еще неизвестной человечеству науки, и мы будем первыми, кто ею воспользуется, – я улыбался, глядя на Агафью Тихоновну, – итак, результат такого простого математического действия, как деление, будет напрямую зависеть от того, кто это действие выполняет, математик или физик.

– И если это физик, то... – Агафья Тихоновна замолчала, давая мне возможность продолжить.

– То скорее всего в решении этого простейшего примера, физик будет опираться на понятные ему понятия, то есть на бесконечность. Значит, он примет за неоспоримый факт

ноль в знаменателе дроби, и ноль, поделенный на ноль и даст ему понятную только его науке величину – бесконечность или сингулярность.

– Тогда как математик...

– А математик в результате получит ноль, обосновывая это тем, что ноль, деленный на любое количество частей в результате даст тот же самый ноль.

– И что это значит для нас?

– Если в результате одних и тех же действий мы получаем два числа, практически находящиеся на противоположных концах числового ряда, то это может значить только одно, – я на мгновение задумался, – что мы стоим перед выбором. Все что нам необходимо – это просто выбрать, и то, какое решение мы примем за верное, зависит только от нас самих, как от сторонних наблюдателей, вы понимаете? Ведь наверняка принять мы сможем только то, что есть в нас самих.

– Нет, не совсем понимаю, – теперь уже Агафья Тихоновна находилась на привычном для меня месте собеседника, которому необходимо все объяснять и растолковывать, – не совсем понимаю что вы имеете в виду, – она усиленно морщила лоб и было видно, что старалась изо всех сил, – прошу вас, не забывайте, что абстрактное мышление – прерогатива рода человеческого, тогда как я все-таки животное, – она улыбнулась, – и именно поэтому я попрошу вас объяснить мне вашу мысль еще раз.

– Мне кажется вы не совсем животное, – я вежливо улыб-

нулся и кивнул головой, – или даже, правильное будет, если я скажу – совсем не животное.

– Это в данный момент не имеет никакого значения, – Агафья Тихоновна перестала морщить лоб, но видно было что она продолжает усиленно мыслить, – итак, я вас слушаю.

– Хорошо, я попытаюсь объяснить проще, – я встал на ноги, и принялся ходить взад-перед, используя в помощь словам жестикуляцию, – подумайте, ведь если бы я был исключительно физик, и мое воображение было полно лишь физических величин, то в результате решения задачи я получил бы только один ответ – и этот ответ – бесконечность, так?

– Да, именно так, – Агафья Тихоновна кивнула головой.

– А если бы я был математик, и в моей Вселенной была бы строгая математическая иерархия – то получил бы ноль, правильно?

– Правильно.

– Значит что неважно кто вы – физик или математик, вы в любом случае получите какой-либо один-единственный ответ и уже исходя из него будете продолжать строить свои умозаключения, и выстраивать свой же собственный Мир, понимаете?

– Да, пока понимаю, – Агафья Тихоновна склонила голову набок, и в ее глазах зажегся интерес.

– А если мы с вами абстрагируемся от всего и будем просто наблюдать, скажем откуда-то сверху, за физиком или за математиком то с легкостью увидим, что результат будет на-

прямую зависеть от того кто эту задачу решает, понимаете?

– Нет, не совсем...

– Только независимый от всего, в том числе и от субъективного влияния науки на человека наблюдатель будет в состоянии увидеть то, что задача имеет несколько решений. Только тот, кто находится вне разума нашего иллюзорного физика или математика, потому что отдельно взятый физик, как и математик, исходя из того, что они готовы принять, будут настаивать на своей, усеченной интерпретации решения. И только отдельный, не связанный никакими научными постулатами наблюдатель будет в состоянии охватить всю картину целиком.

– А отдельно взятые люди, погруженные в субъективизм, будут исходить из своего персонального, далекого от полного, мировоззрения... – Агафья Тихоновна кивнула головой, – по-моему я поняла...

– Да, исходя из своего мировоззрения, мировосприятия, и я бы даже сказал – мироздания. Понимаете? Физик будет находиться в своем собственном, созданном его же восприятием и его пониманием Вселенной, персональном Мире, а математик в это же самое время и в этой же самой точке Вселенной будет трудиться над созданием уже лично своего, математически обусловленного Мира. И только тот, кто находится в стороне от них, только тот, чей разум не зашорен и не замутнен уже существующими ограничениями каждой их наук, только независимый, посторонний наблюдатель

сможет увидеть всю картину Мира целиком. И уж наверняка именно он, а не кто-либо другой, сможет предложить правильное решение.

– Я поняла, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула, – и физик и математик будут объективно правы, но каждый только в своем, ограниченном законами той науки, которую они представляют, Мире. И даже не исключено, что именно своим участием в решении примера, они сами же и создали этот Мир. Создали Вселенную, в которой работают исключительно те законы, последователями которых они сами являются, правильно?

– Конечно! – я перестал ходить, вновь присел рядом с акулой и, взяв в руку ее плавник, продолжал развивать свою мысль далее, – физик, разрешая задачу, создал свой персональный Мир, и этот Мир существует и подчиняется своим собственным физическим законам, тогда как математик в том же месте сконструировал свою, математическую Вселенную, которая зависит от цифр и повинуетя им же.

– И где реальность?

– В том-то и дело! – я почти кричал, – и то, и то – реальность. И то, и то – правда.

– Но как так может быть?

– Возможно, – я на секунду зажмурил глаза, – действительность – это просто переплетение сотен индивидуальных реальностей? Сотен проекций? Сотен индивидуальных видений одного общего и неделимого Мира? Возможно ведь

такое, что каждый из нас видит свою собственную, отличную от любой другой, проекцию действительности? И эта проекция и становится его собственной реальностью с частными, действующими только там, законами мироздания? И может быть ни одна из этих существующих проекций не повторяется, как лицо или отпечатки пальца человека, ее создавшего? Возможно ли такое? – я задышался от переполняющих меня эмоций, – возможно? – замолчав на мгновение, я сам ответил на свой вопрос:

– Думаю, такое вполне возможно.

– И только сторонний наблюдатель, не задействованный ни в одном из процессов, в состоянии увидеть полную картину Вселенной? – продолжив мою речь, акула подмигнула мне лакированным глазом и улыбнулась. По-моему она поняла мою мысль.

– Да.

– И наша задача?

– Стать этим сторонним наблюдателем.

– Как вы думаете, верно ли то, что сторонний наблюдатель может быть только вне известной нам Вселенной?

– Не знаю, – честно признался я и добавил:

– Не знаю, но узнаю обязательно.

– И как мы поступим с решением? Ноль поделить на ноль? Какой будет наш результат? Что мы получим с нашей точки зрения? Какую сторону примем?

– Что мы получим? – я засмеялся, – да все что угодно, – я

продолжал смеяться, – ну или ничего, что собственно одно и то же.

– Вы имеете в виду – бесконечность или ноль? – Агафья Тихоновна на мгновение прищурилась, – а что тогда делать с единицей?

– С какой единицей? – я внимательно посмотрел на акулу и повторил, – откуда взялась единица?

– Я просто тут подумала... Если поделить какое-нибудь число на точно такое же, то в результате мы получим единицу.

– И то правда. Но только в математике существуют свои законы, и то что вы говорите верно, но только для натуральных чисел, то есть чисел, отличных от нуля.

– Я поняла, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула, – теперь я окончательно поняла, – акула иронически ухмыльнулась, – математика тоже любит строить границы, – она замолчала, закрыла глаза и добавила, – значит нам надо выйти и за ее пределы.

Я немного помолчал и добавил:

– Единица – очень изящное решение. Оно может символизировать цельность и неделимость Мира.

– Вы думаете?

– Единицу без остатка можно поделить только на себя саму, а умножив ее на какое-то из других чисел, мы получим само, без изменений, число. Единица участвует, но не изменяет. А значит безоговорочно принимает права других чи-

сел на самоопределение. Единица – хорошая цифра, и возможно, что это решение самого наблюдателя. Независимого от физики и математики, как впрочем и от других наук, наблюдателя.

– Хм... – только лишь и произнесла акула.

– Единица – очень изящное решение... – я повторил свои же слова и крепко задумался.

– Что-то не так с единицей? – Агафья Тихоновна с интересом наблюдала за мной.

– Нет, нет. С единицей все в порядке. Это решение мне просто не приходило ранее в голову.

22

– Ну что ж, нам пора возвращаться, – Агафья Тихоновна разбудила меня легким прикосновением плавника, – пора в путь.

Я открыл глаза и первое, что увидел – это Артак, сидящий на красной, теплой поверхности звезды. Он смотрел прямо мне в глаза. Мне неизвестно как выглядят драконы когда улыбаются, но гримаса на его морде чем-то напоминала улыбку. Артак продолжал смотреть на меня некоторое время, потом закрыл глаза и лег на бок. Возможно, он просто хотел увеличить площадь соприкосновения своего тела со звездой и получить таким образом еще больше такого необходимого для него тепла. Возможно, были какие-то другие



причины.

Агафья Тихоновна хлопотала по кухне и уже кипятила чайник, поставив его прямо на разлом в коре нашей общей звезды, откуда Время от Времени вырывался столб раскаленного газа.

– Какая странная все-таки звезда, – успел подумать я, – скорее даже не звезда, а планета. Раз в коре есть разлом, вот же он, – я указал пальцем на струйку горячего пара, – и раз эта кора защищает нас от жара ядра – то это, скорее планета, а разломы ее чем-то напоминают земные вулканы.

– Нет, – Агафья Тихоновна как всегда слышала меня на расстоянии, и стоило мне о чем-то подумать, как она отвечала, – это самая что ни на есть настоящая звезда, горячая водородная звезда. Просто она покрыта корочкой, так как излучает только в инфракрасном свете. Ну и еще совсем немного в красном. Нет у нее ни ультрафиолетового излучения, ни радиоволн, ни гамма-лучей.

– Как такое может быть? Какой корочкой она покрыта?

– Все может быть, – акула меланхолично разливала чай по стаканам, – все в этом Мире вполне может быть. И даже то, чего быть вроде бы совсем не может, вполне вероятно, где-то есть. А корочка – как корочка, я уж и не знаю из чего она.

– И где это все может быть?

– Хотя бы в ваших мыслях, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – поверьте, это не только необходимый, но и вполне достаточный признак реальности происходящего.

– Только мысли, даже без их материализации?

– Без материализации мыслей? – акула удивленно посмотрела не меня, – ваша мысль уже является, если можно так выразиться, материализацией чего-то существующего. Человеческий мозг не в состоянии придумать что-либо сам, он лишен творческой жилки и может работать только как принимающая антенна. Поэтому мысль сама по себе уже является материей, порожденной действительно существующей реальностью.

– Как, – мое изумление было неподдельным, – как лишен? Получается что я не могу придумать ничего нового?

– Конечно, не можете. Все что вы можете себе вообразить – уже где-то существует, и ваш мозг, – Агафья Тихоновна постучала себя по лбу, – ваш мозг, не ограниченный вашим зрением и телом, прекрасно об этом осведомлен, – она усмехнулась, – так что все что вы можете придумать, где-то подсмотрено и подслушано. Возможно, в каком-либо другом Мире или в другом измерении, я не знаю. Точно одно – все что может прийти вам в голову – это обязательно существующая где-то во Вселенной самая что ни на есть объективная реальность.

– И мой мозг имеет к ней доступ?

– Ваш мозг имеет доступ ко всему, и что немаловажно – сразу. И он просто материализует увиденное им где-то, шаг за шагом, в виде единственной доступной ему материи, а именно – ваших мыслей, которые приходят к вам одна за од-

ной, и которые вы считаете лично своими, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – ведь ваши мысли – та же материализация, только наоборот. Мысли – самая мощная материя из всех, существующих в вашей Вселенной. А значит и самая мощная Энергия. И, кстати, именно они, ваши мысли, и создают иллюзию Времени. Делают его реальным.

– А можно мне вместе с ним? – я постучал себя пальцем по лбу, – вместе с моим мозгом, хотя бы раз глянуть на то что он видит?

– Вы и так каждую ночь путешествуете вместе с ним, – Агафья Тихоновна указала взглядом на мою голову, – каждую ночь.

– Во сне?

– А вам разве мало?

– Ну... Сновидения – это замечательно, но они, как бы это сказать... – я посмотрел вокруг подыскивая нужное слово, – они... – вдруг слово всплыло в моей голове само собой, – просто случаются со мной. Они происходят самостоятельно и я не могу их контролировать, понимаете? А мне бы хотелось научиться самому выбирать какой фильм посмотреть сегодня ночью, – я засмеялся и подумав, добавил, – или мультфильм. Кстати, и мультики тоже реальны?

– Конечно. Абсолютно реальны.

– Получается что художники – мультипликаторы, создавая какой-то мультфильм на нашей Земле, на самом деле попросту срисовывают чью-то реальную жизнь?

– Срисовывают? Ну что ж, вполне возможно, – выражение акульей морды говорило о том что она размышляла, – срисовывают с одного Мира и создают его же в другом.

– Как это?

– Срисовывают свои мысли, которые их мозг подсмотрел где-то, возможно, в другом измерении, возможно даже в четырех или пятимерном Пространстве. А создают, потому что нанося краски на чистый лист бумаги, тем самым они вдыхают в него Жизнь, и вот уже на этом листе, в двухмерном и неживом, но неживом только для человека Пространстве, рождается новая, пусть и всего лишь двухмерная Вселенная. Так что все то, что мы называем творчеством – не только срисовывание, как кажется, если посмотреть с одной стороны, но и создание, если взглянуть с другой.

– Но...

– Никаких но, – акула смеялась, – в срисовывании есть элемент и настоящего творчества – созидания – ибо художник, как впрочем и музыкант или скульптор, или писатель, срисовывая или списывая с какого-то другого Мира свои произведения, добавляет частицу себя и заставляет их, свои произведения, жить в новой, в еще не прожитой ими реальности.

– Но каким образом?

– Нарисованная и законченная картина являет собой полный и единый живой Мир и в ней так же, как и в любой другой Вселенной, начинается протекать жизнь.

– Если жизнь протекает, то что-то должно изменяться с течением Времени, но ведь картина статична и неизменна! Она закончена художником и никогда более не станет другой! Так о какой жизни мы говорим?

– Каждый, кто смотрит на готовое произведение, и испытывает какие-то чувства, питает картину, меняет ее Энергию, наполняет ее новыми красками, если хотите.

– И это незаметно глазу?

– Многое незаметно глазу. Вы, люди, так привыкли к одному проявлению Жизни – изменчивости во Времени и Пространстве. Но я вас уверяю, что есть во Вселенной и формы жизни, недоступные ни вашему пониманию, ни вашей логике. И это тоже Жизнь. Поймите же наконец, что изменчивость во Времени не является необходимым условием проявления Жизни. Жизнь – понятие настолько широкое, что его невозможно охватить человеческим разумом.

– Жизнь? Но как это происходит, так сказать, технически?

– Жизнь! – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула, – Самая что ни на есть настоящая Жизнь. А вы как думали? Сознание того кто творит, срисовывает уже существующий Мир где-то там, – она посмотрела на небо, – измерением выше, ну скажем в четырехмерном Пространстве, и создает такой же живой Мир где-то там, – акула посмотрела вниз, – измерением ниже, где-то в двухмерной Пространстве. Сам создатель находится точно посередине – в нашем, трехмерном Пространстве, которое сам художник или, скажем, тво-

рец, считает единственно возможным. И единственно же реальным.

– И картины и книги тоже живы?

– Именно так как вы сказали. Тоже. Живы.

– Но получается что и мы сами тогда являемся чьим-то произведением? Творением какого-то четырехмерного персонажа?

– Получается что так, – Агафья Тихоновна хитро прищурилась и начала рисовать какие-то линии на красной поверхности звезды, изображая при этом полнейшее равнодушие.

– Не нашего ли автора люди называют Богом? – я затаил дыхание в ожидании ответа.

– Мне это неизвестно, – акула покачала головой, – но скорее всего Бог – это плод фантазии самого человека.

– Но если все что приходит к нам в голову – реально, то и мысли о Боге делают реальным и самого Бога?

– Да, согласна. Но представьте себя на месте Бога. Вы написали картину и повесили ее в рамку на стене. Приходите ли вы к ней время от времени, пытаетесь ли вы услышать в ней жизнь, которую несомненно, вы же сами и породили, написав эту картинку?

– Нет, – я грустно понурил голову, – не прихожу. Я вообще не считаю ее живой.

– Не надо грустить, – Агафья Тихоновна потрепала меня по плечу, – даже если бы вы и приходили, то не услышали бы ровным счетом ничего. Ибо Жизнь в картине совер-

шенно другая и вы не можете общаться с ней привычными вам способами в принципе. Хотя, конечно, я допускаю такую возможность, – она усмехнулась, – что жители полотна еже-утренне и ежевечерне обращаются к вам с молитвой дорисовать им что-то или покарать неверных, – акула засмеялась, – и заодно всех тех кто не обращается к вам за помощью.

– И что, их никак нельзя услышать?

– Никак, – Агафья Тихоновна с полным безразличием к судьбе целого народа, пусть и придуманного, пожалала плечами.

– Но почему?

– Потому что они другие. Понимаете, другие. Просто другие. У них своя, отличная от нашей, форма этой самой Жизни. Возможно, для получения Энергии им нет необходимости перерабатывать сахара, возможно, химические элементы не играют в их Мире никакой роли, возможно они вообще питаются вашим вниманием, понимаете? Они другие. И ваши реальности точно никогда не пересекутся. Как не пересекутся движущиеся поезда с летящими самолетами. Они живут в других реалиях. И именно поэтому с точно таким же упорством вы можете обращаться к создателю вашего собственного Мира, к какому-то четырехмерному существу, который сделал свой собственный макет своей собственной четырехмерной Вселенной, и который стал нашим Миром, нашим родным, трехмерным домом, – Агафья Тихоновна пару раз качнула головой в подтверждение своих слов, – но он,

ваш четырехмерный создатель, к моему великому сожалению, вас никогда не услышит и не поймет.

– А можно ли каким-то образом увидеть его?

– Нет ничего проще.

– ???

– Да. Нет ничего проще. Обитатель картины из двухмерного должен стать трехмерным, а вы, соответственно, четырех.

– Не понял...

– Нужно стать четырехмерным.

– И для этого...

– Для этого необходимо пройти все уроки трехмерного Мира и, конечно же, сдать экзамен, чтобы перейти на новый уровень измерений.

– Сдать экзамен? Какой экзамен? Когда?

– Всегда. Вы сдаете его каждое мгновение. Каждый прожитый миг. Каждое ваше действие или бездействие – часть одного общего экзамена на человечность.

– Мне кажется, я понимаю, – от удивления мои глаза широко распахнулись, – но позвольте узнать, а существует ли пятимерное пространство? Десятимерное?

– Конечно, существует. Измерения прибавляются по одному, как классы в школе. И каждый пройдет весь путь. Рано или поздно, но до конца. Обязательно до конца.

– Существует и конец?

– Все когда-нибудь оканчивается.



– И какой он?

– Великолепный, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – и я думаю, вполне себе замечательный. Но пока мы еще не там, давайте будем завтракать. Нам надо подкрепиться, ведь впереди такой длинный путь.

– Какой путь? – я окончательно запутался и в моей голове была каша.

– А вы забыли? Нам еще необходимо каким-то образом превратиться в независимых наблюдателей и пройти сквозь черную дыру.

– А потом?

– А потом будет видно.

– Черная дыра и есть переход между измерениями?

– Поживем – увидим, – Агафья Тихоновна протянула мне обжигающий чай и свежайшее, непонятно откуда появившееся, печенье, – приятного аппетита.

– Еще один вопрос.

– Да, пожалуйста.

– Находясь в трехмерном Пространстве мы в состоянии создать Мир только измерением ниже, то есть двухмерный?

– Именно так. Это общее правило.

– И много таких миров уже создано?

– Бесконечно много, – Агафья Тихоновна стала серьезной, – ведь каждая фотография, каждый кинофильм, каждый рисунок – это отдельно взятая и существующая по своим собственным законам Вселенная.

– А скульптура? – я на мгновение зажмурил глаза, – она же трехмерная?

– Скульптура остается здесь, с вами. Она не нарушает формы и законы этого Мира, Мира, где она была создана, поэтому если на ней и есть невидимые вам формы жизни, то это микробы, а они такие же трехмерные, как мы с вами, и точно так же как мы получают Энергию, перерабатывая сахара, – Агафья Тихоновна улыбаясь, кивнула на сладкое печенье в своем плавнике.

– Неужели это все мне просто приснилось? – вихрем пронеслось в моей голове, – Солнце, лес, трава на которой мы сидели, воздух? Это был сон?

– Это уже второй вопрос, – акула засмеялась, – но я отвечаю, – она повернулась в мою сторону, – подумайте, что больше похоже на сон? Красная горячая звезда, на которой мы сейчас находимся в компании самого что ни на есть настоящего дракона или зеленое поле, покрытое травой, лес, Солнце, аромат цветов? Что вы скорее расцените как сон? Первое или второе?

– Скорее первое, – я опустил голову и неопределенно пожал плечами, – но если подумать, то и первое и второе.

– Почему?

– Говорящая акула – тоже достаточный аргумент, чтобы считать явь сном, не так ли? – я улыбнулся своей спутнице и встал на ноги, – ну что, в путь?

Собрав наши немногочисленные пожитки, Агафья Тихоновна, обернувшись ко мне, спросила:

– Как будем передвигаться?

– А какие у нас варианты?

– Любые, из тех, которые вы сможете придумать.

– Так уж и любые.

– Да, любые. Ограничений нет. Кроме, пожалуй, одного, о котором мы уже говорили, – Агафья Тихоновна посерьезнела, – в любом из предложенных вариантов мы должны стать наблюдателями. Иначе – черная дыра – это последнее чего мы сможем достичь.

– Было бы неплохо придумать, как нам ими стать, – я непроизвольно напрягся и почесал лоб, – ведь превратиться в чистую Энергию – это, наверное, не так уж и просто.

– Я и сама не знаю, – акула повернулась ко мне, указывая на Артака, – может дракон сможет подсказать нам как поступить?

Я подошел к дракону и ласково провел рукой по его шее. Артак продолжал лежать на теплой красной поверхности и из его ноздрей время от времени вырывалось небольшое количество пара. Пар тут же растворялся в Пространстве, и вместе с ним растворялись все явные признаки жизни вокруг дракона. Артак был абсолютно недвижим, и единственное

что указывало на то что дыхание все таки есть – эти небольшие, тут же исчезающие клубочки пара.

Незаметное глазу, но замеченное моей рукой поддрагивание кожи дракона говорило о том что мое прикосновение не прошло незамеченным.

– Вот же наказание, – пробурчал знакомый голос в моей голове, – если вам надо стать кем-то или чем-то, то становитесь уже, в чем вопрос?

– Артак! – я обнял дракона за шею и замер так на несколько мгновений, – Артак! Так значит все это было на самом деле.

– По-другому не бывает, – знакомый голос звучал небесной музыкой, – все что происходит – происходит на самом деле.

– Мне кажется, я уже это понял. Осознал.

– Ну и отлично, – Артак немного помолчал, – ты хотел что-то спросить?

– Да, хотел. Если ты знаешь ответ.

– Я могу и не знать, – голос зевнул, – но ты сам знаешь точно.

– Тогда зачем мне спрашивать, если я и так знаю ответ?

– Мне это неизвестно. Возможно, разговаривая сам с собой, ты лучше воспринимаешь ситуацию. Возможно, что-то еще. Не знаю.

– Можешь дать какой-то совет?

– Смотри своими собственными глазами, слушай своими

собственными ушами, ничто в Мире не сокрыто, что же ты хочешь услышать от меня?

– Как нам пройти через черную дыру? Как не сгореть при приближении к ней? Как избежать безумной гравитации и сохранить разум?

– Разум в любом случае никуда не денется. Единственное, чем черная дыра не питается – это информацией. Ты наверное имел в виду, как сохранить твоему разуму его привычную обертку, то есть твое тело?

– Да, именно это нам с Агафьей Тихоновной и хотелось бы сделать, – я еще раз погладил Артака по шее и жестом пригласил акулу присоединиться к дискуссии.

– Тело не сможет пройти сквозь портал, – Артак говорил четко и безапелляционно.

– Никак? Ни к каком виде?

– Никак.

– Объяснишь почему?

– Черная дыра – это связь между различными по своему устройству Мирами, и она поставлена на страже каждого из Миров. Вам придется воплотиться в нечто бестелесное. Или стать формой, приемлемой для нового Мира.

– Каким образом мы может это сделать?

– Для начала было бы неплохо знать точно в какую из субстанций вы решили трансформироваться.

– Пока что мы смогли определить одно – только наблюдатель, объективный и независимый ни от кого наблюдатель

сможет пройти через сингулярность и неповрежденным выйти с другой стороны.

– С другой стороны? – Артак положил свою лапу мне на плечо. Как ни странно, огромная драконья лапа была легка как перышко, и я совсем не чувствовал ее веса. – Значит цель вашего путешествия не только посетить сингулярность, но и выйти с другой стороны? А надо ли вам туда? На другую сторону? Вы уверены?

– Надо, – Агафья Тихоновна, до этого момента хранившая молчание, но судя по всему, все это время не перестававшая слушать мои мысли, подплыла к нам и повторила, – надо, конечно же надо.

Акула скривилась, как капризный ребенок, требующий у родителей новую игрушку, так и не наигравшись вдоволь старой. Артак лишь улыбнулся и непонятно откуда появившиеся в моей голове буквы сложились в одно предложение – «речь часто забегает вперед мыслей». Мне кажется я понял что он имел в виду, но вслух дракон произнес совершенно другое:

– Обратная сторона черной дыры – это абсолютно другой Мир, со своими правилами и законами. Поймите, – Артак уже обращался к нам двоим, – вам не удастся пробыть там ни секунды в том виде, в котором вы привыкли быть, но это полбеды. Вам не удастся там пробыть ни одного мгновения в любом виде, который вы только можете себе представить, понимаете? – голос в наших головах на секунду замолк, – да

что я о секундах или мгновениях. Время, как таковое, с другой стороны черной дыры может быть представлено листьями на деревьях. А три основных измерения – длина, ширина и высота – могут производиться на заводах и фабриках, как стулья. Да и будут ли они вообще там – тоже вопрос, – голос умолк.

– И все же, нам бы очень хотелось посетить это удивительное место, – Агафья Тихоновна зажмурилась, пытаясь представить самые необыкновенные вещи, которые могут с ней случиться, – что бы там не было, мы должны там побывать.

– Ну хорошо, – Артак смягчился, увидев нашу непоколебимую решимость, – хорошо, я помогу вам. Только вы должны очень четко осознавать, что не можете даже предположить, какого вида Вселенная находится за черной дырой. Конечно, там могут быть и привычные вам естественные измерения – пространственные, могут даже быть искусственные – временные, но может быть нечто такое, что Пространства, как впрочем и Времени, в знакомом вам представлении, просто не будет.

– Но мы же сможем вернуться обратно в любой момент? – я решил что необходимо вмешаться в дискуссию.

– Я не знаю. Для того чтобы вернуться в эту Вселенную, вам опять придется менять облик, и совсем не факт, что даже изменившись, вы сможете найти подходящую черную дыру, которая приведет вас назад, в этот Мир.

– То есть просто сделать шаг назад и выйти в ту же самую

дверь не получится?

– Повторяю еще раз, – Артак говорил четко и ясно, – сейчас вблизи нас есть только одна черная дыра, – он указал лапой в направлении центра японского зонтика, – только одна, – повторил он мысленно, – и что находится по ту сторону неизвестно никому в этом Мире, в том числе и мне. Мы можем гадать и предполагать все что угодно, но там, – он еще раз направил свой коготь в центр нашей Вселенной, – то, что окажется там может превзойти все, даже самые смелые ваши ожидания.

– Может быть такое, что там нет Жизни?

– Чушь, – дракон засмеялся, – чушь, Жизнь есть везде. Везде, где есть Энергия. Жизнь по сути и есть Энергия.

– Тогда нам нечего бояться?

– Бояться – это вообще лишнее, тут я с тобой согласен, – Артак посмотрел на меня внимательно, – страх – всего лишь эмоция, часто сопровождающая неизвестность. А в данном случае именно неизвестность вы и хотите развеять, ведь так?

– Мы хотим просто узнать.

– И зачем оно вам надо? Если мудрая Природа установила где-то двери, то это совсем не значит, что их надо взламывать, – дракон вздохнул.

– Что вы, что вы, – Агафья Тихоновна встрепенулась от раздумий, как ото сна, – открывать, а не взламывать. Двери ведь на то и двери, чтобы их открывали и закрывали.

– Ха-ха-ха, – голос засмеялся в полной мысленной тиши-



не, и от этого этот смех приобрел оттенки зловещего, – что-то мне подсказывает, что черная дыра – скорее стена, чем дверь. И именно эту стену вы пытаетесь прошибить лбом.

– А мы уже у стены?

– Ты пока что в непосредственной близости к стене, – голос благодушно обратился лично ко мне, – достаточно далеко, чтобы находиться в безопасности, и достаточно близко, чтобы понять насколько быстро эта безопасность может улетучиться.

– А стена – это сингулярность?

– Можно сказать и так, – Артак кивнул головой, – сингулярность, о которую легко расшибить лоб. Ну или еще что-то, если останется что расшибать.

– Я понимаю, – сделав глубокий вдох и заручившись, в виде обмена взглядами, поддержкой Агафьи Тихоновны, я решился, – и все-таки, Артак, помоги нам. Мы должны попасть туда, – я неопределенно махнул рукой, – туда...

– Ну хорошо, – дракон согласился, – но тогда вам придется трансформироваться в нечто объективно существующее, а это, конечно, не ваши физические тела. И это объективное нечто должно быть еще и невесомое. Невесомое – это нечто, не имеющее массы в вашем Мире, – на всякий случай добавил дракон.

– Но что это может быть?

– Вы можете превратиться, скажем в Любовь, – Артак подмигнул нам желтым глазом, – или в человеческое внимание,

в сосредоточенность, в ваши личные впечатления, в свои, накопленные за жизнь Знания, да во что угодно. В конце концов, вы можете превратиться в мысли. У вас огромный выбор, – он усмехнулся, – но он жестко ограничен.

– Ограничен чем?

– Ничто, обладающее массой, не сможет пройти сквозь портал.

– Оно будет уничтожено?

– Нет, что ты, – теперь Артак обращался лично ко мне, – что ты, конечно нет. Ничто в Природе не уничтожается. Оно лишь переходит из одной формы в другую.

– То есть трансформация произойдет сама собой, именно в момент прохода сквозь дыру? И нам не надо ничего предпринимать?

– Ну насколько я понял, – Артак приподнялся на передних лапах и потянулся всем телом, – насколько я понял, – голос засмеялся, повторив эти слова, – насколько я понял, – он смаковал слово «понял», – вы хотели сохранить свою нынешнюю форму неизменной?

– Свои тела?

– Да, да, свои оболочки.

– Хотели. А это разве невозможно?

– Нет, конечно. Ни один грамм материи этого Мира не сможет пройти сквозь портал в том же виде. Черная дыра, являясь связующим звеном между различными Вселенными, разорвет на части не только ваши тела, но даже атомы,

из которых вы состоите. Да что там атомы, она разорвет даже ядра этих атомов и электроны на их орбите. Черная дыра изменит все, имеющее даже самый незначительный вес.

– Но почему?

– Материи из разных Миров не могут смешиваться. Когда я говорю – не могут – это значит не могут, – Артак пытался объяснить, – это не то чтобы сложно, как смешать, например, воду с маслом, а попросту невозможно. Материи разных миров обладают разными и абсолютно несовместимыми между собой характеристиками. Как, например, если бы вы вдруг захотели смешать в вашей родной Вселенной древесные опилки с одним месяцем Времени или ваше зрение с электричеством, понимаете? Вот поэтому и существуют черные дыры, эти врата, преобразующие это электричество в ваше зрение, чтоб их можно было смешать, то есть преобразуют форму материи одного Мира в форму материи другого.

– То есть любая черная дыра – это такой особенный трансформатор? Только во вселенском масштабе?

– Да, это именно такое место. Место, где все приводится к начальной точке – к сингулярности, а уж потом, сингулярность может преобразоваться во все что угодно. В нашем случае – дракон обвел глазами окружающее нас Пространство, – это трехмерная материя. Но следует осознавать что на самом деле это действительно может быть все что угодно. Вы даже представить не в состоянии, а я, к моему большому сожалению, не смогу объяснить вам это на примерах, ибо су-

ществующие земные языки, на которых мы можем общаться, не в состоянии передать нужную информацию. Да и трехмерный мозг, обладателями которого вы являетесь, будет не в состоянии понять. Поэтому просто примите во внимание, что это может быть все что угодно, даже Любовь, скажем, в жидком виде. Или доброта, поедающая электричество. Или вибрации, питающиеся исключительно фруктами. Или электроны и кварки, следящие за модой. Жизнь очень разнообразна.

– И мы должны будем принять ту форму, которая существует за этой сингулярностью?

– Нет. Если вы станете сингулярностью, то навсегда лишитесь привычных вам форм и понятий. Обратного пути уже не будет. Если вы станете сингулярностью, то вы уже не только преобразуетесь в нечто новое, но и станете этим новым. И из этого нового киселя сингулярность вырастит новый Мир. Может быть этот Мир будет внутри самой сингулярности, может быть с той стороны, если она есть, эта сторона. В любом случае, в этом новом виде вам и придется существовать пока вы не пройдете все уровни новой Игры, а уж после, возможно, вам удастся достичь еще одной черной дыры, и вы опять поменяете форму, но совсем не обязательно, что вернете свою бывшую, трехмерную. Это может быть нечто опять новое, понимаете?

– Понимаю, – я посмотрел на Агафью Тихоновну и когда она кивнула, убедился что и она понимает, – а сколько этих

форм?

– Сколько форм? – голос немного запнулся, потом начал что – то бормотать про себя, – одна, две, сто пятьдесят, миллион двадцать четыре, миллиард миллионов, а ну да, – он засмеялся, – я забыл вам сказать, что этих форм – целая бесконечность.

– То есть как?

– А вот так, – Артак явно был доволен произведенным эффектом, – именно бесконечность. Это единственно верное количество форм для вечной души, не так ли? – он еще раз засмеялся, – ведь если душа существует вечно, то в конце концов, она пройдет все формы бытия и смысл ее существования исчезнет. Исчезнет тогда и понятие вечность. Мне трудно представить в любом из Миров что-то бессмысленное, – Артак на мгновение задумался, – нет, даже не трудно, скорее невозможно. Во всем есть смысл. Поэтому если мы принимаем вечность души, то обязаны и принять бесконечность вариантов ее существования.

– Что же делать?

– Одно из двух. Или пробивать стену лбом, или нет, – Артак опять задумался, – но я бы все же рекомендовал вам пустить все на самотек, – он усмехнулся, – пройдет ваше Время и стена разрушится сама собой. Дверь откроется и все произойдет естественно, без насилия над существующими формами. Ведь если, как мы только что предположили, душа вечная, то в любом случае со стопроцентной вероятностью,

вы пройдете все формы существования, все без исключения. Вечность и бесконечность – в данном случае синонимы, понимаете?

– Понимаем, – мы с Агафьей Тихоновной кивнули одновременно, – понимаем.

– Вот и не надо форсировать события, – Артак перевернулся на другой бок, подставив его теплу, исходящему от звезды, – все случится само собой и обязательно вовремя.

Мы все замолчали, обдумывая сказанное. Я чувствовал что где-то есть лазейка, где-то есть проход, который избавит нас от преждевременного изменения сущности своего бытия, но одновременно удовлетворит наше любопытство, позволит нам хотя бы одним глазком заглянуть по ту сторону черной дыры. Но где же он, этот проход?

Я взял в руки рюкзак с красками и наугад достал одну из бутылочек. Не особо задумываясь что с ней делать, я открыл крышку и вылил яркое содержимое прямо в разлом звезды, на котором некоторое время назад мы кипятили чайник. Светящаяся жидкость уходила в глубину звезды, и видимо, нагреваясь там до температуры своего испарения, возвращалась обратно, но уже в виде пара. Пар, как дым от костра, клубился и растворялся в Пространстве, не оставляя за собой ни малейшего следа.

– Подождите, – внезапная мысль пронзила мое сознание, – можно ли пройти через сингулярность, не становясь ей? Есть ли что-то во Вселенной, свободно путешествующее

между Мирами?

Артак повернул голову ко мне и с интересом посмотрел прямо мне в глаза.

– Есть, – голос возник в моей голове, как обычно, ниоткуда.

– И что это за вещество такое?

– Энергия, чувства, эмоции, Знания и мысли смогут пройти сквозь дыру беспрепятственно. Информация, одним словом, – Артак усмехнулся.

– А почему ты сразу нам не сказал об этом?

– Ответ всегда бродит рядом с вопросом, – дракон смотрел на меня не отрываясь, – пока вопрос не сформулирован, ответа на него просто не существует, – Артак улыбнулся, – я не мог ответить на несуществующий вопрос.

– Вы говорите, информация? – акула включилась в мысленную беседу, – а как же наблюдатель? Он – тоже всего лишь информация?

– А вы его себе представляли как старца, сидящего в позе лотоса под вечно зеленым и цветущим деревом? – голос Артака рассмеялся, – конечно, информация, ведь любой объективный, а не субъективный предмет может существовать только в информационном поле. Информация – сама по себе объективна и беспристрастна, и несет в себе только себя. А восприятие этой информации уже может пахнуть субъективизмом, ибо субъект, который ее наблюдает, всегда заметит, да и в состоянии заметить только то, что есть в нем

самом, в субъекте, а мимо остального пройдет мимо, принесся таким образом именно то, чего мы пытаемся избежать – субъективизм, – Артак продолжал смеяться, – так что наблюдатель – это не старец с клюкой, а только информация, информация сама по себе и никак иначе.

– Ну я... – Агафья Тихоновна смущенно замолчала, не найдя слов для ответа.

– Любой объект, созданный даже из одного атома любой существующей материи, тут же приобретает субъективные, личные характеристики. Для кого-то он будет большим, для кого-то маленьким, для кого-то сухим, для кого-то мокрым, для кого-то значительным, а для кого-то бесполезным.

– А чувства?

– Чувства же, наоборот, всегда объективны, потому как находятся исключительно внутри объекта, их переживающего.

– Но они выражаются каким-то образом, не так ли?

– Вот выражение чувств уже субъективно, – Артак старался объяснить все доступными словами, – тогда как сами чувства абсолютны и безотносительны. В этом и есть смысл вашего Мира, – дракон на мгновение замолчал, – люди ищут Абсолют снаружи, тогда как найти его можно только внутри. И любое его выражение, материальное или духовное, тут же трансформируется в какую-либо материю, которая сама по себе, по своему определению, субъективна.

– Получается что Любовь истинна, лишь когда она пере-



живается внутри?

– Получается так, – Артак довольно хмыкнул, – любое внешнее выражение даже Любви – субъективно и является искажением настоящего, вашего внутреннего чувства. Ведь невозможно передать не то что предметами, но и словами, как это – любить, правильно?

– Правильно, – я хмуρο кивнул головой.

– Ну вот, – Артак удовлетворенно хмыкнул.

– А вера?

– Вера – настоящая вера – абсолютна и объективна, тогда как ее выражение – церкви или свечи, статуи и иконы, празднества и торжества – всегда лишь искажение истинной веры, ее проекция через призму человеческого восприятия.

– И что получается? Через черную дыру может пройти только нечто объективное?

– Да.

– Нечто абсолютное?

– Да.

– Нечто настоящее?

– Именно так. Только кто-то настоящий сможет пройти сквозь врата неизменным и неповрежденным. Только кто-то настоящий.

– И что для этого надо сделать?

– Стать настоящим. Стать самым что ни на есть настоящим. И тогда ты автоматически пройдешь сквозь портал, даже не заметив его существования. Это случится само собой.

То о чем я вам уже говорил тысячу раз. Само собой. И вот ты уже на новом уровне. Согласно, а не вопреки законам Природы. Поэтому не надо форсировать события. Все случится тогда когда ты достигнешь определенного уровня. Уровня, необходимого для новой Игры.

– Стать настоящим, – я автоматически повторял одну и ту же фразу, – стать настоящим, стать настоящим... Но получается, что переходя на новый уровень ты берешь с собой...

– Нет, – Артак отрицательно покачал головой, – нет, – повторил он еще раз.

– Что – нет? – я непонимающе посмотрел на него.

– Ты ничего не берешь с собой. Ты больше не существуешь. Тебя нет.

– Как это?

– Сквозь черную дыру пройдут только твои чувства, твои нравственные достижения, твоя карма.

– А я сам?

– А тебя самого нет. Есть тело – это машина, которая довезла тебя до пункта назначения. Есть ты, или то, что ты считаешь собой – это твое эго, твоя мнимая, не существующая реально сущность. Это мнимость, плод твоего воображения, возникший в твоём Сознании и наделенный этим же Сознанием и всеми качествами реально существующего живого существа.

– Мое эго?

Да. Именно потому, что твое Сознание, которое само при-

думало псевдотебя, придумало твое эго, оно же и наделяет и наполняет это эго всеми качествами реально существующего живого существа и поэтому твое эго воспринимается живым и реально существующим. Потому и создается впечатление что оно действительно что-то хочет, что-то может, что-то чувствует и чего-то боится, к чему-то стремится и от чего-то уходит, чего-то достигает или что-то получает. Но это лишь иллюзия, игра воображения, возникающая в твоём сознании подобно сну. И если сон еще можно назвать реальностью, то в твоём эго ничего реального нет. Твое эго – это плод твоего отдельно взятого, и поэтому абсолютно иллюзорного Сознания. Его нет на самом деле. Ни отдельно взятого Сознания, ни его детища – эго. Его нет и никогда не было. Но ты упорно считаешь это собой. Так вот, – Артак кивнул в сторону черной дыры, – иллюзия не сможет пройти насквозь. Все иллюзии остаются здесь, то есть именно там, где они были созданы. Только здесь им и место.

– Она, иллюзия, будет уничтожена в черной дыре?

– Разве можно уничтожить то, чего нет? Черная дыра работает с Энергией и ее различными видами, куда, конечно, входит и материя. Она трансформирует материю этого Мира и адаптирует ее к новому существованию. Но твое эго не обладает ничем что могло бы ее заинтересовать в качестве еды, оно так же не обладает ничем что могло бы пройти насквозь, – Артак опять кивнул в сторону центра зонта, – оно по своему определению не может ничем обладать, так как

это иллюзорный представитель иллюзорного тебя.

– Но кто тогда я сам?

– А вот на этот вопрос ответить сможешь только ты, – дракон улыбнулся, – когда узнаешь кто ты есть, конечно.

– Но как? Когда?

– Этот момент тебе не удастся ни пропустить, ни забыть, не переживай об этом, – голос дракона был спокоен и полон уверенности.

– Спасибо тебе, Артак.

– Благодарю себя, – Артак закрыл глаза и добавил, – и если твоя благодарность искренняя, то эту благодарность ты тоже сможешь взять с собой, туда, куда мы все и направляемся. В свое Время, конечно.

– Можно еще один вопрос?

– Хоть тысячу...

– А если нам удастся достичь состояния наблюдателя, стать настоящими, вот прямо сейчас, прямо здесь и в это самое мгновение, а черной дыры, чтобы завершить переход, рядом еще нет, то что тогда?

– Хахаха, – Артак засмеялся громко и протяжно, – то есть как это черной дыры рядом нет? В вашем Мире все находится в одном и том же месте. И место это называется – здесь и сейчас. Других мест попросту нет, да и быть не может. Поэтому, где бы вас не настигла настоящесть – она будет вовремя и именно там где нужно. За это не стоит беспокоиться.

– И тогда, когда я стану настоящим, мне необходимо будет

умереть? – я немного замялся, подыскивая нужное слово, – ну не умереть, а сменить оболочку, ведь так? В любом случае, мне придется покинуть мое трехмерное человеческое тело?

– Это уж как вам будет угодно, – голос Артака стал удивленным, но он не добавил более ни слова.

– Но ведь...

– Вам придется умереть или просто напросто стать Буддой, – наконец-то добавил дракон, – как видите выбор есть всегда.

24

После разговора с драконом мне было о чем подумать. Я лег на поверхность звезды, устроился поудобнее и отвернулся от всех, тем самым давая понять Агафье Тихоновне и Артаку что хотел бы ненадолго остаться один. Мне не пришлось ничего объяснять словами, оба моих спутника легко умели читать не только мои мысли, но даже мечты. О чем я думал? Не знаю. После того как дракон так подробно описал иллюзорность и мнимость нашего бытия, эту тюрьму космического Сознания, мое захватывающее приключение вдруг показалось мне каким-то искусственным, наигранным и несерьезным. Сомнение закравшееся внутрь, грызло меня изнутри, как червяк яблоко, оно громко задавало неудобные вопросы, и иногда само же на них отвечало, правда, выбирая

ответы попроще и полегче. И я не знал, не мог понять, принимать эти, уже готовые, простые ответы или искать другой путь, посложнее? Но самое главное чего я не знал – это как отделить настоящее от мнимого, как отделить живые, полные энергии чувства и переживания настоящего меня от пустых и мертвых вожделений моего эго.

Чьего – моего?

Кто этот я такой?

Да и могу ли я, или любой другой, отдельно взятый человек использовать местоимение «мое»? Вправе ли?

Не будет ли это автоматически перебрасывать меня в зону ответственности моего эго, моей искусственно созданной части?

Если я говорю – мое эго, то что конкретно я имею в виду? Кто это такой, обладающий этим самым эго? Тело? Мозг?

А если я говорю – мое Сознание? То какое Сознание я подразумеваю? То, которое когда-то создало мое эго и каждую минуту продолжает меня убеждать в том что это и есть я? Или то общее Сознание, частью которого являюсь я сам?

Можно ли говорить «мое», если я сам всего лишь часть чего-то? Имеют ли люди право дробить общий Разум на осколки и пытаться присвоить лично себе каждый отдельно взятый осколок? Да и каким образом этот осколок может быть твоим, если он – всего лишь часть чего-то целого

и цельного? Он может быть твоим только в том случае, если ты – это целое и есть, не так ли?

И если это целое и неделимое Сознание и есть ты, то может ли оно принадлежать еще кому-то? Нет, ибо тогда оно не целое и не неделимое.

Или, наоборот, может ли у тебя быть что-то еще, кроме того что у тебя уже есть? Другими словами, можешь ли ты, и так владеющий всем, владеть еще чем-то? Если да, то ты изначально не владеешь всем, а это противоречит условиям задачи.

А если нет, то ты един и владеешь всем, и значит присвоить что-то еще не получится, потому что и так все – твое. И отнять у тебя ничего не получится, ибо некем. Все что есть вокруг – ты сам. Только ты и больше никого и ничего. Вот и выходит что красть мы можем только сами у себя.

Но каким образом? Как можно что-то своровать у себя самого? Как отнять себя у себя? Да очень просто. Надо создать иллюзию. Надо разделить целое на части. Разделить себя на части. Разделить и забыть о своей цельности и целостности. И разделив, поверить что ты сам – лишь отдельная часть целого. А поверив – начать бороться за то, что осталось в других частях. Перемещать. Двигать между частями. Воевать за то, что и так всегда было твоим. Было твоим, пока было целым.

Вот откуда появились местоимения «мое», «твое», «его». Язык на котором общаются люди, как единый живой орга-

низм, эволюционирует вместе с человечеством, зеркально отражает все его устремления и крены, и изучая развитие всего лишь одного языка, на котором говорит цивилизация, им пользующаяся, можно точно диагностировать все ее болезни. Наверное, тогда же возникли и общественные классы, а вместе с ними и классовая борьба. Тогда же возникли и религии, в большинстве своем говорящие об одних и тех же вещах, правильных, но ложно истолкованных самими людьми, вещах. Тогда же, в уже осколочном, разорванном Сознании людей и произошло разделение всего на правильное и неправильное. На правильных и неправильных. На белых и желтых, на красных и черных. Тогда возникла стадность, тогда появилось желание уничтожить всех «не таких». Религии, к тому времени укрепившиеся в своих позициях и напрочь забывшие о своих первоначальных идеалах, приказали своим последователям убивать за бога единого. Вдумайтесь! За Бога Единого! То есть убивать самого себя ради себя самого своими же руками. Большого парадокса в существовании человеческой цивилизации, наверное, и не найти. Потом уже, вместе с разделением и стадностью, вместе с религиозной враждой, появились войны. Они являлись вполне логичным продолжением развития человечества и никому уже не казались нелепыми. А что такое война? Это когда один человек, с какой-то остервенелой радостью, уничтожает другого, точно такого же человека. Не такой цвет кожи или разрез глаз? Уничтожить! Не то вероисповедание или



вообще атеизм? Как можно? Уничтожить, уничтожить, уничтожить! Уничтожить все что не такое как я! И забывает отдельно взятый человек, что уничтожить он может только то, чем владеет, а это всегда одно и тоже – ты сам. Нет в этом Мире ничего чужого. Нет и никогда не было. И никогда не будет. И любые слезы текут из наших общих глаз. И каждый поступок отдельного человека может изменить и обязательно изменяет общую оценку человечеству. Человечеству, как цельной и единой цивилизации.

Правда, несколько сильных голосов против насилия, таких как, например, Будда, или Иисус, были, к их счастью и нашему сожалению, услышаны этим самым человечеством.

Будде повезло больше, если верить легенде, он умер своей смертью, хоть и отравился или был отравлен, мясом или грибами, до конца не ясно. Но последние слова Гаутамы Сиддхартхи говорят сами за себя: “Даже если Будде дают яд – из него должна выйти Любовь”.

Тогда как Иисус, менее везучий из этих двух цельных людей, был зверски уничтожен своими соплеменниками из остервенелой и ограниченной толпы. Да, да, Иисус был убит каждым из нас, каждым, кто до сих пор в толпе, ведь если палач и занес копьё над телом, то только с разрешения всего народа. Народа, который предпочитает быть быдлом. И по сей день ничего не поменялось.

Каждый из нас несет полную ответственность за преждевременную смерть любого живого существа, и никакое Время не сможет никого и никогда оправдать.

У человека можно забрать еду, одежду, машину, дом, жизнь, в конце концов, в ее узком, телесном понимании. Можно забрать все это искусственное, неживое, все то, что для большинства недалеких, неглубоких людей стало смыслом существования. Искусственный, недвижимый смысл пустой, искусственной жизни. Не пора ли задуматься? Не пора ли понять что этот смысл мертв? Не пора ли прекратить разделять и собрать все осколки воедино? Не пора ли отыскать то настоящее, что в состоянии пройти сквозь три измерения нашей Вселенной и выйти с другой стороны портала? Не пора ли заняться поисками того, что я могу взять в руки, приблизить к глазам, и с уверенностью сказать – это я. Настоящий Я. Цельный. Целый. Неделимый и единственный. Без эго.

Может быть настоящим является только то, что нельзя отнять? А все остальное – только пыль в глаза? Ведь невозможно присвоить действительно важные вещи – твои переживания и чувства, твои Знания, твои размышления и идеи, твой разум. Твой – а значит и всего человечества. Может быть то, что нельзя отнять ни при каких обстоятельствах и есть ты? Может быть это и есть то, к чему надо стремиться? Может это и надо копить – сострадание и Любовь, нежность и

привязанность, доброту и благодушие, искренность и честность?

Я подвинул к себе рюкзак с красками, которые собирал всю свою жизнь, и которые Агафья Тихоновна так лихо поместила в бутылочки в столовой зоопарка. Может быть содержимое этих бутылочек, гораздо ближе к тому абсолютному осознанию себя, к осознанию того настоящего, действительного и реального Я, который сможет пройти сквозь центр нашей выдуманной, но от этого не менее реальной Вселенной?

Тело – это скорее, автомобиль, специально сконструированный и отлично справляющийся со своей основной задачей – с комфортом везти меня по нашему родному и пока еще единственному трехмерному Пространству. Но автомобилю никогда не удастся неповрежденным пересечь горизонт событий черной дыры. Гравитация разорвет его в клочья. А значит – и не удастся выйти на новый уровень существования. Телу – не удастся. А мне, настоящему мне – легко. И что очень важно – неотвратно. Неизбежно придется. В свое Время.

гаться дальше и, казалось, ждали только меня.

– Мне в голову пришла одна мысль, – я встал на ноги и повернулся к своим спутникам, – если исходить из того что из нас троих сквозь горизонт событий сможет пройти только один Артак...

– Только Артак? – Агафья Тихоновна встрепенулась, подняла голову и посмотрела на меня внимательно, – почему только Артак? Почему вы так решили?

– Ну вы же сами говорили, – я усмехнулся, – что ему нигде и ничто не угрожает, правильно?

– Так-то оно так, – акула замялась, – но...

– Значит и черная дыра не повредит? Или я что-то не так понял?

Агафья Тихоновна молча посмотрела на меня, не подтверждая и не опровергая мои догадки, она словно ждала чего-то.

– Есть еще одна причина, – я думал как бы поточнее выразить свою мысль, – понимаете, Артак единственный среди нас, как бы это выразиться, эээ, настоящий. А одно из необходимых условий для того чтобы пройти дыру насквозь – быть им. Настоящим. Понимаете?

– Понимаю, – Агафья Тихоновна наконец вышла из молчания и утвердительно кивнула головой, – еще бы я не понимала. Да, вы правы, Артак настоящий и сможет пройти где угодно, если только сам захочет этого...

– Пройду, пройду, – голос в моей голове опять прозвучал сам собой. Судя по тому, что одновременно с этими словами

Агафья Тихоновна повернулась к Артаку, она его тоже слышала, – пройду, где и когда угодно, – Артак кивнул в подтверждение.

– Но каким образом? – акула смотрела на дракона в ожидании ответа.

– Есть несколько вариантов. Первый из них самый простой – сидя прямо здесь, рядом с вами, я могу закрыть глаза, – Артак улыбнулся, а точнее оскалился, – а могу и не закрывать, – он осмотрелся вокруг, и хитро прищурившись, добавил:

– И мгновенно окажусь в любой другой точке любого из существующих Миров, – дракон скалил зубы, словно получал удовольствие от обладания такими возможностями, – не забывайте, что я все-таки мысль, кстати, ваша собственная мысль, и мне нет необходимости перемещаться, преодолевая сопротивление материи. Ее для меня вроде как и не существует.

– То есть прямо отсюда, – я обвел окружающее пространство взглядом, – и куда угодно?

– Именно, – голос в мой голове зачаровывал и пленял своим тембром, – как бы тебе это объяснить? Чтобы было понятнее можешь считать меня сном. И я, словно твой сон, который появляется как бы из ниоткуда и обволакивает тебя плотным одеялом реалистичности, в одно-единственное мгновение, могу перенестись в любую существующую реальность, – Артак заплющил глаза, – точно таким же образом

ты, а если быть до конца откровенным, то и я, путешествуешь во сне. Все отличие моего путешествия от твоего сна в том что я осознанно выбираю место и Время, где бы хотел оказаться, а ты – нет. Сны просто случаются с тобой. Они вне твоей воли. Но я-то могу выбирать, он усмехнулся, – однако этот способ все таки имеет один недостаток, – дракон открыл глаза, – мне необходимо четко представить себе это самое место. Место, где бы я хотел очутиться.

– Как это?

– Для того чтобы переместиться в любом направлении, даже для того чтобы просто сделать шаг, ты должен обязательно знать куда тебе нужно, понимать и знать в какую сторону шагать, не так ли? Иначе ты можешь попасть куда попало.

– Понимаю.

– А что находится там, – дракон кивнул в сторону центро-сплетения зонта, – я не знаю. Ведь мне надо не просто задать координаты места в которое я хочу попасть, а четко и внятно «увидеть» его в своем воображении. А «увидеть» то что я не знаю не получится. Поэтому, представив что-то в своих мыслях, я могу мгновенно перенестись именно в то место, которое представляю, но не факт, что это будет в точности ближайшая к нам черная дыра. Я могу оказаться где угодно. Даже в другом Мире, в другой Вселенной. Но это не очень страшно, – дракон взбрыкнул головой, как лошадь, – ведь всегда можно вернуться в то место откуда я переместился, ведь я точно знаю где вас оставил.

– А наша мысленная связь не прервется во время этих перемещений?

– Нет, – Артак отрицательно помахал головой, – не прервется. Я, как обычно, буду в полной зависимости от того что ты будешь думать, – он немного помолчал, подбирая слова, – так как моя самостоятельность строго ограничена твоими собственными мыслями и пройти куда-нибудь дальше чем твои мысли я просто не смогу. Другими словами, ты тоже должен четко представлять куда и зачем меня отправляешь. Ведь все что у меня есть, можно сказать, все чем я вооружен – это твое воображение.

– И стоит мне только захотеть? И все получится по-моему?

– Только по твоему и получится, – дракон усмехнулся, – только не захотеть. Желания тут ни при чем. Желания формируются тем Миром, в котором ты живешь, и они, как правило, имеют мало общего с настоящими вещами, ведь сам Мир иллюзорен, как и порожденные им желания. А я – настоящий, понимаешь? Я могу все что угодно, но только если оно настоящее. Самое что ни на есть настоящее.

– Не желания, ну хорошо! Но что тогда?

– Намерения. Когда ты намерен что-то сделать – делай.

– Что такое намерение? Как его отличить от желания?

– Ты найдешь отличие в самом слове, – Артак объяснял терпеливо, как будто имел дело с маленьким ребенком, – почувствуй разницу между «я намерен пообедать» и «я хо-

тел бы пообедать». В первом случае присутствует уверенность, во втором ее нет. В первом случае ты полностью ответственен за то, что намерен сделать, а во втором – ты просто высказываешь пожелание, не подкрепленное никакими действиями. В первом случае ты – активный компонент своей Вселенной, иными словами, ты – тот, кто ее создает, а во втором – ты всего лишь апатичный и зависимый от всего вокруг винтик в водовороте событий.

– То есть намерение – это желание плюс действие?

– И уверенность в себе и своих силах, – Артак несколько раз утвердительно покачал головой, – как бы банально это не звучало.

– Мне всегда казалось что для того чтобы быть уверенным в чем бы то ни было, необходимо обладать Знанием!

– Или чтоб Знание обладало тобой.

– Как это?

– Люди говорят что проходит время, но Время говорит – проходят люди, – Артак лежал на спине и смотрел в небо, которое постепенно темнело, становилось насыщеннее, гуще, – Это понять проще чем кажется с первого взгляда. В нашей Вселенной нет ничего что бы принадлежало лично тебе. Все что есть – есть друг у друга и ничего не может принадлежать кому-то конкретному. Ничто настоящее, конечно! А Знание – настоящее. Поэтому, если ты им владеешь, то и оно владеет тобой.

– Ничто настоящее?



– Ничто – настоящее. Оно вечное и неизменное.

– А что-то другое?

– Есть и другое, – Артак усмехнулся, – ведь люди так любят жить в окружении множества придуманных, искусственных вещей. И достаточно часто эта искусственность подменяет собой, а иногда даже насильно вытесняет остатки того настоящего, что в них остались.

– Что это – другое?

– Множество вещей. То, о чем мы уже говорили. То, что совсем неважно. Например, деньги. Или то, что на них можно купить. Или какие-то социальные условности. Любые ограничения. Патриотизм, который всегда выстроен на искусственно созданном и всячески поддерживаемом величии или избранности определенного народа, а то и всего лишь одного человека. Искусственно также разделение людей по расам и странам. Искусственны любые, самые всевозможные границы. Как между странами и союзами в общем, так и между людьми в частности. Искусственны любые барьеры и препятствия. Искусственна важность, влияние, значительность. Искусственен престиж и хвастовство. Да мало ли что. Ты сам с легкостью найдешь тысячи примеров, если хорошенько подумаешь.

– А настоящее?

– Настоящее – это все остальное. И оно безгранично. Безмерно. Кстати, настоящее, как правило, не может быть выражено никакими цифрами.

– Цифрами?

– Я имею в виду, – Артак приблизил свою морду к моему уху, и хоть за весь разговор он не произнес ни слова, а текст сам всплывал в моей голове, но сейчас я стал слышать четче и яснее, – что если ты где-то прочитаешь «пять гектар земли», то настоящим будет только земля, и совсем неважно – пять гектар или пять песчинок.

– А если я прочитаю на ценнике в супермаркете «100 долларов»?

– Хороший пример. В нем вообще нет ничего настоящего.

– А если эти сто долларов стоит настоящее, живое и цветущее растение в горшке?

– Тогда оно бесценно, как и любая Жизнь.

– Значит настоящее только то, что нельзя выразить деньгами?

– Настоящее только то что можно выразить чувствами. Все что можно купить – по определению дешево. И никому не нужно.

– Но люди думают что нужно.

– Люди как раз не думают. Если бы думали, результат был бы другой.

– Я понимаю. Но почему настоящее так легко уходит от людей?

– Настоящее – это пустота. Она не может уйти. Это абсолютное приятие. Это – Ничто, которое с радостью и готовностью обретает любую форму. Это вода, в которой мож-

но растворить все что угодно – от Любви до ненависти. И Ничто примет любое наполнение, – Артак грустно покачал головой, и вроде ни к чему добавил: – правда ведь, трудно сохранить угол в квартире пустым, если накоплено много и некуда складывать. Но надо. А наше настоящее, как правило, завалено горами никому не нужного хлама, и чтобы его увидеть, чтобы до него добраться, нужно хорошо потрудиться, – дракон вздохнул, – но люди не любят трудиться. Точнее, люди думают что трудиться – это грузить вагоны на вокзале или строить дома. Это не труд. Это работа. А труд может быть только над собой. Трудиться и родиться – всего две буквы разницы, не замечал? Труд и род – слова трудные, родственные. И труд, как и роды, как правило, очень тяжел. Много тяжелее расчистить завалы внутри себя, освободив тем самым себя настоящего, чем вырыть яму. Вот вырыть яму – это работа. От слова – раб, – Артак подмигнул мне желтым, змеиным глазом с вертикальным зрачком, – однако большинство людей предпочитают копить и складывать, складывать и копить.

– Люди хотят жить комфортно, – я попытался возразить, но вышло как-то робко, боязливо, неуверенно.

– Для того чтобы жить комфортно достаточно всего лишь избавиться от ненужного хлама в своем личном углу, и поддерживать чистоту в доме, – Артак многозначительно вздохнул, – и многие пытаются это делать. Но еще важнее и много труднее поддерживать чистоту в Сознании. Вот на это спо-

собны лишь единицы.

– Кстати, «труднее» – от слова «труд», а не от слова «работа», – я подмигнул дракону. Атрак усмехнулся, обнажив ровные, как с картинки, белые зубы и произнес вслух:

– Ничто – то настоящее, что есть в каждом из вас – неведомо и незаметно глазу, и на его место можно с легкостью положить что-либо с твердо установленной в обществе ценой. Весь окружающий социум будет поддерживать тебя в этом. Здесь мало кто устоит. Ничто не будет против, оно лишь примет твои новые идеалы, примет как данность, но при этом оно потеряет свою волшебную суть.

– И что надо делать чтоб устоять перед соблазном?

– Чтобы устоять перед соблазном, как ни странно, надо просто устоять перед соблазном, – Атрак рассмеялся. Он снова перешел на общение мыслями, и его смех звучал только в моей голове, – если человек и не всегда в состоянии управлять своими желаниями, то уж поступками управлять каждый может. И чтобы что-то не делать, надо просто это не делать. Включить волю. Включить понимание.

– Но как?

– Сначала будет трудно. Трудно, от слова «труд». Но действительно трудно будет только в том случае, если ты именно трудишься.

– А если работаешь, разве не трудно?

– Нет, – Атрак криво усмехнулся, – работа утомляет тело, а труд – возвышает, поднимает душу. Чувствуешь разницу?

Тело может отдохнуть, оно имеет пределы, и больше чем может сделать – не делает. Душа же не отдыхает никогда. И никогда ничего не пропускает мимо себя.

– Как ей помочь?

– Трудиться. Каждое мгновение. Труд, в отличии от работы, облегчает состояние.

– Но как?

– Для начала надо позволить себе подпитываться от высшего, от материнского, космического разума. И если запустить этот процесс, то с каждым новым днем ты сам начнешь понимать все больше и больше. И сам будешь знать что делать. В этом случае твое Ничто окрепнет и с легкостью может стать твердым, каменным фундаментом. Фундаментом всей твоей, человеческой жизни.

– Космический разум? Как его услышать?

– Для того чтобы услышать, надо просто слушать, не так ли? – Артак улыбнулся, – слушать и молчать. Понимание приходит само, оно не может не прийти, если его ждут.

– И человеческий разум – лишь часть космического? Они неразрывно связаны?

– Связаны, – Артак кивнул головой и добавил:

– Неразрывно.

– Но тогда получается что для людей все предопределено?

– Почему же?

– Если ум человека – лишь часть общего, космического Сознания, то эта часть всегда и при любых обстоятельствах

зависит от целого. И если целое решит что данная часть не нужна, что бы эта часть не делала – ничего уже не изменить, ведь так?

– И так и не так, – дракон немного помолчал, словно ожидал что я продолжу.

– Ну, допустим, человек, являющийся целым, решает постричься, тогда волосы, являющиеся его частью, уже ничего не смогут сделать, если бы даже и могли, и им придется быть отстриженными, то есть погибнуть, правильно?

– Правильно.

– Значит часть, какой бы она себе не казалась самостоятельной, всегда будет зависеть от решений целого? Но другими словами, это значит что все предопределено?

– Почти.

– Объясни что значит почти, – наш мысленный диалог уже давно вышел за рамки первоначально обсуждаемого вопроса о том, как нам пробраться неповрежденными сквозь черную дыру, но мне было настолько интересно, что я не мог, да и не хотел, остановить свои мысли.

– Если космический, он же – вселенский Разум, как живая и постоянно развивающаяся структура подчиняется законам мироздания, а наверняка это так и есть, то все предопределено в любом случае, – Артак опять улыбался, точнее скалился, – подумай сам, ведь что такое законы физики или законы существования?

– Ну, – я немного замялся, – это такие правила, которым

следует все что есть в Мире.

– А может что-то или кто-то взбунтоваться и не следовать этим правилам?

– Нет, конечно, – я рассмеялся, – это же не человеческие законы, а законы Природы. Они нерушимы, и судя по всему существовали с самого начала бытия. Ведь это благодаря им все такое какое есть, правильно?

– Да, да, – Артак согласно покивал головой, – да, но не благодаря им, а в соответствии с ними. Это правила этого Мира, некоторые из которых уже открыты человеком, а некоторые – еще нет. Исходя из этого мы вполне можем заявить что открытые законы физики являются лишь частью целого – всех законов, так ведь?

– Да, – я закрыл глаза и внимательно слушал, боясь пропустить хотя бы даже одно слово.

– И эти законы не зависят ни от места их применения, ни от Времени, правильно? Более того, они неизменны на протяжении всего существования этого Мира, ведь так?

– Да, да, все верно. Все работает всегда и везде. Без разницы, уронить яблоко сейчас или тысячу лет назад – оно будет притягиваться к Земле все с той же силой.

– Согласен. Теперь давай разберемся с действиями человека, как части Вселенной. Любой его поступок обусловлен чем-то, так уж устроен его мозг и, например, прикоснувшись к горячей поверхности – человек автоматически отдергивает руку. Зададимся вопросом – а почему он прикоснулся к го-

рячей плите? И, рассуждая и предполагая, сами же ответим – потому что хотел разогреть еду. Идем дальше. А почему он был голоден? Потому что клетки его организма уже расщепили и израсходовали весь сахар и простаивают без дела. А зачем клеткам сахар? Потому что им необходима Энергия. А почему клеткам нужна Энергия? Потому что таковы законы Жизни, которые никто не в состоянии нарушить, – Артак говорил медленно, давая мне возможность все обдумать.

– Причинно– следственная связь.

– Можно и так сказать, – Артак ухмыльнулся, – и так же можно разложить любой процесс во Вселенной... Но давай пойдем дальше и копнем глубже. Мог ли человек в данном случае не поставить чайник на плиту, а съесть, например, шоколадку?

– Мог, конечно мог. И шоколадку, и бутерброд, и запить не чаем, а водой. Да все что угодно.

– И что заставило его принять то или иное решение?

– Ну, наверное, все зависит от его желания?

– То есть ты хочешь сказать, что решение, которое примет человек, зависит от его желания, то есть от свободного проявления его воли, так?

– А разве нет?

– Не знаю. Давай рассуждать, – Артак лежал на красной звезде с закрытыми глазами и последовательно, шаг за шагом, вел наш мысленный диалог, – что есть желание?

– Эээээ, – я пытался подобрать слова, – ну... Желание –



это хотение, что ли. Точнее – нечто среднее между простым хотением и обдуманым решением или выбором.

– Хорошо, – Артак согласился, – думаю ты не будешь спорить, если я скажу, что желание человека, скорее всего, есть результат каких-то химических процессов в его мозге?

– Да, думаю, это вполне верно, – я кивнул.

– А химические процессы, впрочем как и физические, строго подчиняются законам Природы, правда?

– Да.

– То есть то, что человечество называет свободой воли, по сути является просто результатом действия причинно-следственной связи, а именно, химических реакций внутри человеческого тела, да?

– Думаю, да. Если мы говорим о человеке, как о самостоятельном организме.

– Значит результатом каких-то химических реакций в мозге человека стало то, что он протянул руку и поставил именно чайник, а не взял из холодильника пакет сока, так?

– Да.

– Значит ли это что решение человека было единственно возможным при том раскладе химических реакций в его теле, который имел место в данном случае?

– Думаю, да. Ведь человек поступил каким-то определенным образом, а не по-другому. Значит процессы в его теле и Сознании привели человека к именно этому, единственному и однозначному решению.

– Вот именно. Любое действие или мысль тут же влечет за собой цепочку определенных последствий, а значит, как бы люди не пыжились, все будет так как должно быть и в точности так, как предопределено заранее.

– А если человек – лишь часть космического Разума?

– Тогда, тем более, для человека, все предрешено. Но уже не химическими процессами в его личном мозге, а какими-то нам неизвестными, но процессами в мозге космическом.

– Значит все предписано заранее? Значит все можно предсказать?

– Можно, если человечество научится просчитывать сложные системы.

– Что ты имеешь в виду?

– Если Разум следует законам Природы, а по-другому и быть не может, то все четко и однозначно предопределено, ибо законы Природы – это нечто, работающее без сбоев и независимо от места их применения, – Артак продолжал лежать с закрытыми глазами, – можно ли их предсказать? Вполне, когда речь идет о простой системе, такой, например, как одна клетка. Тогда человек в состоянии предсказать как она себя поведет в том или ином случае. Но если речь идет о системе сложной – тут человечество бессильно в предсказаниях. Не получится. Пока что не получится. На данном этапе развития невозможно. Но это не отменяет того, что зная все исходные данные при наличии определенных технологий

предсказание будущего не составит труда и будет безошибочно и одновариантно.

– А в чем тогда смысл?

– Смысл может существовать только в пределах человеческого разума, а значит и искать его надо не где-то, а между своих ушей, – Артак перевернулся на другой бок, – остальной смысл, если и есть, человеку не доступен. По крайней мере на этом уровне, – он зевнул.

– Понятно, – я замолчал и посмотрел на Агафью Тихоновну.

Акула лежала, опираясь на грудные плавники, как если бы человек лежал на животе, опершись на локти и подставив кулаки под нижнюю челюсть, и с интересом прислушивалась к нашей беседе.

– Мы обсуждали варианты прохождения черной дыры, – вдруг произнесла Агафья Тихоновна, напоминая нам о том, ради чего, собственно, мы здесь собрались.

– Да, действительно, – я с благодарностью посмотрел на акулу.

– И насколько я поняла, мы обсудили только первый вариант, ведь так?

– Так, – мысленно подтвердил дракон, – именно так.

– Значит ли это, что кроме первого варианта есть и второй? А может и третий?

– Конечно, – Артак опять зевнул, – всегда есть несколько возможностей.

– Ага, – воскликнул я, – раз есть несколько возможностей, то и свобода выбора есть!

– Возможностей есть несколько, – дракон лениво улыбался, кося на меня желтым глазом, – но поступишь ты в полном соответствии с законами химических реакций в твоей голове, и более того, тебе, лично тебе будет казаться что это твое собственное, свободное от всех внутренних и внешних процессов, решение.

– И даже, если я...

– И даже, если ты в самый последний момент решишь изменить Мир и сделаешь то, что делать не собирался, например, поступить вопреки своему, принятому тобой лично, решению, – Артак оскалился в улыбке, – это и будет именно то, что должно было произойти.

– Ээээ...

– Вот тебе и ээээ.

– Но ведь это значит что все происходящее бессмысленно, – я вздохнул и отвел глаза, посмотрев в сторону, не в силах более выдерживать драконий взгляд, – просто-напросто бессмысленно, – я опять посмотрел на дракона, – но давай еще вернемся к этому вопросу позже, а сейчас нам надо торопиться. Надо двигаться дальше.

Вместо ответа дракон прикрыл веки и пробормотал про себя:

– Нет никакой срочности. Зима не спешит превратиться в весну. Лето не спешит к осени. Одно дерево не пытается рас-

ти быстрее другого. Звезды и планеты не торопятся быстрее завершить свой круг. Никто и Ничто во Вселенной никуда не спешит. И нам не следует.

Проговаривая свою тираду дракон так и не сдвинулся с места, а лишь устроился поудобнее на теплой поверхности приютившей нас звезды.

– Хорошо, с этим разобрались, – я кивнул, давая понять что с первым вариантом все понятно.

– Второй вариант, – Артак взглядом прикинул расстояние до черной дыры, которая с нашего места хорошо просматривалась, – это просто лететь. Лететь, используя лишь крылья. Лететь, как самый обыкновенный дракон.

– Что нам мешает?

– Для того чтобы физически, то есть нашими телами, пересечь горизонт событий, нам будет необходимо преодолеть сопротивление Времени, потому как по мере приближения к черной дыре, Время, как и любая материя, сжимается, становится более плотным, густым, и соответственно, пробраться сквозь него будет сложнее, чем, например, здесь или на Земле.

– Плотным? Густым? Мы сейчас говорим о Времени?

– Да, конечно. О нем самом. О Времени.

– Через него надо будет пробираться как через кустарник?

– Можно и так сказать.

– Из чего же оно состоит?

Мимика Артака говорила о его крайнем изумлении.

– Из человеческого воображения, из чего же еще.

– Ого! А человеческое воображение из чего состоит?

– Из пикселей, как фотография.

– И они сжимаются?

– Пиксели воображения? – Артак засмеялся, – нет, нет, что ты. Твое тело не будет испытывать дискомфорт, пробираясь сквозь кустарник Времени, – он продолжал смеяться, – а вот твоё воображение, твои мысли – да.

– Мне будет трудно представить что-то? Будут трудности со способностью мыслить?

– Смотря что ты называешь способностью мыслить. Если мыслить – это перебирать фотокарточки Времени со статичным, вечным и неизменным изображением – то да, наверное, ты будешь испытывать затруднения со своими мыслями. Скажи, ты мог бы подумать или представить что-либо в отрыве от Времени? Мог бы?

– Как это?

Артак с интересом смотрел на меня.

– Ну вот так. Еще раз представь что Времени не существует. Вообще не существует. И вся Вселенная – это, скажем, большой шар, в котором собраны не только все прошлые и существующие, но и будущие снимки. И ты сам, заключен внутри этого шара, и каждый снимок, то есть каждый момент того, что ты называешь временем, пронизывает тебя насквозь. Каждый, заметь! Каждый снимок. Все что

существует во Вселенной – все это всегда рядом. И давно ушедшие моменты, которые, как тебе кажется, уже не вернуть, и будущие, до которых, опять-таки, как тебе кажется – еще далеко... Что бы ни происходило внутри этого шара – не имеет возможности вырваться наружу и изменить что-то вне его, понимаешь? Тогда, так ли уж важно то, что происходит внутри, если это не оказывает никакого влияния на то, что снаружи?

– А внутри что-то меняется?

– В том то и дело, что нет. Но даже если бы менялось...

– Значит любое движение иллюзорно?

– Да. Представь себя с фотоальбомом в руках. Ты листаешь его страницы, всматриваешься в фотокарточки, но то что на них изображено – неизменно. Если бы твое зрение было способно смотреть сквозь страницы, ты смог бы увидеть целый альбом сразу. Но такой возможности у тебя нет, – Артак вздохнул, – вот и приходится смотреть все по очереди, искусственно создавая Время. Хотя абсолютно все что есть во Вселенной – рядом, – Артак немного помолчал и продолжил: – но твой мозг по определенным причинам думает иначе. Да, все таки способ человеческого восприятия Мира очень оригинален, – он улыбнулся и покачал головой, повторив свои же слова – очень оригинален.

– Но как мне представить что-либо вне Времени?

– Не получается? – дракон засмеялся, – и никогда не получится. Ведь Время – это твой способ увидеть Мир. Друго-

го способа человеческий мозг не знает, и что самое главное – не хочет знать.

– А можно его научить?

– Можно ли его научить? – Артак мысленно повторил мой вопрос, – можно ли его научить? – он еще раз задумчиво произнес эту фразу, и сам же на нее ответил, – можно, конечно, можно. И даже нужно!

– Но как?

– У каждого человека свой путь. И, в конце концов, каждый придет к какому-то определенному выводу и познает истину. Каждый. Исключений нет. Как говорят – много путей на гору, но вид с горы один. И каждый выбирает свою дорогу сам.

– Зачем тогда вообще необходимо Время?

– Для того чтобы познать нечто искусственное, такое как этот Мир, необходимо создать какой-то искусственный инструмент, не так ли? – Артак помедлил немного, – вот в нашем случае, Время выполняет роль своеобразного тормоза.

– Тормоза для чего? – я переспросил, не понимая о чем идет речь.

– Тормоза для всего что есть в этой Вселенной.

Артак слепил из красной звездной пыли комок и поднеся его к глазам, сказал:

– Вот твоя Вселенная. Цельная и неделимая. Совершенная. Она находится в равновесии и ничего внутри нее не меняется. Внутри нее лишь постоянные и неизменные кар-



тинки, которые человеческий мозг просматривает в строгой очередности. И что бы ни менялось – меняется лишь картинка или изображение, то есть ты просто видишь новый слайд в диафильме, названном человечеством Жизнью. Однако, где здесь Жизнь? – Артак подкинул красный снежок на руке? – песок, да и только.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать что если бы каждая песчинка в этом комке неизвестной нам красной материи была опознана твоим мозгом как застывший фотоснимок со своим мгновенным Миром внутри, то твой мозг тут же создал бы Время, будучи не в силах охватить своим пониманием сразу весь песок в этом комке, – Артак подбросил в лапе слепленный шар, – и он бы начал рассматривать песчинку за песчинкой, проживая целые Жизни в каждом подвернувшемся ему мгновении, – Артак вздохнул, – представь только – целые Жизни...

– Но почему тогда люди умирают не досмотрев спектакль до конца? Что есть смерть?

– Энергия, питающая твое тело потихоньку иссякает. Не спрашивай, почему. Потому что таков Закон. Природа должна уничтожить твое нынешнее тело, чтобы дать тебе следующее, уже улучшенное, и более приспособленное для просмотра диафильма, – Артак усмехнулся, – так в твоём понимании работает эволюция.

– Но все эти будущие тела уже здесь? – я кивнул на красный шар, – просто я их пока что не могу рассмотреть?

– Здесь, здесь. Все здесь. Смена поколений происходит только в твоём мозге. На самом деле здесь, – он покрутил песчаный снежок на руке, – абсолютно все. И прошлое, и будущее, и настоящее. И это абсолютно все в абсолютном состоянии – оно только в настоящем моменте. Здесь, – Артак приподнял красный шар над головой, – все что было, есть и будет. Одновременно.

– Значит, что бы я ни делал – результат один? Я ничего не могу изменить? И если, как говорят – мне суждено, или написано на роду – то так и будет, что бы я ни делал и как бы ни поступал?

– Никто не запрещает выбирать тебе ту песчинку, которую ты захочешь, и проживать те мгновения, которые тебе нравятся. В этом Мире все предопределено ровно настолько, насколько ты сам этого хочешь. Ведь ты же выбираешь по утрам какую одежду надеть на себя? – Артак сам ответил на свой вопрос, – выбираешь. Точно так же, но бессознательно, что кстати очень жаль, ты выбираешь и моменты, в которых окажешься. А здесь есть всякие. Если быть точнее – здесь есть вообще все что может быть. И к каждому из моментов ты имеешь доступ и можешь его выбрать. Точно так же как выбираешь одежду в шкафу. Никто не запрещает. Никто и Ничто не может запрещать. Никто и Ничто лишь выполняют твои желания.

– Но как я могу выбрать? Существует какой-то алгоритм действий? Чтобы взять с полки футболку мне достаточно

просто протянуть руку, а чтобы выбрать судьбу? – я беспомощно оглянулся, ища поддержки у Агафьи Тихоновны, но она лишь молча участвовала в нашем диалоге, не вмешиваясь даже мыслью, – что надо сделать такого чтобы выбрать ту судьбу, которая мне нравится?

– Чтобы выбрать то, что тебе нравится надо прежде всего знать что тебе нравится.

– Давай допустим, что я знаю. Ведь насколько я понял, там, – я взглядом указал на все еще находящийся в лапах дракона красный шар, символизирующий наш Мир, – там есть все что только может быть, так?

– Так. Именно так, – Артак кивнул, продолжая любоваться слепленной им Вселенной.

– Значит есть песчинки в которых я убийца и сижу в тюрьме, а есть – в которых я судья и караю за совершенные преступления?

– Есть.

– Значит есть и те, в которых я беспомощный инвалид, а есть те, в которых я первый на Земле космонавт?

– Конечно. Но бери много шире, – Артак развел лапы в стороны, как бы показывая насколько надо брать шире, – есть такие песчинки, в которых ты путешествуешь с драконом, – он улыбнулся одними глазами, и его зрачок на мгновение приобрел округлую, человеческую форму, – а есть такие в которых ты – коллапсирующая звезда или темная, никому не видимая черная дыра.

– И только я сам выбираю тот слайд, где окажусь в следующий момент?

– Да, только ты сам. Но есть одно но. Ты не можешь перескочить через песчинки и оказаться сразу на другой стороне этого шара. Ты можешь лишь просматривать одну песчинку за другой из тех, что рядом. Но таким образом, конечно, можно добраться и до противоположного края Вселенной. В этом ограничений нет.

– А Времени хватит?

– Времени? – дракон опять улыбался, – ты постоянно забываешь об одной очень важной вещи. Каждая песчинка – это всего лишь мгновение, а сколько мгновений может быть в вашей, человеческой секунде?

– Много, ну конечно же, очень много, – я сокрушенно кивнул, – значит и дойти до той жизни, о которой я даже не подозреваю сейчас можно всего лишь за одно мгновение?

– Конечно. Или за миллиард миллиардов мгновений. Что в сущности – одно и то же. Мгновения не складываются в секунды, – Артак задумался, – мгновения вообще не складываются. Каждое мгновение может быть лишь мигом, но и целая Жизнь проходит как мгновение. Таково устройство этого Мира, – дракон сжал лапу и песчинки посыпались на красную и теплую звездную поверхность.

– Но что решает в каком мгновении я окажусь в следующий миг? Что является проводником моего Сознания? Что подсказывает ему в каком направлении двигаться?

– Твои мысли. Только они. Они и есть те указатели, следуя которым ты прибыл в данную точку. И следуя которым ты окажешься в следующем пункте своего назначения.

– Мои мысли? То есть стоит мне подумать и...

– И ничего не произойдет. Точнее, если мысль засядет в твоей голове очень прочно, то и направление твоей Жизни круто изменится, это бесспорно. Но вот именно тут и необходимо Время, простое и придуманное человеческим мозгом Время.

– Ты говорил что Время – это тормоз?

– Да, Время – это то, благодаря чему все в нашем Сознании, а значит и во Вселенной происходит не сразу. Время растягивается как резина и тем самым тормозит материю на полете к черной дыре, давая возможность той качественно и без проблем закончить свою миссию, а именно – разорвать все что существует на составляющие это все универсальные частички, и уже их пропустить через себя в новый, совершенно другой, отличный от всего Мир. Время также позволяет человеку пройти через все испытания и приключения по очереди, сосредоточившись конкретно на них, а следовательно, позволяет получить и усвоить бесценный урок Мироздания нашему Сознанию. Время помогает Вселенной, окружающей вас общаться с вами. Время – это универсальный, понятный человеку язык, которым стала пользоваться даже сама Вселенная, и который не содержит никаких букв или слов. Время содержит лишь уроки, что согласишься, гораз-

до нагляднее и доступнее для понимания. Время – лишь ваш общий учитель, подсказки которого человечество так злобно игнорирует.

– Время – это язык?

– Да, Время – это язык, созданный человеком для того чтобы понять все это, – Артак обвел взглядом окружающее нас Пространство, – Время – как лопата, позволяет копнуть и рассмотреть, еще раз копнуть и рассмотреть что мы там выкопали. И от того насколько мы сосредоточены на каждом мгновении зависит очень многое. Время – это язык, который понятен только в настоящем моменте. И если ты будешь бездумно копать, думаю об уже выкопанном или о том, что еще предстоит выкопать, то теряешь основное, ради чего Время и было создано, теряешь настоящее. Теряешь то, ради чего ты здесь.

– А ты? – я внимательно слушал все что говорил Артак, и меня раздирало любопытство. Ну хорошо, допустим с людьми понятно. Но что с драконами? И я решил. – А ради чего ты здесь?

– Я? – Артак прищурился, – я – всего лишь твоя мысль. И помнишь, что сказала Агафья Тихоновна в самом начале нашего путешествия? Я – твой путь на твою страницу.

– Конечно, помню. Ты – мой путь домой.

– Да. Верно. Но очень узко.

– Что ты имеешь в виду?

– Я – твой путь на твою страницу. Только это. Больше я

ничего не имею в виду.

– Благодаря тебе я смогу вернуться на Землю, я правильно понимаю?

– Благодаря мне ты сможешь вернуться домой, – Артак смеялся над моим упорным нежеланием понять, – а где твой дом – решать только тебе. Тебе и никому более.

– Ты же проглотил Солнце и внутри тебя альманах Времени. Целый альманах всего существующего во Вселенной Времени. Я думал что именно это дает мне возможность оказаться дома, в привычном для меня месте в тот самый момент, когда наше путешествие мне наскучит. Я понимал это именно так.

– Да, я проглотил Солнце, но только как символ неиссякаемой Энергии. Да, внутри меня все фотокарточки из альманаха, впрочем точно так же как и мы внутри одного из снимков, – дракон хитро посмотрел на меня, – но разве «быть дома» – это вернуться в прошлое? Разве для того чтобы оказаться дома нам необходимо возвращаться назад? Разве нельзя прийти домой, двигаясь вперед? Твоя беда в том, что ты заиклен на том чтобы вернуться. Твоя беда в том, что только уход из своей квартиры ты воспринимаешь как небольшое путешествие, которое окончится тогда, когда ты переступишь порог этой самой квартиры, вернувшись назад. Но стоит дать мне силы, – Артак расправил плечи и сильно взмахнул крыльями, – силы и волю, как я унесу тебя дальше любой видимой глазу границы, дальше любой воображаемой

линии любого существующего горизонта.

– Но что же тогда имела в виду Агафья Тихоновна, когда говорила что ты мой путь на свою страницу?

– Я имела в виду, что твои мысли, как указатели в дороге всегда ведут тебя в строго заданном направлении. И в каждый настоящий, или следующий, уже наступивший момент, ты находишься дома. Дом – это то, где ты сейчас. И все то, что ты подумал и сделал до этого, все это и привело тебя к тому что ты сейчас имеешь. Твой дом – это то, что ты строишь каждое мгновение. И твой дом всегда с тобой. И только ты сам, своими мыслями и делами, в состоянии сделать его таким, каким ты его хочешь видеть.

– Значит...

– Дай мне волю, – Артак еще раз взмахнул крыльями, – дай мне волю и следуй за мной. Это единственный путь домой. Единственный.

– Но как мне не потерять с тобой связь? Как следить за тобой? Как видеть тебя?

– Дать волю – не значит следить. Дать волю – это отпустить. Отпустить и наслаждаться свободой.

– И мой дом...

– У тебя много домов, – дракон стоял с расправленными крыльями, и время от времени складывал их за спиной, чтобы снова расправить, пустив на нас с Агафьей Тихоновной потоки не только мысленного ветра, но и реального, – и только тебе выбирать какой из них лучше. Тот, в который ты



возвращаешься каждый день, приходя усталым с работы или тот, в который ты вернешься в конце человеческой жизни, после того как ненадолго вышел пожить в человеческом теле. И то и то есть твой дом. И только твои мысли определяют какой дом тебе ближе и желаннее. Только они способны перенести тебя в любой из бесчисленного количества фотоснимков. В любой, представляешь? Только твои мысли определяют в какой следующей песчинке ты окажешься. Только они ведут тебя из снимка в снимок.

– Значит ты мой путь в желаемое?

– Я твой путь домой.

– Но если мои мысли и есть мой путь, то да, согласен, действительно, в моих мыслях есть все – и прошлое, и будущее, и проглоченное тобой Солнце, – я рассмеялся, – и получается, что я точно так же внутри тебя, как и ты внутри меня.

– Как и мы внутри песчинки, – добавил дракон, – так и песчинка внутри нас.

– Своего рода переплетение. Лента Мебиуса.

– Да, именно так. Переплетение. Без начала и без конца. Все что нас окружает и все что мы окружаем – одно и то же. Все существующее пронизывает друг друга, выворачивает наизнанку, поглощает и растворяет ровно в той же степени, как и наоборот. Все существующее пронизывается всем тем что есть, поглощается и растворяется само в себе. Без начала и без конца. Без Времени и без Пространства.

– Расскажи мне еще о Времени... Или о черных дырах... Или о том как они взаимодействуют.

– Время, созданное человеческим мозгом и реально существующее лишь в воображении людей, при приближении к черной дыре начинает замедляться. Оно растягивается, как мягкая резина, или даже течет, как каучук, и вот, уже через мгновение, только что прошедшая секунда растягивается до целого часа, потом месяца, года или даже столетия. Время начнет растягиваться, вмещая в себя такие свои промежутки, которые никогда бы не поместились в секунднй интервал при обычных условиях. Это происходит для того чтобы не пропустить материю этой Вселенной, – Артак распахнул передние лапы широко вокруг себя, – Вселенной, в которой и находится черная дыра, в другой Мир, который, уверяю тебя, даже издалека не будет похож на этот. Природа специально поставила эту мясорубку на соединении двух Миров для того чтобы их материи не смешивались.

– А Энергии? Энергия – ведь это тоже своего рода материя?

– Энергия – универсальная субстанция. Единица Энергии – кирпич из которого построено все что есть вокруг. Все окружающее тебя, да и ты сам – лишь пучок плотно сконцентрированной и принявшей трехмерную форму Энергии. И ничто не может ей помешать стать другой материей в десяти или пятнадцати или даже сто – мерном пространстве. Ничто на то и Ничто, чтобы поддерживать любое возможное

наполнение.

– И как это работает?

– Как только материя попадает в ничем не ограниченную, можно даже сказать – бесконечную гравитацию черной дыры, она начинает свой безумный, но четко определенный танец вокруг сингулярности, то есть центра этой дыры. Материя, описывая круг за кругом, притягивается и приближается к центру все сильнее и сильнее и, соответственно, ускоряется все больше и больше. Она вращается все быстрее вокруг этой поглощающей все воронки, пока не достигает...

– Скорости света, я знаю...

– Свет не имеет скорости, – мягко поправил меня дракон, и продолжил: – пока не достигает скорости, достаточной для того чтобы погрузиться в эту мясорубку, – Артак явно имел в виду черную дыру, – и вот тогда, когда скорость вращения уже достигнет необходимого значения, материя этой, – Артак оглянулся вокруг, показывая какую Вселенную он имеет в виду, – этой Вселенной начнет как-бы проваливаться, засасываться внутрь черной дыры. К этому моменту сама черная дыра успеет разорвать на составные части еще далеко не всю материю этого Мира, – он опять оглянулся вокруг, – часть этой трехмерной субстанции, останется в первоначальном, трехмерном, хоть и очень сильно сжатом виде. И для того чтобы ни одна частичка этой, пусть даже спрессованной, но все еще трехмерной материи, не проскользнула в Пространство совершенно другой Природы, наша Вселенная мо-

жет замедлить ход Времени вплоть до полной его остановки, понимаешь?

– Не совсем, – я покачал головой.

– Время, если посмотреть с одной стороны, идет все медленней и медленней, не влияя на происходящие внутри дыры процессы, то есть Время растягивается как жевательная резинка, и в привычный нам час, за который один человек может построить, например, кирпичную стену высотой в метр, теперь можно вместить больше процессов, больше Времени, понимаешь? – Артак развел передние лапы широко в стороны, показывая сколько времени может находиться в одном часе, – получается, что если взглянуть с другой стороны, и предположить что Время не растянуто, то мы увидим, что ускоряются сами процессы, то есть черная дыра за неизменную единицу времени перерабатывает все больше и больше попавшей в нее материи. И наш условный человек за тот же, отведенный ему час, выстроит не только одну стену, а весь дом или даже весь город. Представь что Время остановлено, но ты работаешь как ни в чем не бывало. И вот уже вечер, а на твоих часах все 9 утра, то есть то Время, которое и было, когда ты пришел на работу. Так понятно?

– Да, вполне, благодарю. Природа растягивает Время, давая черной дыре возможность успеть переработать абсолютно все что в нее попало. И чем больше черная дыра, тем большей гравитацией она обладает и тем больше материи всасывает за секунду нашего, человеческого Времени. Следова-

тельно, чем больше вытягивает – тем больше Времени ей надо на переработку, и это значит, что черная дыра больше – тем более замедляется Время, так?

– Именно. Добавь сюда только то, что само Время тоже является объектом поглощения для черной дыры и чем больше ее масса, тем большее количество Времени она поглощает в единицу того же самого Времени. Вот как-то так. С этими иллюзиями вечная путаница, – Артак засмеялся и добавил:

– Если это пока что очень сложно для тебя, то просто забудь то что я сказал только что.

Я стоял с широко раскрытым ртом и лихорадочно соображающим мозгом, не в силах вымолвить ни единого слова. Когда дар речи вновь ко мне вернулся, я произнес:

– Пожалуй, ты прав. Это я пока что забуду. Скажи только, а это замедление Времени около черной дыры имеет какие-либо пределы?

– Нет, что ты. Никаких пределов, вплоть до того что Время пойдет вспять, возвращая тем самым не переработанную трехмерную материю в ее родной трехмерный Мир.

– То есть...

– То есть Время станет отрицательным.

– Значит черная дыра при определенных условиях может еще что-то возвращать назад? А как же сумашедшая гравитация, которая засасывает даже Свет?

– Конечно, вполне может возвращать, – Артак довольно улыбнулся, – наука уже в состоянии увидеть и поймать то,

что возвращает черная дыра, но люди, пока еще не понимая Природы данного явления, просто назвали его излучением Хоккинга, по имени ученого, открывшего эту способность черных дыр.

– А на самом деле это простой возврат, – я засмеялся от удовольствия, увидев ясную и логичную, чисто математическую картинку Мира, – и что нам делать в этом случае?

– Как нам преодолеть замедление Времени, и даже полную его остановку, мне пока не ясно. Но, наверняка, это можно каким-то образом осуществить, чтобы сохранить вас в привычных вам же и живых в трехмерном Мире телах, – Атрак посмотрел на Агафью Тихоновну и замолчал.

– Надо подумать над этим. А что если нам каким-то образом попасть в этот возврат материи в нашу Вселенную? Тогда мы вроде бы как и побываем внутри сингулярности, в самом центре черной дыры, но и сможем выйти наружу.

– Конечно, подумаем и над этим, – голос дракона продолжал говорить в моей голове не останавливаясь, – но это не единственная проблема.

– Что же еще? – я насторожился, ожидая новых сложностей.

– Дело в том что остановка Времени разделит временное восприятие того кто летит и того, кто остается. И если, для того чтобы сохранить ваши тела, заметь, я не говорю – сохранить Жизни, а говорю – только тела, – Атрак выразительно посмотрел на меня, – так вот, если для того чтобы сохра-

нить ваши тела, я полечу один, то уже никогда не вернусь.

– Как это? – я вскрикнул и отрицательно замахал головой, выражая тем самым свое несогласие, – как это? Как? Я так не хочу...

– Для вас, оставшихся, например, на этой звезде, Время будет течь в привычном темпе, но если сравнить его течение с течением Времени того, кто улетит, мы получим довольно странную вещь, – дракон вздохнул, но продолжал, – мы увидим что тот, кто полетел к черной дыре постепенно замедляется, все сильнее и сильнее, замедляется вплоть до полной его остановки, – Артак еще раз вздохнул, – а вы можете просидеть здесь хоть всю Жизнь, или даже миллион жизней, но тот, кто полетел будет неизменно находиться четко на горизонте событий, именно там, где само Время именно для вас прекратило свой бег, понимаете?

– Почти...

– Хорошо, я постараюсь объяснить. Допустим, я все-таки улетел к центру черной дыры. Вы с Агафьей Тихоновной остались сидеть на этой звезде и продолжаете смотреть на меня. Наше, и мое и ваше, Время будет идти приблизительно с одинаковой скоростью. Разницы мы не ощутим. Пока что. Но после того как я приближусь вплотную к горизонту событий, наше восприятие Времени изменится. Я, как ни в чем не бывало, не чувствуя никакой разницы в восприятии своего Времени, буду продолжать свой путь к центру черной дыры, к ее сингулярности, но лично для вас все изменится.

В каждую секунду моего тамошнего, сжатого огромной гравитацией черной дыры Времени будет втиснуто много Времени вашего – может один год, а может десять или сто или тысяча лет. Я не знаю точно сколько. И в вашем восприятии получится что улетел я сто или тысячу лет назад, но так и не пересек горизонт событий, тогда как в моем понимании пройдет всего одна или несколько секунд, – Артак рыкнул, подняв голову вверх, – и это совсем не предел. Мое Время там будет замедляться все сильнее и сильнее, пока для вас, которые ждут здесь, не остановится совсем. Или даже пока не пойдет вспять.

– Получается мы с Агафьей Тихоновной можем сколько угодно сидеть и ждать, но...

– Но я не смогу вернуться, – Артак кивнул, – точнее, смогу, но очень не скоро, – он грустно улыбнулся, – ведь пока Время в моем восприятии будет течь как ни в чем не бывало – каждая секунда моей жизни будет равна ста, тысяче или миллиону годам вашей.

– Но Время – это же иллюзия?! – почти вскричал я.

– Иллюзия, – Артак согласился, – иллюзия. Но странно слышать это от человека, в рюкзаке которого две бутылочки с мгновениями и вечностью.

– Получается – Время реально?

– Нет. Время придумано человеческим мозгом. Наша Вселенная настолько многообразна и сложна для человеческого понимания, что он, то есть человек, а еще точнее, она,



то есть эволюция, в процессе формирования человека, придумала Время, – Артак опять улыбнулся, он делал это всегда когда я не мог понять что-то элементарное, – Время – лишь инструмент, благодаря которому человек может познавать Мир. Лишь инструмент, понимаешь? Как увеличительное стекло, которое ты берешь чтобы рассмотреть мелкие детали чего бы то ни было. И если убрать это стекло, то мелкие детали не перестанут существовать, они просто станут невидимыми для тебя. Время – как эта лупа, с помощью которой ты можешь хоть как-то рассмотреть то что вокруг тебя. Но эта лупа, то есть Время, никак и ни при каких обстоятельствах не является частью этого Мира, оно лишь инструмент в твоей голове, оно лишь то, что помогает тебе этот Мир увидеть.

– И то, куда я направляю это увеличительное стекло сейчас и будет в моем понимании настоящим? А то, куда я смотрел ранее – прошлым?

– Именно, – Артак довольно кивнул, – именно так.

– И то, куда я посмотрю через мгновение – будущим?

– Да. В твоем понимании этого Мира – да.

– И получается что и прошлое и будущее существуют одновременно с настоящим, как мы и говорили?

– Получается так, – дракон хитро подмигнул мне.

– И значит все что произойдет через секунду все-таки уже точно и однозначно предопределено?

– Существует бесконечное множество вариантов того что

произойдет через секунду. Любой вариант существует наравне с другими. И абсолютно любой вариант может оказаться под твоим увеличительным стеклом, в твоём настоящем. Нет никаких запретов или ограничений.

– Но что тогда определяет то, куда я направлю свое увеличительное стекло в следующее мгновение? Что диктует мне мое будущее? Могу ли я сойти с этой дороги и пойти в другую сторону?

– Насколько я понял, – дракон опять подмигнул мне желтым глазом, и вертикальный зрачок на мгновение скрылся от моего взгляда, – ты хочешь найти инструмент для того чтобы управлять своим настоящим?

– Наверное, да, – я робко подмигнул дракону в ответ и замер в ожидании того что он скажет.

– Он перед тобой.

– Кто?

– Инструмент, который ты ищешь. Инструмент, который может управлять твоим настоящим. Инструмент, с помощью которого ты можешь направить свое увеличительное стекло на тот участок Мира, в котором ты бы хотел оказаться.

– Передо мной? – я оглянулся вокруг, но не увидел ничего нового. Агафья Тихоновна лежала и молча прислушивалась к нашей беседе. Лишь ее внимательные черные глаза-пуговицы выдавали то пристальное внимание с которым она следила за нашим мысленным диалогом. Артак, сидя на задних лапах, продолжал улыбаться, и время от времени, словно в

нетерпении, расправлял свои мощные крылья.

– Прямо перед тобой, – подтвердил он еще раз.

– Но передо мной только ты!

– А тебе этого мало?

– Подожди, подожди, ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать что если Время – лишь инструмент для познания бесконечной и безвременной Вселенной, то твои мысли – это инструмент для управления Временем. Точнее, той его части, которая отвечает за то, что именно материализуется в той твоей жизни, которую ты считаешь реальной.

– Я понял!

– Еще бы... Я – твой путь домой. А твой дом не там где ты сейчас, а там, откуда тебе не хочется уходить. Твой дом – там где твои желания. И все они, абсолютно все, уже осуществлены и материализованы в этой многообразной и непостижимой Вселенной. Все уже существует где-то, и дойти до него совсем не сложно, нужно лишь правильно и четко организовать и направить свои мысли. Они – дорога, проложенная во Времени и в Пространстве. И то, куда ты по ней придешь зависит только от них. Можешь считать это основным законом Природы...

26

– Подожди, подожди, – вспоминая то что сказал Артак, совершенно внезапно мне пришла в голову еще одна мысль, –

как ты сказал? Мы с Агафьей Тихоновной будем наблюдать со стороны за твоим полетом и приближением к черной дыре? А это не тот самый случай, когда мы просто и легко, сами собой, превратимся в сторонних наблюдателей? Получается, что в том случае, если ты полетишь один, мы с Агафьей Тихоновной станем сторонними наблюдателями, да? То есть, если я правильно понимаю, мы станем теми, кого черная дыра сможет пропустить через себя?

– Да, – Артак кивнул головой, – но вы будете ими лишь до тех пор, пока вы здесь, – он улыбнулся, и еще раз кивнул, указывая на материю под ногами, – на этой звезде. Но как только вы решите приблизиться к ней, – дракон махнул лапой в сторону черной дыры, – вы сразу станете непосредственными участниками процесса, и как и все вокруг, будете разорваны вплоть до элементарных частиц...

– Понятно, – я опустил голову, – а что это за частицы такие?

– Кирпичики, – Артак говорил вполне серьезно, – кирпичики мироздания. Кирпичики из которых состоит все существующее. Кирпичики сущего.

– Все все все? – я оглянулся вокруг и развел руки в стороны, как бы демонстрируя необъятность Вселенной.

– Все все все, – дракон кивнул головой, – и даже много больше.

– Что может быть еще?

– Вы видите только трехмерное Пространство. А из этих

частиц, из этих кирпичиков, состоят все Пространства. Все. И одномерные, и сто-мерные и тысяче-мерные. Более того, из этих частиц состоят не только всевозможные Пространства, но и их наполнения – материя, мысли, движения, все существующие процессы, в общем, абсолютно все, что есть в любом из Миров.

– Ого! – мне не удалось сдержать возглас изумления.

– Да, именно так. И никак иначе! – Артак засмеялся, любясь моим неподдельным восхищением, – Именно ого! Поэтому эти элементарные частицы и ведут себя так странно. Они вроде как и не подчиняются ни одному из известных вам законов физики. Они живут своей, непонятной человечеству Жизнью.

– Но почему?

– Потому что даже находясь в этом, родном для человека, трехмерном Пространстве, они, эти частицы, не теряют своей способности проявлять себя в виде материи любого из возможных измерений. Или даже материи нуля измерений. Не исключено, что эти частицы проявляют себя так же материей отрицательных Миров. Люди же, на своем уровне развития, с помощью всех известных науке приборов и технологий, пока в состоянии регистрировать лишь три известных им измерения, другие Миры для людей просто не существуют. Как будто их и нет вовсе. Поэтому понять, и как следствие, предсказать законы движения элементарных частиц, для человечества попросту невозможно. Они всемер-

ны и всезаконны. И они подходят любому Миру в качестве строительного материала. Их них состоит абсолютно все, даже твои мысли, – дракон погладил меня по голове своей сильной, но удивительно мягкой лапой, – даже твои мысли, – повторил он еще раз, изобразив нечто подобное улыбки на своей морде, – даже они, то есть я, состоят из этих частиц.

– Ого! – я мог только повторить возглас удивления! – ого! Это просто потрясающе!

– В действительности это очень просто. Потрясающе или нет – не знаю, но то что просто – это да. Просто как белый день. Или просто как инфракрасная звезда, – Артак подпрыгнул на задних лапах и мягко на них приземлился, а гул от его прыжка прошел незаметной глазу, но заметной телу вибрацией по поверхности звезды, – эти частицы безмерны по своей Природе и именно поэтому идеально подходят для строительства материи любых Миров с неограниченным количеством измерений. Любых, понимаешь? Любых Вселенных. Любых существ в этих Вселенных, – Артак улыбнулся и продолжил:

– Говорящие белые акулы, кстати, тоже состоят из этих частиц, впрочем как и драконы, – он отряхнул прилипшую звездную пыль с задних лап, – и люди с их мыслями, с надеждами, чаяниями и упованиями, с горестями и бедами, со страстью и Любовью; мгновения и вечности; электрический ток и гравитация; магниты и даже их воздействие на окружающий Мир; дождь и снег; торнадо и цунами; атомная Энер-

гия и Энергия воображения, Энергия человеческой мысли; все, абсолютно все состоит из них, – дракон усмехнулся, – они – основа всего сущего. И вот здесь нет никаких исключений. Да и не может быть. Именно поэтому черные дыры так важны... Черные дыры – как заводы по производству бетона при строительстве дома. Ведь без бетона дом не построить. И их должно быть достаточно много, этих заводов. Должно быть и есть.

– Я понял! Черные дыры созданы поддерживать баланс между Мирами!

– Можно и так сказать, – Артак улыбался, – можно и так сказать. Баланс – хорошее слово. Я бы сказал, даже отличное. Баланс или равновесие. Все держится на нем. Смысл всех Миров, абсолютный смысл, а не человеческий, расположенный между двух ушей, – дракон невольно засмеялся, – настоящий смысл сводится к абсолютному равновесию – ну или к математическому нулю. И даже физика здесь бессильна. Математика правит всеми Мирами.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что все эти Миры – твой родной трехмерный, невидимые глазу другие измерения, все эти Миры – лишь иллюзия реального существования. А настоящая жизнь, настоящее, а не иллюзорное существование начнется только тогда, когда ты будешь в состоянии рассмотреть иллюзорность своего бытия вместе со всеми его частичками. И конечно, когда ты сам примешь решение быть настоящим. Впрочем дру-

гое решение в этом случае принять нельзя. Его нет. Не существует. Не бывает другого решения. Пожалуй, это единственное ограничение в этих Вселенных... Ты обязан стать настоящим. Другой путь заказан.

– Но...

– Никаких но... – дракон недовольно зарычал, – пойми же наконец, что достигая определенного уровня развития, достигая уровня Знаний, который может открыть тебе глаза на истинную Природу всего сущего, у тебя пропадает выбор. Природа отбирает у тебя право, которым человек так гордится. Право выбора. В тот день, когда ты, стоя с широко раскрытыми глазами, полный восхищения и восторга, сможешь увидеть реальный Мир, единственный и неповторимый Мир – цельным и неделимым куском, ты перестанешь быть человеком.

– Как это?

– Ты перестанешь быть простым человеком, ты выйдешь за пределы песочницы, в которую тебя посадил твой мозг. И став немного сбоку от этой самой песочницы ты сможешь наконец-то рассмотреть и понять что все это, – Артак потряс передними лапами в воздухе, – что все это такое. Что все это значит. Что и как работает. Почему происходит именно то, что происходит и зачем все это нужно. В этот момент ты и перестанешь быть человеком. У тебя пропадет выбор. И тебе останется только одно. Вариантов больше не будет. Все варианты пройдены, все мысли завершены, и только один шаг



отделяет тебя от вечности. И ты его сделаешь, ибо другой дороги просто не будет существовать.

– Но кем же я стану? Если не человеком? И почему?

– Люди называют это состояние Буддой. Состояние просветления.

– Но почему я потеряю право выбирать?

– Путь духовного развития отличается от обычной дороги. Этот путь имеет одну особенность – он, с каждым твоим шагом, становится все уже и уже. И если в начале ты шел по широкому шоссе, проходя перекрестки, и иногда даже сворачивая на них в какой-нибудь боковой рукав, позволяя себе вольность отклониться от основного пути, то в конце пути эта дорога сужается и остается единственное направление – вперед.

– Но почему?

– Потому что в пути ты приобретаешь новые качества. Что-то, например, ложь, становится неприемлемым для тебя, что-то другое, например, правда – приоритетным. И если ты выбрал правильный путь, то в конце концов у тебя будет только одно решение на любую поставленную тебе Жизнью задачу. Только одно, – Артак покачал в воздухе одним когтистым пальцем, – как правда может быть только одна, а лжи вокруг нее – сколько угодно. Поэтому и выбор, как таковой, пропадает. Ведь всегда, – Артак еще раз поднял лапу, – всегда, когда ты делаешь выбор, ты выбираешь между правдой и всем остальным.

– Всегда?

– Всегда.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– И я дойду?

– Каждый дойдет. Рано или поздно.

– Отлично, вместе как-то веселее, – я попытался пошутить, но Артак был серьезен.

– Вместе не получится, – дракон покачал головой из стороны в сторону, – в конце пути дорога настолько узка, что там может поместиться только один человек.

– А где же остальные?

– Все что существует – лишь твое отражение, помнишь? Ничего и никого кроме тебя нет. Как и тебя нет для кого-то другого. А путь у каждого свой.

– Фух, – я перевел дыхание, – и что для этого надо сделать?

– Идти вперед. Просто идти и не останавливаться. Учиться на каждом шагу. Сопоставлять. Не пропускать занятий. Понимать. Принимать. Не привязываться ни к кому и ни к чему. Благодарить. Благо. Дарить. И, в конце концов, выско-чить наружу, оставив позади себя все то, что кажется тебе важным.

– Но такие вещи как Любовь, чувства – их тоже оставить? Они же важны?

– Да, безусловно. Они важны. Но только тогда, когда они

настоящие.

– А как я узнаю настоящие ли они?

– К тому моменту не будет тебя. Ты и будешь этой самой Любовью. Ты будешь именно тем, что не получится оставить позади, ибо это твоя суть. Ты вернешься к истокам и все поймешь. И эти истоки и выведут тебя в новую жизнь.

– Как в игре? Я прохожу уровень и получаю новые возможности? Как я узнаю что это произошло?

– Ты не сможешь пропустить этот момент ни при каких обстоятельствах. Он запомнится тебе навсегда. Можно сказать что это и будет твой переход на новый уровень. В новой Игре. С новыми правилами и возможностями.

– И что я буду чувствовать?

– Прежде всего ты будешь чувствовать себя самого. Настоящего себя. А потом удивление. Удивление и свободу. И еще раз удивление, – Артак улыбнулся, – как ты мог этого не видеть раньше. Ведь это так просто. Так просто.

– Это будет момент обретения Веры?

– Это будет момент прощания с Верой, расставания с Сомнением и обретения Знания. Такое пропустить невозможно. Поверь мне на слово.

– Ха-ха, – я решил словить дракона на несоответствии, – ты сам просишь веры, но отрицаешь ее важность.

– Я прошу веры до тех пор, пока ты не решишь заменить ее Знанием. И тогда ты мне ее вернешь.

– Я смогу вернуть веру?

– Сможешь, – Артак кивнул, – конечно, сможешь. Это будет совсем не трудно. Ты вернешь веру многим людям на земле. И так будет до тех самых пор пока они сами не решат заменить ее Знанием.

– Это должен быть их выбор?

– Да. Но не стадный. Осознанный выбор. Осознанный выбор каждого отдельного человека.

– А я?

– У тебя выбора уже нет. Ты уже в конце этого пути. И ты абсолютно один, как и все кто сделал правильный выбор. Как говорится – чем отчетливее личность – тем одиноче человек. Свой выбор ты сделал давным-давно.

– И что же я выбрал?

– Ты выбрал правильный путь. Это все что я пока что могу тебе сказать.

27

– Но что же нам делать?

– Есть и третий, наверняка самый правильный, если можно так выразиться, вариант – мы просто делаем круг, облетая вокруг черной дыры, и улетаем с ее орбиты, не залетая внутрь, что, конечно, намного безопаснее. Возвращаемся на эту или на любую другую звезду и решаем что делать дальше. Наверное, тебе бы хотелось вернуться домой? Я имею в виду на Землю?

– Не знаю. Вернуться домой, – я задумчиво почесал голову, – вернуться домой... Разве я не в пути к дому? Все это время я думал что мы движемся именно туда.

– Туда, а куда же еще. Домой.

– Скажи, Артак, а так уж нам необходимо пролететь сквозь эту, – я кивнул на темное в середине и яркое по периметру сосредоточение сплюснутой материи, живой Энергии и сжатого Пространства, – сквозь эту дыру?

– Решать тебе.

– Что оно мне даст? Я не хотел бы расставаться ни с тобой, ни с Агафьей Тихоновной.

– Мы и не расстанемся, – Артак, улыбаясь, протянул мне свою лапу, – мы сможем расстаться только в том случае если ты потеряешь Разум, – он немного помолчал и подумав, добавил:

– Разум и Воображение.

Дракон тяжело вздохнул и кивнул на Агафью Тихоновну:

– А вот с ней ты будешь видаться реже. Много реже.

– Почему?

– Потому что отпадет необходимость в словах. И ты будешь чаще пользоваться более совершенным инструментом для выражения своих драконов.

– Драконов?

– Мыслей, мыслей, – Артак удивленно посмотрел на меня, – разве я сказал «драконов»? Впрочем, какая разница...

Я обернулся к давно притихшей акуле, лежавшей чуть по-

одадь и внимательно посмотрел на нее. Агафья Тихоновна мне не показалась грустной, а лишь немного уставшей. Она смотрела на меня глазками-бусинками и я только сейчас заметил что акула просто физически не могла моргать. Ее глаза были сделаны из пуговиц и лишены век, как и у любой мягкой игрушки. Они, ее глаза, всегда выражали всего лишь одну эмоцию – полуулыбку или полурадость, впрочем, как и положено детским игрушкам. Что творилось в акульей душе можно было только предполагать. И я предположил что ей грустно от только что произнесенных Артаком слов, и предположив это – протянул ей рюкзак с красками. Это была моя благодарность. Благо в дар. Бесплатно. просто так. От всего сердца.

– Возможно, вы голодны? И вам нужен цвет чтоб подкрепиться?

Агафья Тихоновна взяла рюкзак, открыла его и достала светящуюся бутылочку с непонятно уже какой краской внутри. Все они были практически одинакового цвета и ярко светились внутри рюкзака. Она открутила крышку и сделала большой глоток, опорожнив сразу полбутылки. Оставшуюся половину акула протянула Артаку:

– Вам бы тоже не мешало подкрепиться чем-то более основательным чем просто Свет, даже несмотря на то, что звезда, его испускающая, прямо под вами...

Артак с благодарностью протянул лапу и принял предложенный дар. Он осушил остатки краски и, как мне показа-

лось, в одно мгновение набрал еще массы и яркости.

– Пойдите... Пойдите... – дракон обращался сразу к нам двоим, – пойдите, но зачем нам двигаться внутрь этой черной дыры, если мы можем двигаться совершенно в противоположном направлении? Или вообще оставаться на месте. Ведь в конце концов мы придем именно туда, куда нам надо. Но не вопреки, а благодаря. Благо. Даря.

– Я не понимаю, объясни.

– Эх, краски хороши, – Артак потянулся всеми своими мышцами и обернувшись ко мне, сказал: – Эта бутылочка явно была из учебника по астрономии.

Агафья Тихоновна усмехнулась и добавила:

– Я тоже это заметила. Какое-то неопределенное чувство посетило меня в момент питания, и это чувство напрямую связано со звездами или чем-то похожим.

– Тише, тише, – Артак шикнул на нас с акулой, – дайте мне поймать мысль, иначе она так и останется лишь в нереализованных возможностях.

– Как это?

– Если я ее упущу, ты никогда ее не осознаешь, а Агафья Тихоновна не сможет выразить словами. Тогда эта мысль, за ненужностью, может уйти в другие головы, – дракон терпеливо объяснял, – это ей раз плюнуть. Как тебе голову повернуть. Взяла и ушла. Мало ли вокруг свободных голов.

– Но тут нет других голов, кроме наших, – я попытался возразить, не полностью понимая сути вопроса.

– Для мыслей это не помеха. Информация сама по себе тоже находится везде и сразу и стоит подвернуться голове, а для этого этой голове совсем не обязательно быть здесь с нами, она может быть где угодно, – Артак зевнул, – так вот, стоит подвернуться голове, настроенной на правильную частоту, как она, информация, проявляется в своей полной красе и ее выражают словами. Тогда уже эта мысль имеет полное право на существование в человеческом мире.

Я заметил что в голове у меня точно так же, как и у моих спутников заметно прояснилось. Знания стали какими-то более отчетливыми, объемными, нужная информация сама всплывала в сознании непонятно откуда.

– Почему я так себя чувствую? Что происходит?

– Знания, – Агафья Тихоновна произнесла только одно слово, – Знания, – повторила она, взглядом указывая на рюкзак с красками.

– То есть вы только что осушили верную посудину? С нужным нам сейчас набором информации? Но при чем здесь я? Ведь прояснилось у меня в голове...

– Твои мысли, – акула кивнула на Артака, – твои мысли стали чище. Твои слова, – она показала плавниками на себя, – тоже приобрели какую-то упорядоченность... – Агафья Тихоновна не спеша ждала пока бутылка вновь наполнится светящейся субстанцией, потом закрыла рюкзак и отдала его мне, – держи, он еще пригодится. А эта задача как раз для одной бутылочки, – она улыбнулась и повернулась к драко-



ну, видимо намереваясь его о чем-то спросить.

– Скажите, Артак, – Агафья Тихоновна обращалась к мыслям всегда уважительно, как и сейчас – на вы, – скажите, Артак, как бы вы поступили сами? Если бы Вам предстояло выбрать самому, и не было такой необходимости сохранить наши тела неповрежденными? Если бы мы были столь же свободны и быстры как вы?

– Я полетел бы сам, – Артак задумался на какое-то мгновение и подтвердил:

– Я полетел бы сам.

– Но почему?

– Потому что я готов. А вы – нет.

– Скажи, Артак, – я посмотрел на дракона, – а если ты полетишь сам, сможем ли мы с Агафьей Тихоновной каким-либо образом наблюдать за тобой? – я усмехнулся и добавил, – я понимаю, что не глазами, но есть же какой-то способ?

– Конечно. Есть очень простой и настолько же действенный способ. Вы можете видеть меня во сне. Наблюдать за мной. Говорить со мной. Кормить меня, если захотите, – Артак усмехнулся, – ведь сон – это свобода от любого ограничения, от всего, связанного с телом, с Пространством и со временем. Сон – твое мгновенное перемещение в любую нужную тебе точку абсолютно любого снимка из «Альманаха Времени». Без ограничений. Вот почему снами так важно научиться управлять, – дракон почесал своим ногтем место между своими глазами, – если ты научишься управлять

сном, то управлять событиями в кажущейся тебе реальностью жизни станет вообще раз плюнуть...

– И сон реален?

– Сон даже более реален, чем эта, – он усмехнулся, – чем эта действительность.

– И есть способ управлять сном? И видеть то что тебе хочется, а не то что показывают без твоего желания?

– Всему можно научиться, – Артак пожал плечами, – и видеть нужный сон тоже.

– Значит во сне наше Время может течь с той же скоростью что и твое, когда ты будешь уже за горизонтом событий? И видеть тебя и все что с тобой происходит там, – я кивнул в сторону черной дыры.

– Во сне Времени не существует, – дракон задумался, потом положил голову на красную, теплую поверхность звезды и закрыл глаза. Голос в моей голове возник, как обычно, сам собой:

– Ты забыл главное. Эта черная дыра придумана и создана тобой. Она сделана из японского автоматического зонта и не ведет никуда, кроме как в Мир Воображения и Вымыслов. Но все это время ты уже проходишь сквозь настоящую черную дыру, разве ты забыл? Разве ты забыл что каждое мгновение гравитация самой что ни на есть настоящей черной дыры уменьшает тебя ровно в два раза? Разве ты настолько слеп, что не замечаешь этого уменьшения даже умозрительно? Разве ты забыл, что твой мозг предпочитает видеть

весь Мир взглядом наоборот, и для него гораздо проще выдумать новую Вселенную, используя твоё Воображение, чем признать тот факт, что Свет не имеет скорости, а Мир вокруг тебя сформирован не чем иным как большим сжатием? Разве ты забыл что Свет попавший сюда, несёт в себе отпечатки всего того что уже произошло за пределами этой воронки, которую человечество по ошибке увидело с точностью до наоборот и назвало большим взрывом? – Артак думал быстро и уверенно и я слышал каждую его мысль, – ты забыл главное – эта маленькая выдуманная Вселенная из старого японского зонта, как ни крути, является лишь частью другого, твоего родного, трехмерного Мира, и что сформировал его не большой взрыв, как думают люди, а большое сжатие, где незаметно для его обитателей сжимается абсолютно все происходящее снаружи. Разве ты не помнишь, что даже Свет, или попросту Энергия, которую затащило в эту воронку и которая несёт в себе абсолютно всю информацию и о том что происходит снаружи черной дыры, не может устоять перед этим сжатием?

– Да, да, я помню! – я смотрел на дракона, а он продолжал говорить.

– Ты – не реальный человек, находящийся на планете Земля. Ты – лишь его трехмерное изображение, затащенное внутрь черной дыры её мощнейшей гравитацией. И точно так же, как двумерная фотография является лишь отображением трехмерной действительности – трехмерное фо-

то, которым являются все люди, отображает четырехмерное пространство, являющееся для вас, людей, более реальным, чем ваш отраженный и отпечатанный на четырехмерном принтере трехмерный Мир. Каждое мгновение того, что ты считаешь Жизнью, ты проходишь сквозь самую что ни на есть настоящую черную дыру, которая и выведет тебя на новый уровень. И проходить воображаемую, выдуманную воронку нам нет никакой необходимости.

– Я помню. Помню, конечно, помню, – лихорадочно вспоминая всю доступную мне информацию, я с удивлением обнаружил что в моей голове была полная каша, но с драконьей помощью мне хотелось попытаться привести свои мысли в порядок.

Артак, сидя на задних лапах смотрел прямо мне в глаза и в его желтом, вертикальном зрачке мне виделось Солнце. То ли отражение, то ли оно действительно было внутри. Самое обыкновенное земное Солнце, которое каждый из живущих на планете людей, может с легкостью наблюдать каждый день. Солнце, в свое время поглощенное Артаком, словно просилось наружу, подсказывая, что наше маленькое приключение скоро подойдет к концу. Я моргнул, прогоняя навяждение, и отвлекаясь от грустных мыслей, обращаясь к дракону, сказал первое что пришло мне в голову:

– А не является ли четырехмерное пространство лишь снимком пятимерного? А пятимерное, в свою очередь, лишь фотографией шести измерений? И так далее, вплоть до бес-

конечности?

– Конечно, – он еще раз посмотрел на меня, пронизывая взглядом, и подтвердил:

– Так все устроено.

– И есть черные дыры, которые возвращают тебя в низшие Миры?

– Есть, конечно есть. Только «низшие» и «высшие» – не совсем верно. Нет ни низших, ни высших Миров. Есть просто разные по своей структуре Вселенные, одни из которых человеческому мозгу могут показаться сложными, а другие не очень, но это всего лишь вопрос познания Миров. Сложными, или высшими, люди обычно называют еще непознанное, хотя представить, например, двухмерный Мир, для человека так же сложно, как и четырехмерный, – дракон отряхнул с себя звездную пыль и в моей голове тут же прояснилось, – несмотря на то, что двухмерный Мир – уже пройденный для человечества этап, и казалось бы, что может быть сложного в усвоенном материале.

– Получается что ни при каких обстоятельствах мне, или любому другому человеку, не удастся сохранить воспоминания о прошлых Мирах?

– Не удастся, – Артак отрицательно покачал головой, – воспоминания – субъективны, а значит – материальны, и они, как и все остальное, будут разорваны в клочья при переходе. Останется лишь чистая Энергия, из которой будет выстроена новая Вселенная.

– То есть Энергия одна на всех? По своей Природе?

– Да. Энергия безмерна, как и информация.

– И информация тоже? Вот так новость! Значит в каждом из Миров есть полная информация обо всем сразу?

– Да. Конечно, да! – Артак удивленно приподнял брови, видимо не понимая какие могут быть в этом сомнения, – надо только уметь ее читать. Информация, сама по себе неизменна и никуда не может пропасть. Ниоткуда и Никуда. Она витает в каждом из Миров, и иногда, находя подходящую для себя голову, входит в нее, создавая очередную иллюзию у обладателя этой головы.

– Какую иллюзию?

– Иллюзию новизны. Он думает что придумал что-то новое, – дракон тихонько засмеялся, – но в любом из Миров не бывает ничего нового. Как не появилось ни одного нового атома с момента так называемого Большого Взрыва. Как не пропало ни одного атома в так называемом Большом сжатии. Так и новизна отсутствует в каждом из существующих Миров.

– Тогда что происходит сейчас? Почему мы не разорваны на части, если мы как раз сейчас и стремимся к сингулярности?

– А разве мы не разорваны? По-моему очень даже разорваны. И то что ты делаешь всю Жизнь – это пытаешься собрать себя из частей, не так ли? Пытаешься получить свое счастье. Со-частие. Ведь счастье – это быть цельным, – дра-

кон глянул на меня мельком и продолжил:

– А может быть и нет. Может быть как раз все наоборот. Может быть сейчас черная дыра, используя свою безмерную гравитацию, отрывает от тебя по кусочку каждое мгновение. Она отрывает от тебя куски Знаний, чувств, мыслей, которые не соответствуют новому измерению твоей Жизни. И когда в тебе не останется ничего того, что бы противоречило новому Миру, ты попадешь в него в тот же момент.

– Как в аэропорту?

– В аэропорту? – Артак удивленно приподнял бровь и сверкающий желтый зрачок полностью открылся моему взору.

– Перед посадкой в самолет надо пройти через рамку, которая реагирует на все металлическое, – я попытался объяснить дракону то, что имел в виду, – и пока на тебе есть хоть что-то из металла, система не пропустит тебя.

– Аааааа, – Артак удовлетворенно кивнул, – да, как в аэропорту, да.

– И без памяти?

– Что?

– Я окажусь в новом Мире без памяти о том, что со мной было раньше?

– Да, да, конечно, без памяти. Но она тебе и не пригодится. Ибо параметры новой Вселенной будет настолько другими, что весь твой предыдущий опыт будет только мешать тебе. Поэтому он точно так же как и все остальное, будет без-

жалостно и безразлично оторван от твоей сути и вернется в свое измерение, туда, где он сможет быть полезен.

– Безжалостно?

– Вселенная не безжалостна, это слово характеризует, скорее, человека. Вселенная скорее безразлична.

– Я понимаю. Но как мой опыт земной Жизни, мои мысли и задумки, вернуться на ту же Землю?

– Твои Знания будут витать в Пространстве пока кто-то их не подхватит и не понесет далее. Твои Знания и Идеи также могут быть выражены в твоих книгах или фильмах. Если тебе есть чему научить человечество – эволюция обязательно воспользуется этой возможностью. Но ни одна крупица чего бы то ни было, что может оказаться полезным для Мира, откуда ты пришел, не попадет в Мир куда ты двигаешься. И ни одна крупица не пропадет бесследно. Все останется на своих местах. Там, где оно может пригодиться.

– И вера?

– И вера, если она есть. И Знание, если оно верно.

– Но ведь может случиться и так, что ничья голова на Земле не подхватит то что стало известно мне? И мой опыт будет бесконечно витать где-то, так никому и не пригодившись?

– Понятие бесконечности для Земли не совсем верно. Когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь, но совершенно обязательно настроится на твою волну, точно так же как и ты сейчас настроен на волну кого-то, давным давно покинувшего человечество. Ничто не пропадает зря. Даже не так. Ничто



не пропадает.

– А забвение?

– Забвение – лишь память наоборот. Каждый получает то что заслужил.

– А счастье? Если счастье – это со-частие? Тогда я никогда не смогу его испытать?

– Почему? – казалось дракон был искренне удивлен.

– Потому что счастье – это собрать себя из кусков. А черная дыра только и делает что отрывает от меня по кусочку. Выходит само счастье – не для меня?

– Отрывает, – Артак усмехнулся, – но в данном случае это лишь приближает тебя к цельности. Ты не замечал, что противоположные вещи часто, если не всегда, оказываются совершенно одинаковыми? Ну, например, Большой Взрыв и Большое Сжатие?

– Эээээ...

– Так что отрывая, черная дыра скорее собирает тебя. Подумай над этим.

– И каждый пройдет черную дыру насквозь?

– Каждый.

– И каждый оставит все ненужное здесь?

– Каждый.

– И каждый получит новое Сознание, соответствующее новому Миру, такое же чистое и незапятнанное?

– Каждый. Исключений нет. Каждый получит свое.

Я замолчал погруженный в раздумья. И Артак, и Агафья Тихоновна прекрасно слышали мои мысли, однако не мешали мне ни единым звуком или движением. Как телесным, так и мысленным. Они ждали что я скажу.

– Черная дыра находится между двумя Мирами? – на всякий случай уточнил я вслух, – точно между двумя неизменными и статичными Мирами, так?

Дракон подумал, а акула произнесла:

– Именно так.

– И все изменения происходят только тогда, когда материя проходит сквозь нее?

Артак молча кивнул.

– А сами Миры, которые отделяет друг от друга эта черная дыра, неизменны и статичны? Постоянны? Непрерывны и бесконечны? Стабильны и устойчивы?

– Да, – Артак кивнул еще раз и в его глазах зажегся огонек интереса к тому что я собираюсь сказать.

– Но это значит, что сама Жизнь, в человеческом ее понимании, возможна только в момент перехода? Если все изменения происходят только тогда, когда что-то перебрасывается из одного Мира в другой? Ведь человек привык считать что то что не меняется – мертво.

– Ну если в этом смысле... На самом деле мертвая вещь – такой же нонсенс как, скажем, норвежский кофе, – Артак

засмеялся, – все в Мире живет, даже когда мы этого не замечаем.

– Но человек привык считать что все неподвижное – мертвое.

– А ты как считаешь? Все неподвижные вещи мертвы? – Артак повторил мой вопрос, задав его уже мне и задумался, а в его глазах не переставало сверкать Солнце.

– Да, да! Неподвижные и неизменные вещи – мертвы по человеческим стандартам! Но и на самом деле, ведь то что никогда не изменяется – мертво по определению! Разве нет? Любая Жизнь – это прежде всего движение. Это глагол! А неизменность – всегда мертвая. Ничто не меняется, ничто не происходит. Растения не растут, птицы не летают, люди не общаются. Где тогда Жизнь? Где Сознание? Где Свет? Где Энергия?

– Но позволь, – дракон попытался возразить, – но ведь на стыке двух Миров и происходят изменения. На стыке что-то происходит, не так ли?

– Происходит, – я согласился, – но Мир-то бесконечен! И какая тогда разница, происходит ли что-то на его стыке с другим Миром, если он недвижим внутри себя?

– Позволь, позволь, – Артак мягко перебил меня, – движение на стыке Миров, хочешь – не хочешь – будет приводить и к движению внутри самого Мира, не так ли? Если потянуть за край простыни, то в конце концов она распустится на нитки, ведь так? Вся распустится, а значит изменения

есть, правильно?

– Я не уверен. Я уже ни в чем не уверен, – я сокрушенно покачал головой и вдруг мне в голову пришла одна мысль, – если только тот самый, кто распускает простынь с одной стороны не ткет ее с другой. С той же скоростью и с тем же наполнением.

– Хм, – Артак сверкнул солнечным глазом, – ну что ж, возможно и так. Все в этом Мире может быть.

– А единственный ли критерий изменчивости – Время? – я внимательно посмотрел на Агафью Тихоновну и на Артака, – а? Только ли одно Время существует для того чтобы человек мог увидеть и познать Мир?

– Время существует только внутри черных дыр, – голос Артака подтвердил мою догадку, – только там оно необходимо. Больше в нем нигде нет надобности. И его единственное назначение – пропустить строго заданное количество Энергии из одной Вселенной в другую, чтобы сохранить равновесие.

– Значит, все таки я прав и материя убывает из этого Мира в другой, но где-то прибывает ровно такое же ее количество? Ведь для сохранения равновесия необходимо абсолютно точно мерять сколько и куда.

– Да. Время и позволяет вернуть в этот Мир, – Артак показал головой куда-то вверх, – ровно столько же, сколько ушло в другой.

– В этот Мир? В какой? – я посмотрел наверх, не поняв

какой Мир дракон имел в виду, – наверное, ты хотел сказать в этот, – я показал руками вокруг, – в этот Мир, да?

– Нет. Это не Мир. Мир – вне этого. Это переходный клапан между Мирами, в котором мы и находимся. Черная дыра всего лишь касание двух, а иногда даже и более Миров. Но ни в коем случае не сам Мир. И мы прямо в ней.

– И долго это будет продолжаться? Когда-нибудь мы выйдем на просторы настоящей Вселенной?

– Конечно. В свой час выйдем. Дело в том что Энергия, которой ты и являешься, может приобретать форму человеческого существа только в переходах. Человек и сам по себе – перекресток. Человека, даже уже рожденного, еще нет. Человек – это скорее обещание, возможность, попытка. Многие, кстати, и умирают, так и не найдя человека в себе. И остаются, по сути своей, животными.

– Как это?

– Да очень просто. Животное питается чтобы жить и размножаться, и если рожденный в человеческом теле становится на похожий путь, то он животным и остается, понимаешь? – Артак прищурился, – а стать человеком, – это прежде всего твое личное, свободно принятое решение, и только в этом и состоит то пресловутое право выбора, – дракон усмехнулся, – которым так гордятся люди. Странно да? Животные не выбирают, птицы не выбирают, а человек – вдруг раз и стал выбирать...

Я внимательно слушал и одна мысль мне не давала покоя.

Артак, тем временем, продолжал:

– Но если разобраться, то станет ясно что весь этот выбор, сводится к принятию одного-единственного решения – стать человеком. Человек – перекресток, не более. На нем можно просто стоять, можно пойти назад, а можно вперед. И когда ты сделаешь этот единственный возможный в своей жизни выбор – все станет четким и определенным.

– Выбора больше не будет?

– Не будет, – дракон кивнул, – а если быть более точным, то все твои последующие действия будут жестко ограничены рамками уже сделанного, главного выбора.

– Но вариантов все равно останется достаточно? – я засмеялся, – ведь так?

– Ты думаешь? – Артак улыбался, но его глаза оставались серьезными, – ты действительно так думаешь? – он повторил вопрос немного тише и замолчал.

– Я... Я не знаю...

– Много ли у тебя вариантов, если ты всегда будешь выбирать правду?

– В таком случае – только один. Правда.

– Именно, – дракон немного повеселел, – и выбор стать человеком автоматически включает в себя этот пункт. Лжи может быть сколько угодно, тут широчайший выбор, – он уже улыбался, – а правда только одна.

– И выбирая, мы всегда выбираем между одной правдой и миллионами, если не сказать миллиардами вариантов лжи, –

я кивнул головой и тоже замолчал, погруженный в раздумья.

– Да. Но чтобы твой выбор стать человеком был реализован, сначала ты должен выучить все уроки, которые человеку несет сама его суть – суть перекрестка. Именно за этим ты и тут. Ну если быть совсем точным, то не конкретно тут, – дракон развел передние лапы в стороны, – а тут, – он неопределенно махнул лапой, – тут – значит в Жизни. А если быть еще более точным, то в том, что ты сейчас считаешь Жизнью.

Артак замолчал на какое-то время, видимо решив что мне необходимы несколько минут, для того чтобы понять смысл сказанного, и продолжил:

– И изменивши свою суть, а может быть просто немного подправив ее, это уж, кто на каком этапе, – дракон ухмыльнулся, – ты даже сам не заметишь как проскочишь в вечный, в действительный Мир, в настоящую Вселенную, в бессрочный покой и абсолютную нирвану. Они придут вместе с полным пониманием Природы Вселенной. Все изменения останутся позади, вместе со Временем, которое их курирует. И вокруг тебя останется лишь полное и безбрежное спокойствие. Кстати, вокруг или внутри тебя – это тоже будет неважно. Понятия Пространства и Времени потеряют свою актуальность. Что внутри, что снаружи – все одно. Что было, что будет – едино. Ты будешь словно в самой глубине, в самой срединной точке большой банки с абсолютно чистой и незамутненной, можно сказать, дистиллированной водой. И эта кристально чистая вода – твой Разум, твое Сознание.

Нельзя будет даже сказать что ты в самом центре. Да, ты будешь тем, кто в центре – без движения, без изменения, словно фундаментом твоей собственной, новой материи, твоего нового тела, но ты также будешь и тем, кто окружает центр – с одной стороны – изменчивым и принимающим, а с другой – отдающим. Ведь только средние слои воды будут действительно недвижимы, даже если сверху вода прибывает тоненькой струйкой, – Артак явно имел в виду засасывание материи черной дырой, – а снизу – такой же струйкой убывает, – он подмигнул мне желтым глазом с вертикальным зрачком и замолчал.

– Почему же недвижимы? Слои воды будут потихоньку перемещаться вниз, и в конце концов, выйдут из банки.

– Да. Так же потихоньку будет меняться и фундамент твоего Сознания, оно будет готовиться к переходу в еще более новый Мир, на еще более высокий уровень.

– Значит изменения все-таки будут?

– Конечно. Только не во Времени. И уж, конечно, не в Пространстве. Пойми, Пространство и Время – лишь субъективные характеристики своей же собственной изменчивости. Это, кстати, легко доказать даже на словах, – Артак улыбнулся, оскалив белые, ровные зубы, – вот что бы ты ответил, если бы кто-нибудь попросил тебя о встрече?

– Спросил бы где этот кто-то хочет встретиться и когда.

– Верно. А теперь подумай, правда ли, что реально встретиться ты можешь только в одном месте – здесь и сейчас?



– Подожди, я что-то не пойму...

– Если ты хочешь встретиться с кем-то, то это может произойти только здесь и сейчас, – дракон говорил эмоционально, будто не понимая, что тут может быть непонятным, – разве нет?

– Ну, я могу договориться, например, на завтра...

– Договориться ты можешь, Никто с этим не спорит, но встретиться, именно встретиться, – Артак повысил голос, – пожать друг другу руки, если хочешь. Можешь ты пожать кому-то руку завтра или вчера? – и дракон, не дожидаясь моего ответа, сам ответил на свой вопрос, – нет, конечно же, нет. Пожать кому-то руку ты можешь только в одной точке Пространства и Времени – здесь и сейчас.

– Да, верно.

– И значит, договариваясь, например, на завтра, на определенное время и по определенному адресу, ты просто задаешь координаты той точки, которую можно будет назвать «здесь и сейчас».

– Да, получается так.

– Значит ты допускаешь что и Пространство и Время изменчивы, ведь только приняв такое допущение можно пытаться найти в этой изменчивости что-то конкретное, – Артак лапой остановил мою попытку ему возразить, – подожди, дай закончить, – он перевернулся на другой бок и мысленно продолжал, – и именно для этого ты и задаешь определенные координаты. Ты пытаешься конкретизировать в ка-

кой точке Пространства и Времени ты хочешь встретиться. Причем, как ты заметил, ты не сомневаешься что адрес завтрашней встречи так же существует, как и то место, где ты находишься сейчас, правильно? И ты не сомневаешься что сам завтрашний день так же существует, как и сегодняшний. Позволь тогда спросить, – Артак немного повысил голос, – а что тогда является мерой измерения Пространства или Времени?

– Мерой?

– Да, да, именно мерой. Какую меру ты используешь для того чтобы не заблудиться и встретиться именно там, где ты хочешь и именно тогда, когда это необходимо?

– Ну, это просто, – я ухмыльнулся, – место в Пространстве – это адрес, а координата во Времени – это часы и минуты.

– Ха-ха, – дракон аж привстал от удовольствия, – то есть ты сам только что сказал что мерой Времени служат часы и минуты?

– Ну, наверное...

– Часы и минуты – не мера, это лишь шкала, придуманная человечеством для собственного удобства. И эта шкала так же искусственна как и шкала, измеряющая Пространство – только там метры, сантиметры, миллиметры и так далее. И если ты задумаешься, то поймешь – а может ли что-то настоящее, что-то действительно существующее, быть отмерено чем-то искусственным?

– Я понимаю о чем ты, – я утвердительно кивнул, и тут же

попытался сформулировать по-другому, – а если я скажу так – встретимся на рассвете под старым дубом на опушке леса?

– Это уже гораздо лучше, – Артак довольно ухмылялся, – но рассвет и опушка леса – это лишь координаты места «здесь и сейчас», не так ли? Они не являются универсальной мерой ни для Пространства, ни для Времени. Это скорее метки, указатели, но никак не мера. Нельзя мерять Пространство в опушках, а Время – в рассветах, хотя это было бы и занятно.

– Да. Так, – я улыбнулся и сокрушенно развел руками, полностью принимая свою беспомощность.

– А если так, то сделаем вывод – искусственной мерой можно мерять лишь искусственные вещи. И в данном случае мерой Времени выступает само Время, а мерой Пространства – само Пространство, понимаешь? И сам вопрос и ответ на него замкнуты друг на друга. То есть и теорема и доказательство звучат одинаково. Нам это говорит о том, что данное доказательство никак не может быть объективным. Все равно что сказать – это дерево большое, потому что оно большое. Понимаешь? – дракон смотрел мне прямо в глаза и его желтый вертикальный зрачок пульсировал в такт моим мыслям.

– По-моему, понимаю, – я задумался, повторяя про себя только что услышанное объяснение, – мера Времени – само Время, а мера Пространства – само Пространство. Это все равно что измерить секунду самой секундой, так? И после

этого утверждать что секунда существует, так как она измерена самой собой?

– Именно так! – дракон удовлетворенно хмыкнул и замолчал.

– Постой, но что тогда настоящее?

– Настоящее? – Артак засмеялся, – настоящее? Можешь ты измерить вдохновение или Любовь? Ласку и доброту? Чуткость или заботу? Сострадание или сердечность? Радущие и искренность? Честность? Талант? Нет, не можешь. Человек, сам являясь лишь переходным этапом, между или перед чем-то настоящим, словно черная дыра между Мирами, не в состоянии измерить ничего настоящего, так как сам таковым не является, – Артак зевнул, наполняя свои легкие кислородом, – кстати, ты теперь легко сможешь определить то, что останется после тебя. Это именно то, что черная дыра не сможет разорвать, ибо настоящее существует всегда и везде.

– Что же это?

– То, что ты не сможешь измерить. Я уже не говорю про то чтобы купить. Даже измерить. Измерить настоящей, не придуманной мерой.

Теперь я замолчал уже надолго. И немудрено. Было над чем подумать.

– Позволь, – после некоторого Времени, проведенного в

молчании, сказал я, – но чем же тогда является человек? Чем или кем? Если принять теперешнее толкование, то человек – лишь некоторая искусственная субстанция, так сказать переходный период между какими-то настоящими процессами или воплощениями. А если вспомнить то, о чем мы говорили ранее, то человек, да и весь наш Мир, вся эта Вселенная – только трехмерный фотоснимок четырехмерной действительно существующей реальности. Как это может быть?

– А что тебя смущает? – дракон изобразил на лице изумление, – по-моему все логично. И та и другая трактовка точно говорит о том что эта Вселенная – просто иллюзия. Фотоснимок иллюзорен, думаю ты не будешь с этим спорить, так как он вынужденно повторяет, точно копирует уже существующую где-то реальность, – дракон говорил медленно, немного лениво, – и только одно остается навечно – чувства. Они пронизывают все Миры насквозь, не цепляясь ни за Пространство, ни за Время, ни за любую из существующих материй. Чувства реальны в любом Мире, даже в Мире, отпечатанном на принтере.

– Но если все происходящее здесь является лишь отпечатком чего-то другого, действительно реального, тогда можно предположить что где-то существует настоящий четырехмерный Мир, в котором живут наши копии, – я откашлялся, – точнее, наоборот. Это скорее нас можно назвать их копиями, копиями в системе «минус одно измерение».

– Да, именно так, – Артак подтвердил мои предположе-

ния.

– Но если это так, тогда эта Вселенная, – я потряс руками показывая на все вокруг, – которая сама находится и развивается в переходном клапане, а именно, в черной дыре не может быть копией или фотоснимком настоящего Мира. Ведь ты только что сказал, что настоящая, действительная Вселенная – это абсолютный покой, а здесь, – я еще раз оглянулся вокруг, – происходит процесс. Процесс, если можно так сказать, фильтрации или преобразования, уж не знаю что лучше. И этот процесс, в конце концов, приведет все это в настоящий Мир, Мир без всплесков и изменений. Так?

– Так, – дракон просто кивнул головой и не добавил ни слова больше.

– Но ведь это не одно и то же. Фотоснимок настоящей Вселенной, как ни крути, хоть и с потерей одного измерения, но будет отражать ее настоящесть. Тогда получается что этот Мир или одно или другое. Или он является переходом, дверью между реальными Мирами, в которую может пройти только настоящее, или отпечатком настоящей Вселенной, который будет просто копировать то, что находится по обе стороны от двери. Ведь так? – я робко посмотрел на Агафью Тихоновну, словно искал у нее поддержки, потом на дракона, и переспросил:

– Ведь так?

– Так, – Артак соглашался, но продолжал молчать.

– Но как это совместить?

– В этом Мире, – дракон посмотрел наверх, потом по сторонам, – в этом Мире, который действительно является переходным этапом для любого живого существа, в этом Мире, который стоит на страже всего настоящего, – казалось, Артак тянул время, чтобы понятными словами сформулировать какую-то важную информацию, – в этом Мире все меняется. Ты не найдешь ничего здесь, что бы не менялось, пока не пойдешь в самый центр своего существа... – дракон на мгновение замолчал, – только там ты найдешь нечто неизменное. Нечто такое, что...

– Что и является отпечатком настоящей Вселенной? – слова сами вышли из меня и я с облегчением выдохнул остатки воздуха, – значит фотоснимком настоящего Мира есть именно то, что скрыто в глубине каждого из людей? Но оно надежно спрятано!

– Разве? Мне кажется, как раз наоборот, оно лежит на поверхности. И тот, кто хочет – видит. И если видит, то начинает понимать.

– Ну а это все... – я оглянулся вокруг, имея в виду окружающую нас материю, – это все – мистификация? Этого нет?

– Нет, – дракон кивнул, – нет и никогда не было. Это детские картинки твоего мозга. Ему так удобнее видеть и познавать Мир.

– А что тогда разрывает черная дыра? Что она измельчает до того момента, пока не останется чистая Энергия из которой состоят все Миры? Что это тогда?

– Черная дыра разрывает иллюзии. Мы же говорили об этом, – дракон улыбнулся, – все настоящее может пройти насквозь без изменений. Черная дыра отсекает от реального Мира то, что никогда и не существовало, но было придумано человеческим, или чьим-то еще, это совсем неважно, Сознанием, – Артак говорил медленно и тихо, а мы с Агафьей Тихоновной лежали молча и боялись пошевелиться, чтобы не нарушить тишину, которая внезапно, и как мне кажется, совсем не случайно, образовалась вокруг нас, – а то что придумано Разумом, то что этот Разум видит, слышит, осязает, и даже те концепции, которые ему удобны для восприятия Мира, например концепция Пространства и Времени, все это оживает и начинает существовать на самом деле. Существовать хотя бы внутри самого Разума, как его вымысел, – дракон посмотрел на нас внимательно, словно проверяя, понятно ли нам, – а так как Разум, ну или Сознание, это как вам удобно называть, относится к тому, что существует и действительно и реально, – он улыбнулся и выдержал театральную паузу, – то и придуманное им приобретает черты и характеристики самых что ни на есть настоящих вещей. Именно для этого существуют черные дыры – для того чтобы очистить Сознание от всякого никому ненужного хлама.

– Ничего себе, – только и смог произнести я, – и одновременно со всеми этими процессами, мое Сознание, – я постукал себя пальцем по лбу, – мое Сознание – всего лишь отпечаток чьего-то реального Разума?



– Ага, – дракон был явно доволен собой, – именно так и никак иначе.

– Я не совсем понимаю, как меньший на одно измерение отпечаток может быть частью чего-то, на порядок высшего, чего-то четырехмерного?

– А что тебя смущает?

– Но ведь любая фотокарточка в этой Вселенной, хоть и является двухмерным изображением трехмерного Мира, – от умственного напряжения мои руки сжались в кулаки, – как ни крути, является трехмерной? И она по праву является частью трехмерного Мира, ведь так? – я жестом остановил дракона, который пытался мне что-то сказать, – тогда как же мое Сознание может являться частью четырехмерного Мира, когда само по себе оно трехмерное, а? – я выдохнул остатки воздуха и застыл в ожидании ответа.

– Фотокарточка, конечно трехмерная, как ты правильно сказал – как ни крути, – Артак лениво ковырял длинным загнутым ногтем своей передней лапы поверхность звезды, – но изображение на ней двухмерное. Точно так же как и в зеркале, – он ухмыльнулся, – само зеркало трехмерное, но изображение на нем двухмерное. Отдели изображение от зеркала, спусти его в двухмерный Мир, и оно продолжит свое существование, так никогда и не узнав, что является лишь отражением трехмерного Пространства.

– И в этом двухмерном Мире будут свои законы физики?

– Конечно. И их точно так же будут открывать какие-то

двухмерные отпечатки высшего для них, трехмерного Сознания. Понимаешь? – Артак улыбался, – точно так же как вы, люди, открываете законы трехмерного Мира и путаетесь в них, придумываете исключения, разделяете физику своей Вселенной на атомную, квантовую, ядерную, на статистическую, на физику конденсированных сред, физику высоких Энергий и даже на физику элементарных частиц, словно не подозревая, что все законы каждого из разделов физики поэтому и разные, – дракон показал мне свою переднюю лапу и тень, падающую от нее на свое тело, – потому что они лишь проекция чего-то большего. А проекция, как ты сказал, как ни крути, – он покрутил лапой в воздухе и тень тут же поменяла свои очертания, – всегда разная – хоть лапа остается одной и той же.

Артак опустил лапу и продолжил ковырять поверхность звезды.

– Что ты делаешь? – я придвинулся поближе к дракону и приблизил лицо к звезде, чтобы увидеть то что он там искал. Артак был в меру сосредоточен, он прищёпывал про себя какие-то слова, и как ни странно, я совсем не слышал его речь в своих мыслях.

– Девять, семнадцать, три, потом сорок пять, двенадцать и опять три, – Артак, казалось не замечал никого вокруг себя, по крайней мере не обращал ни на кого внимание, словно демонстрируя нам с Агафьей Тихоновной, что он занят чем-

то важным. Чем-то, что нельзя отложить. Чем-то, что должно быть сделано именно сейчас. Чем-то, что должно быть готово ко Времени.

– Нет, совсем не важным, – он вдруг мысленно ответил на мой незадаанный вопрос, – просто один человек как-то попросил меня кое о чем.

– Как-то? Когда? Кто попросил? О чем попросил? – вопросы сыпались один за одним, и я даже не давал дракону времени на ответ. Он выдержал паузу, подождав, пока я закончу, и произнес:

– Когда-то. Сейчас. Ты. Именно ты. Ну и Агафья Тихоновна, – дракон подмигнул ей желтым глазом, – а вот о чем, ты вполне сможешь догадаться сам.

– Но я вроде ничего не просил... – только успел я произнести, как в этот самый момент поверхность звезды лопнула, испустив звук, отдаленно напоминающий треск от разрыва старой ткани, и из этой трещины, из этого вновь образовавшегося разлома, появилось какое-то черное, сам не знаю, почему, но я бы даже сказал – влажное свечение. Вода, или какая-то водная субстанция незримо присутствовала в этом угольно-черном, мокрому свете. Оно было осязаемо материально и чем-то напоминало дымку или утренний туман. Черный цвет из разлома сменил теплый, но тяжелый инфракрасный свет, который испускала звезда; темная туманная дымка поднялась конусом от поверхности, немного видоизменилась и в этот момент в разломе показалось пламя. Несильное,

но все же пламя. Как от газовой горелки. Горячее и мощное. И было непонятно к чему оно может привести.

– Огонь, смотрите, огонь! – я закричал и вскочил на ноги, не зная что предпринять, но до краев наполненный уверенностью в том что нам всем угрожает какая-то неведомая, но реальная опасность.

– Огонь, – тихо произнес дракон. Ничто не изменилось в его действиях, и он продолжал расковыривать трещину как ни в чем ни бывало, – какая же звезда без огня, – он улыбался и тут его спокойствие каким-то совершенно непостижимым для меня образом передалось мне сначала в руку, потом прошло по руке вверх, к шее, и уже оттуда, распространилось вверх и вниз по моему телу, вытеснив все остальные чувства, – звезда обязательно должна быть с огнем, – Артак все еще смотрел на меня и спокойно улыбался, – иначе какая же это звезда.

Благодаря его действиям трещина еще больше расширилась и теперь в нее спокойно могла пройти моя рука. Даже две, если сложить их вместе.

– Видишь, – Артак посмотрел на меня и продолжил: – Стоило тебе успокоить свои мысли и страх прошел сам, не правда ли?

– Успокоить свои мысли? – я машинально повторил за драконом, потом будто сбросив с себя наваждение, добавил: – Но я ничего не делал...

– Ты беспокоился, даже боялся, а я это чувствовал, – он

сел рядом с разломом породы и Время от Времени заглядывал внутрь, казалось, он чего то ждал, – можно даже сказать переживал, но так как я точно знаю что беспокоиться нечего, я был спокоен. Более того – я не просто знаю что беспокоиться не о чем, я в этом уверен, – дракон смотрел то на меня, то на разлом в звезде, – а ничто так не заражает, как уверенность другого человека, особенно если он твой собеседник. А еще больше – если он – твоя мысль, – Артак вздохнул, но как-то легко, словно хотел просто набрать в легкие больше воздуха, – и именно поэтому ты и успокоился.

– Я...

– Ты молчал, – Артак вопросительно глянул на Агафью Тихоновну, словно убеждаясь в том что она не произнесла ни слова, и в ответ акула безмолвно и утвердительно кивнула, – ты молчал, и в этом молчании родилось нечто новое для тебя. На одно мгновение ты стал мной, а если сказать другими словами – стал своей мыслью, и даже начал постигать прежде закрытую для тебя, – он кивнул на темную дымку, выходящую из разлома, – закрытую для тебя этим туманом саму природу мышления. Мышления, которое приведет тебя к каким-то выводам, и в конце концов, к пониманию. А понимание – такая штука, – дракон сделал паузу, – она рождается лишь в одиночестве, – Артак улыбнулся и погладил меня по голове, взъерошив мои волосы, – мы с Агафьей Тихоновной не в счет.

– Я что-то совсем запутался...

– Ничего, ничего, – Артак еще раз ласково провел рукой по моей шевелюре, – скоро все разъяснится.

– Но что ты имел в виду?

– Я лишь имел в виду, что имея спокойные мысли совершенно невозможно волноваться, и точно так же и наоборот.

– Как это?

– Если страх накрывает тебя, – дракон смотрел мне прямо в глаза, – а страх, чтобы ты понимал – это искусственная эмоция, которая направлена лишь на сохранение твоего иллюзорного тела, – он поддел ногтем меня за подбородок, как раньше подковыривал поверхность звезды, – и эта эмоция направлена, как бы это ни звучало странно, на то, чтобы лишить тебя настоящего. Того, что ты не можешь увидеть глазами. Ведь настоящее в твоем теле – лишь Энергия, из которой ты состоишь. И вот он, страх, проникая в твои мысли, начинает высасывать твою реальную Жизнь, твою настоящесть, тем самым лишая тебя способности к мышлению, блокируя какие-то творческие задатки, страх отсекает тебя от всего того, что может быть действительно важным, – Артак немного устало выдохнул:

– Отсекает от общего Сознания, от твоей собственной Природы.

– И как с этим бороться?

– Никак. Борьба вообще бессмысленна. Бороться ты можешь только сам с собой, а надо ли? Просто прими это и успокой свои мысли. Это так, как есть. Это не может быть

иначе. Не поддавайся на провокации. Нигде в реальном Мире нет ничего такого, чего следовало бы бояться.

– Да, да, я понимаю...

Артак кивнул головой, показывая что он меня услышал и продолжал: – и как только ты успокоишь свои мысли, страх тут же потеряет над тобой всякую власть, – дракон продолжал смотреть прямо мне в глаза, – а как ты наверняка помнишь – я, будучи лишь твоей мыслью, сохранял совершенное и абсолютное спокойствие. И это спокойствие передалось тебе. Перепрыгнуло в одно непойманное и неизмеримое мгновение. Можно даже сказать, перепрыгнуло моментально, без какого-либо временного интервала. И конечно же, оно перешло в тебя настоящего, а не в твое видимое, материальное тело, – он усмехнулся, – ведь само тело и сейчас еще готово быстро отдернуть руку от горячего, провести тебя менее опасной дорогой, отказаться от сигареты или стакана виски, тем самым сохраняя твою плоть, но мысли... Мысли уже ведут тебя и никуда от этого не скрыться, – глаза у дракона стали веселыми и совсем не страшными, – не скрыться, только если ты не хочешь стать СО-КРОВИЩЕМ. То есть похоронить себя глубоко в земле, а попросту в своем собственном теле, которое гораздо прочнее любой могилы и любого склепа.

– Нигде и Никогда нет Ничего что стоило бы бояться?

– Да. Нигде и Никогда. Везде только ты сам, – Артак махнул рукой, – ведь не боится же твоя левая рука правую, даже

если та вынимает из нее занозу...

– Я понимаю.

Дракон лишь молча кивнул головой и продолжил свое занятие – всматривался в глубину звезды, как будто оттуда должно прийти нечто долгожданное и всем нам необходимое.

– Нет, нет, – Артак отрицательно помахал своей большой мордой, – не всем нам. Только тебе. Нас-то вроде как и нет.

Огонь потихоньку иссякал, дымка разветрилась и из разлома в поверхности послышался какой-то далекий звук. Он отдаленно напоминал скрип веретена или колодезного ворота, присутствовало в нем какое-то цикличное и повторяющееся металлическое дребезжание.

– Чего мы ждем? – я нетерпеливо посмотрел на Агафью Тихоновну, но та или сделала вид что не слышала моего вопроса или не слышала на самом деле.

– Ты все увидишь сам, – голос дракона всплыл в моей голове и тут же растаял. Слова, объемные, словно сделанные из воздушных шариков еще некоторое время повисели в моих мыслях, и лопнули, словно мыльные пузыри, – ты все увидишь сам...

И тут из самой расщелины показалось нечто, напоминающее тонкий ствол какого-то растения, он прямо на глазах рос вертикально вверх и в какой-то момент застыл в неподвижности. К его концу, горлышком вниз, вверх тормашками, была привязана и болталась на ветру бутылочка, в точно-



сти копирующая посудины, лежащие у меня в рюкзаке. Моя челюсть совершенно непроизвольно отвисла и я лишь смог пробормотать:

– Что это?

– Кое-кому понадобилось Время, – слова опять всплыли в моей голове из ниоткуда. Они переливались всеми красками мыльных пузырей и лопнули, как только я их смог полностью прочитать.

– Кому же?

– Тому, кто существует. Другими словами, тебе.

– Мне? – я почти вскрикнул, – мне? Но я здесь. И мне ничего не надо.

– Тебе, тебе, кому же еще. Кроме тебя самого, что здесь, что в других местах, никого нет, никогда не было и никогда не будет. Да и быть не может.

– Это мне... – я задумчиво повторил, не спеша протянул руку к болтающейся бутылочке и оглянулся на Агафью Тихоновну, словно ища поддержку. Та, как ни в чем ни бывало, продолжала хранить молчание, словно меня тут и не было.

– Мне... – повторил я и вдруг в моей голове всплыли и темное озеро недалеко от столовой в зоопарке, и отверстие, выпаленное Артаком словно огненным напалмом в дне этого озера. Что-то в моей голове щелкнуло, переместилось и вся мозаика вдруг в один миг приобрела красивый, я бы даже сказал, правильный рисунок, как кружева, вытканные умелой рукой, – мне, таки точно мне, – я засмеялся и повторил

уже твердо и с уверенностью.

Артак, делая вид что его ничего не интересует, все же наблюдал за моими мыслями, подслушивал их, а Агафья Тихоновна не сводила взгляд с рюкзака с красками, и иногда по-смастривала на меня, словно пытаюсь что-то подсказать, чем-то направить. Но в этот момент я уже и сам знал что мне делать.

– Позвольте, – обращаясь к дракону, мысленно проговорил я, – позвольте, – я вдруг решил пошутить, – но как я могу отдать то, чего нет в Природе? – я улыбался и одновременно с этими словами открывал рюкзак, доставая оттуда то, что должен был достать, а именно, бутылочки со Временем.

– В Природе может и нет, но ты знаешь место где его полно, – дракон одобрительно следил за мной и скалил зубы, – что же мешает тебе поделиться этим с тем, кому оно сейчас необходимо?

– Это место, место где полно этого, – я выразительно посмотрел на две бутылки в моих руках, – это место называется моим Сознанием?

– Конечно. Я был уверен что он догадается, – Артак обратился к Агафье Тихоновне и та радостно кивнула.

– И оно в этом рюкзаке?

– Что именно?

– Мое Сознание?

– Да, оно там. В точности там же, где твое Знание, – Артак кивнул головой, – частичка «со» лишь указывает на род-

ственность этих понятий. Сознание всегда рядом со Знанием и наоборот.

– Значит это и есть самое ценное из того что я имею? – я держал рюкзак в одной руке, словно пробуя его на вес.

– Если ты добавишь туда немного чувств, то так и будет. Не только самое ценное, но и единственное, чем ты действительно обладаешь.

Я кивнул, соглашаясь со сказанным и достал из рюкзака сначала одну бутылочку с непонятной субстанцией, а потом и вторую. Открутив крышку и крепко схватившись за торчавшую из звезды веревку я перелил содержимое своей бутылочки в привязанную к ней посудину. Как ни странно, жидкость лилась вертикально вверх, нарушая все законы гравитации, она не проливалась и не расплескивалась, а веревка, будучи мягкой по своей природе, сохраняла свою вертикальность и упругость, будто была натянута весом жидкости на ее верхнем конце. Веревка с легкостью выдержала вес наполненной бутылочки и какое-то время еще продолжала торчать и немного покачиваться, как ствол дерева с невиданным плодом на небольшом ветру.

Как только я закончил свои манипуляции, кто-то невидимый на том конце веревки потянул к себе и полная бутылочка с Временем скрылась из виду.

Мне не нужно было повторять или объяснять дважды. Я уже точно знал что произойдет дальше.

Спустя некоторое время веревка показалась вновь, и я по-

вторил все свои действия со второй бутылкой.

– Получается что сейчас, впрочем, как и в течение всей Жизни, я в состоянии сам дать себе то, что мне действительно необходимо?

– А по-другому никак, – дракон пожал плечами и повернувшись к разлому, одним мощным дуновением огня из своей пасти запечатал его, – по-другому и не бывает. Только ты. Везде, куда бы ты ни посмотрел. Только ты можешь спросить и сам же, когда будешь готов, ответишь. Только ты можешь попросить, и сам же получишь желаемое. Только ты можешь подумать и материализовать то, что тебе действительно нужно. Материализовать – это собрать энергетический пазл, результатом которого будет готовая и так необходимая тебе вещь. Все это можешь сделать только ты и Никто другой. Никто. Другой.

– Да, да, я уже понял, – счастливая улыбка не сходила с моего лица, – а дырку в поверхности звезды надо было обязательно заваривать? – вопрос выскочил сам собой и я отчетливо помнил уже произнесенный на этот вопрос ранее ответ.

– Обязательно, – Артак подмигнул мне желтым, солнечным глазом, – без этого никак. Иначе все может смешаться.

– И что же тогда?

– Тот ты, который там, – он кивнул на запаянный разлом, – получит то Знание, к которому еще не готов. А все должно происходить в свое Время. Не раньше и не позже.

– И что тогда произойдет? – я повторил вопрос.

– Тогда оно может навредить. Оно, – задумчиво повторил Артак, словно вдумываясь в значение слова, – Знание. Оно. Ты замечал, что слово Знание, как и Сознание – среднего рода. Язык, будто подстраиваясь под то, что он не в состоянии выразить словами, придумал средний род, – дракон повернулся ко мне, – а частичка «со» выражает как бы причастность объекта к выраженному – Сознание так же причастно к знанию, как, например содружество к дружбе, а сопереживание к переживанию. Эти две буквы придают слову новый смысл, не так ли? Если Знание – только твое, твоего тела, твоего материального воплощения, то Сознание, как и сопереживание – относится уже не к своему телу, а к чему-то или к кому-то другому, – Артак улыбнулся, – ведь нельзя же со-переживать себе самому. Так и Со-знание относится к чему-то гораздо большему чем просто твое физическое тело, понимаешь? И сам язык нам на это четко указывает. А сколько таких слов, – дракон поднял голову вверх, и не сосчитать, – содействие и сопротивление, сочувствие и сострадание, совершенство, соревнование, соперник, соратник, соотечественник, сокровище... – дракон немного подумал и добавил:

– Кстати, слово «сокровище» своим ярким примером утверждает что клад, или то, что скрыто, всегда был, есть и будет связан с кровью. Ну, это мы отвлеклись, – Артак посмотрел на то, что было зажато в моих руках, а именно, на две пустые бутылочки.

– И что мне с этим делать? – я покрутил в руках посудыны, в которых еще мгновение назад было само Время.

– Вернем там где взяли, – вдруг Агафья Тихоновна, которая все это время хранила полное молчание, выхватила бутылочки у меня из рук и выкинула за спину. Туда же, откуда она все доставала. Бутылочки исчезли так же мгновенно, как когда-то появились. Из Ниоткуда вернулись в Никуда. Прошли сквозь пальцы и Время. Прошли сквозь то, что хранили в себе. И освободившись от иллюзии вернулись в реальность. Вернулись туда, где все везде и сразу. И насовсем.

29

Я продолжал сидеть, обдумывая сказанное и пытаюсь увязать все в понятную для себя, единую схему. Новые Миры, новые измерения, и соответственно, их новые характеристики и качества, пока еще не доступные человеческому мозгу, привыкшему, да нет, какое там привыкшему – умеющему, да, это будет правильное слово – умеющему работать только с тремя пространственными измерениями; добавившему к ним для своего собственного удобства и кажущейся простоты фактор Времени, да, все это погружало меня в состояние перманентной задумчивости. Желание понять всегда брало верх над всеми остальными желаниями, но как понять то, что не укладывается в трехмерной голове и в трехмерном же мозге? Как понять то, что Мир продолжает развиваться, ме-

няться, но одновременно с этим, фактором, или если хотите, мерой его изменчивости становится уже не Время, а нечто другое? Как понять то, что развиваясь и меняясь, Вселенная все равно остается статичной и содержит в себе все возможные варианты развития? Как это можно было понять? И я спросил, обращаясь к дракону:

– Но если представить что Времени попросту нет, то как что-то может меняться? В чем эти изменения будут происходить? Чем будет отмеряна та же Жизнь, например? И как это возможно понять? Может быть появится что-то новое, пока еще необъяснимое и непонятное, которое наравне с Пространством будет изменять новый Мир и позволять его жителям следовать из начала в конец?

– Никак не понять, – Артак безразлично пожал плечами, – да и незачем понимать. Сможешь ли ты понять устройство такого Мира, где фактором изменчивости будет, например, польза? То есть ты будешь жить до тех пор, пока нужен, и как только польза, которую ты можешь принести для Вселенной заканчивается, ты умираешь за ненужностью? И на твоей могиле будет написано – прожил 132 пользы, – Артак засмеялся. – Да и на какой такой могиле? Для того чтобы тебя похоронить необходимо два фактора – наличие тебя самого и наличие места для кладбища. И если ты сам, – он скептически оглядел меня с ног до головы, – и если ты сам еще вроде бы как существуешь, – дракон еще раз ошупал меня взглядом, только теперь с головы до ног, – по крайней мере, к тебе

можно прикоснуться глазами, что, конечно же, не является достаточным доказательством твоего существования, но тем не менее, – он скривился, – так вот, если ты сам вроде и существуешь, то где взять место для твоей могилы в Мире без Пространства, а следовательно, и без каких-либо мест, куда можно было бы пойти. Можешь ты сейчас представить Мир без материи, без Пространства и расстояний? – дракон говорил громко, наверное, для того чтобы до меня наконец-то дошло, – можешь или нет? – и сам ответил, – нет, не можешь. Не можешь и никогда не сможешь, пока не окажешься сам внутри такого Мира, пока не станешь его частью. Или им самим.

– Миром?

– Да, Миром. Чем же еще. Ты и сейчас представляешь собой целую Вселенную. Например, для микробов в твоём кишечнике нет другого Мира кроме того что ты им там предоставил. Или для атомов твоего скелета, – он похлопал меня лапой по ноге, – нет другой Вселенной, кроме твоей бедренной кости и они, эти атомы, смогут выйти за пределы твоего тела только в случае твоей смерти, – Артак вдруг засмеялся, – хе-хе, ну или если тебе оторвет ногу.

Я на всякий случай отодвинул свою ногу от лапы дракона, подумав что ему может прийти в голову мысль продемонстрировать процесс гибели целой Вселенной, путем отрывания мне этой самой ноги. Артак, прочитав мои мысли, громко засмеялся:



– Мне не может прийти в голову ничего, чтобы не пришло бы в голову тебе. Я – всего лишь твоя мысль. Твоя, – повторил он, – и ты мой создатель.

– Мало ли что может прийти мне в голову, – я тоже громко засмеялся.

– А как ты думаешь, что произойдет, если атом кальция из твоей бедренной кости наделить разумом, похожим на человеческий?

– Я... Я не знаю...

– Представь себе, что этот разумный атом, подчиняясь эволюции атомов кальция, решит развиваться, продвигать вперед науку, и эта самая наука рассчитает математически, что за пределами бедренной кости есть еще много интересных мест, где можно побывать, – Артак, похоже, был в прекрасном расположении духа, – например, в сырой земле, или в космической ракете. И разумный кальций вдруг покинет твою кость для исследования новых мест пребывания. Что будет с костью?

– Э-э-э...

– Ты заболеешь, – дракон кивнул утвердительно, – дырка в кости называется остеопороз, – он опять засмеялся, – заболеешь и сляжешь в кровать, а разумный атом так и не будет знать, что он наделал.

– Но он бы и так оказался в сырой земле, – я старался подыграть Артаку, – ведь после смерти моего тела, он там окажется сам собой, не так ли?

– Так ли, так ли, – дракон улыбался, – окажется. В свое Время. Лето приходит вовремя и не спешит обогнать весну. И ему ничего не надо было для этого делать, кроме как полюбить приютившую его бедренную кость и, если уж тяга к Знаниям настолько велика, заниматься именно ее исследованием. Ему совсем не надо было спешить выбраться наружу из бедренной кости. Ведь для настоящего Разума совсем неважно где ты находишься. Природа Мира одинакова, и исследуя себя самого ты вполне можешь познать весь Мир. Кстати, – дракон еще раз осмотрел меня с ног до головы, – это еще одно доказательство иллюзорности Пространства.

– Но мы сейчас говорим о других измерениях, о других Мирах, других Вселенных. Совершенно непохожих на этот трехмерный Мир. А атом может перемещаться лишь в трехмерной Вселенной, ведь так?

– Ну, – Артак неопределенно пожал плечами, – я бы на твоём месте был осторожнее с атомами, – он заулыбался, – особенно в части их возможностей, которые человечество только начинает открывать.

– Ты прав, – я закрыл глаза и представил путешествующий между различными измерениями атом кальция. Дракон, как обычно, подслушивал мои мысли (да и мог ли не подслушивать – я не знаю).

– Да, да, – Артак вмиг стал серьезным, – и такое возможно. Поэтому и стоят черные дыры на страже Мироздания. Следят чтоб то что должно находиться тут – тут и находи-

лось. А что должно перейти туда – перешло.

– И находясь тут, – я открыл глаза и посмотрел вокруг, – никак не понять что происходит там, – взглядом я показал на черную дыру, которая, казалось, была совсем близко от нас.

– Впрочем, – дракон тоже смотрел на водоворот материи вокруг черной дыры в центре японского зонтика, – некоторые люди все же смогли кое-чего добиться и кое-что понять. Их мысли по какому-то чудовищному недоразумению попадали в другие Миры. Я говорю – по какому-то недоразумению, ибо сбоев в работе таких природных механизмов, как черная дыра просто не может быть. Скорее, это можно назвать мутациями, но не на уровне ДНК человека, а на уровне ДНК Вселенной. И эти общемировые мутации, конечно, очень необходимы и являются неотъемлемой частью дальнейшего развития.

– Что это за люди? – усмехнувшись, я посмотрел на Артака, – сумасшедшие?

– Сумасшедшие или гении, – просто ответил дракон, – скорее гении.

– А это не одно и то же?

– Совершенно одно и то же, – желтый зрачок радостно сверкнул, отражая огненно-красный звездный свет, – никакой разницы.

– Но почему одни находятся на вершине развития человечества, а другие в сумасшедших домах?

– Потому что первые увидели что-то, совпадающее с об-

щим направлением развития человечества, как вида, то есть, как говорят, попали в струю, а вторые – противоречащее этому направлению. Однако, это совсем не умаляет достоинств ни первых, ни вторых. И только субъективная оценка большинства или общественное признание, что в принципе одно и то же, делает из сумасшедшего гения, не более.

– Но она верна, эта оценка?

– Я не знаю, – Артак пожал плечами, – кто знает, если бы человечество выбрало гуманитарный путь развития, а не техногенный, как сейчас, кто знает, – повторил он задумчиво, – возможно, все было бы с точностью до наоборот. И существующие бы сейчас гении томились бы в сумасшедших домах, а нынешние сумасшедшие занимали бы посты академиков, – Артак улыбнулся, – кто знает...

– То есть...

– То есть их открытия абсолютно равноправны и равноценны. Но эволюционный путь, выбранный людьми, выбирает своих фаворитов и своих изгоев.

– И на самом деле...

– А на самом деле все что случается, все что происходит – очень важно и нужно. И совсем не случайно. Хотя и совсем незначительно. И нет исключений из этого правила. Нет и не будет.

– Я понимаю.

– Это хорошо что понимаешь.

Я молча кивнул.

– И значит вся человеческая жизнь, все существующее в нашей Вселенной Время сконцентрированы в одном большом клапане перехода из одного Мира в другой. А само человечество думало и продолжает думать, что это и есть самая что ни на есть настоящая Жизнь.

– Человеческую жизнь, с ее постоянным спутником – Временем, скорее всего можно назвать только началом, процессом Рождения, который может быть повторен многократно. До тех самых пор, пока дух человека, его энергетическая суть, не достигнет необходимого уровня развития, чтобы проскочить сквозь клапан и действительно попасть в настоящую, вечную, и ничем не омраченную Жизнь, в бессрочное и безвременное Существование.

– Но, позволь, а как же тогда произойдет новый переход, если настоящая жизнь бесконечна во Времени и судя по всему в Пространстве?

– Бесконечна во Времени, но изменчива в чем-то другом, – Артак никак не мог мне объяснить главное, – и если здесь, – он постучал лапой по поверхности звезды, – для того чтобы чувствовать себя живым, человеку просто так необходимо Время, то после перехода обязательно будет какой-то новый инструмент познания, возможно, он будет чем-то напоминать Время, а возможно, и нет.

– Но что это будет такое?

– Не знаю, но что-то будет.

– И когда закончится процесс перехода? С моей смертью?

– Ну, – неопределенно протянул дракон, – с твоей смертью процесс твоего трехмерного существования закончится в любом случае.

– И что тогда?

– Если ты готов к новому и от тебя отлипло все ненужное – ты с величайшей радостью идешь вперед познавать новые Миры.

– А может быть такое, что я не буду готов?

– Сколько угодно раз, – Артак посмотрел на Агафью Тихоновну словно ища поддержки, но та молчала, – сколько угодно раз, – повторил он и добавил:

– Тогда черная дыра выплюнет тебя и ты вернешься сюда, проживать свою Жизнь заново и борясь с действием Времени, как и любой другой человек.

– И я ничего не буду помнить из прошлого?

– Ничего. Твои воспоминания будут разорваны в клочья, впрочем как и чувства.

– Но они же настоящие!!!

– Конечно, настоящие. Но отражающие суть трехмерного Мира. А Ничто трехмерное, впрочем Ничто с любым конечным количеством измерений, не может быть абсолютным.

– Я понимаю. Но что тогда останется?

– Информация. Беспристрастная и не привязанная ни к чему информация. Она будет везде в окружающем тебя Мире, и где бы ты ни находился, при определенных обстоятельствах ты сможешь ее поймать и использовать в новой Жизни.

И кто знает, – дракон подмигнул мне солнечным глазом, – кто знает, может ты и продолжишь начатое тобой сейчас, а может и вспомнишь что-нибудь отскочившее от другого человека. Люди иногда это называют де жа вю. Переживание уже пережитых эмоций.

– Де жа вю – это если я еще раз переживу уже пережитое мной, да?

– Тобой или кем-то еще, разницы никакой. Везде – лишь ты и больше никого нет, помнишь? – Артак устало усмехнулся.

– Но ведь может так случиться что еще при жизни от меня отскочит все ненужное и получится, что я буду готов пройти сквозь портал до своей физической смерти?

– Такое тоже возможно, – Артак прищурился, – вполне возможно.

– И как тогда быть с телом? Если мой разум будет готов к новому, то тело – нет?

– Тогда тебе останется просто ждать своей физической смерти, проводя дни и ночи в абсолютной нирване. Тогда ты будешь безмерно счастлив и спокоен, несмотря на телесные страдания, которые могут тебя сопровождать. Могут, и наверняка будут. Однако они не будут важны. Твой дух будет чист, свободен и сможет отделиться от трехмерной субстанции, называемой телом. Сможет путешествовать самостоятельно. И Ничто не сможет его остановить.

– Ничто?

– Ничто.

– И Время для меня станет иллюзией еще при Жизни в человеческом теле?

– Да.

– А смерть?

– Ну подумай сам, – Артак ласково улыбнулся и провел своей лапой по моим волосам, – может ли быть смерть без Времени?

30

Время подходило к концу. Рядом с черной дырой оно сжималось, становилось плотнее и по своей структуре ничем не отличалось от Пространства. Любой, кто хотел пройти дыру насквозь должен был быть готов к тому что ему придется преодолевать не только сверх горячую и очень плотную, спрессованную материю, но и Время – стиснутое, сдавленное, а иногда даже перекрученное из-за потрясающего давления, которое на него оказывала гравитация черной дыры.

Время, по своей сути, действительно ничем не отличается от Пространства. Эти две величины, рожденные человеческим Сознанием, и продолжавшие свое существование, питаясь Энергией, которую им в избытке предоставляли мысли людей, уверенных в их существовании, эти две величины, абсолютно искусственные по своей Природе вскоре будут разорваны в клочья и похоронены безумной, можно ска-



зять бесконечной гравитацией черной дыры. Но перед самым своим концом, перед тем как исчезнуть навсегда, перед своей смертью, человеческие иллюзии имели право на яркую, слепящую, живописную и интенсивную агонию, агонию, которая навсегда избавит человечество от двух главных его заблуждений – существования Пространства и Времени.

– Что происходит?

– Для того чтобы уничтожить ненастоящее, его сначала необходимо как можно сильнее сжать, – дракон, как всегда, отвечал мне мысленно, – сжать чтоб оно занимало как можно меньше места.

– А потом?

– А потом разорвать на мельчайшие энергетические частицы.

– И что с ними произойдет?

– Энергия вернется людям.

– Но как?

– В этом Мире ничто не пропадает в никуда и не появляется ниоткуда, – Артак с восхищением смотрел прямо в центр черной дыры, и я думаю что его драконье зрение позволяло ему увидеть гораздо больше, чем могли видеть мы с Агафьей Тихоновной, – и так как сами люди и собрали эту Энергию, – он кивнул на сжимающиеся иллюзии, – она к ним и вернется.

– В качестве чего?

– Это зависит от самих людей.

– Но...

– Никаких но, – дракон взмахнул сильными крыльями так, что поднял с поверхности звездную пыль, – никаких но, – повторил он и одним крылом обнял меня, а другим – Агафью Тихоновну, – иллюзии имеют свои плюсы. Энергия, затраченная на их поддержание, никогда не сможет пройти сквозь портал, из-за своей ненастоящести, если можно так сказать. Но Энергия остается Энергией и она вернется к тем, кто ее создал, предоставив им, таким образом, еще один шанс познать Вселенную. И так будет до тех пор, пока люди не лишатся всяческих иллюзий.

– Это произойдет?

– Обязательно! Обязательно произойдет, – Артак утвердительно кивнул головой, – это не может не произойти.

– И что будет тогда?

– Черные дыры лишатся своей пищи и умрут от истощения, а точнее – за ненадобностью.

– Постой, но как же... – начал было говорить я, но дракон перебил меня.

– Черные дыры способны питаться только ненастоящими вещами – Пространством, Временем, материей, человеческой ложью, привязанностью, гневом и злостью, невежеством и страданием. Всем тем, что должно умереть.

– И что тогда произойдет? – я повторил свой вопрос.

– Когда человек лишится всех приобретенных и навязанных ему иллюзий, черная дыра останется без пищи и погиб-

нет. Растает вместе с Пространством в нем же самом. Растворится. Ведь ты же помнишь – все настоящее беспрепятственно проходит через любую, даже самую большую и страшную черную дыру. То есть для настоящего черных дыр никогда и не существовало. Настоящее не замечало их, как, например, ты не замечаешь глазами Любовь.

– Любовь?

– Да, Любовь, – Артак посмотрел на меня, и я заметил что его желтый зрачок приобрел округлость, мягкость и ярко светил солнечным светом, – Любовь, – повторил он еще раз и добавил, – и Правду. Когда в человеческих умах останется только это – черные дыры исчезнут навсегда и Мир станет единым.

– И это произойдет? – я еще раз повторил свой вопрос.

– Обязательно, обязательно произойдет! – Артак ласково провел крылом по моему телу. Его тело увеличилось, оно приобрело форму шара, и более всего стало напоминать наше родное, земное Солнце.

– А что делать с этим? – я потряс в руке рюкзаком с красками.

– Верни людям. Это их Знание. Может быть оно поможет кому-то еще, – его тело продолжало увеличиваться и от него шло тепло, переходящее в жар.

Я открыл рюкзак, протянул руку за поверхность звезды, на которой мы стояли и высыпал бутылочки прямо туда, где по моим расчетам должна была быть наша Земля. Яркое,

разноцветное свечение в один миг поглотило нас троих и осветило темную планету прямо под моими ногами. Краски слились в одну огромную радугу, берущую начало в моем рюкзаке. Радуга извивалась, закручивалась, будто искала направление, и в конце концов, бросилась вертикально вниз, в мгновение ока достигнув Планеты. Другое мгновение растворило ее в атмосфере человеческого Сознания, оставив мне в руках пустой рюкзак.

– Пустота.

– Ничто, – мягко поправила меня Агафья Тихоновна, – Ничто, – произнесла она еще раз с каким-то благоговением, – а другими словами – Начало.

– Ничто, – повторил Артак и окончательно превратился в Солнце.

Я перевел взгляд на свои руки. Рюкзак потихоньку исчезал, оставляя мне одну Пустоту.

– Мы еще увидимся?

– Для того чтобы увидеться, сначала необходимо расстаться, не так ли? – Агафья Тихоновна подмигнула мне черным, глянцевым глазом-бусинкой, – а мы никогда не расстанемся.

– А Артак?

– Он тоже всегда с тобой.

– И я смогу вас еще увидеть?

– Конечно. Когда только пожелаешь.

– Во сне?

– Смотри что считать сном, – Агафья Тихоновна взяла меня за руку и крепко пожала ее.

Солнечный свет потихоньку вытеснял темноту, которая, словно туман, накрывала эту часть Земли. Ночь отступала в свои владения, постепенно уходила в небытие. Утро, как всегда, обещало быть вовремя. И оно не подвело.

Я спешно натягивал на себя рубашку и брюки, боясь пропустить даже одно мгновение этого солнечного и ясного дня.

Мои пальцы нащупали что-то в кармане брюк.

– Билет в зоопарк, – почему-то вслух прочитал я надпись на картонке.

Билет был ярким, с гармонично подобранными красками, и чем-то напоминал сегодняшний день... Прижав его к груди я прошептал в пустое пространство:

– Спасибо, Артак! Спасибо, Агафья Тихоновна!

Комната в которой я был тут же наполнилась благодарностью и любовью. Именно тем настоящим, что никогда не сможет разорвать ни одна из черных дыр.

– Спасибо, – еще раз повторил я, и схватив под мышку японский автоматический зонт, пулей выскочил на улицу.

**КОНЕЦ**